

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук**

Отдел историографии и источниковедения истории науки и техники

На правах рукописи

Валькова Ольга Александровна

**Женщины-естествоиспытатели Российской империи
(конец XVIII – начало XX в.)**

Специальность: 07.00.10 – История науки и техники

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 1

Москва 2014

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Источниковая база гендерной истории отечественной науки конца XVIII – начала XX века.....	42
1.1. Научные труды российских женщин как исторический источник.....	42
1.2. Делопроизводственная документация как источник по истории научной деятельности женщин в России.....	45
1.3. Источники личного происхождения по истории научной деятельности женщин в России.....	47
1.4. Статистические источники по гендерной истории науки в России второй половины XIX – начала XX века.....	80
1.5. Иные виды исторических источников по гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX века.....	100
Глава 2. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII – первой половине XIX века...	104
2.1. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII века.....	104
2.2. Появление в русском языке выражения «ученая женщина» в начале XIX века.....	123
2.3. Формы научной деятельности российских женщин в первой половине XIX века.....	137
Глава 3. Начало процесса профессионализации научной деятельности женщин в России в 50-е годы XIX века.....	190
3.1. Политэкономические теории М.Н. Вернадской (1831–1860) о женском труде.....	190
3.2. Рост интереса к естественным наукам среди российских женщин в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века.....	204
3.3. Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в Российской империи во второй половине XIX века.....	213
Глава 4. Сотрудничество женщин с естественнонаучными обществами в России во второй половине XIX века.....	231
4.1. Женщины – члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в 60-е – 70-е годы XIX века.....	231
4.2. Участие женщин в деятельности российских естественнонаучных обществ в 70-е – 90-е годы XIX века.....	397
Глава 5. Женщины – «любительницы наук» и женщины – «профессиональные ученые» в российской науке в 1900-е годы XX века.....	463
5.1. Трудоустройство женщин в высших учебных и ученых учреждениях Российской империи в 1900-е годы XX века.....	463
5.2. Научная деятельность независимых женщин-естествоиспытательниц в России в 1900-е годы XX века.....	526
5.3. Изменения законодательных оснований профессионального научного труда женщин в России в начале XX века.....	584
Глава 6. Статистические данные о российских женщинах-естествоиспытательницах второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей: 1867–1913).....	638
6.1. Статистические данные о посещении женщинами Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913).....	638

6.2. Статистические данные о характере участия женщин в Съездах русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913).....	689
Заключение.....	723
Список сокращений.....	731
Список использованных источников и литературы.....	733
Список таблиц, представленных в тексте диссертации.....	792
Приложение 1. Женщины-члены Дома Романовых – почетные члены естественнонаучных обществ и учреждений Российской империи.....	798
Приложение 2. Список научных обществ и учреждений, российских и иностранных, членом которых состояла О.А. Федченко.....	799
Приложение 3. Список научных обществ, учреждений и организаций, российских и иностранных, членом которых состояла графиня П.С. Уварова.....	800
Приложение 4. Список слушательниц физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленных при курсах для подготовки к профессорскому званию..	803
Приложение 5. Данные о проживании участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей на территории Российской империи.....	807
Приложение 6. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших более одного съезда.....	818

Оглавление 1-го тома

Введение.....	5
Глава 1. Источниковая база гендерной истории отечественной науки конца XVIII – начала XX века.....	42
1.1. Научные труды российских женщин как исторический источник.....	42
1.2. Делопроизводственная документация как источник по истории научной деятельности женщин в России.....	45
1.3. Источники личного происхождения по истории научной деятельности женщин в России.....	47
1.4. Статистические источники по гендерной истории науки в России второй половины XIX – начала XX века.....	80
1.5. Иные виды исторических источников по гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX века.....	100
Глава 2. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII – первой половине XIX века...	104
2.1. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII века.....	104
2.2. Появление в русском языке выражения «ученая женщина» в начале XIX века.....	123
2.3. Формы научной деятельности российских женщин в первой половине XIX века.....	137
Глава 3. Начало процесса профессионализации научной деятельности женщин в России в 50-е годы XIX века.....	190
3.1. Политэкономические теории М.Н. Вернадской (1831–1860) о женском труде.....	190
3.2. Рост интереса к естественным наукам среди российских женщин в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века.....	204
3.3. Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в Российской империи во второй половине XIX века.....	213
Глава 4. Сотрудничество женщин с естественнонаучными обществами в России во второй половине XIX века.....	231
4.1. Женщины – члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в 60-е – 70-е годы XIX века.....	231
4.2. Участие женщин в деятельности российских естественнонаучных обществ в 70-е – 90-е годы XIX века.....	397

Введение

Актуальность темы исследования. По данным современных исследователей, к 80-м годам XX века женщины составляли около 40% научных сотрудников Российской Федерации.¹ Если учесть, что в первый год XX века по законам Российской империи женщины не имели права поступать в российские университеты, получать научные степени и звания, а также занимать должности научных сотрудников в государственных учреждениях, то можно с уверенностью утверждать, что перемена, произошедшая в XX веке в сфере профессионально-научной занятости женщин в России, была стремительной по историческим меркам. Однако, как свидетельствует опыт исторического развития, подобные перемены не происходят, как правило, одномоментно: подготовительные процессы, приводящие к ним, могут протекать в течение предшествующих десятилетий и даже столетий. В западноевропейском и американском обществах стремительное увеличение количества женщин, занятых в научных исследованиях, началось с 60-х годов XX века и почти сразу же привело к так называемой «феминистской ревизии истории науки».² Разделяя наше убеждение о том, что значительные перемены требуют длительной предварительной подготовки, западные историки науки предположили, что участие женщин в научных исследованиях в предыдущие исторические периоды значительно недооценивалось и, соответственно, необходимо восстановить имена и биографии женщин-ученых, живших и работавших в предыдущие эпохи, выявить их

¹ Агамова Н.М., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 149.

² Виноградова Т.В. Феминистская критика науки: Науч.-аналит. обзор / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. Отд. науковедения. М., 2001. С. 7.

вклад в развитие научного знания, исследовать пути их «проникновения» в науку. Все это позволило бы более точно анализировать современное представительство женщин в науке, что, в свою очередь, могло бы способствовать более эффективной работе научных коллективов. Как отмечали авторы аналитического обзора «Женщины в науке», опубликованного еще в 1989 году: «В последнее десятилетие изучение этой проблемы превратилось в самостоятельную область научных изысканий...».³ Эта трансформация разворачивалась на фоне стремительного развития «женской истории» («women's studies») в целом.⁴

В отечественной историографии истории науки, однако, ничего подобного не произошло. И если, по утверждению Н.Л. Пушкаревой: «Новые подходы к изучению «женской истории» в России с конца 80-х годов стали апробироваться молодым поколением российских исследователей...»,⁵ то в истории отечественной науки интерес к «женской» проблематике, тем более к пересмотру устоявшихся концепций практически не существовал в течение длительного периода времени. Некоторые подвижки наметились только к концу 90-х годов XX века. Об этом свидетельствует не только увеличившееся количество публикаций по общей теме «женщины-ученые», но и организация специализированных научных конференций и круглых столов, посвященных данному вопросу. В 1997 году в Костроме была организована конференция «Женщины в отечественной науке и образовании»;⁶ в 2000 г. году в рамках международной конференции «Женщины в фундаментальной науке: Итоги и перспективы междисциплинарных исследований» была организована секция

³ Женщины в науке: Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1989. С. 5.

⁴ Подробно об этом см.: Пушкарева Н.Л. «Женская тема» в зарубежной науке: два века устойчивого интереса к русским женщинам // Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. С. 46–131.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Женщины в отечественной науке и образовании: [Материалы конф., Кострома, 27–28 нояб. 1997 г. / Редкол.: А. И. Евстратова (отв. ред. и др.). Иваново: Изд. центр «Юнона», 1997.

«Динамика статуса женщин в науке, признание научных результатов (исторический и современный аспект)»;⁷ в 2011 году в числе мероприятий, посвященных международному году химии, химический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова провел международную конференцию на тему: «Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание».⁸ На протяжении 2011, 2012, 2013 годов в рамках IV, V, и VI Международных конференций Российской ассоциации исследователей женской истории организовывались специальные секции и круглые столы, посвященные данной проблематике: «Женщины-ученые, научная, общественная и личная жизнь в исторической ретроспективе»;⁹ «“Стеклянный потолок” в науке: из прошлого в настоящее»;¹⁰ «Женщины в науке и наука для женщин. Женщины-историки».¹¹ В 2013 году в рамках XIX Годиной научной конференции Института истории

⁷ Женщины в фундаментальной науке. Программа и сборник тезисов Международной конференции «Женщины в фундаментальной науке: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. 30 июня – 2 июля 2000 года. Санкт-Петербург». СПб., 2000. С. 14–15.

⁸ Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. 159 с.

⁹ «Женщины-ученые, научная, общественная и личная жизнь в исторической ретроспективе» в рамках Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории «Частное и общественное: границы, наполнение, политики интерпретации в прошлом и настоящем» 20–22 октября 2011 г. (Ярославль).

¹⁰ «“Стеклянный потолок” в науке: из прошлого в настоящее» в рамках V Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (4–7 октября 2012 г., г. Тверь, Тверской государственный университет) 5 октября 2012 г.

¹¹ «Женщины в науке и наука для женщин. Женщины-историки» в рамках VI Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее» 3–6 октября 2013 г., г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 4 октября 2013 г.

естествознания и техники им. С.М. Вавилова РАН прошел круглый стол «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении».¹²

Таким образом, в последнее десятилетие в российской историографии истории науки возник устойчивый интерес к исследованиям в области «женской истории науки». Этот факт, стаильно увеличивающееся женское представительство в современной отечественной науке, а также очевидное отставание в данной области исторических исследований по сравнению с зарубежной историографией обуславливает актуальность темы настоящей диссертации.

Степень разработанности темы исследования. История научно-исследовательской работы женщин в Российской империи, начиная с конца XVIII и до первых двух десятилетий XX века включительно, не является популярным направлением среди отечественных историков науки. В отличие от западноевропейских и североамериканских стран, в которых процесс постепенной интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности тщательно изучается на протяжении нескольких последних десятилетий, так же как и биографии отдельных женщин-ученых,¹³ в российской историографии количество работ, посвященных данной теме, крайне ограничено. На фоне увеличивающегося интереса к гендерной проблематике в нашей стране в целом в 1990-е – 2000 годы было опубликовано несколько библиографий, содержащих обзор существующей литературы по данному предмету.¹⁴ Из них, монографию Н.Л. Пушкаревой можно

¹² Круглый стол «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении» в рамках XIX Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.М. Вавилова РАН (Москва, 21–23 мая 2013 г.) 23 мая 2013 г.

¹³ См. об этом библиографические обзоры и реферативные сборники: Женщины в науке: Реферативный сборник. М.: [ИНИОН РАН], 1989. (Науковедение за рубежом); Виноградова Т.В. Феминистская критика науки: Науч.-аналит. обзор М.: ИНИОН РАН, 2001. (Науковедение).

¹⁴ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002, 526 с.;

считать практически исчерпывающей на момент ее публикации. К сожалению, несмотря на то, что литература по истории высшего женского образования в России представлена здесь во всей возможной полноте, специальные исследования по истории научной деятельности женщин в России, особенно первой половины XIX века, представлены более скромно, предположительно из-за их очень специального характера и крайней не многочисленности. Наибольшее количество имеющихся исследований в данной области, будь то отдельные монографии или статьи, являются исследованиями биографий выдающихся женщин-ученых.

Таким образом, первую и наиболее объемную группу исследований по теме настоящей диссертации представляют собой исследования биографий отдельных женщин-ученых. В нее входят как полноценные монографии, объемные и исчерпывающие статьи, так и краткие тезисы. Статьи подобного содержания начали появляться в России в конце XIX века. Одной из первых работ этого вида является анонимная биографическая статья, опубликованная в 1891 году в журнале «Русский архив», посвященная жизни и творчеству княгини Евдокии Ивановны Голицыной, первой в отечественной истории женщине, опубликовавшей книгу математического содержания.¹⁵ Очень небольшая часть указанной статьи посвящена математическим занятиям княгини, тем не менее, автор пользовался архивными материалами, хоть и не давал на них ссылок, сопоставил различные отзывы о научной работе Е.И. Голицыной и сделал вывод, о том что «...сочинение княгини Голицыной многих поражало смелостью, широтою идей, глубиною философской мысли, но что оно не выдержало строгой критики математика-академика»¹⁶. Далее, в 1892 году, была опубликована небольшая брошюра Г.И. Родзевича «Материалы для биографии первой русской женщины, получившей диплом доктора медицины, Н.П. Суловой»,

Юкина И.И. Истоия женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб.: Алетейя, 2003. 234 с.

¹⁵ С.Д. Княгиня Е.И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 152–160.

¹⁶ Там же. С. 158.

которая в момент публикации была еще жива и продолжала занятия медицинской практикой.¹⁷

Следующей по времени работой стал биографический очерк о С.В. Ковалевской, написанный ее коллегой Е.Ф. Литвиновой, в том числе на основе личных воспоминаний.¹⁸ Здесь надо отметить, что еще годом ранее были опубликованы, переведенные со шведского языка воспоминания о С.В. Ковалевской герцогини Анны Шарлоты Леффлер.¹⁹ Заметим, что в случае биографий женщин-ученых, написанных их современниками, лично их знавшими, грань между мемуарами и биографическими очерками часто бывает размытой. Даже изучая исторические источники, авторы таких биографий обычно включают в текст работы свои воспоминания или приводят информацию, полученную когда-то в разговорах с тем, о ком они пишут. Научная биография С.В. Ковалевской привлекала как внимание современников, в конце XIX – начале XX века,²⁰ так и исследователей XX века и отечественных, и зарубежных. Они изучали детали научного творчества С.В. Ковалевской, подробности ее биографии, личной и общественной жизни. На сегодняшний день это наиболее подробно изученная биография российской

¹⁷ Родзевич Г.И. Материалы для биографии первой русской женщины, получившей диплом доктора медицины Н.П. Суловой. [СПб.]: тип. П.И. Шмидта, 1892. 16 с.

¹⁸ Литвинова Е.Ф. С.В. Ковалевская. (Женщина-математик): Ее жизнь и ученая деятельность: Биогр. очерк Е.Ф. Литвиновой. СПб.: Ф. Павленков, 1894. 92 с.

¹⁹ Леффлер Анна Шарлотта. Софья Ковалевская: Воспоминания А.К. Леффлер, герцогини ди-Кайянелло / Пер. со швед. М. Лучицкой; с прил. биогр. А.К. Леффлер, сост. Элен Кей и с 2 портр. СПб.: ред. журн. “Сев. Вестн.”, 1893. 315 с.

²⁰ Сонин Н.Я. Заметка по поводу письма П.Л. Чебышева к С.В. Ковалевской, [напеч. в 9 т. Acta mathematica]: [Доложено в заседании Физ.-мат. отд-ния 14 дек. 1894 г.] / СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1894. 12 с.; Шатров В.Д. Случай С.В. Ковалевской вращения тяжелого твердого тела около неподвижной точки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1908. 30 с.

женщины-ученой.²¹ Наиболее значительными из работ о С.В. Ковалевской являются исследования П.Я. Полубариновой-Кочиной, выявившей и введшей в научный оборот объемный архивный материал по данной теме.²² Из числа зарубежных исследований наиболее обстоятельные биографии С.В. Ковалевской принадлежат американскому историку Анне Хибнер Коблиц.²³

Биографии других женщин, занимавшихся научными исследованиями в XIX – начале XX века, очень немногочисленны. Среди них два небольших исследования В.М. Зарина и Е.А. Зариной, содержащих описание географических экспедиций А.В. Потаниной и М.П. Черской,²⁴ биография первой в Российской империи женщины, получившей степень доктора, В.А. Кашеваровой-Рудневой С.М. Дионесова,²⁵

²¹ Штрайх С.Я. Сестры Корвин-Круковские. М.: Мир, 1933; Он же. Семья Ковалевских. М., 1948; Голубев В.В. Работы С.В. Ковалевской о движении твердого тела вокруг неподвижной точки // Прикладная математика и механика. 1950. Вып. 14 (3). С. 236–244; Нечкина М.В. Софья Ковалевская – общественный деятель и литератор // Ковалевская С.В. Воспоминания, повести. М.: Наука, 1974; Олейник О.А. Теорема С.В. Ковалевской и ее роль в современной теории уравнений с частными производными // Математика в школе. 1975. № 5. С. 5–9; Юшкевич А.П. К. Вейерштрасс и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. 1975. Вып 2 (51). С. 103–107 и др.

²² Полубаринова-Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891. М.: Наука, 1981; Она же. Историко-математические исследования. 1954. Вып. 7. С. 666–712; Она же. Дж. Дж. Сильвестр и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. Вып. 5. С. 156–163 и др.

²³ Koblitz A. H. A convergence of lives: Sofia Kovalevskaja: scientist, writer, revolutionary. Boston: Birkhauser, 1983; Она же. Sofia Kovalevskaja and the mathematical community // The Mathematical Intelligencer. 1984. Vol. 6. № 1. P. 20–29; Коблиц Э. Х. Новые материалы о С.В. Ковалевской // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 408–417 и др.

²⁴ Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной. М.: Географгиз, 1950. 100 с.; Они же. Путешествие М.П. Черской. М.: Географгиз, 1952. 64 с.

²⁵ Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1956. 103 с.

биография Н.П. Суловой, написанная А.А. Смирновым,²⁶ биография химика Ю.В. Лермонтовой, написанная Ю.С. Мусабековым, на основе изучения многочисленных неизвестных ранее архивных источников,²⁷ объемная статья Л.Я. Бляхера, посвященная зоологу С.М. Переяславцевой,²⁸ статья А.М. Павлова, о биографии первой русской женщины – магистра математики Л.Н. Запольской.²⁹ В 1987 году в английском издании «The Garden» была опубликована подробная статья, посвященная научному творчеству выдающегося ботаника О.А. Федченко,³⁰ а в 2006 г. вышла ее подробная научная биография.³¹

Следует отметить, что относительно большее число биографических статей и (иногда) брошюр посвящено женщинам более молодого поколения, родившимся, получившим образование и даже начавшим свою научную карьеру до 1918 года, однако большая часть творческой жизни которых пришлась на советский период. Среди таких работ – подробная, основанная на материалах личного архива (хоть и без ссылок, поскольку в момент написания статьи архив еще не был передан на государственное хранение), биографическая статья об А.А. Глаголевой-Аркадьевой,³² защищенная в 1955 году на степень кандидата медицинских наук диссертация Н.А. Григорян «Развитие и обоснование идей И.П. Павлова в трудах

²⁶ Смирнов А.А. Первая русская женщина – врач. М.: Медгиз, 1960. 179 с.

²⁷ Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. 80 с.

²⁸ Бляхер Л.Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 164–225.

²⁹ Павлов А.М. Первая русская женщина – магистр математики // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 234–247.

³⁰ Lièvre A. *le. Fedtschenkoana* // The Garden. 1987. Vol. 112. Part. 1. (January) P. 65–68.

³¹ Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.

³² Волкова К.А. Александра-Андреевна Глаголева-Аркадьева (1881–1945) // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 5–32.

М.К. Петровой»,³³ небольшая монография и целая серия еще прижизненных статей, посвященных биографии В.А. Варсанофьевой,³⁴ а также более поздний по времени сборник, включающий биографическую статью о ней, автобиографические документы и научные статьи, опубликованный в 1990 году³⁵ и ее же биобиблиографический указатель;³⁶ биобиблиографический указатель и монография, опубликованная в известной академической серии Научно-биографической литературы, об И.А. Райковой³⁷ и другие. Мы называем здесь преимущественно те работы, которые ввели в научный оборот новый фактический материал или новую научную интерпретацию событий, оставляя в стороне статьи, как правило, небольшие по объему, носящие популярный характер.

Научный интерес к биографиям российских женщин-ученых увеличился в 90-х годах XX – начале XXI века, в период роста в нашей стране интереса к гендерным исследованиям в целом. Например, в 1997 году была опубликована подробная

³³ Григорян Н.А. Развитие и обоснование идей И.П. Павлова в трудах М.К. Петровой. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата мед. наук. М., 1955. 16 с.

³⁴ Сухоруков П.Н. Тропой исканий. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1964; [Коллектив редколлегии]. Вера Александровна Варсанофьева // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1960. Новая серия. Т. LXV. Отд. геологии. Т. XXXV (3). С. 3–13 и др.

³⁵ Вера Александровна Варсанофьева: 1890–1976: [Сборник] / АН СССР, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т геологии; [Ред.-сост. Н.В. Калашников и др.; Отв. ред.: чл.-корр. АН СССР Н.П. Юшкин]. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 186 с.

³⁶ Куштысев Е.А. Вера Александровна Варсанофьева, 1890–1976: Указ. литературы / [Сост. Е.А. Куштысев]; Коми респ. б-ка им. В.И. Ленина, Справ.-библиогр. отд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 19 с.

³⁷ Илария Алексеевна Райкова / Сост. А.Д. Пятаева, О.В. Маслова, А.И. Кормилицын. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1976. 44 с.; Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896–1981. [Ботаник]. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1988. 134 с. (Науч.-биограф. сер.).

статья, посвященная жизни и творчеству Н.Н. Ладыгиной-Котс,³⁸ серия небольших статей – биографий российских женщин-геологов и палеонтологов была опубликована в 2000-е годы, в том числе работы о М.В. Павловой, М.А. Болховитиновой, Н.С. Смородиной.³⁹ В этот период статьи, содержащие научные биографии женщин, стали чаще чем в предыдущие периоды входить в состав общебиографических сборников, например, в сборнике «Московские орнитологи» (1999 г.) были опубликованы биографии А.М. Судиловской⁴⁰ и Г.С. Шестаковой,⁴¹ в сборнике «Московские герпетологи» (2003 г.) опубликованы биографии А.П. Гартман-Вейнберг,⁴² М.Н. Денисовой,⁴³ Н.С. Лебедкиной.⁴⁴

Отдельно следует сказать об историографии, посвященной княгине Е.Р. Дашковой, поскольку она сама и работы о ней занимают особое место в истории отечественных женщин-ученых. Эта историография очень значительна, и сильно увеличилась за последние десять лет, однако большая часть книг из данного массива представлена научно-популярными изданиями. Для целей и задач настоящей диссертации интерес представляют две работы. Монография Л.Я. Лозинской «Во

³⁸ Новоселова С.Л.. Надежда Николаевна Ладыгина-Котс. Выдающаяся исследовательница психического мира животных (1889–1963) // Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В. Рубцова, М.П. Ярошевского. М., 1997. С. 243–255.

³⁹ Бессуднова З.А. Мария Васильевна Павлова. Жизнь в музее // Проблемы региональной геологии: музейный ракурс. М.: Акрополь, 2004. С. 8–13; Она же. Павлова Мария Васильевна (1854–1938) // Павловская геологическая школа. М.: Наука, 2004. С. 21–26; Пухонто С.К. Болховитинова Мария Александровна (1877–1957) // Там же. С. 56–59; Стародубцева И.А. Смородина Наталья Сергеевна (1892 – не ранее 1929) // Там же. С. 179.

⁴⁰ Степанян Л.С. А.М. Судиловская, 1903–1976 // Московские орнитологи / [отв. ред.: В. Е. Флинт, О. Л. Россолимо]. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 473–477.

⁴¹ Кокшайский Н.В., Якоби В.Э. Гали Сергеевна Шестакова, 1891–1974 // Там же. С. 514–521.

⁴² Сенников А.Г. Гартман-Вейнберг Александра Павловна // Московские герпетологи / Под ред. О.Л. Россолимо, Е. А. Дунаева. М.: Изд-во КМК, 2003. С. 91–102.

⁴³ Качанова А.А. Денисова Мария Николаевна // Там же. С. 102–104.

⁴⁴ Смирнов С.В. Лебедкина Наталья Сергеевна // Там же. С. 186–204.

главе двух академий»⁴⁵ и монография Г.И. Смагиной «Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой)»,⁴⁶ посвященные непосредственно научно-организационной деятельности Е.Р. Дашковой.

Для этой, условно назовем ее «биографической», группы научно-исследовательских работ характерны следующие особенности: 1) если исключить исследования, посвященные княгине Е.Р. Дашковой, то в современной отечественной историографии нет работ о женщинах, занимавшихся научными исследованиями в России в конце XVIII – первой половине XIX века (исключения из этого правила представлены несколькими краткими биографиями в биографических словарях начала XX века). Наличие подобной лакуны привело к формированию устойчивого мнения о том, что женщины, вовлеченные в этот вид деятельности, не существовали в России в указанный период времени. 2) Большинство известных в настоящее время биографических исследований о российских женщинах-ученых, живших и работавших в конце XVIII – начале XX веков, посвящены самым «первым» из них: первым женщинам-докторам наук, женщинам-пионерам в тех или иных научных дисциплинах. Биографии остальных остаются, в основном, без внимания историков. 3) Значительная часть имеющихся работ представлена статьями, относительно небольшими по объему, в которых излагаются только основополагающие факты научной биографии женщины-ученого. До настоящего времени остаются ненаписанными биографии многих выдающихся представительниц женской части российского научного сообщества, а их вклад в развитие научного знания – забытым.

⁴⁵ Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978.

⁴⁶ Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб.: Росток, 2006. 360 с.

Вторая историографическая группа работ по теме настоящей диссертации представлена, по существу, также биографиями женщин-ученых, сгруппированных, однако, в сборники по дисциплинарному признаку.

Наиболее ранней работой, посвященной деятельности исключительно женщин-ученых, опубликованной в России, является статья К. Покровского, напечатанная в журнале «Исторический вестник» под названием «Женщины-астрономы и их работы», в 1897 году.⁴⁷ В ней описана история деятельности женщин, занимавшихся научными астрономическими исследованиями, начиная с античности (Гипатия) и, далее, средневековья. Более подробное внимание уделено XVIII веку и, наконец, XIX, включая описание работ женщин-астрономов на момент написания статьи. Однако имена российских женщин-астрономов в статье отсутствуют, за исключением последних двух страниц, посвященных современной автору ситуации. Хорошо видно, что К. Покровский относился с уважением к женщинам, выбравшим научную профессию, и уважал их заслуги. В отношении русских женщин он отдавал должное их желанию приобщиться к подобной деятельности, хотя и четко видел, почти полное отсутствие возможностей для этого: «Русская женщина, как только открывалась для нее хоть малейшая возможность, никогда не отставала от других в стремлении к знанию, живой самодеятельности в области науки и на пользу общую. Астрономия тоже не забыта ею», – писал он.⁴⁸

В 1901 году был опубликован очерк Ф.Ю. Левинсон-Лессинга «Женщины-геологи»,⁴⁹ переизданный впоследствии в 1952 году в собрании сочинений Ф.Ю. Левинсон-Лессинга. Эта работа состоит из серии мини-биографических очерков,

⁴⁷ Покровский К. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. С. 761–779.

⁴⁸ Там же. С. 777.

⁴⁹ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 23 с.; Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 396–408.

посвященных женщинам, известным своими трудами в геологических науках, в том числе в Англии, России, Франции, Америке, Сербии. Начав свою работу с утверждения, о том что: «В настоящее время во многие слои общества проникло, по-видимому, убеждение в способности женщин к самостоятельной научной работе»,⁵⁰ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг отметил: «После Англии Россия занимает первое место по числу женщин-геологов; [...] Громадное большинство работ русских женщин-геологов относится к области палеонтологии. Но не чужды русским женщинам геологам и другие отделы геологии, как не чужды им работы в поле...».⁵¹ Говоря о русских женщинах-геологах Ф.Ю. Левинсон-Лессинг кратко охарактеризовал работы Е.В. Соломко-Сотириадис, М.В. Павловой, М.К. Цветаевой, а также упомянул о деятельности еще четырех женщин, все из которых были его современницами и многих из которых он знал лично.

На протяжении последующих почти что пятидесяти лет в отечественной историографии истории науки не появлялось специальных исторических исследований, посвященных женщинам-ученым, пока в 1949 году не было опубликовано небольшое сообщение об исследованиях историка химии Ю.С. Мусабекова «Первые русские женщины-химики».⁵² Более подробная статья по этой теме была опубликована им же в 1968 году в журнале «Химия и жизнь» и носила то же название: «Первые русские женщины-химики».⁵³ Ю.С. Мусабеков указал на то, что ко времени написания статьи «...общее число женщин-химиков в СССР даже превышает общее число химиков-мужчин», на то что: «Женщины возглавляют научные институты, кафедры в вузах, лаборатории», что в СССР «...насчитываются

⁵⁰ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды... С. 396.

⁵¹ Там же. С. 401.

⁵² Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики // Сообщения о научных работах членов Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. 1949. Вып. 4. С. 29–32.

⁵³ Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12–14.

тысячи женщин докторов и кандидатов химических наук».⁵⁴ Ю.С. Мусабеков также высказал утверждение, о том, что: «Начиналось движение женщин в науку в России в последней трети XIX века».⁵⁵ Это утверждение, по нашему мнению, не полностью соответствует исторической действительности, о чем мы будем говорить далее. Остальная часть работы Ю.С. Мусабекова посвящена описанию биографий двух российских женщин-химиков, начавших свои работы в последней четверти XIX века: А.Ф. Волковой и В.Е. Богдановской.

В 1964 году вышел в свет сборник биографий женщин-математиков И.Г. Зенкевича «Судьба таланта. Очерки о женщинах-математиках», переизданный в значительно дополненном варианте почти сразу же, в 1968 году.⁵⁶ Сборник содержит биографии не только российских, но и наиболее известных в мире женщин-математиков. Среди российских женщин, наиболее ранняя по времени, очень краткая и, надо отметить, полная фактических неточностей, биография княгини Е.И. Голицыной, а также биографии С.В. Ковалевской, В.Е. Миллер-Лебедевой, Е.Ф. Литвиновой, В.И. Шифф, Н.Н. Гернет и других, чья деятельность протекала, преимущественно в советский период. Статьи носят популярный характер, в них отсутствуют ссылки на источники информации автора, однако, вплоть до настоящего времени – это единственный на русском языке сборник, содержащий значительное количество биографий отечественных женщин-математиков.

В 1979 году было опубликовано исследование Д.В. Наливкина «Наши первые женщины-геологи».⁵⁷ Фактически, монография Д.В. Наливкина представляет собой сборник биографических очерков, основанных отчасти на исторических

⁵⁴ Там же. С. 12.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Зенкевич И.Г. Судьба таланта (Очерки о женщинах-математиках). Брянск: Брянский рабочий, 1964. 42 с.; Он же. Судьба таланта: Очерки о женщинах-математиках. Брянск: [Приок. книжн. изд-во Брянск. отд.], 1968. 127 с.

⁵⁷ Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. 216 с.

розысканиях, отчасти на личных воспоминаниях автора. В ней помещены только биографии женщин, окончивших Высшие женские курсы, преимущественно московские: «В моей книге говорится только о курсистках», – писал Д.В. Наливкин,⁵⁸ поскольку МВЖК были открыты только в 1901 году, то деятельность большинства окончивших их женщин приходится на период после 1918 года и, таким образом, находится за рамками нашего исследования. Книга Д.В. Наливкина рассчитана на «...широкий круг геологов и краеведов».⁵⁹ В ней почти отсутствуют ссылки и какой-либо научно-справочный аппарат. Сам Д.В. Наливкин писал, что: «Многие из приведенных дат приблизительны. Наиболее точны даты опубликования первых научных работ по геологии».⁶⁰ Тем не менее, работа Д.В. Наливкина до настоящего времени не потеряла своего научного значения и служит источником информации для составителей биографических словарей, авторов биографических исследований и прочее.

В 1983 году была опубликована коллективная монография А.А. Щербаковой, Н.А. Базилевской и К. Ф. Калмыкова по истории развития ботаники в России во второй половине XIX века, в которой небольшая глава посвящена женщинам-ботаникам.⁶¹ Так же как и Д.В. Наливкин, авторы монографии связывали научно-исследовательскую деятельность женщин-ботаников с окончанием ими Высших женских курсов, отмечая что: «Научная деятельность окончивших Высшие женские курсы женщин в дореволюционное время была исключительным явлением и имела место лишь в системе сельскохозяйственного ведомства»,⁶² добавив однако, что:

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ Там же. С. 4.

⁶⁰ Там же. С. 11.

⁶¹ Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1983. С. 368 с.

⁶² Там же. С. 39.

«...все-таки многие выпускницы женских высших курсов пробивали себе дорогу»⁶³. Авторы также перечислили имена женщин, внесший вклад в развитие ботаники, из числа получивших образование и, отчасти, начавших работать до 1918 года.

В 1987 году вышла в свет небольшая по объему, но значительная по своему содержанию статья Л.Д. Костиной «Женщины-астрономы Русского астрономического общества».⁶⁴ Автор сознательно ограничил рамки своего исследования изучением деятельности женщин, не только состоявших членами Русского астрономического общества, но и окончивших С.-Петербургские высшие женские курсы, поступивших на работу в Пулковскую обсерваторию и (или) все еще проходивших обучение на физико-математическом отделении ВЖК на момент вступления в РАО. Тем не менее, в статье проанализирована научная деятельность первых женщин – сотрудниц Пулковской обсерватории, их взаимодействие с РАО и виды этого взаимодействия, а также приведены подробности научной работы нескольких женщин-астрономов в 1900-е годы XX века.

Через десять лет после работы Д.В. Наливкина было опубликовано исследование Е.С. Селезневой «Первые женщины геофизики и метеорологи».⁶⁵ Так же как и работа В.Д. Наливкина, книга Е.С. Селезневой состоит из биографических очерков, посвященных нескольким женщинам из числа первых сотрудниц Главной геофизической лаборатории. Автор утверждает, что «Научная деятельность первых женщин геофизиков и метеорологов начиналась в предреволюционные годы в Главной физической (геофизической) обсерватории, которая являлась единственным в то время в России государственным научным учреждением, занимавшимся

⁶³ Там же.

⁶⁴ Костина Л.Д. Женщины-астрономы русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общества при АН СССР, 1987. С. 76–82.

⁶⁵ Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. 184 с.

проблемами метеорологии и геофизики».⁶⁶ Так же как и в работе Д.В. Наливкина, в монографии Е.С. Селезневой исследованы биографии женщин, окончивших Высшие женские курсы, в данном случае С.-Петербургские (Бестужевские) незадолго до революционных событий 1917 года, чья научно-исследовательская деятельность пришлась в основном, на более поздний период. Несмотря на то, что в работе Е.С. Селезневой используются первоисточники, ссылок на них в тексте книги, как правило, нет.

Уже в 90-е годы XX века и в первые годы XXI века, появилась серия работ, посвященных первым отечественным женщинам-химикам. Это статья С.И. Рогожникова «Женщины в химии» (1998 г.),⁶⁷ в которой очень кратко охарактеризована деятельность европейских женщин-химиков, начиная с XIII века до н. э., а также научно-исследовательская работа нескольких отечественных женщин-химиков второй половины XIX века, в том числе: А.Ф. Волковой, Ю.В. Лермонтовой, М.М. Манассеиной, В.Е. Богдановской. В том же году опубликована статья американской исследовательницы Mary R.S. Creese «Ранние женщины-химики в России: Анна Волкова, Юлия Лермонтова и Надежда Зибер-Шумова».⁶⁸ Обе статьи очень схожи по содержанию и написаны, преимущественно на основании исторических источников, уже введенных в научный оборот ранее. В работе Mary R.S. Creese однако проведен ценный сравнительный анализ количества публикаций английских, американских и русских женщин-химиков в 70-е – 90-е годы XIX века на основании данных, содержащихся в «Каталоге научных статей» за 1800–1900 годы.⁶⁹ В 2004 году в сборнике «Women Scholars and Institutions. Proceedings of the International Conference (Prague, June 8–11, 2003). Studies in the History of Sciences and

⁶⁶ Там же. С. 5.

⁶⁷ Рогожников С.И. Женщины в химии // Химия и жизнь. 1998. № 8. С. 73–75.

⁶⁸ Creese Mary R.S. Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the History of Chemistry. 1998. № 21. P.19–24.

⁶⁹ Там же. С. 19–20.

Humanities» опубликована статья российской исследовательницы Е.А. Зайцевой (Баум) «Историко-научные исследования и гендерный подход. Женщины в русской науке (на примере деятельности женщин-химиков из Московского университета)».⁷⁰ В своей статье Е.А. Зайцева указала на то, что область феминистической критики науки в России совершенно не развита.⁷¹ Она же составила значительный список имен женщин-химиков, известных своими занятиями химией в последние десятилетия XIX века, о которых отсутствует хоть какая-нибудь информация биографического характера.⁷² В целом, статья посвящена истории высшего женского образования в России и биографии Ю.В. Лермонтовой, одной из первых отечественных женщин-химиков и написана, преимущественно на основании источников, уже введенных в научный оборот ранее, без использования нового архивного материала. Надо отметить, что подобный подход характерен как для статей отечественных исследований, опубликованных в зарубежных изданиях и ориентированных на зарубежную аудиторию, недостаточно знакомую с деталями развития исторического процесса в России, так и для историко-научных исследований, выполненных зарубежными исследователями, видимо, из-за того, что их доступ к первоисточникам значительно затруднен. Заметим в скобках, что это же наблюдение касается еще одной статьи уже упоминавшейся американской исследовательницы Mary R.S. Creese «Охотницы за ископаемыми, исследовательница пещер и аналитик камней: заметки о некоторых ранних

⁷⁰ Zaitseva Elena. Historico-scientific investigations and gender approach. Women in Russian science (be the example of activities of women chemists from the Moscow university) // Women scholars and institutions. Proceedings of the International conference (Prague, June 8–11, 2003). Studies in the history of sciences and humanities. Prague, 2004. Vol. 13. P. 329–356.

⁷¹ Там же. С. 339.

⁷² Там же. С. 351.

женщинах, внесших вклад в геологию»,⁷³ в которой наряду с деятельностью европейских исследовательниц описывается научно-исследовательская работа М.В. Павловой, Е.В. Соломки и М.К. Цветаевой, преимущественно по материалам монографии Д.В. Наливкина.

Возвращаясь к работам, посвященным женщинам-химикам, следует добавить, что в 2011 г. были опубликованы материалы международной научной конференции «Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание»,⁷⁴ в которой содержится большое количество биографических статей о женщинах-химиках, в том числе специальный раздел «Женщины-химики Московского университета». Несмотря на то, что большая часть материалов посвящена событиям второй четверти – середины XX века, некоторые тезисы затрагивают период, охватываемый в настоящей диссертации. Например, статья Н.И. Кокурина и Г.Л. Кокуриной «Участие В.В. Марковникова и Н.Д. Зелинского в научной судьбе Е.А. Фоминой-Жуковской»;⁷⁵ статья Н.Н. Романовой «Е.Ф. Ковалевская-Зазерская – первая русская женщина профессор химии»;⁷⁶ наша сатья,

⁷³ Creese M.R.S. Fossil hunters, a cave explorer and a rock analyst: notes on some early women contributors to geology // The role of women in the history of geology / ed. by C.V. Burek, V. Higgs. Geological Society special publication. 281. UK: Cromwell press, 2007. P. 39–50.

⁷⁴ Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. 159 с.

⁷⁵ Кокурин Н.И., Кокурина Г.Л. Участие В.В. Марковникова и Н.Д. Зелинского в научной судьбе Е.А. Фоминой-Жуковской // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 53–54.

⁷⁶ Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зазерская – первая русская женщина профессор химии // Там же. С. 86–89.

посвященна биографии Л.К. Лепинь⁷⁷ и др. В продолжение этой работы в 2013 году был опубликован сборник статей, носящий тоже самое название, что и материалы конференции 2011 года: «Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание».⁷⁸ Сборник состоит из трех больших разделов, в том числе раздела, посвященного зарубежным женщинам-химикам и их вкладу в историю развития химии, раздела о российских женщинах-химиках и раздела, содержащего биографические очерки о женщинах-химиках, работавших в Московском университете, большая часть научной деятельности которых, однако, пришлась на XX век.

Из числа женщин-ученых других специальностей, справочные материалы о которых были опубликованы на протяжении двух последних десятилетий, следует отметить женщин-почвоведов и женщин-физиков. В 2003 году был опубликован биографический справочник «Женщины-почвоведы»,⁷⁹ содержащий помимо биографий подробную аналитическую статью «Женщины в российском и советском почвоведении», в которой рассматриваются такие вопросы как: поколения женщин-почвоведов, образование женщин-почвоведов первого поколения; этапы прихода женщин-ученых в почвоведение; ученые степени женщин-почвоведов; оценка количества печатной продукции женщин; направления почвоведения, наиболее активно развиваемые женщинами; основательницы научных школ, талантливые педагоги; женщины-руководители, организаторы науки; роль женщин в Обществе почвоведов; награды, премии, звания, а также роли матери, жены, дочери в

⁷⁷ Валькова О.А. Забытое интервью: материалы к биографии д.х.н., академика Л.К. Лепинь (1891–1985) // Там же. С. 24–27.

⁷⁸ Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание / Отв. ред. акад. В.В. Лунин. М.: Янус-К, 2013. 440 с.

⁷⁹ Сычева С.А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М.: НИИ–Природа Москва, 2003. 440 с.

исполнении женщин-почвоведов.⁸⁰ Изю всех, перечисленных выше работ, посвященных биографиям российских женщин-пионеров в той или иной научной дисциплине эта вводная статья является единственной аналитической работой, в которой содержится не только описание биографий женщин, их научного вклада, но и анализ их научной жизни и деятельности. Однако следует отметить, что хронологические рамки данной статьи также почти полностью выходят за границы нашего исследования.

В 2008 году увидел свет сборник материалов, посвященный женщинам-физикам, связавшим свою научную карьеру с Физико-техническим институтом им. А.Ф. Иоффе РАН: «Из истории отечественной физики (Женщины-ученые в Физтехе)».⁸¹ В нем содержатся биографии женщин-научных сотрудниц Физтеха, женщин-лауреатов различных премий, воспоминания, а также сведения о работавших в институте женщинах, на момент издания книги. Как и во многих других случаях, большая часть собранных материалов относится к XX веку, начиная с его второй четверти и, таким образом, выходит за границы данного диссертационного исследования.

В 1990-е – 2000 годы, с увеличением интереса к гендерным проблемам в целом и исследованию научной деятельности женщин в частности появилось несколько биографических сборников и (или) серий работ, сгруппированных не только по дисциплинарному и институциональному, но и по географическому принципу. Так, в 1997–1999 гг. был опубликован двухтомный сборник научных биографий женщин-ученых, живших и работавших в Нижнем Новгороде,⁸² однако большая часть

⁸⁰ Там же. С. 9–38.

⁸¹ Из истории отечественной физики (Женщины-ученые в Физтехе) / Под общ. ред. А.П. Шергина, Г.С. Куликова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 265 с.

⁸² Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Сборник очерков и воспоминаний / Под ред. З.Х. Саралиевой и Т.В. Ковалевской. Н. Новгород: ННГУ, 1997. 108 с.; Тоже. Вып. 2. / Отв. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-ва, 1999.

научной деятельности женщин, чьи биографии вошли в состав сборника, пришлось на советский период, что выходит за рамки настоящей диссертации. Так же в 90-е годы Коми научный центр Уральского отделения РАН в серии «Люди науки» выпустил несколько биобиблиографических брошюр, посвященных научной деятельности женщин, живших и работавших в Сыктывкаре.⁸³

Надо отметить, что все отечественные авторы выше перечисленных работ о «первых» российских женщинах-исследовательницах в той или иной области научного знания придерживались мнения, что первые признаки научной деятельности женщин в Российском государстве начали появляться не ранее 70-х годов XIX века (единичные случаи) и (или) 90-х – 1900-х годов XX века и что распространение научной деятельности женщин было напрямую связано с их доступом к высшему образованию. Поэтому, немалая часть каждой из перечисленных выше работ отечественных авторов (как отдельных биографий, так и сборников биографий) посвящена истории борьбы за высшее женское образование в Российской империи. Так, в книге Д.В. Наливкина есть специальная глава «Высшие женские курсы и основатель московской школы геологов А.П. Павлов», посвященная истории преподавания геологии на Московских высших женских курсах в 1900-е годы XX века.⁸⁴ В монографии Е.С. Селезневой первая глава «Из истории высшего образования женщин в России» посвящена исключительно этому предмету, преимущественно истории С.-Петербургских высших женских курсов.⁸⁵ В монографии «История ботаники в России», раздел, посвященный научному вкладу

⁸³ Цыганко В.С. Антонина Ивановна Першина. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1994. 28 с. (Серия «Люди науки»); Гецен М.В., Власова Т.А. Ольга Степановна Зверева. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1995. 52 с. (Серия «Люди науки»); Забоева И.В. Ольга Афанасьевна Полинцева. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1996. 28 с. (Серия «Люди науки»).

⁸⁴ Наливкин Д.В. Указ. соч. С. 59–74.

⁸⁵ Селезнева Е.С. Указ. соч. С. 8–55.

женщин, носит название «Высшее женское образование».⁸⁶ Однако, следует отметить, что эти главы практически полностью базируются на специализированных работах, в которых исследуется история высшего женского образования в России.

В отечественной историографии тема истории борьбы российских женщин за доступ к высшему образованию тщательно разработана, в отличие от истории научно-исследовательской деятельности женщин-ученых. Первые статьи по истории естественнонаучных высших женских курсов в России, в частности, по истории Лубяnskих женских курсов в Москве были опубликованы еще в 1880–1896 гг., восстанавливая историю организации и существования этого первого в Российской империи специализированного учебного учреждения для женщин, чей курс с течением времени стал соответствовать курсу физико-математических отделений университетов.⁸⁷

Однако первым подробным исследованием по истории женского, в том числе высшего женского образования, в России является четырехтомное исследование Елены Осиповны Лихачевой (1836–1904) «Материалы для истории женского образования в России».⁸⁸ После опубликования книга вызвала многочисленные отзывы и рецензии.⁸⁹ В той или иной степени работа Е.О. Лихачевой является

⁸⁶ Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. Указ. соч. С. 37–41.

⁸⁷ Некрасова Е.С. Первые женские курсы в Москве известные под именем Лубяnskих // Отечественные записки. Журнал литературный, политический, ученый. 1880. Т. ССLI. С. 1–39; Шереметевская А.Н. Страница из истории высшего женского образования // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1896. Т. LXV. С. 172–184.

⁸⁸ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 887 с. (первоначально издано в трех частях в 1890–1895 гг); Она же. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 648 с.

⁸⁹ Пономарев С.М. Материалы для истории женского образования в России (1786–1796). Рец. на соч. Е.О. Лихачевой. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1899. 90 с.; Ольденбург С.Ф. Разбор сочинения Е.О. Лихачевой: Материалы для истории женского образования в России 1856–1880.

основанием для всех последующих работ по данной теме. В заключительной части третьего тома⁹⁰ и в четвертом томе Е.О. Лихачева подробно рассмотрела наиболее важные этапы борьбы российских женщин за допуск их в отечественные университеты, за поступление в университеты европейские, историю борьбы за разрешение открытия Высших женских курсов. Она тщательно проанализировала материалы российской периодической печати, а также доступные ей на момент проведения исследования, архивные документы по теме. Вопросы восприятия общественным мнением идеи высшего образования для женщин в России, отношение общества к женщинам, вернувшимся из Европы с дипломами заграничных университетов, реакцию как общественного мнения, так и властей на попытки организации высшего учебного учреждения для женщин в России – эти вопросы, на наш взгляд, рассмотрены Е.О. Лихачевой с исчерпывающей полнотой. К сожалению, ее исследование заканчивается 80-ми годами XIX века, когда борьба, о которой шла речь в исследовании, была еще в самом разгаре и далека от своего завершения. В течение достаточно долго времени этот вопрос не обращал на себя специального внимания отечественных историков.

Однако в 1982–1983 гг. советский историк, д. и. н. Г.А. Тишкин опубликовал серию статей, по результатам проведенных исследований, в том числе по материалам, отложившимся в Российском государственном историческом архиве, по истории государственной политики в области высшего женского образования в России: «Петербургский университет и начало высшего женского образования в России»; «Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в.».⁹¹

СПб: Тип. Имп. академии наук, 1904. 46 с.; Синский Л.Д. Из истории женского образования в России (Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб, 1899–1901). Рец. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнарев и К., 1901.

⁹⁰ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (18281856). Т. 3. СПб., 1895.

⁹¹ Тишкин Г.А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России //

В 1984 году была опубликована его монография «Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в.».⁹² Он впервые ввел в научный оборот значительный объем исторических источников, освещающих государственную политику в области высшего женского образования в Российской империи в 60–70-е годы XIX века. Именно его исследования легли в основу многих последующих работ, посвященных этим вопросам.

Изучая историю борьбы за допуск женщин к высшему образованию в Российской империи особенно в 60-е–70-е годы XIX века, историки выявили связь между этим процессом и участием женщин в революционном движении. Этому вопросу уделено значительное внимание в монографии Э.А. Павлюченко «Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер».⁹³ В двух главах изучается история посещения женщинами лекций в российских университетах на рубеже 60-х гг. XIX века, даются краткие биографические очерки первых российских женщин-докторов наук, в частности Н.П. Суловой (1843–1918), исследуются первые обращения женщин к правительству с просьбой о допущении их в университеты. Отдельный параграф носит название: «Диплом или революция?».⁹⁴

Несколько зарубежных историков также уделяли внимание этому вопросу. В монографии Веры Бройдо «Апостолы терроризма: женщины и революционное движение в России Александра II» (1977 г.)⁹⁵ специальная глава «Феминизм и

Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. Л., 1982. С. 15–32; Он же. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 160–181.

⁹² Он же. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.

⁹³ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.

⁹⁴ Там же. С. 156–165.

⁹⁵ Broido Vera. Apostles into terrorists. Women and revolutionary movement in the Russia of Alexander II. New York: The Viking press, 1977. 238 p.

женское образование» посвящена этой теме.⁹⁶ Анна Хибнер Коблиц в статье «Наука, женщины и русская интеллигенция. Поколение 1860-х»⁹⁷ отмечала: «1860-е и 1870-е могут быть названы золотым веком русской науки. Помимо этого, это время было свидетелем развития женского самосознания и начала русского революционного движения. В основном благодаря этим обстоятельствам, эти годы отмечены как время существенного возрастания научных возможностей для русских женщин. Вдохновленные социальной философией нигилистов и новым женским самосознанием молодые женщины, принадлежавшие к джентри и интеллигенции, искали образования и карьер в естественных науках и медицине. Русские женщины были среди первых женщин на земле, получивших докторские дипломы в математике, физиологии, зоологии, химии и других научных дисциплинах».⁹⁸ Специальный раздел, выделенный в отдельный параграф, носит название: «Наука или революция» (тесно перекликаясь с параграфом из монографии Э.А. Павлюченко).⁹⁹ Как и российские историки, Вера Бройдо и Анна Хибнер Коблиц связывали научно-исследовательскую деятельность женщин в Российской империи с общим подъемом интереса к естественным наукам в стране в 60-е годы XIX века, а также с нигилистическими и революционными теориями. Эти идеи получили дальнейшее развитие в монографии Анны Хибнер Коблиц «Наука, женщины и революция в России».¹⁰⁰

История высшего женского образования в Российской империи также нашла отражение в работах Кристины Джохансон «Автократическая политика,

⁹⁶ Там же. С. 45–56.

⁹⁷ Koblitz Anna Hibner. Science, women, and the Russian intelligentsia. The generation of the 1860s // History of women in the sciences: readings from the ISIS / Ed. by Sally Gregory Kohlstedt. Chicago: The University of Chicago press, 1999. P. 201–219.

⁹⁸ Там же. С. 201.

⁹⁹ Там же. С. 211–215.

¹⁰⁰ Koblitz Anna Hibner. Science, women and revolution in Russia. USA: Arizona state University Tempe, 2000. 211 p.

общественное мнение и женское медицинское образование во время правления Александра II, 1855–1881»,¹⁰¹ ее же «Женская борьба за высшее образование в России, 1855–1917»,¹⁰² статье Р.А. Даджуон «Забытое меньшинство: женщины студенты в имперской России 1872–1917».¹⁰³

В 90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI века д. и. н. А.Е. Иванов опубликовал целый ряд монографий, посвященных истории российского студенчества конца XIX – начала XX вв.,¹⁰⁴ в которых он уделил серьезное внимание истории высшего женского образования в России этого периода, а также характеристике российских студенток, учившихся в конце XIX – начале XX вв.¹⁰⁵ Кроме различных количественных показателей, характеризовавших состав российских студенток, А.Л. Иванов тщательно проанализировал мотивы выпускниц

¹⁰¹ Johanson C. Autocratic politics, public opinion and women's medical education during the reign of Alexander II, 1855–1881 // *Slavic review*. 1979. Vol. 38. P. 426–443.

¹⁰² Johanson C. *Women's struggle for higher education in Russia, 1855–1900*. Kingston; Montreal: Queen's university press, 1987. 149 p.

¹⁰³ Dudgeon R.A. The forgotten minority: women students in Imperial Russia 1872–1917 // *Russian history / Histoire Russia, 1872–1917*. 1982. № 1. P. 1–26.

¹⁰⁴ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Б. и., 1991. 392 с.; Он же. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. / Рос. АН. Ин-т рос. истории. М.: ИРИ, 1994. 195 с.; Он же. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Соц.-ист. судьба М. : РОССПЭН, 1999. 414 с.; Он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.; Он же. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? = The jewish student body in the Russian empire in the early XX century. What was it like? : опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 427 с.; Он же. Мир российского студенчества, конец XIX – начало XX века: очерки. М.: Новый Хронограф, 2010. 331 с.

¹⁰⁵ См. например: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века... С. 102–170 и др.

женских средних учебных заведений, желавших продолжать свое образование, что особенно важно для нашей работы.¹⁰⁶

Отдельную подгруппу историко-научных исследований по истории высшего женского образования в России в XIX – начале XX вв. составляют работы по истории Высших женских курсов, преимущественно С.-Петербургских (Бестужевских) и Московских. В том числе сборник, состоящий отчасти из научных статей, отчасти из воспоминаний: «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.)»,¹⁰⁷ объемная статья С.Л. Эвенчик «Высшие женские курсы в Москве», посвященная, помимо истории организации курсов, преимущественно истории преподавания на МВЖК гуманитарных дисциплин,¹⁰⁸ монография Э.П. Федосовой «Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.)».¹⁰⁹ Наконец, сборник статей «Бестужевки в рядах строителей социализма».¹¹⁰ В отличие от других перечисленных нами работ, посвященных истории организации тех или иных курсов, анализу состава студенток, условий их жизни, наконец, истории преподавания тех или иных научных дисциплин, в данном сборнике исследуются профессии, в которых были заняты выпускницы С.-Петербургских высших женских курсов. Отдельный раздел посвящен бестужевкам – научным работникам. В него входят статьи П.Я. Кочиной «Математики на службе

¹⁰⁶ Иванов А.Е. Выпускницы средних женских учебных заведений: выбор профессии, его мотивация // Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века... С. 147–170.

¹⁰⁷ Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 288 с.

¹⁰⁸ Эвенчик С.Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей. М.: [Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина], 1972. С. 4–99.

¹⁰⁹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878—1918 гг.). М.: Педагогика, 1980. 144 с.

¹¹⁰ Бестужевки в рядах строителей социализма. [Сборник]. М.: Мысль, 1969. 198 с.

народного хозяйства»;¹¹¹ Н.И. Матусевич «Бестужевки-химики»;¹¹² А.И. Эттингер «Химия и коммунальное хозяйство»;¹¹³ Е.Р. Гюббенет «Бестужевки-биологи»;¹¹⁴ Р.И. Серебряковой «О развитии генетики»;¹¹⁵ Е.К. Столицы «Первая женщина-агроном»;¹¹⁶ Е.Ф. Серовой «Тридцать лет работы в пустыне»;¹¹⁷ Е.П. Горбуновой «Памятные штрихи».¹¹⁸ Статьи представляют собой частично воспоминания, частично автобиографии, частично исторические очерки, написанные участницами событий. Все они содержат актуальный биографический материал. К сожалению, большая их часть посвящена научной работе выпускниц курсов уже в советское время, что выходит за рамки настоящей диссертации. Однако, в некоторых случаях, имеются сведения и о первых десятилетиях XX века.

Последнюю группу историографических материалов по теме настоящей диссертации можно условно назвать «юбилейными» публикациями. На протяжении советского периода общественные, научно-популярные и, отчасти, научные журналы (иногда даже газеты, более общего содержания) традиционно публиковали статьи, посвященные женщинам-ученым, по случаю празднования дня 8-го марта и некоторых других знаковых событий, например, международного года женщины, вручения государственных премий и прочее. Большей частью эти материалы носили популярный и пропагандистский характер, однако некоторые из них содержали сведения по истории научной деятельности женщин в России, статистические

¹¹¹ Кочина П.Я. Математика на службе народного хозяйства // Там же. С. 27–32.

¹¹² Матусевич Н.И. Бестужевки-химики // Там же. С. 33–38.

¹¹³ Эттингер А.И. Химия и коммунальное хозяйство // Там же. С. 38–43.

¹¹⁴ Гюббенет Е.Р. Бестужевки-биологи // Там же. С. 43–48.

¹¹⁵ Серебрякова О.И. О развитии генетики // Там же. С. 49–54.

¹¹⁶ Столица Е.К. Первая женщина-агроном // Там же. С. 54–60.

¹¹⁷ Серова Е.Ф. Тридцать лет работы в пустыне // Там же. С. 60–70.

¹¹⁸ Горбунова Е.П. Памятные штрихи // Там же. С. 70–73.

данные, биографические материалы о женщинах-ученых, а также интервью с ними.¹¹⁹

Как уже упоминалось выше, 90-е годы XX века были ознаменованы увеличением интереса к проблематике женщин-ученых. В отличие от большинства описанных нами исследований по теме, в новых работах были представлены попытки анализа научно-исследовательской деятельности женщин в России, а не только описание этой деятельности. Так, в 1993 году в «Вестнике Российской академии наук» была опубликована статья Е.З. Мирской и Е.А. Мартыновой «Женщины в науке», в которой было выделено три волны феминизации российской науки, первая из которых была вызвана обстоятельствами 1917 года.¹²⁰ В 2000 году журнал «Вопросы истории естествознания и техники» опубликовал статью Н.С. Агамовой и А.Г. Аллахвердяна «Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В.

¹¹⁹ Например, в 1946 году журнал «Советская женщина» последовательно публиковал в трех первых номерах материалы о женщинах ученых: Алексеева О. Молодой историк // Советская женщина. 1946. № 1. С. 30–31; Слетова В. Выдающийся математик // Там же. № 2. С. 55–56; Писаржевский О. Жизнь в науке // Там же. 1946. № 3. С. 19–20; Камушер Г.Д. Женщины-ученые – лауреаты Сталинской премии // Там же. № 3. С. 21–24. См. также: Брагин А. Тридцать процентов бойцов // Огонек. 1927. № 10 (26). 6 марта. [С. 3–4]; Сушкина Н. Как я стала ученым // Огонек. 1947. № 3. С. 56–60; Рыбасов В.А. Русские женщины в науке // Наука и жизнь. 1949. № 3. С. 27–29; ТАСС. Женщины-ученые // Вечерний Ленинград. 1951. № 53 (1602). 6 марта. С. 1; Ольянская Р. Молодой ученый // Вечерний Ленинград. 1951. № 55 (1604). 8 марта. С. 3; [Без авт.] Женщины в советской науке // Наука и жизнь. 1975. № 7. С. 24–28; Брайнин И. Бестужевские курсы (К 100-летию со дня основания Санкт-Петербургских высших женских курсов) // Наука и жизнь. 1978. № 11. С.39–43. и др.

¹²⁰ Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693–700.

Ковалевской)»,¹²¹ в которой история научной деятельности женщин рассматривается с точки зрения науковедения. Эти две статьи положили начало современным попыткам осмысления положения женщин в науке, в ее прошлом и настоящем.¹²² Следует отметить, однако, что большинство работ их последователей носит науковедческий или социологический, а не исторический характер, обращаясь к событиям исторического прошлого для подтверждения или обоснования современных теорий. Они не являются, как правило, самостоятельными историческими изысканиями, используя уже введенные в научный оборот факты. Кроме того, в этих исследованиях крайне редко уделяется внимание женщинам-ученым, работавшим до 1917 года и практически никогда – работавшим ранее 60-х годов XIX века.

Подводя итоги историографического обзора по теме настоящей диссертации, следует отметить следующее: в отечественной и, насколько нам известно, зарубежной историографии не существует историко-научных работ, посвященных истории научно-исследовательской деятельности женщин в России в период конца XVIII – начала 60-х годов XIX века, за исключением изучения научно-организационной деятельности княгини Е.Р. Дашковой; несколько обобщающих работ, в которых анализируется научно-исследовательская работа женщин в 60–70-е годы XIX века неразрывно связывают ее с женским движением, борьбой за право доступа женщин к высшему образованию и революционной деятельностью женщин, совершенно оставляя в стороне собственно научно-исследовательскую работу женщин. Наибольшее внимание именно этой стороне деятельности женщин-ученых уделяется в биографических исследованиях, крайне немногочисленных и, как

¹²¹ Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.

¹²² См., например, Богданова И.Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 103–111.

правило, носящих описательный характер. Исследования, посвященные более позднему периоду 80-х – 1900-х годов, сосредоточены исключительно на выпускницах Высших женских курсов и (иногда) на женщинах, получивших дипломы в зарубежных университетах. Все они, даже не являющиеся моно биографиями, сгруппированы преимущественно по дисциплинарному и институциональному признакам, иногда по географическому признаку.

Таким образом, следует признать, что до настоящего времени в отечественной историографии не существовало комплексных, обобщающих работ, анализирующих процесс постепенной профессионализации научно-исследовательского труда женщин в Российской империи в период с конца XVIII века и вплоть до первых двух десятилетий XX века, виды, формы и характерные особенности, которые были присуще данному виду деятельности. Сосредотачиваясь на хронологическом периоде после 1917 года, современные историки, науковеды и социологи оставляют в стороне предыдущие исторические периоды, как незначительные для изучаемой ими проблемы, в то время как именно постепенный процесс, проходивший в этой области на протяжении XIX века, привел к положению дел, наблюдавшемуся в 1917 году, принимаемом традиционно за точку отсчета. Настоящим диссертационным исследованием предполагается заполнить существующую лакуну.

Объектом настоящего исследования являются научные биографии российских женщин, принимавших участие в развитии математических и естественных наук в Российской империи в период с конца XVIII и до начала XX века.

Предметом настоящего исследования является процесс постепенной профессионализации научно-исследовательской работы женщин в Российской империи в области математических и естественных наук в период с конца XVIII и до начала XX века.

Хронологические рамки исследования: конец XVIII – начало XX века обоснованы формальными признаками. Отправной точкой исследования являются последние десятилетия XVIII века, века Просвещения, когда Российскую империю

возглавляла Екатерина II, уделявшая особое внимание вопросу женского образования, поощрявшая занятия молодых женщин искусствами и науками, назначившая в 1783 году княгиню Е.Р. Дашкову на должность директора Императорской академии наук, что стало первым в истории Российского государства назначением женщины на руководящую должность в научном учреждении. Именно в этот период в российской периодической печати появляются первые известные упоминания о научной деятельности женщин. Конечная граница исследования обозначена 1918 годом, когда пришедшее к власти революционное правительство большевиков приняло указы о равном, независимо от пола, возраста и религиозной принадлежности, приеме слушателей в высшие учебные заведения России, а также о назначении на преподавательские должности в высших учебных заведениях на основе имеющихся научных трудов, также вне зависимости от пола, возраста, религиозной принадлежности, вводя, таким образом, полное юридическое равноправие в сфере профессионального научного труда.

Территориальные рамки исследования ограничены географическими границами Российской империи в изучаемый период времени, то есть в конце XVIII – начале XX века за исключением территорий Польши и Финляндии.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является изучение процесса постепенной профессионализации научно-исследовательской работы женщин в Российской империи в области математических и естественнонаучных дисциплин в период с конца XVIII века и до начала XX века включительно.

Для достижения указанной цели автор поставил перед собой **следующие задачи:**

- выявить, изучить и проанализировать состояние источниковой базы по гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX в.;
- выявить имена женщин, в той или иной форме занимавшихся научно-исследовательской деятельностью на территории Российской империи в

период с конца XVIII века и до начала XX века включительно; восстановить, по возможности, их биографии, определить их количественный и социальный состав;

- выявить и проанализировать формы и виды научно-исследовательской деятельности женщин, и динамику их изменений на протяжении изучаемого периода;
- выявить формы взаимодействия между женщинами, заинтересованными в изучении естественных и математических наук, и профессиональным научным сообществом России;
- проанализировать правовые основания для профессиональной научной деятельности женщин на территории Российской империи;
- восстановить вклад, внесенный российскими женщинами в развитие естественных наук в период с конца XVIII до начала XX века.

Методологическую основу диссертации составляют основные принципы современной исторической науки: историзм и научная объективность. Цели и задачи исследования потребовали одновременного использования методов и приемов микро- и макроанализа, применяющихся в «новой биографической истории». Это позволило, с одной стороны, исследовать уникальные особенности индивидуальных биографий женщин-ученых, а с другой – выявить общие черты, характерные для процесса интеграции женщин в сферу профессиональной научной деятельности. Также были использованы методы просопографии «...в качестве аналитического метода, ориентированного на науковедческие и культурологические задачи».¹²³

Также в работе был использован источниковедческий метод. В соответствии с концепцией, разработанной источниковедческой школой Российского государственного гуманитарного университета: «Источниковедение в настоящее

¹²³ Юркин И.Н. Демидовы и некоторые вопросы науковедческой просопографии // Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. С. 264.

время представляет собой особый метод гуманитарного познания. [...] Изучение объектов культуры как источников информации о человеке и обществе есть главная задача источниковедения [...]. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля».¹²⁴

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые всесторонне изучается история научно-исследовательской деятельности женщин ученых-естествоиспытателей в Российской империи в конце XVIII – начале XX в.; анализируется процесс постепенной профессионализации этой деятельности; выявляется вклад, внесенный российскими женщинами-учеными в развитие естественных наук.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Женщины, проявлявшие устойчивый интерес к естествознанию и вовлеченные в занятия естественными науками, существовали в Российской империи уже в последние десятилетия XVIII в., а также в первой половине XIX в., результатом чего стало формирование в русском языке устойчивого выражения «ученая женщина».
- В первой половине XIX века систематический интерес российских женщин к занятию естественными науками принимал следующие типичные формы: личное собирание и (или) покупка естественнонаучных коллекций и создание собственных Кабинетов естественной истории; переписка с представителями профессионального научного сообщества по вопросам, касающимся научных исследований; посещение публичных лекций, организовывавшихся представителями профессионального

¹²⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 20–21, 26.

научного сообщества; появление первых опубликованных научных трудов, написанных женщинами.

- Законодательство Российской империи вплоть до 1911 г. не позволяло женщинам получать ученые степени и занимать профессорские должности в высших учебных учреждениях страны, а также самостоятельные должности в государственных научно-исследовательских учреждениях. Именно это обстоятельство во многом определило парадигмы участия женщин в естественнонаучных исследованиях во второй половине XIX – начале XX в.
- Общий подъем интереса к изучению естественных наук в Российской империи в 50-е – 60-е гг. XIX века также как и ряд других факторов способствовал увеличению количества женщин, заинтересованных в систематических занятиях научными исследованиями во второй половине XIX века. Благодаря поддержке целого ряда представителей профессионального научного сообщества и активно развивавшихся в указанный период естественнонаучных обществ из их числа сформировался целый ряд высококвалифицированных женщин-естествоиспытателей, принимавших участие в масштабных научно-исследовательских проектах своего времени и пользовавшихся заслуженным признанием в избранных ими областях научной деятельности.
- В конце XIX – начале XX века, с развитием в Российской империи высшего женского образования, начало увеличиваться число женщин, стремившихся сделать профессиональную научную карьеру в качестве сотрудников высших учебных и научно-исследовательских учреждений, несмотря на существовавшие законодательные ограничения. Тем не менее, их наличие обусловило параллельное существование значительного числа женщин – независимых исследовательниц, осуществлявших научно-

исследовательскую деятельность в свободное время и с использованием собственных средств.

- Статистические данные свидетельствуют о том, что общее количество российских женщин, заинтересованных в изучении естественных наук во второй половине XIX – начале XX века, превышало несколько тысяч человек, а места их проживания включали в себя большую часть Европейской России, а также частично более отдаленные от центра и труднодоступные районы страны. Таким образом, заинтересованность российских женщин в естественных науках во второй половине XIX – начале XX в. была распространена значительно шире, чем это предполагалось ранее.

Практическая значимость диссертации. Вновь выявленные и впервые вводимые в научный оборот исторические источники, значительный фактический материал, сделанные на его основании выводы могут быть использованы для дальнейших исследований в области гендерной истории науки, для написания научных монографий, статей, создания несуществующего в настоящий момент биобиблиографического словаря российских женщин-ученых, а также при разработке учебных курсов, научно-познавательных курсов, программ, фильмов.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации изложены более чем в 60 научных публикациях, как в российских, так и в зарубежных изданиях, в том числе в двух научных монографиях и 17 журнальных публикациях в научно-периодических изданиях, рекомендованных ВАК. Отдельные результаты были доложены более чем на 40 российских и международных научных конференциях и семинарах, проходивших в России, Австрии, Германии, Греции, Латвии, США, Франции.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

Глава 1. Источниковая база гендерной истории отечественной науки конца XVIII – начала XX века

Одной из главных причин крайне малого количества в отечественной историографии истории науки исследований, посвященных разработке научных биографий женщин-ученых, и практически полное отсутствие работ, в которых изучается проблема интеграции женщин в научную сферу деятельности, их мотивации, взаимоотношения с научным сообществом, применявшиеся ими стратегии внедрения и, наконец, характеристики ими занятой ниши, является, на наш взгляд, крайне малая степень разработанности источниковой базы, а также то, что часто традиционные для научно-биографических исследований источники в данном случае оказываются недоступны для исследователей по разным причинам или возможности их использования являются ограниченными.

1.1. Научные труды российских женщин как исторический источник

Важнейшим источником для изучения научной биографии ученого являются научные труды. Изучение существующих научных публикаций позволяет выявить имена ученых, занятых процессе научных исследований в той или иной научной дисциплине. Однако выявление имен женщин, занимавшихся научной деятельностью в конце XVIII – начале XX вв., представляет значительные трудности. Они связаны в первую очередь с существовавшей традицией не

подписывать свои научные труды при их опубликовании или подписывать псевдонимом (инициалами); публиковать работы под именем родственников мужского пола (отца, супруга, брата); переменной фамилии при замужестве (часто неоднократном). Смена женщинами фамилий после замужества создает большие затруднения при поиске сведений о семье женщины-ученого и атрибуции научных трудов, тем более что одна и та же женщина могла делать это несколько раз. Например, одна из первых русских женщин-врачей, супруга И.М. Сеченова, известна в литературе под двойной фамилией М.А. Бокова-Сеченова, где Бокова – фамилия ее первого мужа. Девичья же ее фамилия – Обручева. Известный отечественный палеонтолог М.В. Павлова, супруга А.П. Павлова, некоторое время носила фамилию своего первого мужа, врача Н.Н. Иллич-Шишацкого, девичья же ее фамилия Гортынская. Эти примеры далеко не единичны. Также трудности выявления имен женщин-ученых, особенно конца XVIII – первой половины XIX века связаны с явлением, которое можно охарактеризовать как боязнь опубликования научных работ в целом, а также часто занимаемым в этот период женщиной положением ассистента своего родственника-мужчины и отказом от самостоятельной научной деятельности. Все вышеперечисленное сильно сужает возможности использования одного из основных для историко-научных исследований источника – научных трудов, во всяком случае, на первом этапе работы, связанном с выявлением круга персонажей, задействованных в историческом исследовании.

Тем не менее, для восстановления научного вклада женщин в развитие естественных и математических наук в России их научные труды являются историческим источником первостепенной важности. При работе над настоящим диссертационным исследованием нами был выявлен и изучен ряд научных трудов российских женщин, опубликованных в виде отдельных монографий, различных по объему статей и небольших тезисов, в том числе В.Е. Богдановской-Поповой, А.А. Глаголевой-Аркадьевой, Е.И. Голицыной, Н.О. Зибер-Шумовой, Е.Ф. Ковалевской-

Зезерской, М.А. Кожевниковой, Ю.В. Лермонтовой, Л.В. Мечниковой, М.В. Павловой, С.М. Переяславцевой, А.В. Потаниной, А.М. Раевской, А.Е. Сердобинской, Л.Х. Симоновой, Е.В. Соломко-Сотириадис, Н.М. Субботиной, О.А. Федченко, Е.А. Фоминой-Жуковской, Е.К. Фреймут, Е.О. Шумовой-Симановской, М.К. Цветаевой и других. Некоторые из них достаточно хорошо известны современным ученым соответствующих специальностей, другие – практически полностью забыты. К этим последним относятся философско-математические труды Е.И. Голицыной первой половины XIX века, описания естественнонаучных и археологических коллекций А.М. Раевской середины XIX века, энтомологические работы Л.В. Мечниковой и Е.К. Фреймут 60-х – начала 70-х годов XIX века, астрономические работы Н.М. Субботиной начала XX века.

Кроме научных трудов самих женщин-ученых, определенная информация по теме диссертации содержится в научных трудах мужчин-ученых, живших в изучаемый период, в трудах которых имеются ссылки на работы женщин, упоминания об их вкладе в произведенные совместные работы, а также научные отзывы и рецензии на труды женщин.¹²⁵

Помимо собственно научных трудов, историческим источником по теме исследования являются другие научные документы: инструкции, написанные для участников научных экспедиций, в частности инструкции, по сбору ботанических, зоологических и других естественнонаучных коллекций, разработанные членами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии для участников Туркестанской экспедиции А.П. и О.А. Федченко;¹²⁶ каталоги научных (научно-просветительских) выставок, в организации которых принимали участие

¹²⁵ Например: Менделеев Д.И. Опытные исследования колебаний весов // Менделеев Д.И. Сочинения в 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд.-во АН СССР, 1952. С. 591; Hemsley W.B. The Genus *Eremurus* // *The Gardeners Chronicle*. 1909. Vol. XLVI. Third Ser. № 11 (September). P. 181–182 и др.

¹²⁶ Инструкция для Туркестанской экспедиции. // Известия ОЛЕАЭ. 1869. Т. III. Вып. 2.

женщины;¹²⁷ научные отчеты,¹²⁸ каталоги собранных естественнонаучных коллекций: гербариев, палеонтологических коллекций и др.;¹²⁹ документация научных учреждений, созданная в процессе проведения естественнонаучных исследований, например садовые журналы, каталоги семян и растений, выращенных в акклиматизационном ботаническом саду.¹³⁰

1.2. Делопроизводственная документация как источник по истории научной деятельности женщин в России

Другим основополагающим видом исторических источников, традиционно используемым как при воссоздании научной биографии ученого, так и при решении

¹²⁷ Каталог антропологического и археологического отдела Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете. М., 1867; Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.Л., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.

¹²⁸ См., например: Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 23 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.) // Московские университетские известия. 1869. № 7 и др.

¹²⁹ Каталог гербариев О.А. Федченко (кроме итальянского 1868 г., Туркестанского 1869–1871 г. и швейцарского 1873 г.). [После 1897 г.] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 27. 71 л.; Павлова М.В. Тетрадь М.В. Павловой с записями различных коллекций. 1909–1910 // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98.

¹³⁰ Садовые журналы Ботанического сада в Ольгино. 16 тетрадей. 1901, 1902, 1919. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 28. 152 л.; Каталог Ботанического сада в Ольгино в 1903–1916 гг. Тетради // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. 423 л.

какой-либо комплексной историко-научной проблемы, является делопроизводственная документация. При реконструкции биографии российского мужчины-ученого историк имеет возможность обратиться в архив учреждения или организации, на службе в котором (которых) тот состоял. Для указанного периода это преимущественно высшее учебное заведение (университет) или Императорская академия наук. В любом из этих случаев, как правило, можно рассчитывать на существование делопроизводственной документации (послужного списка), последовательно отражающей этапы карьеры ученого, так же как и его семейное и имущественное положение. Женщина-ученый этого периода почти никогда не состояла на государственной службе и не занимала официальных должностей, таким образом, соответствующей делопроизводственной документации никогда не существовало. В результате использование данного вида исторического источника вынужденно ограничивается деловой перепиской с научными обществами (и некоторыми другими документами научных обществ), отложившейся в их архивах, при условии сохранности этих последних и некоторыми другими документами.

В настоящем диссертационном исследовании впервые выявлена, изучена и вводится в научный оборот переписка женщин-ученых с научными обществами и учреждениями. В частности, впервые вводится в научный оборот переписка княгини Е.И. Голицыной с Императорской академией наук (С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81), содержащая обсуждение ее математических выводов. Это первый, известный на сегодняшний день, случай переписки российской женщины с Императорской академией наук, касающейся предмета научного содержания. Также вводится в научный оборот переписка, отложившаяся в Архиве Московского общества испытателей природы (письма на имя секретаря МОИП О.А. Федченко и других), некоторые делопроизводственные документы научных обществ, не публиковавшиеся ими, в частности, протоколы заседаний советов Московского общества испытателей природы (Архив МОИП) и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, докладные записки и др.

(ЦГА Москвы. Ф. 446, ОР РГБ. Ф. 10). Также изучена делопроизводственная документация Московского университета, а именно, журналы заседаний совета Московского университета, на которых обсуждались вопросы о допуске женщин в университет (ЦГА Москвы. Ф. 418), анкеты, заполнявшиеся профессорами университета, содержащие ответы на эти же вопросы (ОР РГБ. Ф. 285). Также была изучена делопроизводственная документация Высших женских курсов, связанная с оставлением слушательниц при курсах для подготовки к научной деятельности (Центральный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 113, 450) а также личные дела слушательниц курсов (ЦГА Москвы. Ф. 363).

1.3. Источники личного происхождения по истории научной деятельности женщин в России

Источники личного происхождения: мемуары, дневники, личная переписка – документы, составляющие основу личных архивных фондов, являются фундаментом источниковой базы при изучении биографий российских женщин-ученых, живших в конце XVIII – начале XX века. большей частью это архивные источники, никогда ранее не публиковавшиеся и впервые вводимые нами в научный оборот.

Тем не менее, в эту же группу исторических источников входят и источники опубликованные, иногда даже еще при жизни их авторов – это мемуары и дневники женщин-ученых и (или) их родственников, друзей, знакомых. Следует, однако, констатировать, что российские женщины-ученые не особенно стремились писать воспоминания. Известно всего несколько опубликованных произведений, принадлежащих к этому жанру, причем опубликованных преимущественно в

последние годы, и это несмотря на развитость и даже популярность жанра в конце XIX – начале XX вв. Единственными воспоминаниями российской женщины-ученого XVIII века, известными на настоящий момент, являются записки княгини Е.Р. Дашковой (1843–1810), написанные изначально по-английски, переведенные на немецкий и французский языки, многократно переиздававшиеся, как в России, так и за рубежом.¹³¹ Наиболее известными воспоминаниями женщины-ученого, жившего и работавшего во второй половине XIX века, являются также многократно переиздававшиеся воспоминания С.В. Ковалевской (1850–1891), к сожалению, не захватывающие собственно периода ее научно-исследовательской деятельности.¹³² Уже в XXI веке были опубликованы мемуары археолога, графини П.С. Уваровой (1840–1924)¹³³ и мемуары более молодой современницы С.В. Ковалевской и П.С. Уваровой, известного этнографа В.Н. Харузиной (1866–1931),¹³⁴ заканчивающиеся, однако, (в опубликованном варианте) до начала ее научной деятельности. В советский период были опубликованы мемуары академика А.Я. Кочкиной (1899–1999), представительницы более молодого поколения российских женщин-ученых, основная научная деятельность которой пришлась на период после 1918 года.¹³⁵ Большинство других, известных в настоящее время воспоминаний, увидело свет в течение последних 10 лет. Например, мемуары А.Н. Жуковой-Бек (1869–1954), первой сибирячки, получившей высшее медицинское образование,¹³⁶ воспоминания

¹³¹ Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой: [Пер. с англ. / АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. Е.Л. Рудницкая]. Репринт. воспроизведение. М.: Наука, 1990. 511 с. (Россия XVIII ст. в изд. Вольн. рус. тип. А. И. Герцена и Н. П. Огарева). Вых. дан. ориг.: Лондон, 1859.

¹³² См., например издание: Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. 539 с.

¹³³ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.

¹³⁴ Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999.

¹³⁵ Кочина П.Я. Воспоминания. М., 1974; Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы: Воспоминания и выступления. М., 1988 и др.

¹³⁶ Жукова-Бек А.Н. Общее дело. Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек. Новосибирск, 1996.

более молодых генетика З.С. Никоро (1904–1984)¹³⁷ и биолога А.М. Семенов-Тян-Шанской (1913–1992).¹³⁸ Наиболее известные в ученом мире и, можно добавить, добившиеся научного признания женщины изучаемого нами периода, не сочли нужным оставить потомкам воспоминания о своей научно-исследовательской работе.

Следует отметить, что родственники и друзья также не часто оставляли воспоминания о необычных занятиях женщин, увлекавшихся изучением естественных наук. Исключение составляют объемные воспоминания А.М. Фадеева (1789–1867), супруга известной любительницы наук первой половины XIX века Е.П. Фадеевой (1789–1860),¹³⁹ в которых он достаточно подробно рассказал об образовании, полученном его супругой, ее увлечениях, отношениях с некоторыми представителями научного сообщества. Дети и даже внуки Е.П. Фадеевой оставили воспоминания о занятиях своей матери и бабушки.¹⁴⁰ Из опубликованных дневников интересные сведения об естественнонаучных коллекциях, собранных А.М. Раевской (1820–1883), содержит дневник известного российского мемуариста А.В. Никитенко (1804–1877).¹⁴¹ В дневнике московской жительницы Е.И. Поповой содержатся сведения о взаимоотношениях женщин, принадлежавших к образованному кругу, с

¹³⁷ Никоро З.С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика / Сост. Н.Н. Воронцов. Под общей ред. д-ра биол. наук Е.А. Ляпуновой и канд. биол. наук Е.А. Ароновой. М.: Academia, 2005. 288 с.

¹³⁸ Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом / [Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская]. СПб.: Изд-во ООО «Анатолия», 2012. 340 с.

¹³⁹ Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х частях. Одесса, 1897.

¹⁴⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849–1894). М., 1960. С. 19; Желиховская В.П. Мое отрочество. СПб., 1893; Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства / 7-е изд. СПб. [б.д.] и др.

¹⁴¹ Никитенко А.В. Дневник. В 3-х т. Т. 1–3. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

московской профессурой в 40-е годы XIX века,¹⁴² писательница, герцогиня Анна Шарлота Леффлер (1849–1892) написала воспоминания о С.В. Ковалевской, которые были сразу же переведены на русский язык и опубликованы.¹⁴³

Отдельно можно выделить небольшие по объему, своеобразные мини-воспоминания слушательниц и выпускниц С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, написанные специально для сборника, посвященного истории курсов. В основном, они посвящены описанию студенческой жизни, однако некоторые из них сосредоточены на воспоминаниях о женщинах-преподавательницах, в том числе о математиках Н.Н. Гернет, В.Н. Шифф, химике А.Ф. Васильевой-Синцовой.¹⁴⁴

Доступность других источников личного происхождения и, прежде всего, личной переписки зависит от сохранности и доступности личных архивных фондов, которую в данном случае можно охарактеризовать как мало удовлетворительную. Неудовлетворительная сохранность архивных коллекций женщин-ученых хотя бы частично проистекает из положения, занимавшегося женщинами в научном сообществе конца XVIII – начала XX вв., – положения частных лиц, не состоявших ни на какой государственной службе. Поэтому судьбы их архивов напрямую зависят от наличия или отсутствия семьи, близких родственников и друзей.

Очень часто сохранность архива женщины-ученого, жившей в конце XVIII – начале XX вв., зависит от сохранности архива ее супруга (если она была замужем), в составе которого могут отложиться ее материалы. Если архив мужа не сохранился,

¹⁴² Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911.

¹⁴³ Леффлер Анна Шарлотта. Софья Ковалевская : Воспоминания А.К. Леффлер, герцогини ди-Кайяnellо / Пер. со швед. М. Лучицкой; С прил. биогр. А.К. Леффлер, сост. Элен Кей и с 2 портр. СПб. : ред. журн. “Сев. вестн.”, 1893. 315 с.

¹⁴⁴ Никольская А.А. Н.Н. Гернет. В.Н. Шифф // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Л. : Изд-во. Ленинградского ун-та, 1965. С. 204–207; Крестинская В.Н. А.Ф. Васильева-Синцова // Там же. С. 207–209.

то в большинстве случаев нет никаких известий и об архиве его супруги. Такова, например, ситуация с архивом женщины-энтомолога, члена Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Е.К. Фреймут (в замужестве Кандинской) (? – 1890), супруги известного отечественного психиатра В.Х. Кандинского (1849–1889). Однако если супруг уходил из жизни первым, то в его архиве, как правило, не оставалось данных о последующих годах жизни и деятельности вдовы (или вообще никаких ее документов), поскольку именно женщина готовила архив к сдаче на хранение и, как правило, не считала нужным включать в него собственные материалы. Примером подобного положения дел может служить личный фонд российского астронома, члена-корреспондента АН СССР В.К. Цераского (1849–1925) в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 716), в составе которого не отложилось ни одного документа его супруги (впоследствии вдовы) Л.П. Цераской (1855–1931), также крупного астронома. По воспоминаниям коллег,¹⁴⁵ Л.П. Цераская продолжала свою научную работу и после смерти супруга. В настоящий момент степень сохранности и место нахождения ее архива неизвестны.

Нельзя не отметить, что многие женщины-любительницы наук, жившие в интересующий нас период времени, бывали одиноки: либо никогда не выходили замуж, либо оставались вдовами в молодом возрасте. Таким образом, они не имели своей семьи, поэтому после их смерти не оставалось никого, кто бы мог позаботиться об их архивах; к тому же поскольку они не могли занимать сколько-нибудь значимого положения в научных учреждениях, в этих последних также не сохранялись принадлежавшие им архивные коллекции. Из числа одиноких, не имевших семьи, женщин-ученых второй половины XIX – начала XX вв., чьи архивы канули в лету, можно назвать, например, зоолога С.М. Переяславцеву, геолога М.Е. Цветаеву, астронома Н.М. Субботину и многих других.

В целом, можно утверждать, что личные архивы женщин-ученых

¹⁴⁵ См.: Блажко С. Памяти Л.П. Цераской // Мироведение. 1932. Т. 21. № 1–2. С. 114–119.

исследуемого нами периода сохранились хуже, чем архивы мужчин-ученых того же времени. Однако во время проведения исследования по теме настоящей диссертации нами были выявлены и изучены архивные фонды, содержащие документы личного происхождения российских женщин-ученых, а также людей, тесно с ними общавшихся. Среди них личный фонд А.М. Фадеева, супруга известной российской естествоиспытательницы первой половины XIX века Е.П. Фадеевой, в котором отложилось несколько ее документов, а также личная переписка А.М. Фадеева, в которой упоминается его супруга (РГИА. Ф. 1100); личные фонды членов семьи Федченко, в том числе личный фонд известной путешественницы, издательницы научных трудов и крупного ботаника О.А. Федченко, ее мужа, известного путешественника, А.П. Федченко и сына, также крупного ботаника, Б.А. Федченко (С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808, 809, 810), фонд известного антрополога и зоолога, профессора Московского университета А.П. Богданова (1834–1896), содержащий личную переписку О.А. Федченко с А.П. Богдановым, переписку А.П. Богданова с президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Г.Е. Щуровским (1803–1884), касающуюся научной деятельности О.А. Федченко, личный дневник А.П. Богданова и др. (Архив РАН. Ф. 446), личные фонды и (или) коллекции и даже отдельные документы в составе личных фондов в Архиве РАН: М.Н. Вернадской (Ф. 518), М.В. Павловой (Ф. 311), А.А. Глаголевой-Аркадьевой (Ф. 641); Н.М. Субботиной (Ф. 543), а также личный фонд М.В. Жиловой (С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711); личный фонд П.С. Уваровой (ОПИ ГИМ. Ф. 387), личный фонд В.А. Варсанюфьевой (РГАЭ. Ф. 3), документы, касающиеся научной деятельности графини Е.П. Шереметевой (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1) и другие.

Помимо личной переписки, выявление которой в различных архивных хранилищах требует скрупулезной работы и значительных временных затрат, которая однако может содержать уникальную информацию о повседневной научной деятельности женщины-ученого, из числа документов личного происхождения среди

наиболее ценных источников информации можно выделить автобиографии женщин-ученых.¹⁴⁶ Автобиография, то есть более или менее полная и связанная биография, написанная самой женщиной-ученым, является без преувеличения уникальным историческим источником. Однако сам жанр автобиографии, цели, ради которых она была написана, сильно ограничивают состав и характер содержащейся в ней информации. Первое затруднение при изучении автобиографии возникает уже при попытке атрибутировать ее какому-либо виду исторических источников. С одной стороны, она несомненно несет в себе черты источника личного происхождения и имеет много общего с другими документами, относимыми к этой группе, например, с мемуарами. С другой стороны, в ряде случаев цель ее создания позволяет охарактеризовать ее как делопроизводственный документ, со всеми особенностями, принадлежащими этому виду исторических источников. Чтобы пояснить нашу мысль, разберем несколько конкретных примеров.

К источникам личного происхождения, без всяких сомнений, можно отнести автобиографию Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой (1831–1860), первой отечественной женщины-ученого, специализировавшейся по политической экономии. Эта одна из самых ранних, если не самая ранняя из известных на сегодняшний день, автобиографий российских женщин-ученых, была написана осенью 1849 – весной 1850 года. М.Н. Вернадская (в тот момент еще Шигаева) написала ее по просьбе своего жениха И.В. Вернадского, сделав это в несколько приемов. Среди личной переписки М.Н. Шигаевой (Вернадской) и И.В.

¹⁴⁶ Об этом см.: Валькова О.А. Автобиография российской женщины-ученого второй половины XIX – начала XX в. как исторический источник // История науки и техники в системе современных знаний. Материалы научной конференции, посвященной 10-летию кафедры истории науки и техники. Екатеринбург. 14 декабря 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 71–75; Она же. Автобиография российской женщины-ученого второй половины XIX – начала XX в. как исторический источник // Архив науки и техники. Вып. IV (XIII). М.: Янус-К, 2010. С. 219–253.

Вернадского, хранящейся в фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН, нами обнаружены два письма и несколько последовательных дневниковых записей в форме писем, которые содержат автобиографические сведения. Несмотря на то, что биография фондообразователя – В.И. Вернадского (так же, как и история его семьи) – неоднократно привлекала к себе внимание историков, личные документы его отца, И.В. Вернадского, остаются почти неисследованными, а документальные материалы первой супруги отца, в том числе ее автобиография – никогда ранее не упоминались в исторической литературе.

Необходимо отметить, что личность М.Н. Вернадской представляет исключительный интерес для исследователя, работающего над разрешением задач, поставленных в настоящей диссертации. В течение десяти лет, со дня своего замужества (30 апреля 1850 г.) и до безвременной смерти (12 октября 1860 г.), эта молодая женщина, не имевшая никакого официального научного статуса, завоевала уважение и репутацию серьезного исследователя в области политической экономии, науки, которая и сто лет спустя оставалась преимущественно мужской сферой деятельности. М.Н. Вернадская перевела на русский язык несколько сочинений по политической экономии, в том числе: с французского – работу Л.В. Тенгоборского (1793–1857) «О производительных силах России»,¹⁴⁷ Ж. Гарнье (1813–1881) «Начала финансов»;¹⁴⁸ с английского – книгу английской исследовательницы Джен Марсет (Холдименд) «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве»¹⁴⁹ и работу Г. Мартино (1802–1876) «Иллюстрации политической экономии», тогда оставшуюся неизданной. Она стала инициатором и активным участником издания журнала, основанного ее мужем и выходившего в свет в Петербурге с 1857 года сначала под названием «Экономический указатель», затем (с 1858 г.) – «Экономист», и, наконец,

¹⁴⁷ Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Ч. 1–2. М.: Универ. тип., 1854–1858.

¹⁴⁸ Гарнье Ж. Начала финансов. СПб.: Ред. “Экономиста”, 1863. 145 с.

¹⁴⁹ Марсет Джен (Холдименд). Понятия Гопкинса о народном хозяйстве / Пер. с. англ. [М.Н. Вернадская]. М.: Унив. тип., 1856. 340 с.

с 1859 года – «Указатель политическо-экономический», публикуя в нем не только собственные статьи, но и ведя раздел библиографии и рецензий. Она опубликовала более двадцати статей по экономике, из которых целый ряд был посвящен проблеме женского труда, в том числе: «Женский труд», «Еще о женском труде», «Назначение женщины». Эти работы оказали большое влияние на развитие только что зарождавшегося в стране «женского вопроса» и часто цитировались впоследствии сторонниками различных точек зрения по этому предмету. Ее последней работой стал «Опыт популярного изложения основных начал политической экономии».¹⁵⁰ Труды М.Н. Вернадской получали превосходные рецензии современников и охотно перепечатывались как в столичных, так и в провинциальных изданиях. Возможно, их высокой оценке способствовало то, что М.Н. Вернадская подписывала их одними инициалами, и в течение длительного времени никто не знал, что заслужившие внимание специалистов и публики работы принадлежат женщине. После ее смерти все ее оригинальные статьи были собраны в один том и переизданы под названием «Собрание сочинений покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой».¹⁵¹ Все перечисленное было сделано Марией Николаевной в течение 10 лет, одновременно с рождением сына, постоянной помощью мужу в его профессиональной деятельности, а также несмотря на болезнь, отнимавшую силы в последние годы ее жизни.

Таким образом, автобиография, написанная для близкого человека, человека, впоследствии одобрявшего и поддерживавшего научные занятия ее автора, может содержать неотредактированную информацию о детстве и юности женщины, чей образ жизни оказал большое влияние на решение всего так называемого «женского вопроса» в нашей стране. Конечно, автобиография написана до замужества, а первая научная публикация М.Н. Вернадской увидела свет только через два года после

¹⁵⁰ Вернадская М.Н. Опыт популярного изложения основных начал политической экономии. Посм. соч. М.Н. Вернадской. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1861. 58 с.

¹⁵¹ Она же. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1862. 496 с.

этого события. То есть в документе априори не может обнаружиться никаких данных о научной деятельности автора, зато должны найтись факторы, определившие формирование столь необычного для своего времени характера.

Однако анализ автобиографии не подтверждает предварительных умозрительных предположений. Нам не удастся обнаружить ни малейшего намека на существование у ребенка интереса к наукам, тем более к проблемам экономическим. Наоборот, раз за разом мы встречаем фразы типа: «Науки мне опротивели, я стала лениться»¹⁵²; «В это время я училась довольно плохо...»¹⁵³, – эти высказывания относятся ко времени, когда автору было 11–12 лет. Из распорядка дня тщательно и подробно (по часам) описанного в автобиографии, можно узнать о том, что три часа в день уделялось каллиграфии, несколько часов музыке, танцам, обязательной прогулке. Больше часа в общей сложности отводилось молитвам. На все остальные уроки уходило три часа в день.¹⁵⁴ Однако о содержании этих уроков Н.М. Шигаева даже не обмолвилась. Таким образом, чему именно ее обучали (помимо перечисленного), остается загадкой. Причина этого не в скрытности или нежелании рассказать, а скорее в том, что автор считал состав «уроков» чем-то очевидным, не нуждавшимся в комментариях или, возможно, вообще не придавал этому значения. Несколько ранее М.Н. Вернадская упоминала о том, что начала учиться французскому и немецкому языкам еще до появления в доме гувернантки, которая ее и обучала. Можно предположить, что именно о них идет речь, когда она пишет: «С 11-ти до 12-ти она (гувернантка. – О.В.) спрашивала меня уроки, – или – С 12-ти до 2-х я учила на другой день уроки, этого было слишком много, я бы в один час могла выучить мой урок, но ранее двух мне не было позволено знать моего

¹⁵² Шигаева М.Н. Письмо к И.В. Вернадскому. 17 ноября [1849 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 188. Л. 233 об.

¹⁵³ Там же. Л. 246.

¹⁵⁴ Там же. Л. 246–246 об.

урока».¹⁵⁵

Итак, вместо чего-то неожиданного, неординарного, предполагавшегося нами, перед исследователем появляется картина самого традиционного (для дворянской семьи) воспитания девочки-подростка. Некоторый интерес к занятиям появляется у нее только после приглашения в дом учителей русской и французской словесности, которые вместо того, чтобы постоянно бранить свою ученицу, что регулярно делала гувернантка, всячески хвалили ее. После этого, пишет М.Н. Вернадская: «Уроки мои шли очень успешно, в месяц сделала примечательные успехи, папенька очень этим был доволен [...]. Я стала любить науки, и занималась даже с удовольствием, в чем бы прежде никому не поверила; даже мне иногда не верилось самой себе. Кресси¹⁵⁶ хвалил меня почти за каждый урок, говорил, что у меня есть способности и в особенности удивительная память. Его похвалы, ласки папеньки и одобрение Евграфа,¹⁵⁷ почти с каждым днем возбуждало во мне более охоты к наукам. Труд больше не пугал меня»;¹⁵⁸ или «Я училась хорошо и даже почти с удовольствием».¹⁵⁹ Однако этого интереса хватило чуть больше чем на год. Когда после заключения помолвки с Вернадским осенью 1849 года обсуждался вопрос в том, стоит ли продолжать занятия вплоть до свадьбы или нет, М.Н. Шигаева была готова их прекратить. Как она сама пишет: «Сказать правду, я к продолжению ученья не питала большого желания...»,¹⁶⁰ но она согласилась на это, стремясь угодить отцу и будущему супругу: «...папенька предоставил на мою волю учиться или не учиться, но я видела, что он хочет, чтобы я продолжала, и решилась

¹⁵⁵ Там же. Л. 246–246 об.

¹⁵⁶ Де Кресси – преподаватель французской литературы.

¹⁵⁷ Е. Короленко, старший родственник и друг М.Н. Шигаевой.

¹⁵⁸ Дневниковые записи М.Н. Шигаевой, написанные в форме письма к И.В. Вернадскому. Б. д. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 188. Л. 90 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 91.

¹⁶⁰ Там же. Л. 157.

продолжать, не знаю от чего мне как-то стыдно было бросить прежние занятия. Твои письма еще более утвердили меня в намерении учиться».¹⁶¹

Таким образом, читая автобиографию М.Н. Шигаевой (Вернадской), мы видим образ девочки, подростка, юной девушки, рано потерявшей мать и часто чувствовавшей себя несчастной под присмотром строгой гувернантки. Эта девушка, возможно, умна и любознательна, но она предпочитает чтение романов занятиям «науками» и гораздо больше стремится рассказать жениху о прежних увлечениях (не научных, а любовных), чем обо всех прочих своих занятиях. Можно почти с полной уверенностью утверждать, что она никогда не слышала слова «политэкономия». В тексте документа не удастся найти ничего, что выделяло бы его автора из круга ровесниц, кроме разве что самого желания писать и хорошего владения письменным русским языком. Несмотря на то, что мы получаем информацию о характере Шигаевой, образе ее жизни, людях, ее окружавших, несмотря на то, что благодаря автобиографии нам удастся выявить целый ряд несоответствий в работе, посвященной ее биографии,¹⁶² вопрос, интересовавший нас больше всего – вопрос об истоках формирования у женщины интереса к научной деятельности – остается без ответа.

Однако имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что автобиография, носившая ярко выраженный личный характер, представлявшая собой своеобразную исповедь, предназначенную для близкого человека, является скорее исключением, чем правилом. Видимо именно в этом – основная причина отсутствия (во всяком случае известных нам) автобиографий женщин-ученых вплоть до 80-х гг. XIX в. С точки зрения юриста, положение российской женщины-ученого к этому времени ничем не отличалось от того положения, которое она занимала в 50-е гг. XIX в. (при жизни М.Н. Вернадской). Согласно действовавшим законам Российской империи, указам императора и постановлениям правительства женщина

¹⁶¹ Там же. Л. 157.

¹⁶² См.: Быков П. М.Н. Вернадская // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. № 5–8. С. 235–238.

не имела права поступить в университет, а добившись диплома зарубежного университета, – на службу в государственное научное или высшее образовательное учреждение. Тем не менее фактическая ситуация к этому времени изменилась значительно. Присутствие женщины на научных собраниях становилось все более привычным, в периодических изданиях научных обществ все чаще появлялись статьи, подписанные женскими именами. Исследовательская деятельность как минимум нескольких женщин получила широкую известность и признание со стороны профессионального научного сообщества. В целом ряде научных дисциплин (ботанике, зоологии, математике, этнографии) игнорировать труды женщин-ученых стало невозможно, поскольку по своему уровню они не уступали работам коллег-мужчин и даже превосходили их. Это новое положение породило новую потребность – потребность в информации о самих женщинах-ученых.

Научное сообщество желало иметь о женщинах-ученых те же сведения, которые оно имело о мужчинах-ученых, в том числе: каково их социальное происхождение; где, когда и как они получили образование; кто были их учителя; каковы основные направления их научной деятельности; официальные места работы (если таковые имелись); экспедиции, в которых они принимали участие, а также списки опубликованных ими научных работ. Подобная информация являлась как бы паспортом ученого, подтверждавшим его статус и позволявшим коллегам воспринимать его как равного среди равных. Там, где речь заходила не о распределении должностей, жалований и привилегий, а о реальных результатах научной работы, результатах, которые можно было использовать в дальнейших исследованиях, подобное описание этапов профессиональной деятельности являлось некоей гарантией добросовестности и «добропорядочности» ученого. Характерный пример представляет анкета, разосланная А.П. Богдановым при подготовке «Материалов для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетие (1850–1887 гг.)». В состав анкеты входили следующие вопросы:

«1) Имя, отчество и фамилия. 2) Год рождения, день рождения и место его (Если возможно: сведения о родителях). 3) В каком среднем заведении получил воспитание? С какого года по какой? 4) В каком университете слушал лекции, когда и у кого особенно занимался? Не было ли студенческих работ, напечатанных или награжденных медалью? 5) Был ли за границею, когда именно, где, чьи лаборатории посещал? 6) Место служения, с какого года по какой? Какие звания нес по учебной и ученой службе и несет? 8) Каких ученых обществ состоит членом? 9) Какие премии, медали и прочие ученые награды получал? Какие сочинения напечатал по зоологии, антропологии и соприкасающимся с ними наукам?».¹⁶³ Одним словом, научное сообщество хотело знать, с кем оно имеет дело, вот почему при составлении биографических словарей ученых их создатели нашли необходимым включать статьи о женщинах, зарекомендовавших себя серьезными исследователями.

Пример этому показал А.П. Богданов при подготовке своих знаменитых «Материалов», о которых мы упоминали выше.¹⁶⁴ Возможно, ему было легче сделать подобный шаг чем кому бы то ни было, поскольку он был хорошо знаком и постоянно сотрудничал сразу с несколькими женщинами-учеными и прежде всего с О.А. Федченко (1845–1921). В первом же томе своих «Материалов» А.П. Богданов опубликовал автобиографии троих женщин-ученых, в том числе М.В. Павловой (1854–1938), М.А. Российской, впоследствии Кожевниковой (1861–1929) и О.А. Федченко. Автобиографии некоторых других, например, М.К. Цветаевой (1852–?) по каким-то причинам остались неизданными.¹⁶⁵

Запросы научного сообщества и поданный А.П. Богдановым пример привели к появлению нового вида автобиографии женщины-ученого, представлявшего собой

¹⁶³ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетие (1850-1887 г.). Т. 1. М., 1888. С. III.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ См.: Цветаева М.К. Автобиография. Б. д. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

нечто среднее между сугубо личной автобиографией М.Н. Вернадской и распространенными в XX веке сухими и строгими Curriculum Vitae. Эти новые автобиографии писались по просьбам составителей биографических словарей, научных обществ (например, при присвоении почетных званий или присуждении премий), несколько позднее – женских организаций (например, для предоставления данных международным женским конгрессам) и др. Чаще всего подобные автобиографии представляли собой более или менее вольные ответы на заданные вопросы; женщины, писавшие их, знали, что текст предназначен для опубликования. Неудивительно поэтому, что содержащаяся в них информация обычно носит строгий характер и не содержит лирических отступлений, объясняющих мотивы тех или иных поступков их авторов.

Хотя есть, конечно, и исключения. Автобиографии женщин-ученых 80-х гг. XIX – начала XX вв. несмотря на все большую официальность все еще могут содержать очень личные сведения о поведенческих мотивах своих авторов. Так, например, в неизвестной ранее автобиографии 1900 года О.А. Федченко пишет: «Интерес к ест[ественно]-историческим занятиям обнаружила с детства...».¹⁶⁶ И это – единственное имеющееся *личное* свидетельство члена-корреспондента Императорской академии наук, автора более 100 научных трудов, об истоках ее интереса к науке. Детское увлечение, возникшее задолго до замужества и не связанное напрямую с профессиональной деятельностью или интересами родственников-мужчин резко выделяет О.А. Федченко из круга ее современниц.¹⁶⁷

¹⁶⁶ Федченко О.А. Письмо М.А. Кожевниковой. 23 марта 1900 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 116. Л. 5.

¹⁶⁷ Известно, что отец О.А. Федченко – профессор судебной медицины Московского университета А.О. Армфельд – никогда не интересовался наукой; ее старший брат, А.А. Армфельд, занимался в основном коневодством, младший, умерший совсем молодым, Н.А. Армфельд, увлекался участием в революционном движении. Ни один из них не мог привлечь дочь или сестру к *своим* занятиям естественными науками.

Но даже когда информация о мотивации присутствует в автобиографии, исследователь, оценивая степень ее достоверности, не может позволить себе забыть о том, что первоначально она предназначалась для широкой публики и следовательно почти наверняка не могла не быть отредактирована автором (в той или иной степени) в соответствии с ожиданиями этой самой публики. К сожалению, степень достоверности сведений в данном случае почти не поддается проверке. В этом отношении нет особой разницы между фактами, сообщенными в автобиографии и в личном письме. Так, например, в одном из писем к В.А. Обручеву крупный геолог, известный историк и популяризатор науки В.А. Варсанофьева (1889–1976) писала: «Я с самых юных лет совершенно сознательно строила свою жизнь так, чтобы быть свободным и независимым человеком, не имеющим личной семьи и наоборот имеющим полную возможность отдаться научной работе и путешествиям, о которых я мечтала с детства».¹⁶⁸ Как определить, насколько соответствовало действительности это утверждение? Несмотря на взаимное уважение и связывавшие В.А. Обручева и В.А. Варсанофьеву многолетние дружеские и деловые отношения их вряд ли можно было назвать близкими друзьями, поэтому, читая подобное заявление, исследователь не может не задаться вопросом: зачем была написана эта фраза? Соответствует ли она убеждениям автора или является результатом самовнушения одинокой женщины, или, возможно, это некий тактический ход для достижения вполне определенной цели? Получить ответы на подобные вопросы почти невозможно, разве что исследователю посчастливится найти дневник юношеских лет В.А. Варсанофьевой. В целом однако сведения личного характера в автобиографиях встречаются редко. Например, в уже упоминавшейся нами автобиографии московского геолога М.К. Цветаевой нет даже намека на причины, побудившие ее заняться наукой.¹⁶⁹

¹⁶⁸ Варсанофьева В.А. Письмо В.А. Обручеву. 3 мая 1942 г. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 316. Л. 15 об.

¹⁶⁹ Цветаева М.К. Автобиография. Б. д. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

Теперь, оставив в стороне вопрос о мотивах исследовательской деятельности женщины-создателя автобиографии, посмотрим на то, какую еще информацию может содержать этот документ. Одной из наиболее сложных задач при изучении биографии женщины-ученого является поиск сведений о ее происхождении, общественном положении родителей, близких родственниках и, наконец, о ее собственной семье. Учитывая все еще очень неформальный характер автобиографии женщины-ученого конца XIX – первого десятилетия XX в., значительную роль, которую играла семья в жизни женщины, а также интерес научного сообщества (если вспомнить, например, пункт 2 приведенной нами анкеты А.П. Богданова), автобиография женщины-ученого предположительно должна содержать достаточно подробное изложение данного сюжета.

Действительно, изучение фактического материала подтверждает это предположение. Однако объем информации о семье, извлекаемой из большинства автобиографий, степень ее точности и достоверности часто разочаровывают исследователя. Одна из наиболее очевидных причин – незнание (или плохое знание) автором истории собственной семьи. «Историю наших предков я не знаю, даже историю папеньки я знаю очень неполно...», – пишет М.Н. Вернадская,¹⁷⁰ сообщая более чем скудные сведения о своем отце и не сообщая никаких сведений о матери до ее замужества (включая девичью фамилию). «Семья принадлежит к коренному населению города [Рыбинска Ярославской губернии. – О.В.] и, судя по рассказам, с давних лет были Жилковы купцами или мещанами, только в 90-х годах XIX века среди них появляются священники, доктора, педагоги, юристы, инженеры. В торговле и промышленности многие из них были видными деятелями Волги. [...] Со стороны матери, урожд[енной] [Волковой], родители тоже были купцы. [...] торговали во многих городах России. Мечтали заняться и [промышленным] делом»,

¹⁷⁰ Вернадская М.Н. Письмо И.В. Вернадскому. Б. д. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 118. Л. 75.

– пишет М.В. Жилова.¹⁷¹ И в том, и в другом случае в автобиографии бесполезно было бы искать точные имена и фамилии обоих родителей, имена братьев и сестер (и их точное количество), точные сведения об образовании родителей и прочее. Вся имеющаяся информация носит преимущественно легендарный характер и выдает полное отсутствие интереса к семейной истории не столько у самих авторов источников, сколько у их старших родственников.

Тем не менее и это совсем немало особенно по сравнению с полным (или почти полным) отсутствием информации по данному вопросу. Например, все, что когда-либо писала о своей семье известный физик А.А. Глаголева-Аркадьева (1884–1945) сводится к следующему: «Чтобы перейти на путь научной работы, мне пришлось преодолеть много препятствий в связи с предрассудками, глубоко укоренившимися в деревенской глуши и мешавшими в то время женщинам в их стремлении выбраться на путь к знанию. Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и также горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помощь со стороны».¹⁷² Несколько позднее, в автобиографии, представляющей собой ответы на заданные вопросы, отвечая на вопрос о своем социальном происхождении, она отмечала: «Дочь священника».¹⁷³ Нигде она не сочла нужным упомянуть хотя бы имена родителей, братьев, сестер. Не сохранилось никаких документов родственников в коллекции ее архивных материалов, не упоминаются эти имена и в нескольких посвященных ей биографических очерках, написанных близко знавшими ее людьми. Например, в биографическом очерке К.А. Волковой можно прочитать:

¹⁷¹ Жилова М.В. Автобиография. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

¹⁷² Глаголева-Аркадьева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 43.

¹⁷³ Глаголева-Аркадьева А.А. Автобиография. 12 ноября 1936 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 78.

«Она родилась в семье Товарково, Тульской губернии, 16/28 февраля 1884 г[ода] в семье сельского священника». ¹⁷⁴ Никаких других сведений о семье нет.

А вот что пишет в автобиографии о своей семье М.К. Цветаева: «Дочь чиновника». ¹⁷⁵ И это практически все, что на сегодняшний день известно о ее семье, за исключением одного краткого упоминания в очерке Ф.Ю. Левинсон-Лессинга: «Имея на руках больную мать-старушку и слепого дядю...», – пишет автор, скорее всего знавший свою героиню лично. ¹⁷⁶

Нежелание предавать гласности хоть какие-то сведения о семье могло возникнуть по разным причинам: из-за незаконнорожденного происхождения (что нередко встречалось в XIX в. и в биографиях мужчин-ученых), ¹⁷⁷ какого-либо предосудительного семейного скандала (например, разорения), полного или временного разрыва с семьей, часто из-за отказа родственников поддержать стремление женщины к высшему образованию и др. В более поздний период, в 20 – 30 гг. XX в., нежелание афишировать свое происхождение могло быть вызвано беспокойством о безопасности и благополучии близких. В эпоху утвержденной властью и активно претворявшейся в жизнь дискриминации людей в соответствии с их социальным происхождением подобные опасения не вызывают удивления. Например, известный астроном-любитель Н.М. Субботина в автобиографии 1936 года пишет о том, что она – «дочь горного инженера», ¹⁷⁸ не уточняя даже фамилии отца, не говоря уже о его образовании или месте работы, хотя из ее личной переписки известно, о глубокой и искренней любви, связывавшей всех

¹⁷⁴ Волкова К.А. А.А. Глаголева-Аркадьева (1884–1945) // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л., 1948. С. 17.

¹⁷⁵ Цветаева М.К. Автобиография. Б. д. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

¹⁷⁶ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М., 1952. С. 404. Д.В. Наливкин в монографии «Наши первые женщины-геологи» не добавляет никаких сведений о семье Цветаевой, помимо выше перечисленных (Л., 1979. С. 37–41).

¹⁷⁷ Например, см. различные биографии (автобиографии) Г.Е. Щуровского.

¹⁷⁸ Субботина Н.М. Автобиография. Ноябрь 1936 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 45.

Субботиных.¹⁷⁹ Правда, к этому времени автобиография приобретает совершенно официальный характер, составляется обычно исключительно для профессиональных целей и может быть скорее отнесена к делопроизводственным документам, чем к источникам личного происхождения. Какие-либо *личные* сведения полностью из нее исчезают.

Кроме того подобная скрытность в этот период становится характерной не только для автобиографий, но и для личной переписки и мемуаров. Та же Н.М. Субботина годом ранее (3 июля 1935 г.) писала своему старинному знакомому академику Н.А. Морозову: «...мама с папой оба принадлежали к семье “интеллигентных разночинцев” и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в., сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца».¹⁸⁰ Восстановить, исходя из этой информации, настоящие имена членов семьи представляется задачей крайне сложной, особенно учитывая женскую линию, о которой идет речь, поскольку и бабушка, и мама Н.М. Субботиной, выходя замуж, меняли свои фамилии (как минимум по одному разу). А вот что пишет в воспоминаниях, помеченных 12-м декабря 1934 г., Н.К. Скворцова-Михайловская (1852–1938), одна из первых (если не самая первая) российская женщина-психиатр: «Я родилась 30 июля (ст. ст.) 1852 за два с половиной [месяца] до смерти отца, который умер скоропостижно от холеры 42 лет. Матери было 28 л[ет]. Кроме меня осталась сестра 10 или 13 лет и 2 брата: старший 11 или 14 лет и младший 5 лет».¹⁸¹ Надо отметить, что с тех пор какие-либо дополнительные сведения о ее семье так и не были найдены даже несмотря на выборочную (в части

¹⁷⁹ См., например, письмо Н.М. Субботиной Н.А. Морозову от 11 ноября 1909 г. (Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 12) и др.

¹⁸⁰ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20.

¹⁸¹ Скворцова-Михайловская Н.К. «Воспоминания». 12 декабря 1934 г. // ОР РНБ. Ф. 699. Д. 8. Л. 1.

касающейся знакомства Н.К. Скворцовой-Михайловской с И.С. Тургеневым) публикацию воспоминаний.¹⁸² Однако рассуждения о 20–30 гг. XX в. выходят за рамки настоящей диссертации.

Возвращаясь к особенностям автобиографий женщин-ученых второй половины XIX – начала XX вв., в той их части, которая посвящалась сведениям о семье, следует отметить еще один важный момент: почти совершенно исключена возможность обнаружить в них сообщение о матери автора. Отсутствие упоминаний о матери можно, пожалуй, объяснить неким налетом «официальности» уже прослеживающимся в данных автобиографиях. Женщина в Российской империи по закону являлась как бы приложением своего отца или супруга. Ее общественное положение определялось во всех юридических документах как «дочь действительного тайного советника», или «супруга профессора Московского университета», или «вдова генерала». Жизнь женщины (в соответствии с правительственной доктриной) протекала внутри семьи, не соприкасаясь с жизнью общества: она нигде не служила, не могла занимать никаких постов; вообще совершать каких-либо деяний вне круга своей семьи. Придворная служба фрейлин являлась исключением из этого правила, касавшимся ничтожного меньшинства женщин. Конечно, встречались и другие исключения: акушерки, состоявшие на службе в Министерстве внутренних дел, несколько позднее – телеграфистки, затем надзирательницы в женских тюрьмах; разумеется, классные дамы и преподавательницы некоторых дисциплин (рукоделия, музыки) в женских институтах. С течением времени этот список постоянно расширялся. Однако в данном случае речь идет не столько о *реальном* положении дел, сколько об официально одобренной *доктрине*, степень соответствия которой фактической ситуации мало интересовала ее создателей. В данном случае также речь не идет об

¹⁸² Сам.: Заборова Р.Б. Воспоминания Н.К. Скворцовой-Михайловской о Тургеневе // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. 4. Л., 1968. С. 322–323.

имущественных правах женщины и ее ответственности за уголовные преступления – двух случаях, при которых женщина в России выступала как самостоятельно действующая личность.

Таким образом, с официальной точки зрения (в официальном документе) сообщить о женщине что-либо помимо того, что она супруга и мать было нечего. В результате, в рассматриваемых нами автобиографиях женщин-ученых сведения о матери автора появляются только в том случае, если она окончила какое-либо учебное заведение, получив при этом официальный документ. (Речь идет, конечно, о средних учебных заведениях, так называемых Институтах благородных девиц). Это – единственный самостоятельный поступок, который в первой половине XIX в., а именно на этот период приходится молодость матерей большинства попавших в наше поле зрения женщин-ученых, могла совершить девушка, прежде чем выйти замуж и превратиться (юридически) в тень своего супруга. Так например, в двух из трех женских автобиографий, опубликованных в «Материалах» А.П. Богданова есть данные о матерях женщин-ученых. О.А. Федченко пишет следующее: «Отец О.А. Федченко, Александр Осипович Армфельд (родился 18-го февраля 1806, умер 12-го марта 1868 г.) профессор Московского университета и Инспектор Николаевского Института при Воспитательном доме, женился на Анне Васильевне Дмитриевской, 20-ти лет, только что кончившей курс в Московском Екатерининском Институте».¹⁸³ И это – наиболее полные и точные сведения о родителях, когда-либо попадавшие нам в источнике данного вида. М.А. Российская сообщает: «Отец в настоящее время (1887 г.) командир Галицкого полка, уроженец Петербурга, сын моряка Российского, много путешествовавшего и печатавшего описания своих путешествий. Мать, уроженка Орловской губернии из помещичьей семьи, кончила Харьковский Институт с первым шифром».¹⁸⁴ Как видим, М.А. Российская, упоминая о матери, в то же время не называет имен обоих родителей, так что восстановить их теперь не

¹⁸³ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

¹⁸⁴ Там же. Л. 9.

просто. В опубликованной там же автобиографии М.В. Павловой никаких упоминаний о матери нет: «Дочь доктора Василия Степановича Гортынского, инспектора Врачебного отделения Черниговской губернии», – пишет она о своем происхождении.¹⁸⁵ И это наиболее распространенный вариант. Надо заметить, что уже в 30-е гг. XX в. при необходимости упомянуть в автобиографии о своем социальном происхождении женщины-ученые писали следующее (например, отвечая на п. 3. – «Социальное происхождение» – в анкетах, поданных осенью 1936 г. для участия в конференции женщин-ученых): «Родилась я в 1893 г. в семье почтальона в г. Ковеле»;¹⁸⁶ «Дочь профессора»;¹⁸⁷ «Дочь служащего»;¹⁸⁸ «Отец был до 1906 г. – врачом, потом до революции – помощником присяж[ного] поверенного. С 1918 по 1925 г. отец работал в Ленингр[адском] обл[астном] суде в качестве завед[ующего] инструкторским отделом и нотариальным отдел[ом]. Отец умер в 1925 г.»;¹⁸⁹ «Родилась в 1894 г. в семье народного учителя в г. Чугуеве Харьковской обл[асти]»¹⁹⁰ и пр. Чаще всего встречается ответ – «дочь служащего». Но в данном случае интересно то, что мать не упомянута ни разу, хотя каждая из анкет заполнялась индивидуально и посылалась по почте, то есть нельзя сказать, что авторы просто списывали друг у друга. Таким образом даже в 30-е гг. XX в. сохранялась традиция определять происхождение человека по роду деятельности его (ее) отца. Не удивительно, что во второй половине XIX – начала XX вв. подобное положение являлось общепринятым правилом.

Еще один вопрос, который обычно интересует исследователя биографий женщин-ученых и ответ на который найти бывает не легко, – это вопрос об их

¹⁸⁵ Там же. Л. 18.

¹⁸⁶ Вишневская. Curriculum vitae. [1936–1937] // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 35.

¹⁸⁷ Романова М.Ф. [Автобиография]. 27 апреля 1937 г. // Там же. Л. 40.

¹⁸⁸ Константинова-Шлезингер М.А. [Автобиография]. 15 ноября 1936 г. // Там же. Л. 42.

¹⁸⁹ Шехтер А.Б. [Автобиография]. 17 ноября 1936 г. // Там же. Л. 43.

¹⁹⁰ Леонтьева А.А. Автобиография. [1936–1937] // Там же. Л. 57.

собственных семьях, то есть о супругах и детях. В отечественной историографии нередко можно встретить убеждение в том, что личная жизнь ученого не имеет отношения к его научной работе. Подобная точка зрения кажется нам в корне неверной и особенно ярко подтверждение нашего мнения можно увидеть на примере биографий женщин-ученых. Желание супруга обрести в своей жене помощника (ассистента, секретаря) являлось одной из главных причин, побуждавших женщин заниматься естественными науками во второй половине XIX века. Необходимость же повседневной заботы о семье и детях – непреходящий (вплоть до настоящего времени) фактор, препятствующий этому. Вот почему сведения о семейном положении и семейной жизни женщины-ученого принципиально важны не только для понимания причин, побудивших ее к занятиям научной деятельностью, но и для восстановления этапов ее научной биографии.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении фактического материала показывает, что в большинстве автобиографий женщин-ученых содержится информация о супруге исследовательницы, при условии, что он также был профессиональным ученым. Очевидная причина этого кроется в том, что в большинстве случаев сфера научных интересов женщины-ученого и (или) географический ареал ее деятельности самым тесным образом были связаны со службой ее супруга. Типичным примером можно считать следующие слова О.А. Федченко (из уже цитированной выше автобиографии 1900 г.): «В 1867 г. вышла замуж и участвовала с мужем во всех его путешествиях: в 1867 г. в Финляндию и Швецию, в 1867/8 на 1-й съезд Ест[ество]-И[спытателей] и Врачей, в 1868 г. в Австрию и Италию (февраль-май) [...] в октябре 1868 же года предприняла с А.П. Федченко трехлетнее путешествие в Туркестан, где участвовала и в Исследовании Заравшанкой долины (1869 г.)¹⁹¹, Фарапа и Магиана (1870), Кизил-Кумов (1871 г.) и независимого еще тогда Коканского ханства (1871 г.) (нынешняя Ферганская область), а также окрестностей Ташкента (1870 и 1871 г.) и в той экспедиции

¹⁹¹ Далее зачеркнуто: «верховья Зеравшана с оз[ером] Искандрер-Куль и Ягноба, а также».

генерала Абрамова в верховьях Заравшана (1870), участникам которой присвоена теперь особая медаль. В 1872 г. была с мужем в Германии и Швейцарии».¹⁹² Из этой же автобиографии мы знаем, что интерес О.А. Федченко к естествознанию возник задолго до ее замужества. Известно также, что в Туркестанской экспедиции она принимала участие не только как жена А.П. Федченко, но и как ботаник, а также художник.¹⁹³ Ее профессиональный вклад в достижения Туркестанской экспедиции стал более чем значительным и принес ей признание ученого мира и достаточно широкую известность. В последующие годы большинство ее научных интересов было связано с изучением флоры Средней Азии и Туркестана. Однако, и видимо сама О.А. Федченко прекрасно это понимала, если бы А.П. Федченко получил назначение не в Туркестан, а, например, в Забайкалье, то О.А. Федченко скорее всего стала бы специалистом не по флоре Средней Азии и Памира, а по флоре Забайкалья и сопредельных территорий. Несмотря на статус полноправного (хоть и неоплачиваемого) участника экспедиции О.А. Федченко всего лишь следовала за своим супругом, *выбор направления* принадлежал не ей. Поэтому упоминание в автобиографии о супруге для женщины-ученого означало объяснение истоков, направлений и этапов ее научной деятельности. Некоторым образом сведения о замужестве заменяли данные о занимавшихся научных должностях, предоставлявшиеся мужчинами-учеными.

В то же время, если супруг не имел отношения к научному миру, его имя обычно не упоминалось. Например, в одной из автобиографий М.В. Павлова писала: «В 1886 г. вышла замуж за Алексея Петровича Павлова, профессора Моск[овского] Университ[ета]».¹⁹⁴ Эта информация предоставлялась читателю наравне с данными

¹⁹² Федченко О.А. Письмо М.А. Кожевниковой. 23 марта 1900 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об.

¹⁹³ Подробнее об этом см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М., 2006. С. 32–63.

¹⁹⁴ Павлова М.В. Автобиография. Черновик. Б. д. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 82. Л. 20.

об отце исследовательницы, полученном ею образовании и изданных ею научных трудах.¹⁹⁵ И действительно, она несомненно важна для понимания дальнейшей научной деятельности М.В. Павловой, поскольку, по воспоминаниям современников и коллег, только благодаря влиянию своего супруга она получила возможность работать в Геологическом кабинете Московского университета.¹⁹⁶ Кто знает, не случись этого замужества, и научная биография М.В. Павловой сложилась бы совершенно иначе. Известно, однако, что А.П. Павлов был ее вторым мужем. О первом супруге, Н.Н. Иллич-Шишацком, она не сочла нужным упоминать не только в автобиографии, но и где бы то ни было. Возможно, М.В. Павлова поступала так из уважения к А.П. Павлову, но так же причиной могло стать отсутствие связи между ее первым мужем и ее научной деятельностью. Результатом подобной скрытности явилось отсутствие данных о большом периоде жизни исследовательницы и причинах, побудивших ее после смерти первого мужа отправиться в Сорбонну получать высшее образование. А все, что имеется в распоряжении историков по этому вопросу на сегодняшний день, сводится к следующему: «После семилетнего замужества Мария Васильевна (в замужестве Иллич-Шишацкая) в 1880 г. осталась вдовой. В том же году уехала в Париж...»¹⁹⁷

Таким образом следует констатировать, что женщины-ученые не спешили посвящать окружающих в подробности своей личной жизни, если только эта личная жизнь не была одновременно и профессиональной жизнью. Но даже в тех случаях, когда они охотно делились подобной информацией, определить, насколько она достоверна, достаточно затруднительно. Прекрасным примером может служить автобиография археолога, почетного члена Петербургской Академии наук, графини П.С. Уваровой (1840–1924), супруги графа А.С. Уварова (1828–1884).

¹⁹⁵ Там же. Л. 20–20 об.

¹⁹⁶ Памяти М.В. Павловой // Палеонтологическое обозрение . 1939. №. 1. С. 1.

¹⁹⁷ Бессуднова З.А. Павлова Мария Васильевна (1854–1938) // Павловская геологическая школа. М., 2004. С. 21.

Обнаруженная нами автобиография П.С. Уваровой (точнее, ее копия) содержится в письме П.С. Уваровой к В.В. Стасову и написана по его просьбе 16 ноября 1901 года. Ее автора нельзя упрекнуть в том, что она скрывает подробности своего семейного положения. Скорее наоборот. Первое упоминание о муже в тексте автобиографии появляется даже до того, как графиня успела написать точную дату своего рождения: «...когда старшему брату и мне минуло 12 лет, нас перевели в Москву, где и получила я окончательное образование, где познакомилась впоследствии со светом, где любила, вышла замуж, куда впоследствии перетянула мужа, где с ним жила и где его похоронила».¹⁹⁸ Дальнейшее изложение по стилю напоминает оду в честь графа А.С. Уварова: «...14 января 1859 г. вышла замуж за графа, который в это время был Товарищем попечителя Московского Учебного Округа и на 17 л. старше меня. До сих пор не пойму, как муж обратил внимание на девочку, гораздо его моложе, но которая, полюбив его, не могла не увлечься светлой личностью графа, его всесторонним образованием, его отзывчивостью ко всему хорошему и доброму и его любовью к искусству и науке. [...] под руководством мужа, я кажется еще больше полюбила красоты природы и невольно привязалась и занялась всем тем, что занимало и что любил муж», – писала она и объясняла далее распорядок их занятий: «Он занимался в Ватиканской библиотеке, я списывала ему тексты и делала кальки с рисунков и миниатюр; мы посещали монастырские или городские библиотеки, – я перебирала издания и отмечала страницы, которые подходили под его занятия; он производил раскопки – я делала обмеры, записывала местонахождение вещей и очищала их; он осматривал и описывал храмы – я зарисовывала детали и записывала обмеры и пр. и пр.» и так далее.¹⁹⁹

Читая данный текст, трудно понять, о чьей биографии, собственно, идет речь – графини или графа. Изучив его, можно предположить, что мы имеем дело с

¹⁹⁸ Уварова П.С. Письмо В.В. Стасову. 16 ноября 1901 г. // Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575. Л. 2.

¹⁹⁹ Там же. Л. 3–5.

женщиной, полностью растворившейся в своем муже, не имевшей никакой собственной жизни и никаких собственных интересов. Ту же самую картину встречаем в более поздней, и на этот раз – опубликованной (в 1915 г.) – автобиографии П.С. Уваровой: «Граф не любил и не находил желательным работать в одиночестве; он привлекал и призывал всех к общей дружной работе и потому, призывая всех, возбуждая дремлющие силы по уезду и губернии, он не мог не найти нужной помощи у себя дома и не привлечь к своей постоянной напряженной работе как ученой, так и гражданской, свою жену, которая таким образом и стала рука об руку заниматься и древностями, и искусством, и земством, и школами, а впоследствии и интересами основанного графом Московского археологического общества и Всероссийскими археологическими съездами».²⁰⁰ Итак, перед нами, без сомнения, идеальная жена, живущая исключительно интересами своего супруга, жизнь которой заканчивается вместе с его кончиной. Однако жизнь и деятельность графини П.С. Уваровой, пережившей своего мужа на сорок лет, опровергает подобное умозаключение. Даже беглое знакомство с ее организационной и научной деятельностью, последовавшей после смерти А.С. Уварова,²⁰¹ обнаруживает незаурядную энергию, огромную силу воли, неиссякаемую трудоспособность, убежденность в своей правоте, не говоря уже о способностях к научной и научно-организационной работе. Факты, содержащиеся в недавно опубликованных воспоминаниях П.С. Уваровой, тоже опровергают созданный ею в автобиографии образ, рисуя сильную и властную женщину, с ранних лет хорошо знавшую, что

²⁰⁰ Уварова, графиня Прасковья Сергеевна // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. / Под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. С. 372.

²⁰¹ Об этом см.: Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. Достаточно полный список научных трудов П.С. Уваровой можно найти в: Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. / Под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. С. 372–373.

именно она хочет получить от жизни. Вместо скромной девушки, не понимавшей, как это она, могла удостоится внимания такого умного, просвещенного и значительного мужчины, перед нами встает образ юной красавицы, королевы московских светских балов и салонов, принадлежавшей к высшей аристократии страны²⁰² и имевшей возможность выбрать себе в мужа почти любого (начиная с Л.Н. Толстого). Она пишет, что полюбила графа (выбрала) потому что он «серьезнее других» и потому, что она хотела «быть ему не только хорошей женой, но, если он позволит, то и помощницей».²⁰³

Так откуда же тогда появился образ, созданный П.С. Уваровой в автобиографии, и насколько он достоверен? Вполне можно допустить, что на первых порах муж продолжал образование своей юной жены в тех областях, которыми сам интересовался. Несомненно также, что она была его постоянной помощницей. Известно однако, что и до встречи с будущим мужем юная княжна Щербатова получала превосходное гуманитарное образование. Интерес к археологии, античности и всему с этим связанным, завезенный в Россию из Европы, был достаточно распространен среди дам высшего круга во времена ее молодости.²⁰⁴ Исходя из этого можно предположить, что научные интересы П.С. Щербатовой сформировались еще до ее замужества и что княжна искала себе супруга, который бы не только не препятствовал ее занятиям, но и оказывал ей активную помощь. В чем и преуспела. Образ же, созданный ею в автобиографии, предназначенной для опубликования (о чем она несомненно знала), содержа в себе некоторые достоверные факты, в целом являлся отражением представлений общества о том, какой должна быть идеальная супруга. (В конце концов графиня, в силу своего

²⁰² Графиня П.С. Уварова – урожденная княжна Щербатова.

²⁰³ Уварова П.С. Былое... С. 38 и др.

²⁰⁴ Ярчайшим примером такого интереса может служить деятельность А.М. Раевской (1820–1883) (О ней см.: [Анучин Д.Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия ОЛЕАЭ. Т. ХС. Вып. III: Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896 (Приложение). С. 514.).

общественного положения, просто обязана была подавать пример безупречного поведения). Возможно, описывая свою жизнь подобным образом, П.С. Уварова хотела защитить себя от упреков консерваторов, не одобрявших столь масштабной общественной и, тем более, научной деятельности женщины. Однако, как они могли не одобрять того, что громогласно вменялось ими самими в обязанности каждой жены – во всем сопутствовать своему супругу? Тем не менее все это – только предположения. С таким же успехом каждое написанное П.С. Уваровой в автобиографии слово является искренним. Кажущиеся же противоречия объясняются тем, что после смерти А.С. Уварова она сочла своим долгом продолжить его дело. Определить в данном случае степень достоверности полученной информации практически невозможно.

Еще один очень важный момент в биографии любой женщины – это сведения о ее детях. Вряд ли кто-нибудь возьмется оспаривать тот факт, что ребенок, а тем более дети, в российской семье традиционно являлся (является) преимущественно заботой женщины, а не мужчины. Забота о детях (не говоря уже об их рождении) отнимала большое количество времени. Нередко появление ребенка (детей) меняло все планы женщины-ученого не только на ближайшее будущее, но и на долгие годы вперед. Так, О.А. Федченко, в 1873 г. оставшись вдовой с 8-месячным сыном на руках, прекратила всякую экспедиционную деятельность, вплоть до окончания сыном гимназии. Хотя вынужденный оседлый образ жизни сильно ее огорчал, она не решалась рисковать здоровьем сына, беря его с собой в дальние, потенциально небезопасные поездки, и тем более не желала оставлять его с кем-то чужим. О.А. Федченко возобновила свое участие в научных экспедициях только в 1891 г., то есть через 18 лет, и не прекращала до глубокой старости. Другой пример. Приятельница О.А. Федченко, начинающий зоолог М.А. Российская, чья автобиография была помещена в «Материалах» А.П. Богданова,²⁰⁵ выйдя замуж за профессора Московского университета А.Г. Кожевникова (1866–1933), фактически прекратила

²⁰⁵ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 9.

всякую научную деятельность, занятая рождением детей, их воспитанием и образованием, ведением домашнего хозяйства, а впоследствии – внуками и их проблемами. 10 апреля 1916 г. она писала О.А. Федченко в ответ на приглашение приехать погостить в Ольгино (Можайское имение последней): «Мне очень захотелось приехать к вам. Но вряд ли смогу [...] много разъезжать хозяйке дома не приходится».²⁰⁶ Однако несмотря на то огромное влияние, которое наличие или отсутствие детей имело в *профессиональной* жизни женщины-ученого информация о них практически никогда не содержится не только в их автобиографиях, но и в написанных историками научных биографиях. Так, например, ни в одной из исследовательских работ не упоминается о том, сколько детей было у П.С. Уваровой (кажется, не меньше пяти, но точное их число неизвестно); не упоминается о том, были ли дети у М.В. Павловой, у А.А. Глаголевой-Аркадьевой, О.А. Добиаш-Рождественской и т. п. (Только по полному отсутствию всяких упоминаний, можно догадываться о том, что, видимо, детей не было. Но так ли это?) Однако к глубокому сожалению исследователей, следует констатировать, что искать подобную информацию в автобиографии женщины-ученого бесполезно.

На этом мы завершим анализ той части автобиографии женщины-ученого, которая содержит сведения о ее происхождении, воспитании и семье. Часть же автобиографии, посвященная собственно научной деятельности женщины, ничем принципиально не отличается от той, что обнаруживается в автобиографии ученого-мужчины. Конечно, даже в первые два десятилетия XX в. все еще сохраняются некоторые отличия, вызванные юридическим неравенством мужчин и женщин. Женские автобиографии традиционно содержат более подробные сведения о полученном образовании, даже если оно ограничивалось средним учебным заведением и тем более, если женщина обучалась в университете. Причина этого проста: в 60-е – 70-е гг. XIX в. наличие у женщины *официального* диплома даже

²⁰⁶ Кожевникова М.А. Письмо О.А. Федченко. 10 апреля 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 116. Л. 38 об.

среднего учебного заведения все еще было редкостью и предметом гордости, тем более, если курс был окончен с наградой; а получение диплома зарубежного университета или российских Высших женских курсов (когда они появились), не говоря уже о степени доктора, само по себе можно было считать выдающимся достижением, столько для этого требовалось сил, упорства, средств. Мы также не встретим в автобиографии женщины-ученого перечисления занимавшихся ею официальных должностей, вплоть до появления в самом конце XIX – начале XX в. женщин-ассистенток при Высших женских курсах, а несколько позднее и первых женщин-профессоров. Однако данные о научной работе, в том числе экспедициях, в которых исследовательница принимала участие, опытах, которые она производила, опубликованных ею научных трудах, сделанных научных сообщениях, членстве в научных обществах носили тот же краткий, сугубо деловой характер, что и в автобиографиях мужчин. Безо всяких сомнений можно утверждать, что они предназначались для информирования научного сообщества о профессиональной деятельности коллеги-ученого. Эта часть автобиографии обычно содержит уникальные данные, позволяющие реконструировать историю научно-исследовательской работы женщины-ученого, проследить постепенную трансформацию ее научных интересов, восстановить (хотя бы частично) библиографию ее научных трудов.

Итак, проанализировав автобиографии выдающихся женщин-ученых второй половины XIX – начала XX в., мы можем констатировать существование нескольких разновидностей этого исторического источника. Они варьируются от сугубо личных, написанных для очень близких людей (подобные автобиографии можно отнести к источникам личного происхождения), смешанного типа, изначально предназначавшихся для опубликования и содержащих информацию как личного, так и делового характера, вплоть до автобиографий, которые с полным правом можно отнести к делопроизводственным документам. По мере все большего вовлечения женщин в занятия наукой и все большей профессионализации этой

деятельности – процессов, имевших место в конце XIX – первых двух десятилетиях XX в. – по мере того, как постепенно уменьшалась юридическая разница между положением женщины-ученого и ее коллеги-мужчины, автобиографии женщин-ученых становились все более и более сухими, краткими и сугубо профессиональными. Автобиография теряла черты источника личного происхождения и превращалась в делопроизводственный документ, составленный для информирования потенциального работодателя, не предназначенный для опубликования и, видимо, призванный дополнять другие документы (например, справку о рождении, о среднем образовании и пр.). Именно так выглядят дошедшие до нас автобиографии молодых женщин-ученых, начинавших свою научную карьеру в 20-е гг. XX в., но их анализ находится за рамками настоящей статьи. На основании изученных документов мы вполне аргументированно можем утверждать, что автобиография женщины-ученого второй половины XIX – начала XX в. представляет собой уникальный исторический источник, содержащий ценнейшую информацию для историка науки. Одновременно документы этого вида требуют от исследователя проведения скрупулезного историко-критического анализа, поскольку определение степени достоверности содержащихся в них данных в большинстве случаев сильно затруднено, что провоцирует историка выдвигать произвольные предположения, не всегда подтвержденные имеющимися фактами.

Подводя итоги исследования источников личного происхождения и их роли для реконструкции гендерной истории науки в Российской империи в конце XVIII века можно отметить, что наряду с научными трудами и различной научной документацией источники личного происхождения составляют основу источниковой базы для проведения историко-научных исследований по данной тематике. Они незаменимы при воссоздании научных биографий женщин-ученых. Необходимо отметить, однако, что потерянные, во многих случаях, архивы женщин-ученых изучаемого нами периода, к сожалению, сильно ограничивают возможности исследователей в данной области.

1.4. Статистические источники по гендерной истории науки в России второй половины XIX – начала XX века

Как мы уже отмечали выше, несмотря на то, что интерес к гендерной истории науки в России со стороны историков и историков науки немного вырос в последние годы, в отечественной историографии все еще не существует сколько-нибудь полного монографического исследования, посвященного данным проблемам. Причиной этого является не только неразработанность источниковой базы в целом, но и в *физическое отсутствие* в распоряжении исследователей определенных видов исторических источников, а именно массовых источников.

Как бы подробно ни были изучены источники личного происхождения, научные труды и делопроизводственные документы, касающиеся жизни и деятельности отдельных людей, они не позволяют оценить масштаб явления в целом. Подробное изучение двух, пяти или двадцати научных биографий женщин-ученых не даст возможности увидеть цельную картину, поскольку каждая отдельная биография вполне может оказаться тем исключением, которое подтверждает правило. Для того чтобы получить представление о количестве женщин, вовлеченных в научно-исследовательскую работу на протяжении конца XVIII – начала XX вв., проследить динамику численных изменений, оценить социальный, образовательный, профессиональный, возрастной состав группы, их распределение по территории Российской империи, наконец выявить наиболее привлекавшие женщин отрасли научного знания, необходимы массовые исторические источники, точнее, статистические исторические источники. К сожалению, до настоящего времени статистических источников, содержащих перечисленные выше данные

выявлено не было.²⁰⁷

Одно из наиболее традиционных определений статистических источников заключается в следующем: «Статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные, целенаправленно собираемые для принятия обоснованных управленческих решений».²⁰⁸ Следует признать, что занятость женщин (или отсутствие таковой) в сфере профессионального интеллектуального труда в целом и в научных исследованиях в частности, не интересовала правительственные органы Российской империи ни в конце XVIII, ни в XIX, ни в начале XX вв. Учитывая, что в сфере профессиональной научной деятельности традиционно занято абсолютное меньшинство населения (независимо от пола), тем более это было верно для Российской империи конца XIX – начала XX вв., подобное отсутствие интереса со стороны властей не удивительно.

Тем не менее, если что-то не интересовало официальных представителей государства, это не значило, что то или иное явление не представляло интерес для жителей этого самого государства. И таким явлением, безусловно связанным с научно-исследовательской работой женщин, было развитие в стране высшего женского образования и, особенно, его «результаты», то есть трудовая занятость выпускниц Высших женских курсов. К сожалению, несмотря на очевидный интерес общества (если судить хотя бы по количеству публикаций в периодических изданиях на данную тему) единственными курсами, собиравшими подобную статистику о своих выпускницах, были Бестужевские высшие женские курсы в С.-Петербурге. Для нашей задачи их данные имеют только косвенное значение. Во-первых, первый

²⁰⁷ Об этом см.: Валькова О.А. Российские женщины-естествоиспытатели второй половины XIX – начала XX в.: по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913). М., 2014. С. 5–17.

²⁰⁸ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2000. С. 304.

выпуск Бестужевских высших женских курсов имел место в 1882 г., соответственно, все их статистические данные начинаются только с этой даты, что оставляет без всяких сведений все 60-е и 70-е гг. – годы стремительного развития интереса к естественным наукам в нашей стране. Во-вторых, они, естественно, касаются только выпускниц Бестужевских курсов и только тех из них, которые официально сдали выпускные экзамены и получили дипломы, действие, на которое многие слушательницы предпочитали не тратить силы и время, поскольку диплом не давал никаких профессиональных или иных прав. В-третьих, официальное трудоустройство женщин в исследуемый период является менее информативным фактором, чем это может показаться на первый взгляд, поскольку наиболее крупные из российских женщин ученых второй половины XIX – первой четверти XX вв., такие как член-корреспондент Императорской академии наук О.А. Федченко, почетный член академии, графиня П.С. Уварова, член-корреспондент академии О.И. Срезневская и др. ни в каких научных или высших учебных учреждениях никогда не работали и даже университетских дипломов не имели. Это же правило вполне могло распространяться и на менее известных женщин-исследовательниц. Таким образом, несмотря на важность данных, собранных Бестужевскими высшими женскими курсами, их уникальность (за отсутствием какой-либо другой подобной информации) и, соответственно, использование в научно-исторических исследованиях,²⁰⁹ они, к сожалению, явно недостаточны для наших целей. Но, повторимся, до последнего времени никакой альтернативы им не существовало.

Продолжая, процитированное выше определение: «Статистические источники возникают в процессе сбора, обработки, анализа и публикации информации об

²⁰⁹ См., например: Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. (Серия «История науки»). С. 824–825.

объекте изучения».²¹⁰ Однако, если информацию никто не собирал, не обрабатывал, не анализировал и, тем более не публиковал, еще не означает, что ее не существует. В процессе работы нами были выявлены *источники* необходимой нам информации. Разумеется, сведения, содержащиеся в них, необходимо собрать, обработать, проанализировать и только тогда эти данные станут пригодны для *использования*. Таким образом, на долю историка выпадает роль статистика – сборщика и обработчика данных. Это длительная и объемная работа, в результате которой, однако, должен быть сформирован уникальный комплекс статистических данных по интересующей нас проблематике.

Сведения, о которых идет речь, содержатся в опубликованных материалах «Съездов русских естествоиспытателей и врачей». Съезды русских естествоиспытателей и врачей представляют собой одно из наиболее выдающихся и уникальных явлений в истории научной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. Заседания первого съезда русских естествоиспытателей²¹¹ открылись 28 декабря 1867 г. в большой зале С.-Петербургского университета. С этого дня и вплоть до 24 июня 1913 г., когда завершилось последнее заседание XIII съезда в Тифлисе, то есть на протяжении 46 лет, съезды русских естествоиспытателей и врачей собирались регулярно, с перерывами в два-три года (за некоторыми исключениями), демонстрируя удивительный и имеющий очень мало прецедентов в истории нашей страны пример самоорганизации научного сообщества. Они позволяли людям, часто в своей повседневной жизни работавшим в областях, далеких от науки (или не работавшим официально вообще), однако являвшимся ее любителями и приверженцами, а также профессиональным ученым, собираться вместе, обмениваясь новейшими достижениями в области естественных наук, математики, медицины, техники; назревшими проблемами, требовавшими

²¹⁰ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Указ. соч. С. 304.

²¹¹ Это официальное название первого съезда. Слово «врачей» к названиям съездов было добавлено позднее. – О.В.

разрешения; планами будущих научных исследований. Они позволяли людям, не имевшим юридического права на работу в научных или высших учебных учреждениях Российской империи, каковыми являлись все лица женского пола вплоть до 1911 г., или не имевшими возможности устроиться на работу в научное или высшее учебное учреждение, которых в указанный период в России было крайне мало, ощутить себя полноправными членами научного сообщества.

Таким образом с 1867/1868 гг. и по 1913 г. представителями российского научного сообщества, при участии университетов и научных обществ, было проведено 13 Съездов русских естествоиспытателей и врачей в основном в так называемых университетских городах империи: С.-Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Варшаве, Одессе и, наконец, в Тифлисе. Все съезды без исключения публиковали материалы своих заседаний, хотя в разных формах и под разными названиями. Однако несмотря на различие форм и названий некая чрезвычайно важная часть опубликованных материалов оставалась неизменной – а именно полные списки официальных участников заседаний съездов, то есть людей, заранее заплативших членский взнос за участие в съезде и получивших право на посещение всех мероприятий, проводимых в рамках съезда, на получение всех печатных материалов съезда, на предоставление темы для выступления (если было такое желание), на участие в прениях во время заседаний. Каких-либо официальных ограничений (по социальному происхождению, профессиональной принадлежности, полу, возрасту и др.) для желающих стать участником съезда не существовало. Немного другие правила и некоторые ограничения существовали для тех, кто мог получить право голоса при принятии резолюции съездов, о чем мы скажем ниже, но на состав списков участников эти ограничения не распространялись. Так же как не входили в их число простые зрители и гости.

Таким образом мы имеем полные списки жителей Российской империи, достаточно заинтересованных в развитии естественных и математических наук, чтобы принимать участие в специализированных съездах, тратя деньги на членский

взнос, на дорогу, на проживание (съезды часто длились более 10 дней) на протяжении периода в 46 лет, с 1867/1868 по 1913 гг. Следует также добавить, что в данных списках содержится информация о месте проживания участника съезда, его (ее) профессиональной занятости, уровне образования (научной степени, звании), а также секциях съезда, которые участник (участница) намеревался посетить. Конечно, далеко не все участники съездов сообщали о себе подобные сведения. Также следует отметить, что в списках, составлявшихся, как правило в большой спешке, чтобы успеть к заседаниям съездов, может быть достаточное количество опечаток и неточностей. Кроме того, к нашему большому сожалению, материалы VII Съезда со списками участников обнаружить не удалось, поскольку они, похоже, не публиковались типографским способом, соответственно, данные об участниках указанного съезда отсутствуют или взяты нами из вторичных источников.

Однако несмотря на все эти ограничения мы имеем вполне репрезентативный ряд однородных данных, представленных на протяжении значительного периода времени. Содержащаяся в них информация может дать вполне репрезентативные сведения о числе российских женщин так или иначе вовлеченных (интересовавшихся) в научно-исследовательскую работу в области естественных и математических наук, их географическом месте проживания, профессиональном и образовательном статусе, а также об областях наук, в которых они были заинтересованы. Таким образом впервые в отечественной историографии мы можем получить необходимые нам источники массового происхождения, которые помогут уточнить информацию, извлеченную из других видов исторических источников, и сформировать цельную картину, позволяющую судить о масштабах, формах и видах вовлечения женщин в научно-исследовательскую деятельность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Разумеется, нельзя не заметить, что наличие подобной информации не могло остаться незамеченным. Проблема отсутствия сколько-нибудь достоверных массовых источников для уточнения динамики развития научного сообщества в

Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. касается не только женщин-ученых. Оценить точное количество мужчин-ученых также трудно, если исследователь не хочет ограничиваться академиками и профессорами – профессионалами, составлявшими основу научного сообщества, которое однако ими далеко не ограничивалось. Известный специалист по истории отечественной науки этого периода М.С. Бастракова пишет об этой ситуации следующим образом: «Точных данных о численности научных работников во второй половине XIX в. не существует. Ученые-современники, внимательно следившие за расширением научной деятельности в своих областях знания, отмечали последовательное увеличение числа математиков, естествоиспытателей, историков или филологов, однако их выводы основывались не на точных цифрах, а на собственных наблюдениях и косвенных свидетельствах».²¹² И продолжает далее: «По данным официальной статистики определить численность работников науки трудно, так как переписи конца XIX в. объединяли их в одной рубрике с литературными и другими “лицами свободных профессий”. Достоверными являются, в сущности, лишь данные о действительных членах Академии наук».²¹³ М.С. Бастракова также отмечает, что за пределами всякой статистики оставались лаборанты, вычислители, хранители кабинетов естественнонаучных коллекций, препараты, прозекторы, сотрудники сейсмических, биологических, сельскохозяйственных станций, сотрудники музеев.²¹⁴ «Работники науки были разбросаны по всей России, – делает она вывод, – их можно было найти на агрономической службе у крупных помещиков, в аппарате Сельскохозяйственного ученого комитета, в лабораториях сахарозаводчиков, частных промышленных фирм и казенных заводов, в Главном статистическом комитете и статистических ячейках земств, в клиниках и больницах. Трудность

²¹² Бастракова М.С. Научное сообщество России во второй половине XIX в. (становление, особенности, облик) // Архив истории науки и техники. Вып. III. М.: Наука, 2007. С. 54.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 55.

состоит еще и в том, что сами границы той части интеллигенции, которую принято называть научной, крайне размыты и почти неразличимы».²¹⁵ Тем не менее, желание как современников, так и историков науки знать более или менее точные *цифры* вполне понятно. И такой объективный источник статистических сведений как списки участников съездов русских естествоиспытателей и врачей не мог остаться совсем неизученным.

Уже в материалах второго съезда была опубликована «Историческая записка об учреждении и ходе второго съезда русских естествоиспытателей в Москве», в которой Г.Е. Щуровский, бывший одним из главных организаторов этого съезда, подробно проанализировал данные об участниках второго съезда (и отчасти первого).²¹⁶ Подробные справочные данные обо всех предыдущих съездах были опубликованы в «Справочной книжке для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, 28 декабря 1889 г. – 7 января 1890 г.».²¹⁷ В «Дневнике X-го Съезда русских естествоиспытателей», в 1898 г., была опубликована историческая записка под названием «Съезды русских естествоиспытателей и врачей», в которой приведена таблица о числе участников первых девяти съездов и др.²¹⁸ Все эти материалы подготавливались организаторами съездов и содержали справочную информацию, полезную, по их мнению, для участников съездов и, возможно, интересную для властей.

Однако за год до публикации статистических данных в «Дневнике» X съезда, в

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ [Щуровский Г.Е.] Историческая записка об учреждении и ходе второго съезда русских естествоиспытателей в Москве // Труды Второго Съезда русских естествоиспытателей в Москве происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871. С. 5–32.

²¹⁷ Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, 28 декабря 1889 г. – 7 января 1890 г. СПб.: С.-Петербургский университет, 1889. С. 5–73.

²¹⁸ Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1898. № 1. 21 августа. С. 15.

год двадцатилетнего юбилея съездов, вышла в свет монография санитарного врача Александра Васильевича Погожева (1853–1913) «Двадцатипятилетние естественнонаучных съездов в России.²¹⁹ 1861–1886 г.: Исторический обзор деятельности съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе».²²⁰ Это было уже специальное исследование, в котором содержится не только подробное описание съездов: имена их организаторов, названия проведенных секций, описание прочитанных докладов. Автор самым тщательным и подробным образом собрал и проанализировал статистические данные, основываясь на информации, содержащейся в опубликованных списках участников съездов. Причем, будучи участником VII съезда,²²¹ он по-видимому располагал его материалами, включая являющиеся на настоящий момент утерянными списки членов VII съезда.²²² К сожалению, седьмой съезд, проходивший в Одессе с 1883 г., был последним, проанализированным А.В. Погожевым. Кроме того, разумеется, женщины-участницы съездов не являлись объектом его исследования.

Историки науки середины – второй половины XX в. признавали значительную роль, сыгранную съездами в истории развития отечественной науки, отдельных областей научного знания, научных институтов и учреждений, а также в судьбах выдающихся российских ученых и даже целых городов. Например, Николай Николаевич Тихонов (1872–1952) писал в 1953 г. в статье «Съезды русских естествоиспытателей и врачей»: «В истории развития естествознания и, в частности,

²¹⁹ Именно так! – О.В.

²²⁰ Погожев А.В. Двадцатипятилетние естественнонаучных съездов в России. 1861–1886 г.: Исторический обзор деятельности съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. 394 с.

²²¹ См. его статью: Погожев А.В. Седьмой Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Одессе. М., 1883. 59 с.

²²² Девятая глава монографии полностью посвящена седьмому съезду, включая таблицы статистических данных. См.: Погожев А.В. Двадцатипятилетние естественнонаучных съездов в России... С. 231–232.

геологии в России, эти съезды сыграли большую роль, содействуя повышению интереса к естественным наукам и внедрению этих дисциплин в школьное образование. Для научных работников и исследователей съезды имели особенно крупное значение, так как открывали возможность широкого общения и обмена опытом представителям различных дисциплин, рассеянным на огромных пространствах России в различных научных центрах. Эти смотры достижений и успехов русского естествознания способствовали росту научных сил, содействовали поднятию авторитета русской науки. Воля и энергия научных деятелей укреплялись сознанием своей принадлежности к общественной организации, члены которой объединялись не регламентом и юридическими положениями, а добровольным участием и любознательностью».²²³ Обстоятельная статья Н.Н. Тихонова посвящена изучению истории секций геологии и минералогии, организовавшихся во время проведения съездов, а также геологических экскурсий, проводившихся для участников съездов и пр. И хотя автор сообщает достаточное количество фактических сведений о каждом из 13 съездов, он не проводит анализа статистических данных.

Крупный историк геологии, геолог, первая в СССР женщина – доктор геолого-минералогических наук Вера Александровна Варсанофьева (1889–1976) в известной монографии «Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки» кратко написала об истории организации съездов, а также о роли МОИП в этом деле, отметив: «Съезды русских естествоиспытателей и врачей сыграли большую роль в объединении русских натуралистов, в координации их коллективной работы и сообщения ей более планомерного направления. Можно сказать, что они были праздниками русской науки, во время которых подводились итоги ее успехам и неуклонному продвижению вперед, несмотря на все препятствия, которые ставило на ее пути реакционное правительство. – И продолжала, –

²²³ Тихонович Н.Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 95.

Московское общество испытателей природы принимало деятельное участие в работе съездов в лице своих членов, выступавших с рядом ведущих теоретических докладов и проводивших большую организационную работу особенно на II (1869), IX (1894) и XII (1910) съездах, происходивших в Москве».²²⁴ Другой известный историк науки советского периода, Л.С. Цетлин, в монографии «Из истории научной мысли в России», посвятив несколько страниц истории организации съездов, а также специально съездам, проводившимся в Москве, писал, например, о IX съезде: «Этот съезд явился крупным всероссийским событием. При его открытии К.А. Тимирязем произнес свою дышавшую глубоким патриотическим пафосом историческую речь “Праздник русской науки”; на нем И.М. Сеченов сделал замечательный доклад “О предметном мышлении с физиологической точки зрения”; Столетов выступил с сообщением новейших открытий в физике».²²⁵ Историк ботаники А.А. Щербакова в монографии «История ботаники в России (1861–1917 гг.)» писала: «Большими событиями в научно-общественной жизни России являлись съезды русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913). Доклады ученых на съездах в известной степени были смотрами развития основных направлений в естественных науках, в трудах русских естествоиспытателей. Участниками съездов были не только преподаватели высших школ и сотрудники научных и научно-прикладных учреждений, но и преподаватели средних учебных заведений, сотрудники различных административных учреждений – натуралисты, любители естествознания».²²⁶

Однако несмотря на единогласное признание роли, сыгранной съездами в развитии различных отраслей научного знания в России во второй половине XIX –

²²⁴ Варсанофьева В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 48.

²²⁵ Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России. (Наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 252.

²²⁶ Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. С. 41.

начале XX вв. историками науки, более подробное изучение их материалов не проводилось также как не предпринималось попыток извлечения и обработки содержащихся в них статистических данных. Единственным известным нам исключением явилась статья современного историка науки М.В. Лоскутовой под названием «Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской империи (1860–1910-е гг.).²²⁷ М.В. Лоскутова отметила, что «До настоящего времени в литературе съезды русских естествоиспытателей рассматривались лишь как отдельные эпизоды научно-общественной деятельности того или иного исследователя – систематический же анализ состава участников, насколько известно, пока не предпринимался [...]. Между тем подобный анализ позволил бы лучше понять многие процессы, происходившие в российской науке в рассматриваемый период».²²⁸ Можно предположить, что автор статьи как раз и намеревается выявить (собрать) и проанализировать статистические данные, то есть продолжить работу, начатую А.В. Погожевым и распространить ее на оставшиеся не проанализированными VIII, IX, X, XI, XII и XIII съезды. Действительно, в тексте статьи находится много диаграмм, содержащих сведения о количестве участников съездов, их местожительстве на территории империи, об их институциональной и профессиональной принадлежности. Однако все данные указаны либо приблизительно, либо в процентах. При этом цифр, от которых проценты образованы нет. Так, например, единственное упоминание о числе зарегистрированных участников съездов после VI съезда выглядит следующим образом: «...к X съезду через эти собрания прошло не мене 7400 человек, однако из них лишь около 17 % (или приблизительно 1260 участников) участвовали более чем в одном съезде». К этой фразе имеется примечание: «Действительное число всех участников съездов с I по X должно быть большей этой цифры, поскольку по VII

²²⁷ Лоскутова М.В. Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 76–93.

²²⁸ Там же. С. 76.

съезду, состоявшемуся в Одессе в 1883 г., мы не располагаем списком зарегистрированных членов».²²⁹ Далее приводится диаграмма под названием «Число зарегистрированных участников съездов русских естествоиспытателей и врачей», шаг которой составляет 1000 человек и которая не содержит ни одной конкретной цифры.²³⁰ К сожалению, подобная презентация материала позволяет сделать вывод, что автор не нашел возможности провести требующую значительных затрат времени работу по сбору статистических данных. И, таким образом, монография А.В. Погожева 1887 года издания до настоящего времени остается наиболее подробным исследованием по истории самих съездов, а обработанный в ней статистический материал – наиболее подробным статистическим источником по истории формирования научного сообщества в России в конце XIX – начале XX в., хотя, к сожалению и не полным, в силу времени ее издания.

Работа по выявлению, извлечению и анализу статистических данных, содержащихся в опубликованных материалах съездов, действительно является трудоемкой, поскольку списки участников съездов их издателями не нумеровались (кроме одного); качество бумаги, на которой они публиковались часто оставляло желать лучшего даже в момент публикации, а в настоящее время бумага сильно пожелтела, что затрудняет задачу, также списки членов некоторых съездов (в частности VIII съезда) ради экономии места печатались очень мелким шрифтом, в строку, с сокращениями, что делает их разбор близким к невозможному. Поэтому не удивительно, что за сто с лишним лет, прошедших со дня публикации монографии А.В. Погожева никто не нашел возможности завершить начатую им работу.

Тем не менее трудоемкость поставленной задачи не отменяет того факта, что перед нами находится уникальная возможность получить статистический источник по истории развития научного сообщества в России во второй половине XIX – начале XX в. в целом и о его женской составляющей в частности. Мы однако не

²²⁹ Там же. С. 79.

²³⁰ Там же. Рис. 1. С. 80.

ставили себе цели собрать и проанализировать *весь* доступный нам статистический материал, ограничившись сбором и анализом данных, относящихся к участию женщин в съездах русских естествоиспытателей и врачей. (Повторимся, что А.В. Погожев не уделял этому аспекту особого внимания). Для этого мы: 1) изучили сохранившиеся списки зарегистрированных членов съездов русских естествоиспытателей и врачей, вычислив (с учетом возможной статистической погрешности) точное количество участников съездов обоего пола. 2) Выявили находящиеся в них женские фамилии, определив точное количество женщин-участниц съездов (также с учетом статистической погрешности). Это вторая задача представляла известную трудность. Многие фамилии в русском языке, например немецкого происхождения (но не только), не имеют ярко выраженного окончания женского рода. В этом случае, если в списке при фамилии отсутствует полностью написанное имя и отчество (которые как правило присутствуют в списках) или сокращенное, но подлежащее расшифровке как женское (в ряде случаев имена и отчества сокращались до одной или двух букв, что делало невозможным определение половой принадлежности их владельца), то мы предполагали, что фамилия принадлежит мужчине, таким образом, в случае ошибки, ошибаясь в сторону уменьшения числа женщин-участниц. 3) Получив и обработав эти данные мы получили возможность проанализировать динамику роста или уменьшения числа женщин-участниц съездов на протяжении указанного периода. 4) На основании полученных данных также была составлена перекрестная таблица, позволившая выявить женщин, посещавших съезды более одного раза. 6) Далее был проведен анализ распределения женщин по секциям и, соответственно, выявлены научные дисциплины наиболее интересовавшие женщин в тот или иной период времени. 7) Также было проанализировано распределение женщин по месту жительства на территории Российской империи, 8) по профессиональной принадлежности. Также на основании изучения алфавитных указателей докладов, произнесенных в заседаниях съездов, мы выявили женщин-докладчиц и проследили динамику

изменения их количества.

Сопоставив полученные данные, мы впервые получили количественное представление о масштабах вовлечения женщин в научные исследования (или хотя бы о масштабах заинтересованности женщин в ознакомлении с успехами научных исследований) на территории нашей страны во второй половине XIX – начале XX вв. Конечно, нельзя не отметить, что данные, которые мы получили в результате анализа списков участников съездов русских естествоиспытателей и врачей, не являются абсолютно полными (о чем мы уже упоминали), что статистическая погрешность (сбой, ошибка в вычислениях) вполне может присутствовать несмотря на тщательную проверку и перепроверку результатов вычислений, а также, тот факт, что далеко не все женщины, желавшие принять участие в работе съездов могли это сделать.

Необходимо учитывать, что мужчину-участника нередко командировало для участия в съезде учреждение, в котором он служил, оплачивая полностью или частично его расходы, то самое учреждение (например, университет или даже мужская гимназия) которое не принимало на работу женщин; также следует помнить, что мужчина-участник съезда, во-первых, был юридически независим в своих передвижениях (ему не нужно было согласие отца или супруги для того чтобы поехать куда-либо), в отличие от женщины, не являвшейся юридически эмансипированным членом общества, а во-вторых, о том что даже служа преподавателем гимназии (не говоря уже о профессоре университета) он был гораздо лучше финансово обеспечен, чем женщина, служившая, например, учительницей даже в женской гимназии, и тем более в школах более низкой категории. Нельзя забыть также и о том, что мужчины не бывают беременными или кормящими матерями, что сильно ограничивает или по крайней мере затрудняет мобильность женщины в этот период времени. Таким образом, можно предположить, что число женщин, желавших принять участие в работе съезда, но вынужденных отказаться от этого намерения по причинам личным или

экономическим было больше, чем число мужчин, вынужденных сделать тоже самое. К сожалению, данных для того чтобы выразить подобную возможность в числовом эквиваленте и учесть при проведении анализа не существует. Однако несмотря на всю неполноту оказавшихся в нашем распоряжении статистических данных и все возможные погрешности они предоставляют нам уникальный шанс уточнить и улучшить наше понимание исторических процессов, происходивших в отечественном научном сообществе в исследуемый период времени.

Итак, для получения статистических сведений, использованных в настоящем диссертационном исследовании были проанализированы списки участников съездов, опубликованные в:

1) Труды Первого Съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб., 1868. С. XV–XXXIV;

2) Труды Второго Съезда русских естествоиспытателей в Москве происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871. С. 33–50;

3) Труды Третьяго Съезда русских естествоиспытателей в Киеве, происходившего с 20 по 30 августа 1871 года. Киев, 1873. С. 11–23;

4) [Протоколы Четвертого Съезда естествоиспытателей в Казани, проходившего с 20-го по 30-е августа 1873 года. Казань, 1873]. С. 1–16;

5) Протоколы и речи общих заседаний Пятого Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве, происходившего с 31 августа по 9-ое сентября 1876 года. Вып. 1: Протоколы и речи общих заседаний. Варшава, 1877. С. 4–16;

6) Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 1–33;

7) Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 28 декабря – 7 января 1890 г. СПб., 1889. С. 81–136; С. 137–140;

8) Дневник VIII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. [1889]. № 1.

27 декабря. С. 11–15; 1889. № 3. 30 декабря. С. 11–14; 1889. № 4. 31 декабря. С. 10–12; 1890. № 5. 2 января. С. 15–16; 1890. № 6. 3 января. С. 8; 1890. № 7. 4 января. С. 14; 1890. № 8. 5 января. С. 14; 1890. № 10. 8 января. С. 6;

9) Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 22–55;

10) Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. Киев 1896. № 10. С. 561–620.

11) Дневник XI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20-30 декабря 1901 года). СПб., 1902. № 2. С. 1–56; № 11. С. 57–89;

12) Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел III. Список членов в трех выпусках. М., 1910. С. 1–87; С. 89–134; С. 135–146;

13) Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (16–24 июня 1913 г.), издаваемый распорядительным комитетом Съезда. 1913. № 1. С. 1–52; № 10. С. 53–95; № 10. С. 96–111.

Списки участников VII съезда (1883, Одесса), в настоящий момент являются утерянными. Предположительно, они не были опубликованы типографским способом.

Информация, помещавшаяся в список, содержала:

1) фамилию, имя, отчество зарегистрированного участника съезда (в очень редких случаях имя и отчество не указывались или указывались инициалами; в некоторых случаях имя и отчество указывались в сокращенном варианте);

2) указание места работы (опционно);

3) указание ученого звания, ученой степени, членства в ученых обществах – то есть подтверждение официального научного статуса участника (опционно);

4) указание секции (секций), в которых участник съезда предполагал принять участие (опционно);

5) указание места проживания (опционно).

Этот формуляр не изменялся от съезда к съезду и носил постоянный характер. Несмотря на то, что указание всей информации помимо сведений о фамилии носило, по-видимому, опционный характер, большинство участников предпочитало ее указывать.

Списки не нумеровались. (Единственный список, содержащий десятичную нумерацию – список участников X съезда). Это обстоятельство, а также сильно возросшее к XI–XIII съездам число участников съездов, оставляет возможность статистической погрешности при обработке данных.

Помимо изучения списков участников съездов русских естествоиспытателей и врачей для уточнения данных о количестве женщин, вовлеченных в жизнь научного сообщества во второй половине XIX – начала XX вв. нами были изучены списки членов различных российских естественнонаучных обществ. В том числе: Императорского русского географического общества;²³¹ Императорского С.-Петербургского минералогического общества;²³² Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии;²³³ Русского физико-

²³¹ Состав Императорского русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883; Состав Императорского русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891; Состав Императорского русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. СПб., 1913; Дополнение к Составу Императорского русского географического общества 1913 г. (по 1 января 1916 г.). Пг., [1916].

²³² Пузыревский П. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества со времени его основания, 7 января 1817 года, по день его 50-ти летнего юбилея, 7 января 1867 года. СПб., 1867; Перозио П.Н. Список членов императорского С.-Петербургского минералогического общества по день двадцатипятилетнего юбилея президентства его императорского высочества князя Николая Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского, 7-го мая 1890 года. СПб., 1890.

²³³ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. 20 с.; Устав и

химического общества;²³⁴ Русского энтомологического общества;²³⁵ Русского астрономического общества;²³⁶ Общества естествоиспытателей при Императорской

список членов Императорского Общества любителей естествознания и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1874. 32 с.

²³⁴ Список членов Русского химического общества // Журнал Русского химического общества. 1869. Т. I. Вып. 1. С. 4-5; Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IX. Отдел первый. СПб., 1877. С. 5-8; Личный состав Р[усского] физико-химического общества за 1878 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1879. Т. XI. Вып. 3. С. VI-XII; Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып. 1. С. VIII-XVIII; Личный состав Русского физико-химического общества к 15-му января 1891 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1891. Т. XXIII. Вып. 1. С. XIV-XXXII; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1908 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1908. Т. XL. Физический отдел. Вып. 1. С. XV-XXVI; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1909 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1909. Т. XLI. Физический отдел. Вып. 2. С. XIV-XXVI; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1910 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1910. Т. XLII. Физический отдел. Вып. 1. С. XIV-XXVI; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1912 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1913. Т. XLV: Физический отдел. С. XIX-XXXI.

²³⁵ Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1890 года // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1892. Т. XXVI. С. XXIII-XXVIII; Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1892 года // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1893. Т. XXVII. С. XXXIV-XXXIX.

²³⁶ Состав Русского астрономического Общества // Известия Русского астрономического общества. 1892. Вып. 1. С. 181-188; Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1-3. СПб., 1901. С. 105-128.

Казанском университете.²³⁷ Надо отметить, что списки членов научных обществ публиковались большинством из них нерегулярно. Счастливым исключением из этого правила представляет Императорское русское географическое общество и, отчасти,

²³⁷ Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. С. 63–71; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к концу первого (1869/70) года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый 1869/1870 год. Казань, 1870. С. 165–167; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1875 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875. С. 1–7; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1882 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Тринадцатый год 1881–1882. Казань, 1882. С. 44–46; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, составленный к 12-му мая 1893 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1892–1893. Двадцать четвертый год. Казань: Типография Императорского университета, 1893. С. 70–73; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, составленный к 12-му мая 1900 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1899–1900. Тридцать первый год. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1901. С. 39–43; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, составленный к 12-му мая 1913 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1912–1913. Сорок четвертый год. Казань: Типолитография Императорского университета, 1914. С. 73–77; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, составленный к 12-му мая 1914 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1913–1914. Сорок пятый год. Казань: Типолитография Императорского университета, 1915. С. 1–5.

Русское физико-химическое общество. Другие общества либо публиковали списки к каким-либо юбилейным датам, либо не делали этого вообще. Тем не менее изученные нами списки позволяют получить информацию о количестве женщин-членов научных обществ в Российской империи, о динамике вступления ими в общества, об их статусе внутри общества. Как правило, они также содержат сведения о местожительстве женщин-членов, иногда – об их профессиональной занятости.

Таким образом, в настоящей диссертации впервые вводится в научный оборот значительный по объему массив статистических источников по гендерной истории науки в России во второй половине XIX – начала XX века, что позволяет оценить количество женщин, вовлеченных в естественнонаучные исследования в России в указанный период времени, их географическое распределение на территории империи, профессиональный статус, а также интересовавшие их области научного знания. К сожалению, источника подобной информации для конца XVIII – первой половины XIX века выявить в настоящее время не удалось.

1.5. Иные виды исторических источников по гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX века

Развитие научного знания в Российской империи начиная со второй четверти XVIII века, на протяжении всего XIX века и, во многом, в начале XX века в большой степени зависело от государственной политики в этой области. Статус и структура научных и высших учебных учреждений в стране, статус, а также обязанности их сотрудников, – определялись государством в форме государственных законов. До

тех пор, пока желание женщины заниматься естественными науками не выходило за рамки ее личных интересов, ее способность или неспособность участвовать в этом виде деятельности зависела от отношения членов ее семьи и от ее материального положения. Однако в тот момент, когда женщины захотели получить официальный диплом о высшем образовании и официальное, оплачиваемое место службы в научном или высшем учебном учреждении они вступили во взаимоотношения в государством и государственными законами. Именно поэтому для изучения процесса профессионализации научно-исследовательской работы женщин в Российской империи необходимо изучение законодательных источников, точнее, законодательства Российской империи, определявшего как юридическое положение женщин в стране, так и юридическое положение профессиональных ученых. Соответственно, нами были изучены законодательные источники, в том числе законы Российской империи, определявшие юридическое положение женщины,²³⁸ уставы о службе Гражданской,²³⁹ различные законодательные постановления министерств и ведомств, касавшиеся высшего женского образования, а также приема женщин на службу в научные учреждения.²⁴⁰

Периодическая печать – еще один вид исторических источников без изучения которого невозможно проведение полноценных исследований по истории научно-исследовательской деятельности женщин, последний в нашем списке, однако не последний по своей источниковой значимости. Как общественная так и профессиональная, то есть специально-научная периодическая печать содержит информацию, необходимую для нашего исследования. В общественной

²³⁸ Женское право. Свод узаконений и постановлений относящихся до женского пола. СПб., 1873.

²³⁹ Свод уставов о службе гражданской // Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. СПб., 1896.

²⁴⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 17 т. СПб., 1864–1904; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300. (Ст. 36226).

периодической печати можно найти отражение общественного мнения в тот или иной период о женщинах-ученых, научной деятельности женщин, иногда их биографии, некрологи, рецензии на их научные труды. В профессиональной научной печати, в изданиях Императорской академии наук, университетов, различных научных обществ публиковались результаты научных исследований женщин-ученых, рецензии на них. Также профессиональная печать традиционно публиковала материалы по истории развития науки в стране, в том числе протоколы заседаний научных обществ, содержащих сведения, например, об избрании женщин в члены обществ, об их выступлениях на заседаниях обществ и другом участии в жизни научного сообщества; списки членов научных обществ. Эта информация значительно дополняет сведения, полученные при изучении делопроизводственной документации.

Завершая наш источниковедческий обзор, следует отметить, что разработка источниковой базы по гендерной истории науки в России пока что находится на начальном этапе своего развития. Плохая сохранность личных архивов приводит к возникновению значительных сложностей при восстановлении основных этапов биографии женщины-ученого, списка ее научных трудов, основополагающих фактов личной биографии. Отсутствие комплексных библиографий научных трудов отечественных ученых конца XVIII – начала XX века не позволяет выявить количество женских научных публикаций в указанный период времени с необходимой полнотой. Нередки случаи, когда единственным историческим источником, откуда можно почерпнуть информацию о жизни и деятельности женщины-ученого является ее некролог (следует отметить, что некрологи женщин, известных своими научными исследованиями, начали публиковаться в российских периодических изданиях с 1860-х годов XIX века),²⁴¹ а ведь речь идет о новом и даже

²⁴¹ См., например: Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 103–104; Некролог 1860–1861 годов. 1860. [Фадеева, Елена Павловна] // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 124 и др.

новейшем периоде нашей истории. Однако мы уверены, что с течением времени и с постепенным ростом интереса к данной проблематике среди отечественных историков науки, ситуация начнет меняться. Настоящая диссертация вносит свой вклад в расширение источниковой базы по гендерной истории науки в России.

Глава 2. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII – первой половине XIX века

2.1. Женщины-любительницы наук в России в конце XVIII века

Сведения, которыми мы сегодня располагаем о российских женщинах, увлекавшихся, интересовавшихся и, тем более, регулярно занимавшихся, естественными науками во второй половине XVIII в., очень скудны. Однако в исторической литературе XIX в. существовало мнение, что женщины, имевшие подобные интересы, существовали, и что их было не так уж мало. Например, в 1895 г. писатель Владимир Осипович Михневич (1841–1899), посвятивший целую главу своей книги «Русская женщина XVIII столетия» «писательницам и ученым» заявлял: «В течение означенного периода мы встретим не мало женщин-писательниц *и даже ученых*²⁴², – и далее объяснял характер их занятий, – но все они упражняются в сочинительстве, в науках и искусствах не по профессии, а исключительно, как «Любительницы»-дилетантки. Это все хорошо обеспеченные барыни, прекрасно образованные, начитанные, нередко талантливые, исполненные искренней любви к *науке*²⁴³, к литературе и искусству, но занятия сими последними – для них не более, как забава, развлечение или предмет суетного тщеславия. Тут нет места ни системе, ни серьезным целям, ни сознанию общественного долга, как не может быть им места во всякой личной, хотя бы и очень изящной и остроумной прихоти. Оттого-то так тощи и ничтожны в итоге плоды умственно-художественной производительности

²⁴² Курсив наш. – О.В.

²⁴³ Курсив наш. – О.В.

русской образованной женщины за времена минувшие». И после небольшого отступления продолжал: «Труда,²⁴⁴ именно, и не хватало предшествовавшим поколениям русской образованной женщины, пробовавшей свои творческие силы на поприще литературы, науки и искусства! Мы говорим о *профессиональном*²⁴⁵ труде, подчиняющемся духовным потребностям общества и одушевленном общественными идеалами. Отсутствие такого труда низводит самое прилежное, самое утонченное занятие наукой и искусством на степень эстетического переливания из пустого в порожнее. К сожалению, таков был, в большинстве случаев результат женской производительности в помянутой области до последнего почти времени».²⁴⁶ (Заметим в скобках, что единственное исключение В.О. Михневич делал для актрис, труд которых он также признавал интеллектуальным и весьма выдающимся).²⁴⁷

К сожалению, В.О. Михневич, кратко перечислив нескольких писательниц, переводчиц и поэтесс, деятельность которых с тех пор многократно изучалась, назвав несколько известных светских дам-покровительниц наук и художеств, также неоднократно привлекавших внимание исследователей, не называет *ни одного* имени женщины-ученой, кроме, конечно, Е.Р. Дашковой. Таким образом, не очень понятно, на чем же основывалось его утверждение о большом количестве женщин-ученых в России второй половины XVIII в. и на основании чего он дает такую детальную характеристику их социального положения, уровня образования и, главное, характера занятий науками. Возможно ли, что В.О. Михневич ошибался или дал

²⁴⁴ Курсив автора. – О.В.

²⁴⁵ Курсив автора. – О.В.

²⁴⁶ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990 (репринтное издание 1895 г.). С. 242–243.

²⁴⁷ Там же. С. 243.

волю писательской фантазии? Посмотрим на этот предмет несколько подробнее.²⁴⁸

Но в одном В.О. Михневич был, безусловно, прав: говоря о женщинах, интересовавшихся наукой в последние десятилетия XVIII века, никак нельзя обойти молчанием деятельность светлейшей княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810). Директор Петербургской Академии наук (1783–1796), создатель и президент Российской академии (1783–1796) – она давно и с полным правом признана выдающимся организатором науки своего времени.²⁴⁹ Из собственных записок княгини широко известны ее увлечения философией, музыкой, архитектурой, художественной литературой. Однако сведений о ее отношении к естественным и точным наукам (здесь мы имеем в виду личный интерес к естествознанию) почти нет, да и исследователи жизни и творчества Е.Р. Дашковой не обращали особого внимания на этот вопрос. Тем не менее, отдельные замечания, разбросанные по страницам «Записок» княгини позволяют предположить, что и эта сфера человеческого знания входила в круг ее интересов. Рассказывая о своем пребывании в Брюсселе во время второго заграничного путешествия (1775–1782), она, например, пишет: «Каждое утро мы отправлялись с доктором Бюртенем в окрестности города и составляли гербарий из растений, не виданных мною у нас».²⁵⁰ Во Флоренции она осматривала не только картинную галерею, церкви, библиотеки, но и «великогерцегский кабинет естественной истории». И не просто осматривала, поскольку, по ее словам, «Его королевское высочество приказал дать мне все дублиеты, которые я пожелаю иметь, вследствие чего я получила много

²⁴⁸ О женщинах-любительницах наук в России в конце XVIII в. см.: Валькова О.А. Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96; Валькова О.А. «Ученая дама» в России в конце XVIII – первой половине XIX в.: миф или реальность? // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1. С. 66–87.

²⁴⁹ Подробнее об этом см.: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978; Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб., 2006 и др.

²⁵⁰ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1985. С. 106.

окаменелостей и не только местных, но со всего земного шара...».²⁵¹ Описывая собор города Пизы, Е.Р. Дашкова отмечает: «*Любитель естественной истории*²⁵² заметит, что одна из маленьких колонн, поддерживающих кафедру, составлена из кусочков разных сортов порфира, соединенных между собой пастой из простого порфира».²⁵³ Во время пребывания в Вене Екатерина Романовна посещает императорский музей, причем замечает, что император Иосиф «...мне предложил выбрать из его кабинета какие угодно дублеты и простился со мной, заявив, что, зная мою любовь к естественным наукам, не решается дальше отнимать у меня драгоценное время», – чем Е.Р. Дашкова не преминула воспользоваться. «Я выбрала кое-какие образцы минералов Венгрии и других провинций», – пишет она.²⁵⁴ В Праге княгиня купила «очень дешево» «коллекцию окаменелостей различных пород деревьев и образцы мрамора».²⁵⁵ Таким образом, можно с уверенностью сказать, что как сама Е.Р. Дашкова, так и окружающие, причисляли ее к «любителям наук» и что собирание естественнонаучных коллекций, несомненно, было одним из ее увлечений. Правда, основываясь на материале «Записок» трудно определить глубину этого интереса, поскольку приведенные нами упоминания отрывочны. Кроме того известно, что Е.Р. Дашкова совершала свое путешествие с целью завершить образование сына (во всяком случае, так она заявляла), так что посещение естественнонаучных музеев и кабинетов могло быть частью образовательной программы, составленной ею для сына, а отнюдь не данью собственным увлечениям. Можно ли с полным правом назвать Е.Р. Дашкову «натуралистом», как это делает в своей работе Л.Я. Лозинская?²⁵⁶ Было ли ее занятие коллекционированием всего лишь данью моде? В

²⁵¹ Там же. С. 114.

²⁵² Курсив наш. – О.В.

²⁵³ Там же. С. 115.

²⁵⁴ Там же. С. 129.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Лозинская Л.Я. Указ. соч. С. 3.

нашем распоряжении недостаточно фактов, чтобы ответить на эти вопросы. Однако некоторые факты, подтверждающие мнение Л.Я. Лозинской все-таки имеются. Так, в 1783 г., заняв пост директора Академии, Е.Р. Дашкова стала инициатором чтения академиками бесплатных, популярных курсов математики и естественной истории (1785–1802). Современные исследователи очень высоко оценивают их, относя к числу «крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е.Р. Дашковой в Академии наук».²⁵⁷ Рассказывая об этом начинании, Е.Р. Дашкова писала: «Я часто присутствовала на лекциях...».²⁵⁸ Также не раз и не два на страницах своих «Записок» Е.Р. Дашкова упоминает сады, в создании которых она принимала непосредственное участие. В ее собственном саду, распланированным ею, «каждое дерево и каждый куст были посажены» по ее выбору и на ее глазах.²⁵⁹ По просьбе брата, А.Р. Воронцова, она занималась планировкой и обустройством его сада и пр.²⁶⁰ Помимо этого Е.Р. Дашкова вскользь замечает, что имела «некоторые познания в медицине».²⁶¹ Таким образом, подводя краткий итог, можно сказать, что княгиня Е.Р. Дашкова занималась собиранием естественнонаучных коллекций, причем в создании некоторых (например, гербариев) принимала личное участие. За границей она посещала естественнонаучные музеи и кабинеты, а в России – академические лекции по математическим и естественным наукам, и несомненно увлекалась садоводством. Все это подразумевает, что она имела достаточно широкий кругозор в области естественных наук.

Однако для настоящего исследования важен ответ на вопрос: насколько типичными для своего времени или, наоборот, нетипичными были познания и увлечения княгини Е.Р. Дашковой. В своих «Записках» Е.Р. Дашкова как-то

²⁵⁷ См.: Смагина Г.И. Указ. соч. С. 95.

²⁵⁸ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 149.

²⁵⁹ Там же. С. 157, 180, 199 и др.

²⁶⁰ Там же. С. 179.

²⁶¹ Там же. С. 197.

упоминает церемонию раздачи премий в Академической конференции: «День, назначенный для раздачи премий, был объявлен заранее в газетах, и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы...», – пишет она.²⁶² Было ли появление «дам» в Конференции Академии событием чрезвычайным, вполне заслуживавшим эпитета «даже»? Трудно сказать. Е.Р. Дашкова, по ее собственным словам, «не любила появляться в научных конференциях»,²⁶³ так могла ли она знать о том, кто там бывал регулярно? Вполне возможно. К сожалению, из отчетов академиков, читавших публичные лекции, нельзя понять, посещали ли их женщины. Никто из них об этом не упоминает, так же как и сама княгиня.²⁶⁴

Однако при внимательном изучении литературных источников можно встретить отрывочные и мимолетные упоминания о современницах княгини Е.Р. Дашковой так или иначе проявивших свой интерес к естественным наукам. Например, в № 13 «Дамского журнала» за 1830 г. в рубрике под названием «Материалы для истории русских женщин-авторов» появилась краткая информация о сестрах, княжнах Анне Михайловне (впоследствии – Грессер, 1776 (?) – 1827) и Екатерине Михайловне (впоследствии – Кожина, 1777–1834) Волконских, дочерях бригадира, князя М.П. Волконского, опубликовавших в 1792 г. выполненный ими перевод книги «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств».²⁶⁵ К этому времени в русской литературе уже были известны имена нескольких дам и девиц-переводчиц. Но никто из них раньше, кажется, не обращал внимания на научную и научно-популярную литературу. «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств» представляли собой в соответствии с современной

²⁶² Там же. С. 157.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ См.: Материалы об организации и проведении в Академии наук публичных лекций (1784–1796) // Смагина Г.И. Указ. соч. С. 315–322.

²⁶⁵ Волконская А.М., Волконская Е.М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / пер. Ч. 1–2. СПб., 1792.

терминологией «книгу для чтения» или, можно сказать, хрестоматию, содержащую отрывки из сочинений по естественным наукам, астрономии, письму и книгопечатанию, а также из политических и «моральных» наук. Как замечал анонимный автор «Дамского журнала»,²⁶⁶ сестры перевели и напечатали «весьма полезную для Натуральной Истории книгу... [...] Профессор Озерецковский²⁶⁷ и многие другие из наших ученых естествоиспытателей отдавали всю должную справедливость счастливому выбору переводчиц и хвалили самый перевод их, не затрудненный даже и при технических выражениях – науки, столь много замечательной, в особенности под пером женщины!».²⁶⁸ Чем был вызван выбор княжон Волконских: личным интересом, желанием угодить кому-то из родственников и друзей, случайностью – неизвестно. Однако, как заметил в 1874 г. писатель и историк Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) в книге «Русские женщины нового времени»: «Надо отдать честь этим девушкам, что их не остановила трудность такой работы, как перевод ученого и весьма капитального в то время сочинения».²⁶⁹ Д.Л. Мордовцев счел необходимым добавить от себя несколько слов по поводу «ученой терминологии», которая «была несравненно менее установлена и выработана, чем в настоящее время: известно, как ученая терминология и теперь затрудняет наших современных переводчиков и переводчиц», – писал он.²⁷⁰ Автор «Дамского журнала» передал также слова, якобы сказанные по поводу работы сестер Волконских Д.И. Фонвизиним некоему приятелю: «Прочти перевод княжен Волконских; его скоро напечатают, и ты увидишь, что при

²⁶⁶ С большой долей вероятности можно предположить, что рубрику вел сам издатель журнала, князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852).

²⁶⁷ Естествоиспытатель, академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827).

²⁶⁸ Княжна Катерина Михайловна Волконская: Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение) // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197–198.

²⁶⁹ Цит. по изданию: Мордовцев Д.Л. Замечательные исторические женщины 2-ой пол. 18-го столетия: Репринт. Калининград, 1994. С. 179.

²⁷⁰ Там же.

изображении моей *последней Софьи* я еще весьма мало *задал* ей учености: наши Россиянки начали уже и сами знакомить нас с Бонетами²⁷¹ и Бюффонами». ²⁷² Вообще, кажется, публикация перевода княжон Волконских не прошла незамеченной. По словам графа Дмитрия Ивановича Хвостова, приславшего некоторые дополнения и исправления в редакцию «Дамского журнала», перевод этот был показан княгине Е.Р. Дашковой, которая, в свою очередь передала его императрице Екатерине II. Екатерина пожелала познакомиться с переводчицами лично, и Е.Р. Дашкова представила ей их во время одного из Петергофских маскарадов. «Императрица изволила приласкать юных переводчиц пред всею публикою», – замечал Д.И. Хвостов.²⁷³

То, что научный перевод требует от переводчика не только свободного владения иностранным языком (что было в тот период вполне обычным для русской аристократки), но и понимания сути предмета, не вызывает сомнений. Чтобы создать перевод, вызвавший такие похвалы, сестры Волконские просто не могли не иметь какого-то естественнонаучного образования, хотя бы и самого поверхностного. Поэтому можно предположить, что выбор объекта перевода был обусловлен их собственной заинтересованностью и любопытством или, возможно на этот выбор оказало влияние европейское увлечение того времени. Материалы Международного симпозиума «Посредники наук: женщины-переводчики научных текстов 1600–1850»,²⁷⁴ прошедшего в рамках XXIII Международного Конгресса по истории науки и техники «Идеи и инструменты в социальном контексте» свидетельствуют о том,

²⁷¹ Видимо имеется в виду естествоиспытатель, философ, юрист, иностранный член Петербургской Академии Наук Шарль Бонне (1720–1793). Несколько его работ были опубликованы по-русски, например: «Созерцание природы» (Смоленск, 1804); «Физиологические начала о первой причине и действии оной» (СПб., 1805).

²⁷² Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 198.

²⁷³ Дополнения к изданным материалам для истории Русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30. № 21. С. 121.

²⁷⁴ «Mediators of Sciences. Women Translators of Scientific Texts 1600–1850».

что занятие женщин переводами научных текстов в XVIII в. встречалось достаточно часто в различных европейских странах, в том числе во Франции, Неаполитанском королевстве, Испании.²⁷⁵

Хотя это, конечно, не больше чем предположение. Однако, несмотря на то, что мотивы сестер Волконских остаются для нас неизвестными, они – первые русские женщины (насколько это известно на сегодняшний день), выступившие в печати с научным (научно-популярным) сочинением, пусть пока что только переводным. Кроме того, что описанная работа свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России в последние десятилетия XVIII века женщин достаточно серьезно интересовавшихся науками, она представляет собой первый опыт профессии, в будущем давшей занятие и заработок многим российским образованным женщинам. Как, на наш взгляд, совершенно справедливо заметил Д.Л. Мордовцев: «К чести “россиянок” прошлого века следует отнести, что они являются как бы прототипами тех *полезных*²⁷⁶ женщин-писательниц нашего времени, которые своею переводческою деятельностью значительно пополняют недостаточность научной подготовки русской читающей публики».²⁷⁷ И действительно, на протяжении XIX века женщины не только создали детскую научно-познавательную литературу (как благодаря многочисленным переводам и переложениям, так и собственным сочинениям), но и перевели на русский язык многие классические научные труды.

На страницах «Дамского журнала» нам удалось отыскать еще одно женское

²⁷⁵ См., например: Guerre Corinna. Mariangela Ardinghelli: Poetry and electricity in 18th-century Naples // XXIII International congress of history of science and technology. Ideas and instruments in social context. Book of abstracts & list of participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 246; Tiggelen Van Brigitte. M-me Thiroux D'Arconville and the uses of translation: anonymity, autonomy and authorship in women's contribution to chemistry in the XVIIIth century // Там же. P. 247; Serrano Elena. Women translating science in the Spanish Enlightenment // Там же. P. 248 и др.

²⁷⁶ Курсив наш. – О.В.

²⁷⁷ Мордовцев Д.Л. Указ. соч. С. 179.

имя, связанное с занятием точными и естественными науками в XVIII столетии. В уже упоминавшейся рубрике этого журнала «Материалы для истории русских женщин-авторов», помимо сведений о писательницах, поэтессах и переводчицах, журнал поместил заметку о некоей Маргарите Николаевне Струйской, дочери небезызвестного дворянина, прозаика и стихотворца, а также типографа Николая Еремеевича Струйского (1749–1796). Как и другие дамы, Маргарита Николаевна пробовала свои силы в переводах и в 1791 г. один из них увидел свет,²⁷⁸ но не это привлекло наше внимание. Редактор «Дамского журнала» пишет о ней: «...разделяла литературные труды со своим родителем, не скучала его философическою жизнью и не редко препровождала с ним целые недели на *обсерватории*,²⁷⁹ устроенной тогда в их Пензенской вотчине²⁸⁰». ²⁸¹ Источник этих крайне интересных сведений нам установить, к сожалению, не удалось, так же как и найти какие-либо подробности.

«Русский биографический словарь» также сообщает о нескольких представительницах рода Голицыных, живших во второй половине XVIII в. и интересовавшихся науками. Так, в статье, посвященной княгине Екатерине Дмитриевне Голицыной (1720–1761), дочери Молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира и княжны (в девичестве) Анастасии Ивановны Трубецкой, Н. Чулков писал, что княгиня воспитывалась в доме матери под наблюдением ее брата, известного отечественного деятеля Ивана Ивановича Бецкого и «считалась одной из образованнейших русских женщин своего времени». ²⁸² Он также сообщал, что «...Голицына интересовалась медициной и по духовному

²⁷⁸ Грегори Дж. Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным г. доктором Григорьем в Единбурге и переведенное Маргаритою [Николаевною] Стр[уйскою]. СПб., 1791.

²⁷⁹ Курсив наш. – О.В.

²⁸⁰ Село Рузаевка Пензенской губернии Инсарского уезда.

²⁸¹ Маргарита Николаевна Струйская // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197.

²⁸² Чулков Н. Голицына, княгиня Екатерина (Смарагда) Дмитриевна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь-Гюне. С. 215.

завещанию оставила 22000 р. в пользу страждущего человечества, с тем, чтобы на проценты с этого капитала были отправляемы Московским воспитательным домом чрез каждые 6 лет трое молодых людей в возрасте 15–18 лет, природные русские или родившиеся в России, для изучения медицинских наук в иностранные университеты, преимущественно в Страсбургский, славившийся в то время лучшим преподаванием повивального искусства».²⁸³ По сведениям Н. Чулкова, именно на эти средства получили образование первые представители отечественного акушерства, в том числе, по выражению историков медицины XX в., признанный «отец» русского акушерства²⁸⁴ Н.М. Максимович-Амбодик,²⁸⁵ А.М. Шумлянский²⁸⁶ и др.²⁸⁷

Еще одна княгиня Голицына, широко известная своим интересам к наукам, и упомянутая в «Русском биографическом словаре», – княгиня Амалия Самуиловна Голицына, урожденная Шметтау (1748–1806),²⁸⁸ дочь прусского графа, генерал-фельдмаршала и президента Берлинской Академии наук Самуила Шметтау (1684–1751). Амалия Шметтау вышла замуж за любителя естественных наук князя

²⁸³ Там же. С. 215–216.

²⁸⁴ См.: Дроздова З.А. Нестор Максимович Максимович-Амбодик (отец русского акушерства). Л., 1950.

²⁸⁵ Нестор Максимович Амбодик-Максимович (1744–1812) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал повивальное искусство в различных госпиталях С.-Петербурга; помимо прочего опубликовал книгу: Амбодик-Максимович Н.М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле, на пять частей разделенная и многими рисунками снабденная... Для пользы повивальных российских бабок и лекарей сочинил врачебной науки доктор и повивального искусства профессор Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1784–1786. Ч. 1–6.

²⁸⁶ Александр Михайлович Шумлянский (1748–1795) – акушер; получил степень доктора медицины в Страсбургском университете; преподавал в различных медицинских заведениях Москвы и С.-Петербурга; с 1793 г. – преподаватель московской акушерской школы. Автор нескольких научных работ и переводов.

²⁸⁷ Чулков Н. Указ. соч. С. 216.

²⁸⁸ Амалия Адельгейд Schmettau.

Дмитрия Алексеевича Голицына (1734–1803), большую часть жизни проведшего в Европе.²⁸⁹ Хотя после замужества Амалия Шметтау носила российскую фамилию Голицына, бывала в России (по крайней мере, она была представлена при дворе Екатерины II), тем не менее ее трудно причислить к *российским* женщинам-любительницам наук. Однако, поскольку, по мнению автора биографической статьи историка Павла Пирлинга, дом княгини «служил средоточием высшего общества» и в гостях у нее бывала «русская знать»,²⁹⁰ она могла оказывать значительное влияние на мировоззрение, а также увлечения российских дам – своих гостей. Поэтому мы считаем необходимым сказать здесь о ней несколько слов. Уже после замужества и рождения двоих детей княгиня решила заняться самообразованием. По словам Пирлинга, «...с редкою энергиею и неутомимым усердием княгиня взялась за изучение математики, философии, греческого языка и вместе с тем, обдумав широкий план и усвоив себе надлежащие приемы, она стала сама преподавать детям первоначальные знания».²⁹¹ Проживая в Швейцарском Мюнстере, она собрала вокруг себя кружок ученых и увлекавшихся науками людей, ставший известным по

²⁸⁹ Н. Чулков пишет о нем: «Он жил преимущественно умственными интересами и всю жизнь чему-нибудь учился. Главными предметами его изучения были электричество и минералогия. Его общество составляли философы, ученые, художники. Близкий ко многим энциклопедистам, он переписывался с Вольтером, издавал произведения Гельвеция; в особенности был дружен с Дидро... (Чулков Н. Голицын, князь Дмитрий Алексеевич // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь-Гюне. С. 162). Д.А. Голицын был почетным членом Петербургской, Стокгольмской, Брюссельской и Берлинской академий наук, членом Петербургской Академии художеств, а также Вольно-экономического, Лондонского Королевского и Эрфуртского полезных знаний обществ; председателем Иенского Минералогического общества, которому и завещал свои минералогические коллекции (Там же. С. 162).

²⁹⁰ Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь-Гюне. С. 205.

²⁹¹ Там же.

всей Германии под именем *familia sacra*. Как пишет П. Пирлинг: «Ежедневно, по вечерам, в ее доме велись научные разговоры. В них участвовали университетские профессора, местные ученые, высшие сановники».²⁹² Княгиня А.С. Голицына состояла в переписке со многими известными учеными своего времени. Первая часть дневниковых записок княгини была опубликована в Штутгарте в 1868 г. под названием «*Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang*».²⁹³ Продолжение вышло в Мюнстере в 1874–1876 гг. На русский язык они никогда не переводились.²⁹⁴

В упоминавшейся выше книге В.О. Михневича приведен еще один пример женщины-ученой, оставшейся, однако, безымянной. В.О. Михневич взял его из работы «Н.М. Карамзин» журналиста и редактора Альберта Викентьевича Старчевского (1818–1901). Это история воспитания братом Н.М. Карамзина Василием Михайловичем Карамзиным (1751–1827) «одной девочки», у которой им были замечены «необыкновенные способности». «Эта редкая женщина выучилась даже латинскому языку²⁹⁵ и считалась ученейшею в своем околке, не выезжая из пределов Симбирской губернии», – приводит В.О. Михневич цитату из работы А.В.

²⁹² Там же. С. 206.

²⁹³ Golitsyna Amaliia Samuilovna. *Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel, nebst Fragmenten und einem Anhang*. Stuttgart, Liesching, 1868.

²⁹⁴ Подробнее о княгине Амалии Голицыной см.: Hügel Pauline. *freiherrin von. A royal son and mother Notre Dame, Ind.* : The Ave Maria, 1902.

²⁹⁵ Знание женщиной латинского языка вызывало глубокое удивление и преувеличенное восхищение почти всех авторов XIX в., которым когда-либо приходилось в печати упоминать об этом. Одновременно не вызывало ни малейшего удивления вполне обычное для конца XVIII – первой половины XIX в. (и даже для более позднего периода) владение девушкой-аристократкой как минимум двумя, а чаще тремя, современными иностранными языками. Наоборот, подобное умение считалось общепринятым стандартом женского аристократического образования. Современники, кажется, не замечали этого парадокса: латынь – язык науки, доступный лишь избранным, поэтому владевшая ею женщина воспринималась как нечто необыкновенное.

Старчевского и добавляет: «К сожалению, г. Старчевский, сообщая эти сведения, [...] не указывает их источника и не называет даже имени этой “редкой женщины” – ученой».²⁹⁶ Тем не менее, он не подвергает сомнению данное свидетельство.

Конечно, несколько найденных имен не может свидетельствовать о положении дел в целом. Однако в нашем распоряжении имеются и другие, объективные данные о существовании интереса к точным и естественным наукам среди российских женщин последних десятилетий XVIII в.

По сведениям современного специалиста по истории отечественной книги XVIII в., доктора исторических наук А.Ю. Самарина, изучившего подписные листы различных научных изданий, только с 1787 по 1800 год женщины подписались, как это следует из Таблицы 1 на следующие научные книги:

Таблица 1. Женщины-подписчицы математических и естественнонаучных изданий (1787–1800)

Название книги	Количество женщин-подписчиц
Войтяховский Е.Д. Теоретический и практический курс чистой математики. Т. 1–3. М., 1787.	1
Пиль Р. Понятие о совершенном живописце. СПб., 1789.	1
Лангер К.Г. Полный географический лексикон. Ч. 1–3. М., 1794.	3
Ертов И.Д. Начертание естественных законов, происхождения вселенной. Т. 1–2. СПб., 1798–1800.	1

Конечно, как мы видим, число подписчиц очень невелико. Как замечает А.Ю. Самарин: «Особенно плохо женщины подписывались на книги по естественным наукам и технике. Две трети изданий такого рода, имеющих печатные списки

²⁹⁶ Михневич В.О. Указ. соч. С. 260.

подписчиков, женщины вообще не заказывали».²⁹⁷ Следует заметить, что гораздо большее число женщин, выписывали в тот же период книги исторического (103 человека) и философско-религиозного (36 человек) содержания.²⁹⁸ Однако одними только книгами не могло ограничиваться чтение образованного человека. К сожалению, ученые и учено-литературные периодические издания не часто печатали списки подписчиков. Тем не менее мы можем отметить, что среди подписчиков периодических изданий, имеющих то или иное отношение к точным и естественным наукам и опубликовавших списки своих читателей, были и женщины. Так, в 1780 году 20 женщин выписывали журнал «Экономический магазин», в 1792 г. одна дама подписалась на «Санкт-Петербургские врачебные ведомости», в 1794 г. 2 женщины выписывали «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную» и, наконец, в 1799 году 9 дам подписались на «Журнал о земледелии для Всероссийской империи».²⁹⁹

Безусловно, приведенные выше данные более чем относительны. Если дама сама не выписывала журнал или книгу, то это мог сделать кто-нибудь для нее, по ее просьбе. Например, среди подписчиков издававшейся в Тобольске «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной» поименованы две дамы: «девица Марья Ивановна Протасова» (в Орловском наместничестве)³⁰⁰ и «стат[ского] сов[етника] Осипа Дмитриевича Лукина дочь Анна Осиповна» (в Рязанском наместничестве).³⁰¹ Однако помимо них упомянут Яков Баженов «его сиятельства господина генерал-

²⁹⁷ Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 154.

²⁹⁸ Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 154–155.

²⁹⁹ Там же. С. 156.

³⁰⁰ Имена особ, кои по предъявленным в Тобольском Приказе Общественного Признания подпискам получали сию книгу Ученая Библиотека, со означением из места пребывания // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1794. Ч. 12. С. 8.

³⁰¹ Там же. С. 9.

поручика, действительного камергера и разных орд[енов] кавалера Михайла Михайловича Голицына супруги княгини Анны Александровны урожденной баронессы Строгановой служитель» (из Пермского наместничества).³⁰² Выписывали ли он журнал для себя или для своей сиятельной патронессы? На этот вопрос нет ответа. Точно также некоторые подписчицы могли действовать по поручению родственников или друзей-мужчин и совершенно не интересоваться тем, что они выписывали.

Кроме того, конечно, человек, серьезно занимавшийся наукой в последние десятилетия XVIII века, не мог ограничиваться только отечественными изданиями. Скорее наоборот: число выписываемых им зарубежных специальных сочинений должно было бы преобладать. Вполне возможно, что плохо, а иногда вообще не читающие по-русски аристократки просто не обращали внимания на русскоязычные книги и переводы, предпочитая им иностранные оригиналы. А в том, что это были именно аристократки, нет никаких сомнений. По сведениям А.Ю. Самарина: «Социальный состав женщин-подписчиков более аристократичен, чем подписчиков-мужчин. Среди них практически отсутствуют представительницы недворянских сословий, а значительная часть (более трети) принадлежит к титулованной аристократии и генералитету».³⁰³

Однако меньше ли было число женщин-читательниц научных изданий по сравнению с приведенными выше данными или, наоборот, больше, не особенно важно для нас. Достаточно самого факта: подобные женщины существовали. И хотя, по-видимому, их было мало, но сам факт того, что уже в последние десятилетия XVIII века некоторые российские аристократки проявляли интерес к наукам, не подлежит сомнению. И, как мы видели выше, не все они ограничивались исключительно чтением.

Свидетельством, косвенно подтверждающим наши выводы, может также

³⁰² Там же. С. 8.

³⁰³ Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 155.

служить одна крайне любопытная журнальная публикация. В 1793 г. журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал статью француза по фамилии Гартиг, переведенную на русский язык Михаилом Вышеславцевым,³⁰⁴ под названием: «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках». Автор подробно рассматривает способность или неспособность женщин к занятию различными науками и искусствами, приводя в пример знаменитых европейских дам, прославившихся своими познаниями или даже заслугами в науке, и приходит к выводу, что никаких препятствий, обусловленных «природой» женщины для занятий этим видом деятельности не существует: «...каковы б ни были [...] препятствия, сей род наук (имеются ввиду «отвлеченные понятия», требующие тщательного изучения и логического мышления. – О.В.) соразмерен разуму женщин; многие с успехом упражнялись в них», – пишет он и добавляет: «Во всех веках были женщины, которые с успехом упражнялись в самых трудных науках; оне умели преодолеть своим мужеством и проницанием все препятствия, которые природа, повидимому, противоположила им только, чтобы зделать торжество их гораздо блистательнее. Что касается до тех познаний, которые зависят от памяти, то я не вижу причины, которая б препятствовала женщинам быть к оным способными; способность содержать в памяти понятия, им столько ж свойственна, как и нам; и если мы внимательно о сем рассудим, то может быть выгода будет еще на их стороне».³⁰⁵ Таким образом, единственное, что служит, по мнению автора статьи, помехой и преградой, мешающей женщинам заниматься наукой – существующие в обществе предрассудки. Почему же женщины не наслаждаются «благополучием», которое приносит, по утверждению философов,

³⁰⁴ Вышеславцев Михаил Михайлович (1758–1830-е), переводчик, литератор, преподаватель французского и др. языков.

³⁰⁵ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. (Пер. с франц. Михайло Вышеславцева) // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 55, 57–58.

занятие науками, спрашивает автор? «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?», – задает он вопрос. И сам же отвечает: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости, и могло бы предохранить их от оных».³⁰⁶

Далее автор приводит различные доводы, стремясь убедить женщин в том, что занятие науками может быть им очень приятно и полезно, объясняя, почему невежество превращает всю их жизнь в «цепь огорчений и страданий». Не довольствуясь собственными доводами, он призывает на помощь древних, в том числе Плутарха и Цицерона, цитируя знаменитое высказывание последнего о пользе наук: «Науки, говорит Римской Оратор, образуют юношество, и составляют утеху зрелого возраста; щастие украшается ими, нещастие получает от них облегчение; в своем доме, в домах чужих, в путешествиях, в уединении, всегда и везде оне составляют сладость нашей жизни», – пишет он.³⁰⁷ Высказывание это к 1793 г. уже хорошо известно в России и существует на русском языке, включенное М.В. Ломоносовым в его знаменитую «Оду на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»: «Науки юношей питают...» и далее по тексту.

И по некоторому совпадению М.В. Ломоносов в свое время также адресовал эти слова женщине, хотя, конечно, не столько призывая ее заняться наукой *лично*, сколько убеждая в необходимости высочайшего *покровительства* наукам и ученым. Впрочем, автор статьи 1793 г. также не предлагает женщинам *профессиональное* занятие наукой, поскольку, по его мнению, это приносит мало радости: «...судьба

³⁰⁶ Там же. С. 63–64.

³⁰⁷ Там же. С. 66–67.

упражняющихся в науках для славы, видеть себя в печати, и предавать мысли свои потомству, по истине, не есть самая щастливая. Слава их почти всегда отравляется ядом ненависти. Судьба простаго и безкорыстнаго любителя подлинно предпочтительнее», – пишет он.³⁰⁸ И взывая на этот раз к авторитету Вольтера, продолжает: «Г. Волтер говорит, что один есть судия (то есть любитель. – О.В.), а другой подсудимый (то есть профессионал. – О.В.): я предлагаю женщинам судьбу перваго; она лучше б была скучной праздности. Какое удовольствие может для них быть больше сего удовольствия, когда оне умеют отличать те красоты, которых непосвященные не могут видеть, и которых приятное впечатление есть сокровище для тех, кои способны к принятию онаго! О когда б все вы могли познать сие благополучие! Сколь приятны были б тогда для вашего вкуса те творения, в которых разум изливает нежнейшие лучи свои!», – восклицает он.³⁰⁹

Завершается статья пылким, можно сказать, пламенным призывом к женщинам, заниматься наукой: «Прелестной и толь часто обманываемый пол, таков плод просвещения! Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках; они будут составлять ваше отдохновение и вашу подпору; предохранят вас от скуки и от прельщения; соделают сердце ваше твердейшим, а разум основательнейшим; самая любовь найдет в них новыя удовольствия. Разум подкрепит ваши прелести, и когда, достигнув тех лет, в которыя время пожиная их, вы будете ежедневно видеть разрушение ваше, когда останется вам одно печальное воспоминание того, что вы были; то укрываясь в их объятія, вы можете ополчиться против самой старости. Они подадут вам силу сносить мужественно лишение красоты вашей, и доставят вам удовольствия, которые никогда не кончатся, разве с вашею жизнью. Я еще повторю, упражняйтесь в науках! Матери внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет. А вы, которые преступили пределы, в коих вас содержали, вы, которых число к сожалению весьма ограничено, не устрашайтесь

³⁰⁸ Там же. С. 67–68.

³⁰⁹ Там же. С. 68.

усилий невежества; будьте довольны одобрением существ мыслящих, и сохраняйте для себя способ которой некогда зделает вас младыми в глазах самых хулителей ваших».³¹⁰

К сожалению, пока не удалось определить, кем был господин Гартиг, подлинное ли это имя или только псевдоним, скрывший... кого? Может быть одну из тех женщин-ученых, любительниц наук, о которых писал В.О. Михневич? В любом случае, статья вряд ли появилась на «пустом месте». Она свидетельствует о том, что в образованной части российского общества подобные проблемы обсуждались, вызывали споры, что идея о необходимости женского просвещения и «занятия науками» не только была произнесена вслух, но получила своих защитников и противников. Она также может свидетельствовать о существовании в этот период некоторого количества «женщин-ученых», достаточного для того, чтобы вызвать общественный интерес и общественную дискуссию. Если бы их вообще не было, как иногда представляется нам сегодня, то и обсуждать было бы нечего.

2.2. Появление в русском языке выражения «ученая женщина» в начале XIX века

Подтверждением распространения среди российских женщин интереса к наукам в конце XVIII – начале XIX века может служить появление в русском языке уже в первое десятилетие XIX века понятий «философка», «ученая женщина»,

³¹⁰ Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. (Пер. с франц. Михайло Вышеславцева) // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 70–72.

употреблявшихся по отношению к некоторым дамам. Например, Ф.Ф. Вигель (1786–1856), описывая в мемуарах историю своего знакомства с некоей девицей А.А. Турчаниновой, имевшею место примерно на рубеже XVIII и XIX веков, говорит о ней: «...у нас ее знали под именем философки».³¹¹ В 1810 г. писательница Екатерина Наумовна Пучкова (1792–1867), в одной из своих статей вкладывает следующий вопрос в уста героя, точнее, антигероя повествования: «И что такое..., – спрашивает он, – ученая женщина, философка, женщина со вкусом?».³¹² В последующие 1811–1815 годы употребленное в различных контекстах словосочетание «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становятся вполне привычными и часто встречаемыми на страницах отечественных журналов.³¹³ Естественно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение какого-то уже заметного в обществе явления, а именно на появление женщин, открыто интересовавшихся различными науками.

Однако уже в начале 1810-х годов словосочетание «ученая женщина» перестает быть нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 г. задавался следующим вопросом: «Удивительно, почему прилагательное *ученый*³¹⁴ – в женском роде, щекотливо для уха мужчин...?».³¹⁵ Несколько лет, предшествовавших Отечественной войне 1812 г., были ознаменованы целым потоком статей в общественно-литературной периодической печати, обсуждавших проблемы женской учености, женского образования, отношения

³¹¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.

³¹² К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

³¹³ См., например: Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38–43; Вестник Европы. 1811. Ч. LVII (57). № 9. С. 58–59; Кабинет Аспазии. Литературный журнал. 1815. Кн. 2. С. 76–84 и др.

³¹⁴ Курсив автора. – О.В.

³¹⁵ О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 42.

женщин к наукам. Тема стала настолько привычной, что, например, автор упомянутой статьи «О учености прекрасного пола» нашел возможным начать ее следующими словами: «*Беспреданно*³¹⁶ спорят о том, и никто еще не решил сего спора, способны ли женщины к знаниям и наукам, и какой род учености наиболее приличен им?»³¹⁷ Стилистические жанры этих публикаций достаточно разнообразны. Они представлены как серьезными, написанными в академическом стиле работами, рецензиями и псевдо рецензиями на иностранные труды по теме, так и ярко-полемическими статьями, содержащими известную долю язвительности, а также краткими, можно сказать энциклопедическими, биографиями известных ученых и просвещенных женщин, принадлежавших к разным странам и временам. Содержание их гораздо менее разнообразно. В сухом остатке мнения авторов делились между двумя лагерями: противников и защитников женской учености. Причем, не всегда можно с легкостью определить, сторонники какой из двух позиций сохраняли за собой преимущество в тот или иной период времени.

Конечно, существовали и разные оттенки. Так, некоторые авторы, как, например, автор статьи «О учености прекрасного пола», писавший: «Я не вхожу в решение спора между поносителями и защитниками их. *Non nostrum componere lites* (не наше дело столько примирять!)»,³¹⁸ – формально претендовали на беспристрастность, несмотря на то, что при чтении произведения, усомниться в их позиции было невозможно. Другие, отзываясь отрицательно об ученых женщинах как таковых, считали нужным сделать исключение для некоторых особых разделов знания, например, для русскоязычной литературы. К этим последним, по мнению Ю.М. Лотмана, принадлежал и Н.М. Карамзин, признававший развитие языка и словесности главными рычагами прогресса, а женщин – главными, если можно так сказать, двигателями этих последних: «В этих условиях особая надежда возлагалась

³¹⁶ Курсив наш. – О.В.

³¹⁷ Там же. С. 38.

³¹⁸ Там же. С. 38–39.

на женщин, – писал Ю.М. Лотман. – Дамский вкус делался верховным судьей литературы...».³¹⁹ Вообще, мнение о том, что именно великосветские женщины должны приучить российское общество говорить и читать, а потом и писать, по-русски, достаточно широко бытовало в российской журнальной критике указанного периода. Однако оказалось вдруг, что для выполнения подобной задачи, женщинам пришлось бы выйти из строго очерченного для них как законом, так и общественным мнением круга семейной жизни, и здесь-то выяснилось, что цель оправдывает средства, и что женщины могут сгодиться для чего-то помимо приятного времяпрепровождения, супружества и материнства.

Характерный пример подобного отступления от строгих правил женского поведения являла, например, речь сатирика и журналиста Александра Федоровича Воейкова (1779–1839), опубликованная в 1810 году в «Вестнике Европы». Речь эта, посвященная влиянию женщин на развитие изящных искусств, по словам автора, была произнесена им в обществе, собиравшемся в доме одной дамы. Время здесь проводили в чтении и обсуждении литературных произведений, особенно переводов, сравнивая эти последние с оригиналами. Начав с заявления о том, что «...нет ничего невозможного для женщин»,³²⁰ автор перечислял знаменитые деяния россиянок, далекие от скромной роли прилежной супруги и матери: «Наши Бытописания сохранили нам знаменитые опыты женского патриотизма. Женщина ввела в Россию Христианскую веру. Женщина спасла нам Петра Великого и не допустила Россию погрузиться в прежний мрак невежества и бессилия. Женщина украсила, возвеличила, прославила Россию, дала законы Государству и права гражданам, ввела вкус и вежливость при Дворе своем, потрясла Константинополь и Стокгольм громом победоносного своего оружия, покорила Крым и Польшу. *Женщина недавно*

³¹⁹ Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн, 1992. С. 360.

³²⁰ Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 272.

занимала в Академии нашей первое место между учеными.³²¹ Женщинам отчасти обязана Россия освобождением от Польского ига...», – восклицает он.³²² Но для чего автор так, можно сказать, яростно воспеваает успехи женщин на общественном, политическом и научном поприще? Совсем не для того, чтобы призвать государство к введению женского равноправия. Просто есть дело, с которым, по мнению А.Ф. Воейкова, могут справиться только женщины. Но для того, чтобы они захотели этим делом заняться, им следует объяснить, что их жизненное предназначение несколько шире узких рамок семейной жизни, что чувства патриотизма, ревности к славе своего отечества не должны быть им чужды. Объяснить, используя исторические прецеденты, конечно. И только после этого может быть поставлена задача: «Милостивые Государыни! Вы должны учить нас языку и вкусу. В наши времена вам не нужно быть мученицами за Веру; не нужно поощрять воинов к сражению с неприятелями Отечества, или и самим сражаться; не нужно посылать рыцарей к защищению невинности от злых волшебников; в наши времена народы соревнуют друг другу в успехах просвещения; Государства хотят быть славны открытиями и пережить века в произведениях изящных художеств. Продолжайте, Милостивые Государыни! Любить Словесность; ее слава неразлучна с вашею славою, со славою Отечества».³²³

Но существуют свидетельства того, что точка зрения А.Ф. Воейкова и Н.М. Карамзина о роли, которую призваны были сыграть женщины в развитии русскоязычной литературы и, более широко, русского языка, разделялась далеко не всеми. В журнале «Аглая» за тот же 1810 г. была опубликована статья писательницы Екатерины Наумовны Пучковой (1792–1867), описывающая обсуждение описанной выше «речи» А.В. Воейкова, имевшее место во время одного из светских мероприятий. По ее свидетельству, три или четыре женщины, пять или шесть

³²¹ Курсив наш. – О.В.

³²² Там же. С. 275–276.

³²³ Там же. С. 276.

мужчин обсуждали лежавший на столе «Вестник Европы» и читали вслух «прекрасную речь» А.Ф. Воейкова.³²⁴ «Все хвалили мысли и слог Сочинителя, – пишет Е.Н. Пучкова, – все желали вместе с ним размножения *женщин-любительниц наук и искусств*».³²⁵ Разговор сделался живее; похвала женщинам гремела во всех устах».³²⁶ Но вот нашелся один мужчина, решившийся противоречить общему мнению: «И что такое..., – сказал он, – *ученая женщина, философка, женщина со вкусом?*»³²⁷ Чем разнятся оне от обыкновенных женщин? Сии просты, скучны, сварливы, а другие притворны, хитры и мстительны: вот плоды просвещения».³²⁸ По словам Е.Н. Пучковой, присутствующие были возмущены подобным заявлением, но все молчали и только одна из дам (из контекста понятно, что это – сама Е.Н. Пучкова), решилась возразить. Тактика этой защиты довольно любопытна. Прежде всего, дама (в статье автор называет ее Всемила) признается, что сама имеет «ограниченные познания в словесности» и не участвует «в хитростях женщин»: «...не будучи ни философкою, ни ученою, даже не имея славы назваться *женщиною со вкусом*,³²⁹ – говорит она, – смею однако ж заметить, что рассудок и просвещение равно нужны как мужчинам, так и женщинам».³³⁰ А далее следует аргумент, который впоследствии будет повторен в десятках, если не сотнях статей, посвященных образованию женщин: «Природа, как нежная мать, всех равно наделяет своими дарами. Мужчины лучше нас пользуются ими; виноваты ли мы в том? Их наставляют в твердости духа, в терпении; разум их стараются обогащать

³²⁴ Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 43–44.

³²⁵ Курсив автора статьи. – О.В.

³²⁶ Там же. С. 44.

³²⁷ Курсив автора статьи. – О.В.

³²⁸ Там же. С. 46–47.

³²⁹ Курсив автора статьи. – О.В.

³³⁰ Там же. С. 48.

познаниями. *А у нас отнимают все способы к приобретению сведений;*³³¹ можно сказать, что с первую каплею молока поселяют в нас обо всем ложные понятия и притворство».³³²

Мы наблюдаем здесь создание алгоритма, которому в течение последующих лет будут следовать споры о характере женского образования. Объяснение неспособности женщин к какому-либо профессиональному труду крайне поверхностным характером женского образования, а также тем, что у женщин «отнимают все способы к приобретению сведений» станет очень популярным в 50-е – 60-е гг. XIX в. Оно вполне согласуется и с фразой, сказанной Е.Н. Пучковой в завершение и, возможно, предназначавшейся для утешения самолюбия оказавшегося на тот момент в меньшинстве противника, а возможно отражавшей истинную точку зрения автора: «С женщинами, как с детьми, должно уметь обходиться, забавлять их; – оне, как дети, полюбят вас всем сердцем, и вы можете делать из них все, что вам угодно».³³³ Впоследствии эта мысль также будет просматриваться у многих авторов-мужчин, выступавших по вопросам женского образования в середине – второй половине XIX в.

К 20-м гг. XIX в. (а возможно, что и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобретает некоторый неодобрительный оттенок. Как будто соединение этих слов означает нечто стыдное, что-то, чего следует избегать по мере сил, а уж если не удалось, то скрывать от окружающих. Так, например, филолог-лингвист барон Адольф-Андре Мериан (1772–1828),³³⁴ постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792–1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение

³³¹ Курсив мой. – О.В.

³³² Там же. С. 51–52.

³³³ Там же. С. 53.

³³⁴ André Merian. Краткую информацию о нем см.: Пушкин по документам архива М.П. Погодина / Публикация М. Цявловского // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. М., 1934. С. 690.

общества, писал ей, предположительно в 1825 г.: «Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения *ученой женщины*, оставьте его дурнушкам – но на него Вам укажут при первой же возможности; [храни Вас] от этого *бесцветного вздора*, который тем хуже, чем более завоевывает видимого расположения, которое на деле ничего не значит. Не будьте ученой, – восклицает Мериан, – пусть ученые будут в Вашем распоряжении, поощряйте их в создании трудов для Вас и обогащайте свой вкус и редкую восприимчивость сокровищами, которыми они Вас одарят. Ничто не мешает Вам оставаться юной, прекрасной, в высшей степени любезной – и в то же время быть *покровительницей новой системы*, которая образовывается и распространяется, или, вероятнее, *всего древнего*, что поднимается из бездны... Вы будете богиней истины и простоты... – она пренебрегла Олимпом. Специально для тех, кто не желает, чтобы княгиня занималась филологией».³³⁵ Таким образом, даже благожелательно относящийся к образованной и увлеченной научными предметами женщине человек предостерегает ее от звания «ученой».

Биограф поэтессы и переводчицы Елизаветы Борисовны Кульман (1808–1825), известной своими феноменальными способностями к изучению языков, пошел еще дальше: чувствуя необходимость тем или иным способом оправдать хоть и выдающиеся, но не совсем подобающие способности девушки: «Ее часто видели задумчивою, иногда вдохновенною, но всегда почти скромною, любезною девицею, чуждою всяких притязаний на отличие. Особенно никто не мог предполагать в ней сочинительницы: она хранила под покровом глубочайшей тайны плоды своих поэтических восторгов: один г[осподин] Гроссгейнрих (ее преподаватель. – О.В.) слышал, как билось, как звучало сердце ее в часы священного жертвоприношения Искусству. *Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна была и*

³³⁵ Цит. по: Сайкина Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005. С. 23–24.

умереть, чтобы не сделаться ею³³⁶. Это было просто прекрасное создание, только поставленное на высшей ступени человечества. Она писала от избытка сил душевных; она хотела, чтобы ее некогда прочли и поняли: кто же и из ангелов не хотел бы, чтобы прочли и поняли его сердце? Так! Она была ангелом на земли, и умерла в семнадцать лет, чтобы не перестать быть им», – пишет литературный критик, редактор, цензор, в будущем доктор философии и профессор, а также известный мемуарист Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) в 1835 г.³³⁷

Конечно, предположение о том, что девушка должна была умереть, дабы не сделаться в глазах своих знакомых «ученой женщиной» выглядит несколько преувеличенно и немного излишне патетически. Тем не менее, подобное высказывание кажется вполне логичным, хоть и доведенным до абсурда завершением концепции, в соответствии с которой излишнее образование, а тем более интерес к наукам противоестественны в женщине.

Тем не менее, в первой четверти XIX в. упоминания об «ученых женщинах» начинают мелькать не только в частных письмах и публицистике, но и в художественной литературе, и в театре. Так, 28 ноября 1810 г. на сцене одного из Петербургских театров был сыгран небольшой отрывок из пьесы Мольера «Ученые женщины».³³⁸ Этот же отрывок вскоре был опубликован в «вольном переводе» в «Сочинениях» Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837),³³⁹ под названием «Триссотин и Вадиус». Пьеса Мольера «Ученые женщины», впервые сыгранная в Париже, в театре Пале-Рояль 11 марта 1672 г. и опубликованная через год, в 1673

³³⁶ Курсив наш. – О.В.

³³⁷ Никитенко А. Елисавета Кульман // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1835. Т. 8. С. 77.

³³⁸ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 207.

³³⁹ Дмитриев И.И. Триссотин и Вадиус. Отрывок из Мольеровой Комедии: *Les Femmes favantes* // Дмитриев И.И. Сочинения Дмитриева. М.: в Универ. тип., 1810. С. 76–80.

г.,³⁴⁰ представляет собой злую и язвительную пародию, как на «ученых» женщин, так и на ученых мужей (хоть и в меньшей степени). И.И. Дмитриев как раз перевел диалог между двумя героями-мужчинами, являвшийся сатирой, скорее, на ученых мужей, чем на ученых дам. Но сама постановка и последовавшая публикация могли привлечь внимание публики к пьесе, никогда ранее не шедшей в России, в то время как Мольер (как в переводах, так и в оригинале) был чрезвычайно популярен в стране в начале XIX века. Известный французский исследователь, автор монографии «Мольер в России» Ю. Патуйе, писал об этом: «Театр в это время пользуется все возрастающим успехом. Пушкин бредит им со времен Царского Села, Грибоедов и его друзья пробуют свои силы в области драматургии; театралы с жаром спорят об авторах, пьесах и исполнителях»,³⁴¹ – отмечая, что Мольер служил «драгоценным источником» для театральных постановок и бенефисов, поскольку в нем не было ничего «ниспровергающего основы».³⁴² По данным Ю. Патуйе, между 1802 и 1850 гг. «...можно перечислить внушительное количество переводов, как полных, так и в отрывках, подражаний и переделок наиболее известных пьес Мольера». Патуйе также утверждал, что: «Образованные люди читают его в подлиннике, знакомство с его произведениями обязательно входило в программу воспитания дворянских детей; дед Пушкина, говорят, знал его наизусть; и когда сам Пушкин в стихотворении *Городок*, 1814 г., говорит об “исполине Мольере”, он высказывает не только свое личное, но и общепризнанное мнение».³⁴³

20 августа 1818 г. состоялось первое полное представление пьесы «Ученые женщины» Мольера на российской сцене, в Большом театре С.-Петербурга. Пьеса шла в переводе Ал. Гав. Волкова и была, по сведениям историка отечественного

³⁴⁰ Бояджев Г.Н. Комментарии // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 699.

³⁴¹ Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин, 1924. С. 28.

³⁴² Там же.

³⁴³ Там же.

театра Пимена Николаевича Арапова (1796–1861): «...обставлена лучшими артистами».³⁴⁴ Таким образом, со знаменитой сцены, в столице России, устами лучших артистов было озвучено мнение любимого и уважаемого всеми автора о том, какое именно учение прилично женщине, в частности, следующий монолог на эту тему одного из главных героев – Кризалея, с которым он обращается к своей супруге:

.....

Все книги вечные, – на кой они нам бес?

Плутарх – ну, тот хоть толст, – для брыжей славный пресс.

Давно пора вам сжечь весь этот скарб ученый,

Науку завещав профессорам Сорбонны,

И, образумившись, освободить чердак

От длинной той трубы, что всех пугает так,

От сотни разных штук (смотреть на них досада!);

В дела луны совсем мешаться вам не надо.

Заботить должен вас хотя б немного дом,

Где все давным-давно уже идет вверх дном.

Не принято у нас (тому причин немало),

Чтоб девушка росла, учась, и много знала.

В привычках честности воспитывать детей,

Прислугой управлять и кухню своей

И с экономией сводить свои расходы, –

Такой науки ей должно хватить на годы.

.....

³⁴⁴ Арапов. Указ. соч. С. 267.

И далее по тексту.³⁴⁵ Конечно, эти слова вложены в уста недалекого ретрограда, но при этом ретрограда доброго и здравомыслящего. Так что автор если и не разделял его точки зрения, то вполне мог ее одобрять. Кроме того, с момента написания пьесы до Петербургской постановки 1818 г. прошло 146 лет и та «мода на ученость» во Франции, над которой посмеялся Мольер имела мало отношения к российской действительности. Однако учитывала ли все эти нюансы российская публика? Или просто смеялась, с удовольствием принимая пьесу любимого автора? Или постановка оказалась не такой уж успешной и оскорбила примерно половину из числа присутствовавших зрителей, то есть женщин? Как ни странно, но это последнее вполне возможно, в особенности потому, что после 1818 г. пьеса Мольера «Ученые женщины» не ставилась на сцене Петербургских театров вплоть до 1890 г. В Москве, правда, в Малом театре она была поставлена вновь несколько раньше, в 1877 г.,³⁴⁶ и, заметим, не переводилась на русский язык. Уже в 1872 г. писатель, основатель и секретарь «Общества русских драматических писателей» Владимир Иванович Родиславский (1828–1885) мог смело утверждать, говоря о переводе А.Г. Волкова: «Это единственный, сколько нам известно, перевод комедии *Les femmes savants* на русском языке. На Московской сцене он не шел и не был напечатан. К сожалению, я не имел в руках этого перевода и ничего не могу сказать о нем».³⁴⁷

Но оказала ли постановка 1818 г. влияние на убеждения молодых светских людей, завсегдатаев светских балов и салонов, молодых поэтов, писателей, публицистов, создававших своими насмешливыми высказываниями и язвительными публикациями «общественное мнение»? Очень даже может быть, что и оказала.

В феврале – октябре 1824 г. А.С. Пушкин работает над третьей главой

³⁴⁵ Мольер Ж.-Б. Ученые женщины / пер. М. Тумповской // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 556 и др.

³⁴⁶ Бояджижев Г.Н. Комментарии... С. 699.

³⁴⁷ Родиславский В.И. Мольер в России // Русский Вестник. 1872. № 3. С. 65.

«Евгения Онегина»,³⁴⁸ в которую включает знаменитую XXVIII строфу:

.....
*Не дай мне бог сойтись на бале
 Иль при разъезде на крыльце
 С семинаристом в желтой шали
 Иль с академиком в чепце!*

в одночасье сделав образ «академика в чепце» смешным в глазах своих читателей, то есть всего образованного общества. Но кто были эти женщины, подвергавшиеся насмешкам молодых светских щеголей за свои «неженские» увлечения науками? Можно ли сегодня восстановить их имена? Сохранились ли какие бы то ни было следы их деятельности?

Некоторые современные филологи, в том числе доктор филологических наук Н.В. Забабурова, предполагают, что в ней А.С. Пушкин изобразил математика княгиню Евдокию Ивановну Голицыну (1780–1850).³⁴⁹ С другой стороны, Ю.М. Лотман полагал, что в данном отрывке речь идет о поэтессе Анне Петровне Буниной (1774–1828).³⁵⁰ Не вступая в прения с профессиональными мнениями филологов (хоть и столь различными), рискнем все же предположить, что в упомянутой строфе А.С. Пушкин мог создать *собирательный* образ светской дамы, интересы которой простирались дальше нарядов, сплетен и балов. Будучи знакомым и с Е.И.

³⁴⁸ См.: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

³⁴⁹ Забабурова Н. Ночная княгиня // RELGA – научно-культурологический журнал. 1999. № 18 [24]. URL: <http://www.relga.ru>

³⁵⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983. С. 225.

Голицыной, и с А.П. Буниной, конечно, зная о З.А. Волконской (если к этому моменту еще не был с ней знаком лично), об увлекавшейся естественными науками А.А. Турчаниновой, и вполне может быть, что и других, поэт со свойственной ему наблюдательностью и проницательностью заметил и зафиксировал явление, видимо еще новое для российского общества, но, несомненно, уже присутствовавшее в его жизни и обращавшее на себя внимание окружающих – появление «ученой дамы». В его стихах отразилось скептически-насмешливое отношение общества к богатым, прекрасно образованным светским красавицам, пожелавшим выйти из образа дамы, чье главное предназначение – служить изысканным украшением гостиной. Это к ним можно отнести высказывание В.О. Михневича, объяснявшего полное, на его взгляд, отсутствие литературных «памятников нерукотворных», созданных российскими женщинами следующим образом: «Это [...] следует объяснить не недостатком талантливости и умственного развития в среде образованных русских женщин минувшего столетия, а тем, что женщинам даровитым, умным и развитым, которые могли бы, при других условиях, прославить свои имена плодотворной творческой деятельностью, совершенно чужда была тогда сама идея женского профессионального труда на каком бы ни было поприще и всего более – на научно-литературном. Вследствие этого, дарования и знания либо заглушались в выдающихся, богато одаренных природой женских натурах суетной светской жизнью, либо растрчивались на дилетантские пустяки».³⁵¹ И в этом жестком и хлестком высказывании, как нам кажется, есть приличная доля истины. Сама обстановка жизни светской дамы – безусловно модной красавицы и души литературного и светского салона, изысканной, блестящей и безупречной – придавала ей в глазах окружающих оттенок некоторой поверхности, несерьезности. Ее повседневную жизнь сковывали десятки неписаных, но тем не менее жестких правил поведения, пренебрежение которыми могло дорого обойтись.

И тем не менее именно среди русских аристократок (преимущественно

³⁵¹ Михневич В.О. Указ. соч. С. 244.

титолованных) в первые десятилетия XIX века появляется интерес к науке, возможно поверхностный, но при этом декларируемый открыто. Они не просто приглашают в свои салоны ученых и слушают их речи, поощряя рассказчика доброжелательной улыбкой. Нет. Они не стесняются высказывать собственное мнение по предметам очень специальным. Они заходят даже так далеко, что публикуют свои собственные книги, и не романтические повести или печальные стихи, к которым общество сумело уже как-то привыкнуть, а философские и математические размышления. Привыкнув к созданному самим обществом образу «прекрасных и всевластных королев» они осмеливаются дискутировать с академиками, совершенно не желая понимать, что их власть заканчивается за дверью их гостиной. Неудивительно, что подобное поведение встречается с неодобрением, что титул «ученой дамы», еще такой новый, приобретает презрительный и пренебрежительный оттенок. Неудивительно, что ученые мужи рекомендуют своим сиятельным патронессам избегать этого прозвания.

2.3. Формы научной деятельности российских женщин в первой половине XIX века

2.3.1. Естественнонаучные коллекции и библиотеки женщин в фондах научных и образовательных учреждений Российской империи в начале XIX века. Как бы ни относилось так называемое общество к ученым дамам, ученые и учебные учреждения Российской империи охотно пользовались плодами их научной деятельности, причем не только российских. В своей знаменитой «Истории императорского Московского университета» профессор С.П. Шевырев писал, что 12

февраля 1802 г. император Александр I пожаловал Московскому университету «Натуральный кабинет, купленный после бывшего воеводы Брацлавского, князя Яблоновского у его наследников за 50000 голландских червонцев».³⁵² С.П. Шевырев основывал свое заключение на небольшой заметке, опубликованной в газете «Московские Ведомости» 1 марта 1802 г.³⁵³ Однако журналист допустил небольшую неточность в этом сообщении, и вслед за ним ошибся С.П. Шевырев. Кабинет принадлежал не князю, а княгине, – Анне Паулине Сапеге Яблоновской (1728–1800),³⁵⁴ владелице местечка Семятичи, и был куплен после ее смерти у ее наследников (в том числе графа Станислава Солтыка).³⁵⁵ В 1802 году химик и минералог, академик Петербургской Академии наук Василий Михайлович Севергин (1765–1826) по поручению правительства совершил путешествие из Петербурга в Семятичи,³⁵⁶ занявшее почти полгода (с 15 февраля по 1 июня), как он писал: «...для осмотра, приема и препровождения в Императорской московской университет, бывшего там натурального Кабинета покойной княгини Анны Яблоновской».³⁵⁷ Во время поездки В.М. Севергин вел записи, в которых подробно описал как встреченные достопримечательности, так и сам Натуральный кабинет княгини. Эти записки были опубликованы уже в 1803 г. под названием: «Записки путешествия по

³⁵² Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1998. С. 315.

³⁵³ В Москве // Московские Ведомости. 1802. № 18. 1 марта. С. 258.

³⁵⁴ Księżna Anna Paulina z Sapiechów Jabłonowska (1728–1800).

³⁵⁵ См.: Бессуднова З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 22.

³⁵⁶ В описываемое время Семятич (Семятичи) принадлежал к прусской части Польши; впоследствии местечко вошло в состав Гродненской губернии Российской империи.

³⁵⁷ Севергин В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб: При Императорской Академии Наук, 1803. С. [1].

западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным».³⁵⁸ В них В.М. Севергин счел необходимым дать общее описание Кабинета: «Сей кабинет расположен был в замке Семятиченском в четырех больших залах. Покойная Княгиня Анна Яблоновская, супруга бывшего Брацлавского воеводы, урожденная княгиня *Санега*, обращала кажется внимание свое на все предметы упражнений разума человеческого. От сего происходит, что в сем кабинете находятся не только вещи до естественной истории принадлежащие; но также многие физические орудия, модели махин, медали и монеты древние и новейшие вазы, идолы и разные искусственные произведения, янтарные, костяные и другие как просвещенных, так и некоторых диких народов».³⁵⁹ Из этой фразы можно не только получить некоторое представление о размерах и составе коллекций – не вызывает сомнений, что В.М. Севергин абсолютно уверен: этот самый состав зависел исключительно от круга интересов и увлечений княгини Яблоновской, то есть, именно княгиня, а не ее покойный супруг (например) была инициатором создания Кабинета. Некоторым подтверждением мнения В.М. Севергина может служить фраза из биографии известного итальянского доктора философии и медицины Степана de Bisiis Trexonariensis (Бизи), опубликованная в словаре Брокгауза и Ефрона: «Познакомившись с княгиней Яблоновской, он отправился с ней в Польшу в качестве ее домашнего врача и жил три года в Семятычах, где был уже раньше основан музей естествознания, богатая библиотека и школа

³⁵⁸ Севергин В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб: При Императорской академии наук, 1803.

³⁵⁹ Там же. С. 77.

повивальных бабок».³⁶⁰ По времени это событие относится к 1763–1768 году. Как отмечает современный литовский исследователь А. Андриюшис: «Примечательно, что один из первых профессоров медицины Вильнюсского университета итальянец С.Л. Бизио (1724?–1790?) в 1763–1768 гг. преподавал в акушерской школе поместья в Семятичах (Белоруссия), будучи придворным врачом у княгини А. Яблоновской».³⁶¹ О репутации, которой кабинет Яблоновской пользовался в ученом мире можно судить из объявления о публичных лекциях профессора Федора Герасимовича Политковского (1753–1809), опубликованного в третьем номере журнала «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» за 1803 г. В нем между прочим говорилось следующее: «Для сих лекций открыт будет почтенной публике Семятический Натуральный кабинет, *известный во всей Европе*³⁶² и принадлежавший княгине Яблоновской».³⁶³

Несмотря на заявление о том, что подробное описание Кабинета Яблоновской должны будут дать его новые владельцы, то есть сотрудники Московского университета,³⁶⁴ В.М. Севергин все-таки сделал описание коллекций в своих «Записках», по стечению обстоятельств оказавшееся единственным. Описание состоит из двух частей: 1) общей характеристики предметов и 2) подробной характеристики собрания польских минералов, особенно привлечших внимание ученого своей полнотой, а также имевших отношение к его научным занятиям.³⁶⁵

³⁶⁰ Бизи или Бизио // Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 111а: Бергер-Бисы. С. 833.

³⁶¹ Андриюшис А. Подготовка акушерок в Вильнюсском университете и Медико-хирургической академии в 1774/75–1842 гг. // Медицинская профессура Российской империи. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: Изд. ММА им. И.М. Сеченова, 2005. С. 5–6.

³⁶² Курсив наш. – О.В.

³⁶³ Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. №. 3. С. 288.

³⁶⁴ Севергин В. М. Указ. соч. С. 76.

³⁶⁵ Там же. С. 83.

Общее описание Кабинета состоит из описания экспонатов по царствам природы и, далее, по месту их происхождения. О коллекции предметов животного царства В.М. Севергин пишет следующее: «Между телами животного царства отличались изящностью и редкостью своею как многие четвероногие; так и птицы, рыбы, Амфибии, насекомые, черви и животнорастения. А особливо птицы, а между Амфибиями змеи, между черепокожными же раковины, составляли собрания и многочисленные и изящные, так как и кораллы. К сему принадлежат также редкие анатомические препараты из воску сделанные, служащие для показания различных частей принадлежащих к орудиям чувств человеческих. Сие собрание в своем роде почти совершенное».³⁶⁶ Он отмечает, что «Собрание к прозябаемому царству принадлежащее состояло из брусочков разных дерев, также камедей, смол и бальсамос, некоторых семен и других плодов, большею частию Европейских».³⁶⁷ О коллекции ископаемых замечает, что она содержала экспонаты из различных европейских стран, в том числе из Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Португалии и Англии. Отмечая при этом небольшое количество минералов из России и других северных стран.³⁶⁸ Он также дал описание наиболее интересным образцам минералов, а также назвал местности, из которых было получено наибольшее их количество: Гарц, Саксония, Кобург, Карслбад, Идрия, Гессен, Пруссия, Франция, Италия, Испания, Португалия и др., подробно описав какие образцы из какой страны получены.³⁶⁹ Таким образом В.М. Севергин оценил коллекции княгини А. Яблоновской достаточно высоко. Разумеется, представители Московского университета приняли подобный дар с большой благодарностью. Как писал автор заметки в «Московских ведомостях»: «С чувствованиями живейшей благодарности и глубочайшего благоговения, преклоняя колена пред Престолом

³⁶⁶ Там же. С. 77–78.

³⁶⁷ Там же. С. 78.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Там же. С. 80.

Великого Монарха и лобызая Отеческую щедрую Его десницу, Начальство Московского Университета священнейшею обязанностию своею поставляет сей столь драгоценный и во всей просвещенной Европе редкий дар, стараться всеми силами учинить общепольнейшим для всех любезных соотечественников и наипаче для обучающегося юношества».³⁷⁰ Конечно, Московский университет не мог не выразить благодарность должным образом, однако и современные специалисты оценивают научное значение кабинета княгини А. Яблоновской достаточно высоко. По мнению, например, современного историка геологии З.А. Бессудновой, основанному на изучении записок В.М. Севергина, «... в этом Кабинете были собраны практически все минеральные виды, известные в Европе при жизни княгини Яблоновской».³⁷¹

Однако Натуральный кабинет княгини Яблоновской не был единственным вкладом женщины в создание коллекций и музеев Московского университета. В 1807 г. другая княгиня, на этот раз российская, Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810), подарила Московскому университету свои собственные естественнонаучные коллекции. 15 мая 1807 г. «Московские ведомости» опубликовали следующую заметку: «Ее сиятельство, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова, императорского всероссийского двора статс-дама, ордена Св. Екатерины большого креста кавалер, прежде бывший директором Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, и член академий и славнейших в Европе ученых обществ, достойно заслужившая всеобщее уважение отличным соревнованием в распространении успехов просвещения, патриотизмом и своими сочинениями, благоволила принести в дар Императорскому Московскому университету свой кабинет редкостей натуральной истории. Сие драгоценное собрание, – к составлению которого ее сиятельством употреблено более тридцати

³⁷⁰ В Москве // Московские Ведомости. 1802. № 18. 1 марта. С. 258.

³⁷¹ Бессуднова З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 23.

лет, и к приращению которого содействовали царствовавшие высочайшие особы: Иосиф II, император Римский, курфюрст Саксонский, король Шведский, великий герцог Тосканский, и многие другие, – содержит в себе:

Животных, натуральных и окаменелых, числом	4806
Растений и сухих плодов и пр.	765
Камней и руд	7934
Антиков отпечатков	1616
Вообще всего:	15121

Сей дар, посвященный ее сиятельством распространению наук и на пользу московской публики, стоящий более 50000 рублей, помещен будет в залах, прикосновенных к музею Московского университета, расположенному во всевозможно удобнейшим для обозрения порядке, и таким образом, что как высочайше пожалованные, так и прочие подаренные редкости и драгоценности поставлены в особенных залах, кои для незабвенной памяти и благодарности означены именами, и украшены бюстами или портретами благотворителей и приносителей значительных даров сему училищу. Таковы залы суть: его императорского величества, благополучно царствующего всемилостивейшего государя; его превосходительства Павла Григорьевича Демидова; его сиятельства князя Александра Александровича Урусова; его сиятельства графа Александра Сергеевича Строгонова.

Сообразно сему расположению и благонамеренной цели, Императорский московский университет обязанностью своею почитает, расположа и сей новый дар новыя Благотворительницы своей в особых залах, и отлича оныя именем ея сиятельства, украсить портретом ея, дабы оный навсегда был памятником признательнейшей благодарности, каковую обязаны будут все обучающиеся питать

к особе ея в своих сердцах».³⁷²

Чуть больше чем через месяц, 26 июня 1807 г. Е.Р. Дашкова дополнила свой дар еще несколькими предметами: «Ныне благоволила она показать новый опыт благорасположения своего приношением для умножения и обогащения музея разных 332 предмета. – писали «Московские ведомости 26 июня 1807 г. – Они составляют большую часть драгоценных камней, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки, представляющие насекомых, трудов девицы Дрезд, сочинения исторические и принадлежащие к истории натуральной, знатное число книг для библиотеки, между коими особливое заслуживает внимание Новый Завет, напечатанный по воле Императора Петра I на славянском и голландском языках».³⁷³

Некоторые из подаренных Е.Р. Дашковой предметов оказались редкими и очень ценными с научной точки зрения, на основании их изучения были сделаны научные открытия, в частности профессором Московского университета Фишером фон Вальдгеймом (1771–1853).³⁷⁴ В примечании к статье о Ф.Г. Политковском, написанной для «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», первый профессор геологии и минералогии Московского университета, один из выдающихся отечественных геологов Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884) упоминает об использовании Ф.Г. Политковским собрания княгини Яблоновской во время проведения публичных лекций и добавляет: «Вскоре потом княгиня Екатерина Романовна Дашкова пожертвовала в пользу Московского университета богатейшее в тогдашнем ученом свете собрание минералов. Таким образом составилась при университете весьма богатый музей натуральной истории, и самое лучшее, полнейшее собрание

³⁷² Московские Ведомости. 1807. № 39. Мая 15 дня. Середа. С. 869–870.

³⁷³ Московские Ведомости. 1807. № 51. 26 июня. Середа. С. 1116.

³⁷⁴ Об этом подробнее см.: Бессуднова З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. С. 32–33.

минералов, которому тогда во всей Европе не было подобного».³⁷⁵

С.П. Шевырев привел подробные данные о коллекциях пожаренных университету Е.Р. Дашковой в своей знаменитой «Истории Московского университета», заимствовав их, по-видимому, из заметок в «Московских ведомостях»³⁷⁶ (сам он не указывает источник своих сведений). Более подробного описания естественнонаучных коллекций Е.Р. Дашковой, по сведениям современных исследователей, не сохранилось.³⁷⁷

Таким образом, большей части своих естественнонаучных до пожарных коллекций Московский университет был обязан научным интересам, личному труду, а также значительным материальным тратам двух женщин. И это «женское» происхождение никоим образом не смущало московских ученых и не мешало им использовать указанные собрания. Во всяком случае, никаких указаний на нечто подобное нами найдено не было. Хотя, конечно, журналист «Московских ведомостей», сообщивший о покупке кабинета князя Яблоновского, мог сделать это совсем не случайно, а намеренно, дабы не умалять столь важного события упоминанием женского имени или чтобы не признавать значительных заслуг женщины в таком неженском деле. Но это только догадки.

Надо заметить, что в указанный период, то есть в начале XIX в. знатные женщины выступают не только как дарительницы своих кабинетов натуральной истории, но и как меценаты по отношению к научным учреждениям. Например, № 1 журнала «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» за 1803 г.,

³⁷⁵ [Щуровский Г.Е.] Политковский, Федор Герасимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1853 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М. 1855. С. 280–287.

³⁷⁶ Шевырев С.П. Указ. соч. С. 372.

³⁷⁷ См., например: Бессуднова З.А. Указ. соч. С. 32. прим.

сообщает, что 12 декабря 1802 г. «вдовствующая действительная тайная советница графиня Л'Есток, урожденная баронесса фон Менгден» прислала письмо в Дерптский университет, в котором сообщала, что назначает 15000 рублей серебром в пользу учащихся этого университета. После ее смерти проценты с этого капитала должны быть использованы для трех стипендий по 200 рублей серебром в год для неимущих студентов из местного дворянства. Когда же благодаря процентам капитал возрастет до 16000 – следует назначать четыре стипендии.³⁷⁸ По-видимому, в данной заметке имеется ввиду графиня Мария Аврора Лесток, дочь барона Магнута-Густава фон Менгдена, с 14 февраля 1742 г. бывшая фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны и 11 ноября 1747 г. вышедшая замуж за лейб-медика, действительного тайного советника Иоганна Германа Лестока (1692–1767),³⁷⁹ а в 1748 г. разделившая с ним заключение в крепости и последовавшую многолетнюю ссылку. Подобное пожертвование свидетельствует о заинтересованности в судьбе университета, в распространении образования, в том числе среди тех, у кого недостаточно средств, чтобы оплатить его самим, то есть как минимум о понимании важности подобных занятий. Кроме того, по некоторым данным графиня Лесток помимо денег пожертвовала университету свою библиотеку, которая могла быть на самом деле частью знаменитой медицинской и научной библиотеки ее супруга: «...известно, что в 1800 г. вдова бывшего лейб-медика передала в дар Дерптскому университету часть своей библиотеки – 378 томов, среди которых также могли оказаться отдельные книги из собрания И.Г. Лестока», – пишет П.И. Хотеев со ссылкой на известное издание: Vigel E. Tartu Riikliku Ülikooli teadusliku raamatukogu asutamine ja areng aastail 1802–1839. Tartu, 1962. Lk. 15 (Tartu

³⁷⁸ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81-82.

³⁷⁹ Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны / Публ. [и вступ. ст.] К.А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 171.

Riikliku Ülikooli toimetised. V. 115).³⁸⁰ Об этом также сообщает, заведующая отделом научной литературы Научной библиотеки Тартуского университета О. Эйнасто в статье, посвященной 200-летию Тартуского университета: «Большая часть книг попала в библиотеку благодаря прекрасному обычаю XIX в. дарить книги. Первый дар библиотеке преподнесла графиня Мария Лесток, супруга лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны».³⁸¹

Конечно, и княгиня Яблоновская (не являвшаяся российской подданной), и княгиня Дашкова (европейски образованная и проведшая большую часть своей жизни в Европе), и графиня Лесток, принадлежавшая к влиятельному прибалтийскому дворянскому роду, были представительницами XVIII века, века просвещения. Возможно ли, что XIX век внес свои коррективы и со сменой политического курса исчезли и женщины, чьи интересы выходили за узкие рамки, предписанные им общественной моралью? На первый взгляд, кажется, что это так, но факты опровергают подобную точку зрения.

2.3.2. Женщины-посетительницы публичных научных мероприятий в ученых учреждениях Российской империи в первой половине XIX века. В первом параграфе мы затрагивали вопрос о чтении академиками научно-популярных лекций в Петербурге, организованном по инициативе княгини Е.Р. Дашковой. Мы также отметили, что не сохранилось данных о посещении этих лекций женщинами за исключением самой княгини. Но вот автор статьи, опубликованной в номере 23/24 «Вестника Европы» за 1803 г., рассказывая о публичных лекциях 1803–1804 гг., проходивших в Московском университете, заметил и записал следующее: «Счастлирое избрание предметов для сих публичных лекций доказывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в Университетской зале.

³⁸⁰ Хотеев П.И. Библиотека лейб-медика И.Г. Лестока // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в. Сб. научных трудов. Л., 1982. С. 44 прим.

³⁸¹ Эйнасто О. 200-летие Библиотеки Тартуского университета // URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/11/f11_11.htm

Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там *знатных московских дам*,³⁸² благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на Профессорскую кафедру».³⁸³ Предметы лекций были очень разнообразны: опытная физика, натуральная история, экономика, средневековая история Европы.³⁸⁴ Следует заметить, что организаторы лекций специально приглашали на них женщин: «Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием», – писали они в объявлении о новом начинании университета.³⁸⁵ И, как мы знаем со слов анонимного автора «Вестника Европы», «знатные московские дамы», любительницы наук воспользовались приглашением и охотно посещали лекции. Как отмечал автор «Вестника Европы»: «Можно было предвидеть, что лекции Опытной Физики привлекут более слушателей, нежели другие. Не мое дело сравнивать таланты достойных господ профессоров, но феномены силы электрической, гальванизма, опыты аэростатические и проч., сами по себе столь любопытны, и господин Страхов изъясняет их столь хорошо, столь вразумительно, что публика находит отменное удовольствие в слушании его лекций», – и продолжает, видимо, чтобы не обидеть других профессоров, – Таким образом и в Париже... Опытная Физика сделалась *модною Наукою*. Любезнейшие светские женщины и лучшие молодые люди составляют там многочисленную аудиторию

³⁸² Курсив наш. – О.В.

³⁸³ О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23–24. С. 263–264.

³⁸⁴ Расписание и состав лекций см.: Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной Московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 287–291.

³⁸⁵ Там же. С. 290.

профессора Шарля».³⁸⁶ Таким образом, можно предположить, что уж если что-то стало *модным* в Париже, нет ничего удивительного и тем более зазорного в том, что оно же пользуется успехом в Москве.

Итак, в 1803 г. Московский университет учреждая публичные лекции, в том числе и по естественнонаучным дисциплинам приглашал посещать их не только любителей, но и *любительниц* наук. Во множественном числе. И по отзывам современников посещали их «московские дамы», а не одна какая-то особенная дама. Тоже во множественном числе. Здесь надо заметить, что приглашая светских дам посещать свои аудитории, Московский университет мог руководствоваться некоторыми вполне практическими соображениями. Например, лично познакомившись с университетом, его профессорами и служителями, влиятельные дамы могли бы выбрать именно данное учебное учреждение для образования своих сыновей, что безусловно пошло бы на пользу университету. То что российские аристократки не только имели право голоса при решении будущего своих детей, в том числе и сыновей, и внуков, но что зачастую этот голос был решающим, свидетельствуют воспоминания. Например, известный историк литературы, автор классических учебников по истории русской литературы, Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892) вспоминал: «По выходе из гимназии³⁸⁷ я не составил себе определенного понятия о выборе карьеры и положился на решение родителей. Отец, как помнится, думал повести меня по той же дороге, по которой шел немалое время, то есть записать меня в одно из присутственных мест Рязани, чтобы я там, служа и выслуживая чины, занял наконец какую-нибудь должность. Но мать решительно воспротивилась такому предположению. Она видела мою охоту к наукам и чтению, и ей больно было думать, что сын ее, кончивший гимназический курс первым учеником, остановится на полдороге своего образования. Конечно, – добавляет А.Д. Галахов, – при этом она не имела в виду сделать из меня учителя или профессора:

³⁸⁶ О публичном преподавании наук в Московском университете... С. 264.

³⁸⁷ Июнь 1822 г. (См.: Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999. С. 69).

такое намерение не согласовалось с общим мнением тогдашних дворян, относившихся неуважительно к ученому сословию; но, по крайней мере, она понимала, что университет дает известные права, с которыми и в службе, военной или гражданской, молодой человек идет более успешными шагами. И потому после долгих разговоров и многих совещаний, решено было отвезти меня в Московский университет».³⁸⁸ Наверно А.Д. Галахов не был бы представителем своего времени, если бы не заметил далее: «Настояв на таком решении, мать моя едва ли постигала цену услуги, оказанной сыну; но сын и до сих пор свято чтит ее память, как память своей кровной благодетельницы».³⁸⁹ Другой пример. В краткой биографической заметке, посвященной доктору медицины, ботанику-любителю и известному коллекционеру и собирателю флоры Александру Егоровичу Ризенкампу (1821–1895), Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) писал: «Получил домашнее воспитание у своей бабушки, женщины замечательной по уму и образованности, Анны Ризенкамф (рожд. фон-Гине). Ей он обязан превосходным знанием языков французского, немецкого, английского, а также необычайной виртуозностью в музыке. По латыни он писал и говорил свободно. Пройдя последний старший класс в Ревельской классической гимназии, он поступил в С.-Петербургскую Военно-Медицинскую (ныне) Академию».³⁹⁰ Сведения эти В.И. Липский почерпнул из рассказов Антонины Карловны Жмакиной (1845–?) «которого она знала близко»,³⁹¹ и которой А.Е. Ризенкамф завещал свои ботанические коллекции.³⁹²

Тем не менее, на лекциях безусловно присутствовали женщины не только

³⁸⁸ Галахов А.Д. Указ. соч. М., 1999. С. 72.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. // Труды Тифлисского ботанического сада. 1899. Вып. 4. С. 562.

³⁹¹ Там же. С. 560.

³⁹² Там же.

подбиравшие учебное заведение для своих отпрысков, но и искренне интересовавшиеся науками или, возможно, следовавшие моде. Именно этими двумя причинами можно объяснить посещение женщинами публичных лекций, организованных Императорской академией наук в 40-е гг. XIX в. А они их, судя по свидетельствам современников, посещали. Вот, например, отзыв журналиста о слушателях публичных лекций по астрономии, читанных Василием Яковлевичем Струве (1793–1864) осенью-зимой 1842 г.: «Обращаемся к чтениям нынешней зимы. Это третья или четвертая зима, что Академия Наук отделяет одного из членов своих для ученой беседы с публикою, – разумеется, с частию публики, достаточно образованною для уразумения лекций на Французском или Немецком языках, на которых читают господа академики. Ныне вызвался читать г. Струве, один из знаменитейших наших ученых, об одной их поучительнейших наук. В среду, 25 ноября, происходило вступительное чтение великого астронома. Великолепно освещенная университетская зала наполнилась тысячею слушателей. В числе их изволил быть Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал Константин Николаевич, со свитою; многие адмиралы, генералитет, академики, ученые, литераторы и *дамы*³⁹³ стеклись поучаться истинам астрономии из уст того, кому эта наука обязана многими приращениями».³⁹⁴ Через несколько лет, в 1850 г., историк живописи, беллетрист, цензор Давид Иванович Мацкевич (1819–1859) в одной из своих статей, посвященных образованию женщин отозвался о посещении дамами публичных лекций В.Я Струве следующим образом: «Что астрономия принадлежит к наукам, к которым женщины питают много сочувствия, может служить ясным доказательством успех публичных курсов об астрономии, читанных несколько лет

³⁹³ Курсив наш. – О.В.

³⁹⁴ О. Публичные чтения. Астрономические лекции академика Струве // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности духе народности русской. 1843. Т. 7. № 13. С. 20.

тому знаменитым нашим астрономом Струве и профессором Зеленым,³⁹⁵ – курсов, наиболее посещавшихся женщинами; многие из них сидели с карандашом, следили внимательно за лекциями и записывали слышанное».³⁹⁶

Сохранились свидетельства того, что женщины посещали не только публичные лекции, но и другие публичные мероприятия в университетах и в Императорской академии наук, в частности, магистерские и докторские диспуты. Например, 3 марта 1847 г. московская жительница Елисавета Ивановна Попова (?–1876) записала в своем дневнике: «Защищать свое рассуждение о Ломоносове Аксаков будет в четверг. [...] Я непременно поеду на прение. О, если бы не было при университете графа Строганова, противника Аксакова, я вышла бы для прения и заметила бы сочинителю, что он мало развернул весь вред, произведенный у нас иностранцами...».³⁹⁷ По сведениям князя Н.В. Голицына, публикатора дневника, Е.И. Попова была дочерью книгопродавца и издателя Ивана Васильевича Попова, родилась где-то в конце XVIII в., выросла в среде, близкой к литературным кругам Москвы.³⁹⁸ Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) представил к защите в

³⁹⁵ Речь идет об ученике В.Я. Струве Семене Ильиче Зеленом или Зеленым (1812–1892) – в 1837–1839 гг. читавшим астрономию в С.-Петербургском университете в ее приложении к геодезии; в то время лейтенанте флота; впоследствии адмирале флота, директоре Гидрографического департамента Морского министерства, почетном академике Императорской Академии наук с 1873 г. В 1844 г. С.И. Зеленой опубликовал курс лекций по популярной астрономии: Зеленой С.И. Лекции популярной астрономии, читанные публично, с высочайшего разрешения в Морском кадетском корпусе капитан-лейтенантом С. Зеленым с 25 ноября 1843 по 16 марта 1844. СПб.: Морской кадетский корпус, 1844. Можно предположить, что именно этот курс лекций имеет ввиду Д.И. Мацкевич.

³⁹⁶ Мацкевич Д.И. Заметки о женщинах // Современник. 1850. № 3. (Март). С. 67–68.

³⁹⁷ Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. С. 38–39.

³⁹⁸ Подробнее об этом см.: Голицын Н.В. Введение // Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой... С. I–XV.

Московском университете свою магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»³⁹⁹ 6 марта 1847 г. В этот день Е.И. Попова писала в дневнике: «Я поспешила одеться и поскакала в университет, где была уже в три четверти 11-го. Войдя в залу, я увидела на правой стороне, во 2-м ряду кресел, Катерину Александровну⁴⁰⁰ и подле нее молодую девушку. Несравненная Катерина манила меня к себе, и я села позади ее, в третьем ряду, и увидела, что с нею сидела Машенька, сестра Аксакова. Мать его и сестра Вера не могли приехать сюда от сильной сердечной тревоги и поехали к обеду. Машенька, молоденькая девочка, напротив очень желала быть на диспуте, думая, что все заключается в том, чтобы брату ее прочесть что-нибудь из своей книги».⁴⁰¹

Традиция, существовавшая среди московской «публики», в том числе женщин, посещать университетские мероприятия сохранялась и во второй половине XIX в. Например, Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) писал в одном из своих «Писем о Москве»: «Связь города с университетом чувствуется также и на каждом университетском торжестве, на каждом диспуте. Здесь это более интересный пункт сбора чем в Петербурге... Правда, публика, посещающая диспуты, всегда одна и та же. Она представляет собою небольшую кучку сравнительно с массой, не знающей ни о каких диспутах; но состав ее разнообразнее. Даже в сословном дворянском обществе вы найдете несколько семейств, мужчин, замужних женщин, девиц, которых вы всегда увидите на университетских актах и диспутах, между тем как в

³⁹⁹ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Тип. Степанова, 1845. 517 с.

⁴⁰⁰ Имеется ввиду Екатерина Александровна Свербеева (1808–1892), урожденная княжна Щербатова, супруга писателя Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1876), хозяйка знаменитого философско-литературного салона.

⁴⁰¹ Попова Е.И. Указ. соч. С. 41.

Петербурге так называемое “общество” очень редко посещает и то и другое».⁴⁰²

Таким образом, уже в начале XIX в. и на протяжении его первой половины высшие учебные и научные учреждения Российской империи (в лице Императорской академии наук) приветствовали появление в своих стенах женщин-любительниц наук. Посещение женщиными, принадлежавшими к образованным сословиям населения, публичных лекций, праздничных и других мероприятий даже приветствовалось их организаторами. Частично, подобное поведение было данью европейской моде, частично было полезно самим учебным учреждениям и их профессорам, искавшим покровительства аристократии, в том числе аристократок. В то же время в весьма скурых описаниях, сохранившихся в репортажах журналистов, можно увидеть искренний интерес к науке, проявлявшийся самими женщинами, искреннее желание учиться, а не только украшать своим присутствием научное мероприятие, придавая ему, таким образом, светский оттенок.

2.3.3. Естественнонаучные кабинеты и коллекции российских женщин первой половины XIX века. Факты свидетельствуют о том, что некоторые российские женщины, жившие в начале – первой половине XIX века и принадлежавшие к привилегированным сословиям государства, не только исполняли роль реципиентов научных знаний, но и разными способами участвовали в их производстве. Первая половина XIX века представляет нашему вниманию нескольких женщин, широко известных своими кабинетами натуральной истории и интересом к естествознанию. На основании выявленных фактов можно также обоснованно предположить, что в этот период увлечение коллекционированием, прежде всего, созданием ботанических коллекций, было распространено среди не только аристократок, но и среди более скромных представительниц провинциального дворянства.

Знаменитый отечественный мемуарист Ф.Ф. Вигель (1786–1856), рассказывая в воспоминаниях о своем детстве и полученном образовании, писал об одной даме

⁴⁰² [Боборыкин П.Д.] Письма о Москве. Письмо первое // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 383.

имевшей на него, тогда подростка, большое влияние: «Разговоры ее были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мне про связи свои с почтенными учеными мужами, профессорами Московского университета, хвалилась любовью и покровительством старого Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Первое знакомство с русскими музами сделал я в запыленном, засаленном *кабинетце*⁴⁰³ моей любезной Турчаниновой».⁴⁰⁴ К сожалению, более подробного описания «кабинетца» Ф.Ф. Вигель не оставил, но из нескольких слов, брошенных им об этой даме ясно видно, что она безусловно была любительницей наук: «Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхою, занималась *преимущественно математическими*⁴⁰⁵ науками, знала латинский и греческий языки, сбиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философки», — пишет он.⁴⁰⁶ По словам Ф.Ф. Вигеля, эта дама была близко знакома с монахами Киевского Братского монастыря, бывшего в то время центром «киевской учености».

Ф.Ф. Вигель говорит здесь об Анне Александровне Турчаниновой (1774–1848), личности весьма известной в нашей литературе, правда не столько благодаря ее познаниям в естественных науках, сколько более позднему увлечению так называемым магнетизмом. Дочь богатых помещиков Киевской губернии,⁴⁰⁷ она, по видимому, занималась самообразованием; писала и публиковала стихи,⁴⁰⁸ а также выпустила по крайней мере две *книги* философского содержания: «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно

⁴⁰³ Курсив наш. — О.В.

⁴⁰⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.

⁴⁰⁵ Курсив наш. — О.В.

⁴⁰⁶ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 107.

⁴⁰⁷ Подробнее о семье Турчаниновых см.: Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 106 и др.

⁴⁰⁸ См.: Турчанинова А.А. Отрывки из сочинений Анны Турчаниновой. СПб, 1803.

проистекающие»⁴⁰⁹ и «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaniniff» («Философские письма месье Фонтэйна и мадмуазель Турчаниновой»)⁴¹⁰. В 20-е гг. XIX века она приобрела широкую известность в петербургских великосветских кругах, как магнетизерша, излечивавшая взглядом. Исследователи творчества А.С. Пушкина, пишут о его интересе к явлению магнетизма и к Турчаниновой, как человеку, обладавшему способностями к этому виду деятельности. Основываясь на сообщениях мемуаристов, в частности М.А. Салтыкова, они предполагают личное знакомство А.А. Турчаниновой и А.С. Пушкина.

Гораздо большую известность, причем именно в ученом мире, хотя и не только в нем, приобрел кабинет натуральной истории другой дамы, а именно Елены Павловны Фадеевой (1788–1860), урожденной княжны Долгорукой (по старшей линии этого известного в России рода).⁴¹¹ Ее внук, воспитывавшийся у нее в доме и научившийся читать и писать сидя у нее на коленях, будущий председатель Совета министров Российской империи Сергей Юльевич Витте (1849–1915) писал в воспоминаниях о своей бабушке: «Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет».⁴¹²

В 1860-м году, после смерти Е.П. Фадеевой, в газете «Кавказ» (г. Тифлис) был

⁴⁰⁹ Турчанинова А.А. Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природа проистекающие / Пер. с лат. Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

⁴¹⁰ Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaniniff. Paris, 1817.

⁴¹¹ О Е.П. Фадеевой см.: Валькова О.А. Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96.

⁴¹² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849–1894). М., 1960. С. 19.

опубликован посвященный ей подробный биографический очерк, изданный вскоре отдельной брошюрой.⁴¹³ Установить автора этого очерка пока что, к сожалению, не удалось. По словам дочери Елены Павловны, Надежды Андреевны Фадеевой (1829–1919), он был написан «человеком, близко знавшим ее».⁴¹⁴ Но наше предположение о том, что этим человеком был кто-то из детей или внуков Е.П. Фадеевой, возможно, супруг, не подтверждаются. В личном фонде писательницы Веры Петровны Желиховской (1835–1896), внучки Е.П. Фадеевой, сохранился экземпляр биографической брошюры с некоторыми рукописными исправлениями, сделанными В.П. Желиховской. Исправления касаются даты рождения Е.П. Фадеевой, сведений о ее предках и других семейных обстоятельствах, о которых члены семьи, конечно, не могли не знать.⁴¹⁵ Тем не менее автор биографического очерка был прекрасно осведомлен о характере исследовательской работы Елены Павловны и о ее научных интересах. Вот что он (или она) пишет: «...ботаника сделалась любимой наукою всей ее жизни; памятниками этой любви служат оставшиеся после покойной 50 томов собственноручных рисунков растений, которые она сама же и определяла, при помощи библиотеки, составленной из всех занимательных сочинений по этой части. Кроме того, она успела составить богатую орнитологическую коллекцию, часть которой еще при жизни подарила Кавказскому обществу сельского хозяйства. – Минералогическая и палеонтологическая коллекции, а также собрание древних монет и медалей, весьма замечательные во многих отношениях, составляют теперь собственность детей покойной».⁴¹⁶

⁴¹³ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426; Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860.

⁴¹⁴ [Фадеева Н.А.] По поводу статьи «Роман одной забытой романистки». Письмо Н.А. Фадеевой // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1886. Ноябрь. С. 457.

⁴¹⁵ Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860 // РГАЛИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–7.

⁴¹⁶ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

Можно сказать, что за свою долгую жизнь Елена Павловна сыграла несколько ролей, каждая из которых раскрывала ее характер с новой, иногда неожиданной даже для близких друзей и знакомых стороны. Так, со времени своего замужества, большую часть жизни, она была супругой крупного чиновника, «первой дамой» тех мест, где им приходилось жить, что подразумевало некоторые обязанности, например, занятие благотворительностью. Она, конечно, являлась матерью и воспитательницей своих детей, а впоследствии и внуков, хозяйкой дома, управляющей семейными имениями, когда семья владела ими, поскольку супруг был занят службой. Все это роли обычные и привычные для женщины ее круга. Однако одновременно она была ученой: великолепно образованной, обладавшей обширными познаниями, страстной любительницей естественных наук, прежде всего ботаники. И в этом качестве ее знали и уважали представители научного мира, в то время как остальной мир даже не подозревал о ее необычных увлечениях. В.П. Желиховская заметила об этой «двойной» жизни своей бабушки: «Е.П. Фадеева при всех своих глубоких знаниях и ученых занятиях, была так непритязательна в обращении; так искренна и обходительна со всеми, что многие простые смертные, знавшие ее по годам за ласковую, веселую собеседницу, – иные за прекрасную хозяйку, другие – за хорошую рукодельницу, – все за добрую помощницу, всегда готовую услужить и советом, и делом, часто и не подозревали ее глубоких знаний и ученой деятельности. И наоборот: не раз люди науки, хорошо знакомые с ее кабинетом и разнообразными коллекциями, открывали в изумлении рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставлениями... Потому-то и сказала я, что мало кто знал ее вполне».⁴¹⁷ Было ли подобное поведение вызвано истинной скромностью или нежеланием бросить тень на доброе имя мужа, но Е.П. Фадеева действительно никогда не афишировала своих научных занятий перед непосвященными. Охотно принимая в своем доме профессиональных ученых

⁴¹⁷ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская Старина. 1887. Март. С. 765.

и путешественников, поддерживая многолетнюю переписку со многими из них, пользуясь репутацией серьезного исследователя, она никогда не публиковала никаких научных работ, никогда не выступала публично, действительно стараясь не привлекать внимания к своим научным занятиям, отнимавшим большую часть ее времени и сил. Однако, надо отметить, что не только муж Е.П. Фадеевой, А.М. Фадеев не был против ее научных занятий, но и его близкие друзья и коллеги по работе также знали о занятиях Е.П. Фадеевой. Например, Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский (Иосиф Иванович Вечерков),⁴¹⁸ писал А.М. Фадееву 8 декабря 1846 года: «Божие благословение Елене Павловне. Просите ее продолжать в Тифлисе полезные для науки рисунки по делам флоры. Это занятие сделает в лице ее честь русским дамам».⁴¹⁹

Возможно, что история не сохранила бы никаких следов этой ее деятельности, но усилия ее детей и, даже в большей степени, воспитанных ею внуков, воспрепятствовали этому.

Княжна Елена Павловна Долгорукая, родилась 11-го ноября 1788 года в одной из самых известных российских семей. Ее отцом был князь Павел Васильевич Долгорукий (1755–1837), екатерининский генерал, вышедший в отставку в начале царствования Павла I, в 1796 г., в чине генерал-майора; мать – княгиня Генриетта Адольфовна Долгорукая (?–1812), урожденная де Бандре. Так получилось, что с самого своего рождения Елена Павловна жила и воспитывалась в доме родителей своей матери, дедушки и бабушки де Бандре, находившемся в городке

⁴¹⁸ Вечерков Иосиф Иванович (1792–1850), был известен своими работами по истории, географии, археологии Саратовского края. См.: Иаков, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Православие и современность Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской Епархии // URL:

http://www.eparhia-saratov.ru/pages/3257_iakov,_arhiepiskop_nijegorodskiy_i_arzamasskiy

⁴¹⁹ Иаков, епископ Саратовский и Нижегородский. Письмо А.М. Фадееву. 8 декабря 1846 г. // РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об., 2.

Ржищеве, неподалеку от Киева. И именно там, в 1812 г. она познакомилась с Андреем Михайловичем Фадеевым (1789–1867), одним из младших сыновей дворянского рода Фадеевых, мужчины которого традиционно служили в российской армии еще со времен Петра I, хотя и не выслужили особых чинов и наград, и в 1813 г. вышла за него замуж. Брак этот был воспринят окружающими как мезальянс. Однако дети и внуки Фадеевых яростно протестовали против подобной трактовки событий, заявляя, что единственной причиной брака была взаимная любовь.⁴²⁰ Прекрасные связи молодой жены, точнее ее родственников, позволили А.М. Фадееву начать гражданскую карьеру (традиционная для его семьи военная служба его не прельщала), которая, как показало будущее, сложилась вполне удачно.⁴²¹

Известно, что ко времени знакомства с будущим супругом научные интересы княжны Долгорукой уже были вполне сформированы. По сведениям автора некролога Е.П. Фадеевой, опубликованного в газете «Кавказ» 15 сентября 1860 г., большое влияние на юную княжну оказала некая соседка, помещица графиня Дзялынская, близкая знакомая бабушки Елены Павловны: «Елена Павловна с самого начала полюбила естественные науки и из них в особенности ботанику. Независимо от врожденной охоты к положительному знанию, эту страсть возбудила в ней соседка по имению ее бабушки, графиня Дзялынская. С тех пор ботаника сделалась любимой наукою всей ее жизни...», – пишет автор некролога.⁴²² В мемуарах графини Анна Потоцкой упоминается имя графини Дзялынской, урожденной княжны Чарторыйской. А. Потоцкая писала что ее отец, князь Чарторыйский был очень образованным человеком: «Под легкомысленной внешностью князь скрывал солидные знания. Превосходный ориенталист, он владел несколькими языками и

⁴²⁰ Фадеева Н.А. Комментарии // Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х частях. Одесса, 1897. С. 24.

⁴²¹ Подробнее об этом см. в: Фадеев А.М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2–12.

⁴²² Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

был хорошо знаком с мировой литературой».⁴²³ Его супруга, княгиня, по словам А. Потоцкой «...была женщина не без достоинств... В то время, о котором я говорю, – писала А. Потоцкая, – она большей частью занималась благотворительностью... [...] все остальное время она проводила, наблюдая за работами в своем великолепном саду».⁴²⁴ Князь содержал так называемую Пулавскую школу, воспитывая и содержа за свой счет детей бедных дворян. По сведениям А. Потоцкой, его дочь, графиня Дзялынская, впоследствии содержала «...пансион для молодых польских девушек в отеле Ламбер».⁴²⁵

Более определенно говорит об истоках увлечения Е.П. Фадеевой и ее глубоких, поражавших окружающих познаний, ее внучка, уже упоминавшаяся нами В.П. Желиховская, выросшая в доме Елены Павловны: «С самых молодых лет она любила серьезные положительные знания и неустанно училась», – пишет она в одном из очерков.⁴²⁶ Чуть более подробно она же рассказывает об этом в автобиографической повести «Мое отрочество», посвящая в ней Елене Павловне Фадеевой отдельную главу «Наша бабушка и ее кабинет»: «...я мало знаю наук, которых бы она (Е.П. Фадеева. – О.В.) не изучила основательно. История, география, ботаника, археология, нумизматика – во всем она была специалист! Все эти знания она приобрела не с помощью дорогих учителей, а лишь благодаря собственному неустанному труду, любознательности и настойчивому рвению к познаниям. Хотя она принадлежала к одному из первых княжеских домов России, но отец ее, князь Павел Васильевич Долгорукий, был человек небогатый; бабушка детство и юность свою провела почти безвыездно в деревне и всеми необычными своими знаниями

⁴²³ Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 43.

⁴²⁴ Там же. С. 45.

⁴²⁵ Там же. С. 44.

⁴²⁶ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ганн... С. 763–764.

исключительно обязана себе одной».⁴²⁷

В своих воспоминаниях супруг Елены Павловны А.М. Фадеев упоминает что она получила «...наилучшее воспитание, в соединении с серьезным, многосторонним образованием».⁴²⁸ Известно, что Е.П. Фадеева не только великолепно играла на фортепьяно, но и сама обучала музыке дочерей и внучек;⁴²⁹ прекрасно рисовала, что очень пригодились ей для занятий ботаникой; говорила на пяти иностранных языках, в том числе немецком, итальянском, французском, польском и, можно предположить, английском, поскольку неоднократно встречалась с английскими учеными и путешественниками и вела с ними многолетнюю переписку, знала латынь.⁴³⁰

Первый год своей совместной жизни (1813) Фадеевы прожили в Ржищеве, в доме бабушки Елены Павловны, затем А.М. Фадеев получил место в Нижегородском Губернском правлении. В Нижнем Новгороде однако супругам не очень понравилось и вскоре А.М. Фадеев выхлопотал должность в Новороссийской конторе иностранных поселенцев, располагавшейся в Екатеринославе. В 1817 г. А.М. Фадеева назначили ее управляющим и Екатеринослав стал местом жительства семьи Фадеевых на следующие пятнадцать лет. Впоследствии однако Фадеевым несколько раз приходилось бросать насиженное место и переезжать вслед за новой должностью главы семьи: Нижний Новгород, Екатеринослав, Астрахань, Одесса, Саратов, Тифлис – все эти города становились поочередно местами их жительства. И каждый раз большая часть хлопот по переезду огромного семейства (только количество дворовых людей Фадеевых доходило до пятидесяти человек), не говоря уже о детях, и даже внуках, ложилась на плечи Е.П. Фадеевой. Например, в 1834 году в связи с реформированием Новороссийской Конторы иностранных

⁴²⁷ Желиховская В.П. Мое отчество. СПб., 1893. С. 60.

⁴²⁸ Фадеев А.М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2. С. 302.

⁴²⁹ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ганн... С. 764.

⁴³⁰ Там же. С. 764; Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк... С. 426.

поселенцев, и с назначением А.М. Фадеева в новый «попечительский комитет» по делам переселенцев, Фадеевым пришлось бросить хорошо налаженную жизнь в Екатеринославе, в котором они провели около 16 лет, и переехать в Одессу. Вот как описывает А.М. Фадеев это событие: «Множество забот и хлопот, неизбежных при переезде целым домом с одного места на другое и при новом обзаведении полного хозяйства, не миновало и нас; и после прежних долговременных домашних порядков, трудно было вступить в непривычную колею. [...] Однако, [...] Елена Павловна принялась с неутомимою деятельностью и разумным знанием дела за устройство нашей деревеньки. В самый короткий срок она сделала все, что было возможно и при очень ограниченных затратах достигла удивительно успешных результатов. Она развела прекрасный сад, большие огороды, насадила виноградники, рощу, построила мельницу, все необходимые постройки и службы и в течение нескольких месяцев превратила дикую запущенную деревушку в образцовое хозяйственное учреждение и приятное летнее местопребывание».⁴³¹

Сам Фадеев часто находился в разъездах по делам службы, Елена Павловна же оставалась дома, обустроивала хозяйство, вела его, рожала и выхаживала детей (она родила как минимум пятерых, из которых четверо дожили до совершеннолетия, и каждого кормила сама в течение двух лет). Все это несомненно занимало большую часть ее времени. По воспоминаниям родных, она вставала в 6 часов утра и не ложилась до 12 ночи; «...никогда, никому из домашних не приводилось видеть ее праздною», – писала В.П. Желиховская.⁴³²

Тем не менее с юности и до последних дней жизни Е.П. Фадеева находила время для научных исследований. Главным ее увлечением была ботаника. Она собрала значительный гербарий кавказской флоры также как и растительности других регионов, в которых ей приходилось жить длительное время; сама, при помощи имевшейся у нее научной ботанической литературы, давала строго научные

⁴³¹ Фадеев А.М. Указ. соч. // Русский архив. 1891. № 4. С. 465.

⁴³² Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган... С. 765.

определения собранным растениям; делала их реалистичные рисунки, составившие в итоге 50 объемных томов. Любопытно, что юная внучка Елены Павловны, которую та не раз просила помочь в собирании растений, очень рано поняла разницу между занятиями бабушки и, например, любовью к цветам ее гувернантки: «...наша бабушка и старая гувернантка обе очень любили цветы. Обе ими бывали постоянно окружены. М-me Ресцюеиг с раннего утра начинала перебирать свои букеты... Но бабушка их любила совсем иначе! Она не для того их собирала, чтоб только любоваться ими и наслаждаться их запахом: она их срисовывала, высушивала, определяла и составляла из них коллекции... Нельзя было не дивиться ее познаниям и искусству...»⁴³³

На протяжении многих лет Е.П. Фадеева вела переписку с отечественными и зарубежными учеными. Среди ее корреспондентов, например, были: президент Лондонского географического общества Родерик Мурчинсон,⁴³⁴ геолог, палеонтолог и путешественник Филипп-Эдуард Вернель,⁴³⁵ путешественник Игнас Гомер-де-Гель,⁴³⁶ назвавший в ее честь одну из ископаемых раковин (*Venus Fadiefei*), геолог Г.В. Абих,⁴³⁷ натуралист Г.С. Карелин,⁴³⁸ академики К.М. Бэр⁴³⁹ и Х.Х. Стевен⁴⁴⁰ и

⁴³³ Желиховская В.П. Мое отрочество... С. 91–92.

⁴³⁴ Мурчисон Родерик Импи (1792–1871), английский геолог, специалист по палеозою, иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 6 сентября 1845 г., ординарный академик по Отделению физико-математических наук (геология) с 21 сентября 1845 г. В 1840–1841 гг. проводил геологические изыскания в России.

⁴³⁵ Верней (Вернель) Филипп-Эдуард Пуллетье де (1805–1873), французский геолог, палеонтолог и путешественник. Член-корреспондент Петербургской Академии наук по разряду минералогии и геологии Отделения физико-математических наук с 7 декабря 1856 г.

⁴³⁶ Гоммер де Гель Игнас (1812–1848), французский путешественник и естествоиспытатель, в 1835 году проводил геологические изыскания на юге России.

⁴³⁷ Абих Герман Вильгельмович (Васильевич) (Отто Вильгельм Герман) (1806–1886), немецкий геолог. Ординарный академик Петербургской Академии наук по Отделению физико-

др. «Она постоянно переписывалась с Стевеном, сообщая ему порою редкие виды кавказских растений, – пишет автор некролога. – Еще не задолго до своей кончины, Елена Павловна получила письмо от этого маститого ботаника и энтомолога, который благодарит ее “за драгоценный подарок – три огромные ящика с растениями” и выражает удивление, что “дама занимается ботаникой в таком объеме. Обыкновенно, и то немногие – продолжает он – довольствуются небольшим числом красивых цветов”». ⁴⁴¹ Она деятельно обменивалась дублетами из своих коллекций с коллегами и оказывала им посильную помощь в их исследованиях. «Роббер де Гель в своих сочинениях (*les steppes de la mer Caspienne, la Crimée et la Russie méridionale, le Caucase* и пр.) многократно упоминает о ней, как о замечательно ученой особе, во многом руководившей им в его изысканиях, – пишет В.П. Желиховская. – *Lady Stanhope*, ⁴⁴² известная английская путешественница (изъездившая весь мир в мужском костюме), в одном из сочинений своих о России говорит о ней, что встретила в этой варварской стране с такой удивительно ученой женщиной, которая прославилась бы в Европе, если б не имела несчастья проживать на берегах Волги, где мало кто может понять ее и никто не в состоянии ее

математических наук (ориктогнозия и минералогическая химия) с 8 января 1853 г. по 22 декабря 1865 г., почетный член с 14 января 1866 г.

⁴³⁸ Карелин Григорий Силыч (1801–1872), путешественник и натуралист, руководил исследованиями Каспийского моря.

⁴³⁹ Бэр Карл Максимович (Карл Эрнст), фон (1792–1876), естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук.

⁴⁴⁰ Стевен Христиан Христианович (1781–1863), естествоиспытатель-ботаник, садовод, энтомолог. Член-корреспондент Петербургской Академии наук с 22 февраля 1815 г., почетный член с 6 октября 1849 г.

⁴⁴¹ Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк... С. 426.

⁴⁴² Леди Стэнхоуп Естер Люси (1776–1839), известная английская путешественница, автор обширных мемуаров.

оценить...»⁴⁴³

В своих воспоминаниях А.М. Фадеев рассказывает историю знакомства Елены Павловны с академиком Бэр, в 1856 г. приехавшим в Тифлис для изучения возможности искусственного разведения рыб в горных реках края. «Он тотчас же по прибытии явился с визитом к моей жене, давно зная о ней по слухам и сочинениям некоторых из ученых, наших знакомых, русских и иностранных, – пишет А.М. Фадеев. – Елена Павловна с удовольствием приняла его, и он часто у нас бывал. Бэр чрезвычайно интересовался огромной коллекцией ее рисунков цветов с натуры, флоры Кавказской, Саратовской и всех тех мест, где ей приходилось жить. Хотя рисунки не заключали в себе какого-либо художественного исполнения, артистического изящества в очертаниях растений, но академик именно пленялся их живой натуральностью, безыскусственной верностью изображений, отсутствием придаточных прикрас».⁴⁴⁴ А.М. Фадеев рассказывал, что в последнее посещение перед отъездом Бэр обратился к Е.П. Фадеевой с просьбой, «...на которую у нее, – по словам А.М. Фадеева, – не достало духа согласиться. Он просил ее доверить ему на время эти книги (томов 20 большого размера в лист) и позволить взять их с собой в Петербург, чтобы снять с них копии для Императорской академии наук, ручаясь за целость и невредимость их. Он говорил, что готов *на коленях* молить об исполнении этой просьбы, – и в самом деле хотел стать на колени.»⁴⁴⁵ А.М. Фадеев писал: «Елена Павловна колебалась, но не могла решиться расстаться на неопределенное время с этим трудом всей своей жизни, составлявшим усладу и утешение часов ее занятий. Она сказала это Бэру, прибавив, что она вероятно уже долго не проживет, и ей было бы очень тяжело лишиться под конец жизни многолетней своей любимой работы; но что после ее смерти книги достанутся ее детям, которые ботаникой не занимаются, и

⁴⁴³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган... С. 764.

⁴⁴⁴ Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х частях. Одесса, 1897. С. 196.

⁴⁴⁵ Там же. С. 196.

она предоставит им принести их в дар нашей академии наук, если академия удостоит принять этот более нежели полувековой труд великой любви к природе и науке. Академик Бэр, со вздохом и по-видимому очень опечаленный, должен был покориться этому решению».⁴⁴⁶ Редактор второго, отдельного, издания мемуаров А.М. Фадеева, его дочь Н.А. Фадеева сделала примечание к этому отрывку, сообщавшее о дальнейшей судьбе наследия Е.П. Фадеевой: «Все эти книги с собранием рисунков цветов и растений работы Е.П. Фадеевой в целости и свято хранились слишком 30 лет в оставшейся ее семье, очень желавшей исполнить обещание и желание, заявленное ею о передаче их в Академию наук, но не знавшей, как это устроить и к кому обратиться. В 70-х годах Р.А. Фадеев писал об этом академику Бэру, но Бэр в это самое время умер. В 1892 году книги пожертвованы в Ботанический Кабинет С.-Петербургского Императорского университета, принявшего этот ценный дар с большой благодарностью».⁴⁴⁷ К сожалению, в настоящее время среди коллекций и собраний гербария кафедры ботаники С.-Петербургского университета обнаружить материалы Е.П. Фадеевой не удалось, так же как не сохранилось никаких записей, свидетельствующих об их передаче университету.

Помимо ботанической, Е.П. Фадеева составила энтомологическую, орнитологическую, минералогическую и палеонтологическую коллекции, а также большую коллекцию монет и медалей.

Для научных занятий у Елены Павловны был оборудован специальный кабинет, в котором хранились многочисленные коллекции и чучела животных, многие из которых были сделаны ее руками. «Своим любимым занятиям науками она предавалась всегда, запершись в своем кабинете, и здесь подолгу просиживала над книгами, над своими собраниями древностей, монет, насекомых, растений, – над

⁴⁴⁶ Там же. С. 197.

⁴⁴⁷ Фадеева Н.А. [Примечание ред.] // Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х частях. Одесса, 1897. С. 196–197.

своими рукописями и рисунками», – пишет В.П. Желиховская.⁴⁴⁸ Кабинет этот производил неизгладимое впечатление на многочисленных внуков Елены Павловны. В.П. Желиховская так описывала это удивительное место: «В бабушкином кабинете было на что поглядеть и о чем призадуматься!.. Стены, пол, потолок, все было покрыто диковинками. Днем эти диковинки меня очень занимали, но в сумерки я бы ни за что не вошла одна в бабушки кабинет! Там было множество страшилищ. Одно фламинго уж чего стоило!.. Фламинго – это белая птица на длинных ногах, с человека ростом. Она стояла в угловом стеклянном шкафу. Вытянув аршинную шею, законченную огромным крючковатым, черным клювом, размахнув широко белые крылья, снизу ярко-красные, будто вымазанные кровью, она была такая страшная!.. [...] Я и сама понимала, что чучело не могло ходить, но все же побаивалась... И не одного фламинго! Было у него много еще страшных товарищей, сов желтоглазых, хохлатых орлов и филинов, смотревших на меня со стен; оскаленных зубов тигров, медведей и разных звериных морд разостланных на полу шкур. Но был у меня, между этими набитыми чучелами один самый дорогой приятель: белый, гладкий, атласистый тюлень из Каспийского моря. В сумерки, когда бабушка кончала дневные занятия, она любила полчаса посидеть, отдыхая в своем глубоком кресле, у рабочего стола, заваленного бумагами, уставленного множеством растений и букетов. Тогда я знала, что наступило мое время. [...] Заслушивалась я бабушкиных рассказов, открыв рот и развесив уши, до того, что мне порой, представлялось, что набитые звери в ее кабинете начинают шевелиться и поводить на меня стеклянными глазами... [...] На одной стене все сидели хищные птицы: орлы, ястребы, соколы, совы, а над ними, под самым потолком распростер крылья огромный орел-ягнятник. [...] Но что за прелестные были в бабушкином кабинете крошечные птички-колибри!.. Одна была величиной с большую пчелу и такая же золотистая. Эта крохотная птица-муха, как ее бабушка называла, больше всех мне нравилась. Она сидела со многими своими блестящими подругами, под стеклянным колпаком, на

⁴⁴⁸ Желиховская В.П. Мое отрочество... С. 62.

кусте роз, которые сделаны тоже самой бабушкой. Другие колибри были чудно красивы! Их груди блистали, как драгоценные камни, как изумруды и яхонты, зеленые, малиновые, золотистые! Но моя колибри-малютка была всех милей своей крохотностью».⁴⁴⁹ Но не одни дети были в восторге от кабинета Е.П. Фадеевой. По воспоминаниям той же В.П. Желиховской: «Многие ученые люди [...] нарочно приезжали из далека, чтоб с нею познакомиться и посмотреть ее кабинет...».⁴⁵⁰

Искренне и глубоко увлеченная наукой, занятая руководством огромным домашним хозяйством, Е.П. Фадеева тем не менее сумела воспитать нескольких людей, которые впоследствии внесли выдающийся вклад в историю нашей страны, и о которых здесь просто необходимо сказать несколько слов. Ее старшая дочь, Елена Андреевна Фадеева (1814–1842), в 16 лет вышедшая замуж за артиллерийского капитана П.А. фон Гана, очень рано завоевала известность в литературном мире, печатая художественные повести под псевдонимом Зинаида Р-ова. Белинский посвятил ей обширную статью, полную горячих похвал. В отечественном литературоведении Зинаида Р-ова признана одной из первых писательниц, отстаивавших достоинство женщины. К сожалению, она умерла всего 28 лет, оставив на попечение матери троих детей. В том числе Елену Петровну Ган, завоевавшую без преувеличения всемирную известность под именем Е.П. Блаватской (1831–1891) и Веру Петровну Желиховскую (1835–1896), чьи очерки и повести для детей пользовались большой популярностью в конце XIX – начале XX вв. Сын Е.П. Фадеевой, Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), участвовал в Кавказской войне, дослужился до чина генерал-майора и стал одним из самых известных российских военных писателей второй половины XIX в., создав немало работ, посвященных «военному вопросу», проблемам российских вооруженных сил и др. Дети средней дочери Елены Павловны, Екатерины Андреевны (1821–?), в

⁴⁴⁹ Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства / 7-е изд. СПб. [Б. д.]. С. 157–163.

⁴⁵⁰ Желиховская В.П. Как я была маленькой... С. 131.

замужестве Витте, также воспитывались в доме бабушки. Среди них был и будущий крупный политический деятель, премьер-министр Сергей Юльевич Витте. Все они, также как и их не упомянутые здесь братья и сестры были воспитаны и получили (или по крайней мере начали получать) свое образование в удивительном и волшебном кабинете своей бабушки. По отзывам самых близких людей «Елена Павловна воспитывала детей своих с самою нежною заботливостью, заменяя им большую часть учителей. Все ее дети, а впоследствии и внуки, учились читать по-русски и по-французски и многому другому, сидя у нее на коленях. И это учение служило как бы фундаментом того солидного образования, которое достигнуто ими потом».⁴⁵¹

Елена Павловна Фадеева ушла из жизни 12 августа 1860 г., прожив чуть больше семидесяти лет. В последние годы она была тяжело больна и частично парализована. Но болезнь не помешала ни ее научным занятиям (она даже научилась делать рисунки левой рукой), ни образованию внуков. Е.П. Фадеева была похоронена в Тифлисе, пред стеной алтаря Вознесенской церкви.

Научно-исследовательская деятельность Е.П. Фадеевой пришлась на 20-е – 50-е гг. XIX века. Прошедшая под знаком любимого увлечения, занятия, придуманного для отдохновения от домашних дел, а также скромности и даже скрытности, во всяком случае именно так интерпретировавшаяся современниками, она, однако, была вполне серьезна и результативна с научной точки зрения. Часть своих орнитологической, минералогической и палеонтологической коллекций Е.П. Фадеева еще при жизни подарила Кавказскому обществу сельского хозяйства. По свидетельству С.Ю. Витте, ботаническая коллекция Е.П. Фадеевой была подарена ее наследниками Новороссийскому университету. К сожалению, В.И. Липский в работе «Флора Кавказа» и последующих дополнениях к ней⁴⁵² не упоминает имени Е.П.

⁴⁵¹ См.: Фадеев А.М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 12. С. 521–522.

⁴⁵² Липский В.И. Флора Кавказа. Дополнение I // Труды Тифлисского Ботанического сада. Приложение к вып. V. СПб., 1902.

Фадеевой. Впрочем, он вообще уделяет крайне мало внимания истории университетских ботанических коллекций. В настоящее время дальнейшая судьба этих коллекций, к сожалению, неизвестна. Так же как неизвестна судьба альбомов с рисунками растений, подаренных, по словам родственников, Петербургскому университету.

Елена Павловна Фадеева-Долгорукая была одной из первых, если не первой, из российских женщин профессионально занимавшихся естественными науками и завоевавших признание научного сообщества. Несмотря на свидетельство дочери о том, что никто из посторонних (исключая нескольких научных корреспондентов) не знал о научных занятиях Елены Павловны, несмотря на то, что она, насколько нам известно, никогда ничего не публиковала и никогда не бывала не только в Европе, но даже в Петербурге, ее имя, безусловно, не было совершенно неизвестным при ее жизни, так же как и ее научная деятельность. В издававшемся Императорской академией наук «Месяцеслове» на 1862 год предположительно в первые в российской истории были опубликованы сразу два некролога женщин-ученых. Один из них – некролог умершей в возрасте 29 лет, первой в России женщины, занимавшейся изучением политической экономии, Марии Николаевны Вернадской (урожденной Шигаевой) (1831–1860),⁴⁵³ второй – некролог Елены Павловны Фадеевой (1788–1860).

Е.П. Фадеева не была единственной в России представительницей первой половины XIX века, увлекавшейся естественными науками. Тем же интересом отличалась (и была известна) Анна Михайловна Раевская (1819–1883), урожденная Бороздина, младшая современница Е.П. Фадеевой, хотя ее интересы больше склонялись к изучению археологии. По сведениям Д.Н. Анучина, она «...получила

⁴⁵³ Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 103–104.

очень тщательное домашнее образование».⁴⁵⁴ Д.Н. Анучин писал, что «...между прочим, ей давал уроки профессор Остроградский, который удивлялся ее замечательным способностям к математике».⁴⁵⁵ В 18 лет она вышла замуж за генерала Николая Николаевича Раевского (1801–1843), бывшего в то время начальником Черноморской береговой линии. Первые годы после замужества А.М. Раевская прожила с мужем в Керчи, где, по мнению Д.Н. Анучина, впервые «познакомилась с раскопками курганов...»⁴⁵⁶ Однако брак продлился всего четыре года, в 1843 году Н.Н. Раевский умер. А.М. Раевская вместе с двумя своими сыновьями уехала из России и прожила пять лет в Италии, в Риме. Д.Н. Анучин считал, что знакомство с памятниками античного мира произвели такое сильное впечатление на А.М. Раевскую, что по возвращении она продолжала заниматься археологией, нумизматикой, антропологией. Д.Н. Анучин писал: «Она была в переписке со многими заграничными и отечественными учеными, из коих профессор Morlot обстоятельно познакомил ее со свайными постройками в Швейцарии и вообще с культурой доисторического человека».⁴⁵⁷ Из российских ученых А.М. Раевская «...была очень хорошо знакома с Бэрром, который руководил ею при ее путешествиях по Прибалтийскому краю и Финляндии с целями этнографическими и антропологическими», – писал Д.Н. Анучин.⁴⁵⁸ Известный отечественный мемуарист А.В. Никитенко оставил краткое описание личных коллекций А.М. Раевской. В своем дневнике он писал 20 марта 1865 года: «Обедал у А.М. Раевской, [...] хозяйка показывала мне свой маленький музей палеонтологических вещей, собранных ею во

⁴⁵⁴ [Анучин Д.Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896. С. 513.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же.

время путешествия за границу. Есть любопытные вещи: разные орудия, ножи, долота и проч[ее] каменного и бронзового периодов, много вещей, добытых из швейцарских озер, кусочки тканей, нитки, лен, зерна, яблоки, орехи и проч[ее]. Любопытная кость каменного оленя из бронзового периода с нарубками ножом или топором. Подлинность каждой вещи засвидетельствована французскими и швейцарскими учеными. Наш академик Бэр признает это собрание драгоценным».⁴⁵⁹

А.М. Раевская не только собирала археологические, антропологические и палеонтологические коллекции, сама организовывала археологические раскопки. Она дарила как отдельные предметы, так и целые коллекции различным отечественным музеям. Б.Л. Модзалевский, редактор издания семейного архива Раевских писал: «За свои пожертвования археологических предметов Московскому публичному музею А.М. Раевская [...] была избрана его почетным членом».⁴⁶⁰ Б.Л. Модзалевский собрал и проанализировал отчеты Румянцевского музея, в которых неоднократно упоминались пожертвования музею А.М. Раевской. Он писал: «“Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 г.” (М., 1871) содержит в себе уже многократные упоминания имени А.М. Раевской, которая жертвовала музеям книги (стр. 95), монеты (стр. 121), а особенно доисторические древности».⁴⁶¹ И продолжал далее: «По словам отчета, напр[имер] “Московский публичный музей обязан почти исключительно просвещенному содействию собирательницы Анны Михайловны Раевской, всею имеющеюся у него коллекцией доисторических древностей Франции. Положив начало этой коллекции своим пожертвованием еще в 1865 году, в последствии она значительно пополнила оставшиеся пробелы, и таким образом, составилось собрание, которое может дать

⁴⁵⁹ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. 592 с. (Серия «Биографии и мемуары») // URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/nikitenko_dnevnik_3.htm

⁴⁶⁰ Модзалевский Б.Л. Примерчание ред. к письму А.М. Раевской К.С. Веселовскому от 8 января 1865 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 461.

⁴⁶¹ Там же. С. 462.

достаточно ясное понятие о различных периодах доисторической древности французской почвы. Собрание это состоит частью из подлинников, частью из превосходно исполненных копий” и т[ак] д[алее] (стр. 137–138)».⁴⁶² Точно также именно пожертвования А.М. Раевской положили основание собранию доисторических древностей Германии.⁴⁶³ Из описания видно, что почти ни один из отделов музея не остался без пожертвований А.М. Раевской. Причем некоторые копии с наиболее известных в Европе образцов она специально заказывала у европейских музеев. Сделанные А.М. Раевской пожертвования для Московского публичного и Румянцевского музеев были, по сведениям, Б.Л. Модзалевского «...описаны в особой брошюре, отчасти составленной, отчасти переведенной с французского оригинала, в изложении самой Раевской, П.И. Лерхом: “Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А.М. Р...ою” (С.-Пб., 1865)».⁴⁶⁴

Московские музеи не были единственными, получавшими пожертвования от А.М. Раевской. 30 ноября 1868 г. А.М. Раевская писала директору Этнографического музея Императорской академии наук А.А. Шифнеру (1817–1879): «При сем посылаю для музея Академии наук пятьдесят слепков каменных и бронзовых орудий, найденных большею частью в Финляндии, и покорнейше прошу вас о получении их меня уведомить».⁴⁶⁵ 3 декабря 1868 года А.А. Шифнер доложил о пожертвовании А.М. Раевской в заседании историко-филологического отделения Императорской академии наук. Как отмечено в протоколе заседания: «Отделение, вполне оценивая ревностные старания г[оспо]жи Раевской к изучению древнего периода истории человеческого рода, положило изъявить ей за ея приношение признательность

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Лерх П.И. Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А.М. Р...ою. [СПб.]: Тип. К. Вульфа, 1865.

⁴⁶⁵ А.М. Раевская – А.А. Шифнеру. 30 ноября 1868 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 487.

Академии».⁴⁶⁶ Был составлен полный список подаренных предметов, включавший описание, материал, а также место, где указанный предмет был найден.⁴⁶⁷ 16 декабря 1868 года непременный секретарь Академии К.С. Веселовский (1819–1901) писал А.М. Раевской: «Директор Этнографического музея Императорской академии наук Шифнер в заседании историко-филологического отделения Академии 3-го сего декабря донес, что ваше превосходительство изволили принести в дар означенному музею пятьдесят слепков каменных и бронзовых орудий, найденных большею частью в Финляндии. Вследствие сего отделение поручило мне засвидетельствовать вам, милостивая государыня, искреннюю признательность Академии за содействие, оказанное вами обогащению ее музея доставлением сих любопытных слепков».⁴⁶⁸

По данным Д.Н. Анучина, личная коллекция слепков А.М. Раевской составляла около 180 наименований. Кроме слепков она также собирала и подлинные предметы, пользуясь советами и содействием профессиональных исследователей. Д.Н. Анучин писал: «...она пользовалась содействием для Финляндии – г[осподина] Игнациуса, для Олонецкой губ[ернии] – г[осподина] Лерха, для Керчи – г[осподина] Люценко, для Галльштадтского могильника в Австрии – г[осподина] Рамзауера».⁴⁶⁹ И хотя основная часть собранной коллекции А.М. Раевской являлась коллекцией археологической и, отчасти, антропологической, Д.Н. Анучин утверждал, что «...в бытность в свою в Неаполе приобрела (А.М. Раевская. – О.В.) хоршую минералогическую коллекцию по Везувию, а в Германии

⁴⁶⁶ 3 декабря 1868 г. [Заседание историко-филологического отделения Императорской академии наук] // Записки Императорской Академии наук. 1869. Т. XV. Кн. 1. С. 140.

⁴⁶⁷ Список слепкам орудий каменного и бронзового веков, принесенных в подарок Императорской академии наук вдовою генерал-лейтенанта Анною Михайловною Раевскою // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 489–492.

⁴⁶⁸ К.С. Веселовский – А.М. Раевской. 16 декабря 1868 г. // Архив Раевских. Т. V. Пг., 1915. С. 492–493.

⁴⁶⁹ [Анучин Д.Н.] Анна Михайловна Раевская... С. 513.

составила ценное собрание ископаемых аммонитов».⁴⁷⁰ 14 февраля 1872 года А.М. Раевская была избрана членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества.⁴⁷¹ Несколько раньше, в 1866 году ее избрали членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии,⁴⁷² но об этом более подробно мы будем говорить ниже.

Имена и деятельность Е.П. Фадеевой и А.М. Раевской были хорошо известны их современникам, по крайней мере тем из них, кто интересовался естественными науками. Их высокое положение в обществе, хорошее состояние, уважаемый статус замужних или (в случае с А.М. Раевской) вдовствующих дам превращали их научные занятия во вполне полезную для общества деятельность в глазах как членов общества, так и членов научного сообщества. Но у них были и гораздо более скромные последовательницы, чей вклад в изучение окружающей их природы быть может был и невелик, но кто искренне вкладывал душу и силы в это занятие. Например, читая биографию одной из российских писательниц первой половины XIX века Марии Семеновны Жуковой (1805–1855), можно встретить следующую информацию: «Уже тяжело больную М.С. Жукову все еще охватывала жажда самой разносторонней деятельности. Кроме работы над романом “Две свадьбы” она пополняла начатый ранее гербарий, много читала и рисовала. Закончила альбом рисунков саратовской флоры...».⁴⁷³ Надо, правда, заметить, что живя в Саратове, М.С. Жукова была хорошо знакома с Е.П. Фадеевой, так что вполне возможно, что увлечение писательницы ботаникой началось благодаря этому знакомству. В

⁴⁷⁰ Там же. С. 513.

⁴⁷¹ Раевская Анна Михайловна // Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2. М., 1915. С. 298.

⁴⁷² Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете. М., 1868. С. 15.

⁴⁷³ Еремеев П.В. Мария Семеновна Жукова. К 200-летию со дня рождения Марии Семеновны Жуковой // Арзамасская сторона. 2004. № 4. С. 79.

увлечении естественными науками и, если говорить об А.М. Раевской, археологией, переросшим не просто в серьезное занятие, а в, можно сказать, дело всей жизни, видно западное влияние. Во всяком случае, младшие современники именно с помощью влияния Запада объясняли все еще очень мало привычные для окружающих интересы и Е.П. Фадеевой, и А.М. Раевской. Западное влияние (польское) чувствуется в описаниях образования, полученного Е.П. Фадеевой, продолжительную поездку в Италии современники считали причиной глубокого интереса А.М. Раевской. Тем не менее основой для того и для другого послужило предварительно полученное дома прекрасное и всестороннее образование. В свою очередь каждая из описанных нами дам, оказывала влияние на женщин, попадавших в орбиту их влияния. Традиция собирания естественнонаучных коллекций женщинами сохранялась в Российской империи на протяжении всей второй половины XIX века. Например, в ботанических справочниках конца XIX века можно встретить информацию о такого рода гербариях. Так, в работе В.И. Липского «Новые данные для флоры Бессарабии» читаем описания гербария Веры Антоновны Безваль, собранного в 1891 году в имении Е.Н. Донича Воротец, Бессарабской губернии Оргеевского уезда.⁴⁷⁴ Не без язвительности В.И. Липский писал: «Гербарий этот по внешнему виду весьма роскошен, растения в общем собраны хорошо, наклеены на превосходном картоне с каллиграфическими подписями, сохраняются в хороших папках и т[ак] д[алее]. Число растений, впрочем незначительно, всего 203 вида...»⁴⁷⁵ И добавлял после достаточно подробного описания: «Гербарий этот имеет, очевидно, значение сельскохозяйственное, хотя, нужно сказать, что он не вполне удовлетворяет этому назначению».⁴⁷⁶ Однако более подробно о традиции сбора российскими женщинами естественноисторических

⁴⁷⁴ Липский В.И. Гербарий Веры Антоновны Безваль // Липский В.И. Новые данные для флоры Бессарабии. Киев, 1894. С. 444.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Там же.

коллекций во второй половине XIX века мы будем говорить далее.

2.3.4. Первая научная публикация российской женщины: «Анализ силы» княгини Евдокии Ивановны Голицыной (1780–1850).⁴⁷⁷ 14 августа 1835 года ее высокопревосходительство госпожа княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780–1850) писала неперемому секретарю Петербургской Академии наук, академику и математику Павлу Николаевичу Фусу (1798–1855): «Сударь! Прошу вас быть столь обязательным и передать господам академикам экземпляр “Анализа силы,” содержащий 1-ое приложение принципа абсолютной классификации применительно к вычислениям».⁴⁷⁸ Далее княгиня рассказывала о некоторых своих идеях в приложении к новому методу математических вычислений, упомянув, что господин Брашман уже использовал ее теории в своих вычислениях, и завершала письмо следующим: «Приложение принципа классификации к наукам дает более абсолютное развитие этого метода вычислений, оно выдвигает новые проблемы. Но невозможно при каждом случае использования метода возвращаться к базовым вопросам. Я рассматриваю их как заявленные. Если первая идея хорошо оценена, это с необходимостью облегчит последующую экспозицию. Я надеюсь, что все господа академики захотят, чтобы эти методы вычислений были доказаны и использованы и чтобы был признан этот новый путь [исследований]».⁴⁷⁹

Речь в этом письме шла о незадолго до того опубликованной в С.-Петербурге первой части книги Е.И. Голицыной «De l'analyse de la force» – «Анализ силы». Это была первая в России математическая книга, написанная женщиной (хотя следует

⁴⁷⁷ О научной деятельности Е.И. Голицыной см.: Валькова О.А. Обсуждение научного труда княгини Е.И. Голицыной в Императорской Академии наук: новые материалы // 2009. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М., 2009. С. 185–187; Она же. Княгиня Голицына // Природа. 2013. № 8. С. 92–96.

⁴⁷⁸ Здесь и далее перевод с французского к.и.н. Г.И. Любиной, которой автор выражает глубочайшую благодарность.

⁴⁷⁹ Голицына Е.И. Письмо неперемому секретарю Императорской академии наук П.Н. Фусу. 14 августа 1830 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81. Л. 238, 238 об., 239.

заметить, что написана она по-французски). Прочитанное выше письмо почти наверно можно считать первым в нашей стране обращением женщины в Императорскую академию наук с просьбой дать экспертное заключение и оценку ее научным выводам, а княгиня Евдокия Ивановна Голицына, хорошо известная в отечественной истории литературы и культуры, и почти полностью забытая в истории науки, по праву может носить титул первой российской женщины-математика.

Рано осиротевшая дочь Ивана Михайловича Измайлова (1724–1787), сенатора, действительного тайного советника и Александры Борисовны Измайловой, рожденной княжны Юсуповой (1744–1791), она воспитывалась в доме своего дяди, московского генерал-губернатора Михаила Михайловича Измайлова (1719–1800), где по утверждениям биографов «получила разностороннее образование».⁴⁸⁰ Ее оказавшийся неудачным брак с князем Сергеем Михайловичем Голицыным (1774–1859), вполне состоятельным, но по отзывам современников, мало привлекательным внешне и неумным, был устроен лично императором Павлом I. Брак этот продлился недолго и завершился вместе с кончиной Павла I: узнав об этом событии, княгиня заявила своему супругу, что впредь собирается жить отдельно от него. Поселившись же в Петербурге, на улице Миллионной, она стала хозяйкой одного из самых знаменитых и престижных светских салонов своего времени. Современники запомнили ее как женщину удивительной красоты, обладательницу прекрасного вкуса,⁴⁸¹ позволявшую себе некоторую эксцентричность поведения, никогда, впрочем, не переступавшую границ приличий. Предпочитавшую вести ночной образ жизни княгиню с восхищением называли «Princesse Nocturne» или «Princesse Minuit» (принцесса ночная, принцесса полночная).

⁴⁸⁰ Чулков Н. Голицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь - Гюне. С. 213.

⁴⁸¹ См., например, воспоминания П.А. Вяземского: [Вяземский П.А.] *Princesse Nocturne* (княгиня ночная). Из старой записной книжки. М.: тип. Грачева и К., 1875. 8 с.

Юный А.С. Пушкин бывал на ее вечерах, не раз упоминал ее имя в письмах и посвятил ей несколько строк, среди которых знаменитое стихотворение 1817 года «Краев чужих неопытный любитель...». И судя по всему, наш великий поэт не был одинок в своем восхищении Е.И. Голицыной. Например, в 1818 году К.Н. Батюшков писал одному из братьев Тургеневых: «Вы счастливее других, не потому ли, может быть, что трудно кому-нибудь превзойти вас в доброте, точно так как княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну, в красоте и приятности. Вы оба никогда не состаритесь: вы душою, она лицом. Это не я говорю: Жуковский...».⁴⁸² Салон княгини Е.И. Голицыной был преимущественно политический и литературный, но не только. Помимо людей светских, литераторов, политиков и прочее в нем бывали: математик, академик Петербургской Академии Наук Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861), профессор Московского Университета, также математик, Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866), известный инженер в чине генерала Морис Дестрем (1787–1855),⁴⁸³ профессор и директор Института путей сообщения, генерал-лейтенант Пьер-Доминик Базен (1783–1838).⁴⁸⁴ Как отмечал оставшийся анонимным биограф Е.И. Голицыной: «Не только пламенная душа великого поэта находила для себя живительную среду в обществе княгини Евдокии Ивановны, но и строгие ученые того времени», – добавляя, что академик Остроградский – «кажется, был любимым ее собеседником».⁴⁸⁵

Как бы это ни казалось странным окружающим, но светская красавица была искренне увлечена науками и, прежде всего, философией и математикой. П.А. Вяземский заметил не без язвительности по этому поводу: «...позднее и в последние

⁴⁸² Батюшков К.Н. Письмо Тургеневу. 1818 // Константин Николаевич Батюшков. Его письма и очерки его жизни. Русский Архив. 1867. Т. 1. С. 1510.

⁴⁸³ Moris Destrem.

⁴⁸⁴ Pierre-Dominique Bazaine.

⁴⁸⁵ С.Д. Княгиня Е.И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 157.

годы жизни своей княгиня пустилась в *высшую математику*⁴⁸⁶, соединенную с еще высшею метафизикою. Эти занятия признавала она каким-то наитием свыше. Она никогда к ним не готовилась и разрешала многотрудные задачи, так сказать, бессознательно и неведомо от себя». ⁴⁸⁷ Хотя справедливости ради следует отметить, что тот же П.А. Вяземский несколько ранее писал о ней нечто прямо противоположенное: «Счастливыцы! Вы сидите у княгини Голицыной, слушаете ее мысли и чувства, и слышите ее голос... [...] Сделай одолжение, скажи ей мое почтение и еще что-нибудь такое, которое живее почтения и рассудительнее любви. Я в ее беседе провел часы из приятнейших и счастливейших в жизни моей». ⁴⁸⁸

Итак, в 1835 году, в Петербурге, Е.И. Голицына опубликовала книгу под названием «De l'analyse de la force» («Анализ силы»). ⁴⁸⁹ Это было первое, насколько известно на сегодняшний день, научное, математическое сочинение российской женщины. По форме, книга представляла собой изложение бесед, которые автор на протяжении некоторого времени вела с генералом Базеном, академиком Остроградским и профессором Брашманом. Предметом исследования являлись «Закон или *Сила* как начало созданного закона»; язык книги не был математическим, о чем сама автор писала: «Мой язык не математический, но он выражает идею математическую, и, как я уверена, столь определенно, что могу отдать отчет в каждой моей фразе. Может быть то, что мне кажется очень ясным, не будет ясно для тех, которые не знают предшествующего. Но после полного развития сочинения, все

⁴⁸⁶ Курсив наш. – О.В.

⁴⁸⁷ Вяземский П. А. Princess Nocturne (княгиня ночная). Из старой записной книжки. М., 1875. С. 4.

⁴⁸⁸ Из писем князя П.А. Вяземского к А.Я. Булгакову. Варшава, 28 июня (1818) // Русский Архив. 1879. Т. 1. С. 510.

⁴⁸⁹ Galitsina E. De l'analyse de la force / 1-ère partie u 1-er livre. St.-Petersburg, 1835.

увидят, как строги условия моих выводов».⁴⁹⁰ Вторая часть работы была опубликована уже через два года, в 1837 г.⁴⁹¹

Книга Е.И. Голицыной не прошла незамеченной. Рецензия на нее, содержащая пространные выписки из самого сочинения, появилась на страницах «Библиотеки для чтения». В целом, она носила вполне благожелательный характер. После достаточно подробного изложения содержания работы (лишенного признаков иронии или язвительности, которые мы встретили у Вяземского), рецензент писал: «Весьма приятно и лестно для всех соотечественников сочинительницы видеть Русскую даму, которая говорит столь высоким философским языком. Только самая черная зависть может клеветать на нас, будто бы не любим философии: когда философия так умна, и вместе с тем так любезна, мы – первые ее поклонники, и как скоро выйдет окончание «Анализа Силы», непременно передадим нашим читателям вполне и *con amore*⁴⁹² сущность этого замечательного подвига мышления».⁴⁹³

В течение нескольких лет книга являлась предметом обсуждения в литературных салонах, во всяком случае, в присутствии самой княгини. Подробное описание одной из таких бесед, имевшей место в 1843 году Москве, было опубликовано тогда же в журнале «Москвитянин» известным литератором Федором Николаевичем Глинкой (1786–1880). Прежде чем приступить непосредственно к описанию ученой беседы, автор счел нужным сказать несколько слов о самой Е.И. Голицыной, которые нам кажется уместным привести здесь: «Занимаясь с давнего времени и с редким постоянством, трудом обширным и важным, – писал он, –

⁴⁹⁰ Цит. по: *L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine* // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 72.

⁴⁹¹ Galitsina E. *De l'analyse de la force / 2-de partie*. St.-Petersburg, 1837.

⁴⁹² С любовью (итал.).

⁴⁹³ *L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine, née Izmaïloff*. St.-Petersbourg, chez Hintze, 1837, 8-vo., pp. VI et 12 // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 74.

любопытная соотечественница наша охотно беседует везде, где может, с людьми, имеющими значение в ученом мире. В С.-Петербурге любимым собеседником ее бывал г. Остроградский, человек гениальный, высоко-стоящий между всеми учеными знаменитостями Европы. И здесь, в Москве, не раз приглашала она к себе людей, занимающихся науками (преимущественно Математикой в высшем ее значении), мышлением, словесностью. В один вечер застал я у нее некоторых московских ученых и литераторов, и был свидетелем разговора, во многих отношениях замечательного. В этот раз княгиня обнаружила такой, собственно ей принадлежащий, взгляд *на вещи*, который не может не показаться чрезвычайно *новым* и вместе с тем *справедливым* по глубокомысленным выводам, которыми она старалась и умела оправдывать свои умозрительные *положения*».⁴⁹⁴ Начав изложение беседы с краткого содержания самой книги, Ф. Глинка далее писал: «Княгиня А.И. Голицына, в сочинении своем, занимается раскрытием и определением сил и начал. Расчерпывая природу на самой глубине ее, сочинительница желает высмотреть тайну сил, действующих в составе мирового здания».⁴⁹⁵ Все изложение научного разговора сиятельных собеседников выдержано не просто в серьезном или одобрительном тоне, а, скорее, даже в подобострастном. Однако можно предположить, что истоки этой подобострастности кроются в высоком общественном положении и значительном состоянии княгини, а не в научной значимости ее работы.

Но, похоже, княгиню не очень интересовало мнение светского общества. Ей

⁴⁹⁴ Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Часть VI. № 12. С. 538. Следует отметить, что И.Г. Зенкевич в работе «Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках)» ошибочно приписывает приведенные здесь нами слова Ф. Глинки академику М.В. Остроградскому, не ссылаясь при этом на источник своей информации. См.: Зенкевич И.Г. Судьба таланта. (Очерки о женщинах-математиках. Брянск, 1968. С. 24.

⁴⁹⁵ Там же. С. 538.

хотелось получить оценку профессионалов. И, надо отметить, Петербургская Академия наук откликнулась на ее просьбу. Протоколы собраний Академической конференции 1835 года свидетельствуют о том, что письмо княгини от 14 августа 1835 г., с цитаты из которого мы начали настоящую статью, было получено и обсуждалось на заседаниях Академической конференции. В § 372 «Протоколов Конференции Академии наук» сообщается следующее: «...автор в своем первом письме сообщает о трех новых методах вычислений, на открытие которых она претендует, и что профессор Брашман подтвердил письмом, что он с легкостью решил проблему теплоты в сфероиде при соблюдении жестких условий этих вычислений. Г-жа княгиня просит Академию воспользоваться пребыванием г-на Брашмана в столице, чтобы подтвердить приложения, которые он, как ему кажется, с успехом сделал из ее открытия. Не считая себя вправе требовать от иностранного ученого мнения об этих работах прежде, чем он сам сочтет уместным его обнародовать, узнав, с другой стороны, из работы мадам Голицыной (которая, в сущности, состоит из протоколов ее 6-ти бесед с тремя представителями Академии, назначенными, чтобы изучить ее открытие), что г-н Остроградский вошел в их число, Академия постановляет: просить этого академика в соответствии с выдержкой протокола сообщить о природе новых вычислений г-жи кн. Голицыной и об их приложении, которое сделал г-н Брашман, если этот последний согласится принять в этом участие. Секретарь уполномочен информировать г-жу княгиню о положении дел».⁴⁹⁶

Видимо ответ академика Фуса не удовлетворил княгиню, потому что уже 3 сентября 1835 г. она вновь писала в Академию, предположительно М.В. Остроградскому: «Я получила письмо от г-на Фусса в ответ на мое письмо. В нем он сообщил, что в Академии получен экземпляр “Анализа силы” и что господа академики поручили вам изучить “приложения” и высказать им ваше мнение. Но

⁴⁹⁶ Протоколы Конференции Академии наук. 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 90.

ваше мнение уже высказано. Вы заметили, что эти вычисления заслуживают глубокого анализа, а затем вы добавили, что вы их поняли и считаете их новыми». И продолжала, пытаясь как можно точнее объяснить свои пожелания: «Должна заметить господам академикам, что я просила помощи геометров, только для того, чтобы облегчить истолкование этих вычислений. Назначили людей, которых я знаю. Я далека от того, чтобы претендовать на открытие. Я имела целью анализ и считаю его точным, поскольку не позволяю увлечь себя гипотезами. Тот, кто не занимался этим, может не знать, но невозможно, чтобы Академия не осознавала серьезности вопросов, толкуемых в этих беседах. Отослав этот экземпляр в Академию, я не просила об изучении всего тома, а только приложений. Если же хотят заняться другими вопросами, содержащимися в этой 1-ой части, было бы желательно, чтобы это не было поверхностно, чтобы их обсудили в строгой записке и позаботились бы о том, чтобы отказ был мотивирован и чтобы было объяснено, почему их не приняли к [рассмотрению]».⁴⁹⁷

Как следует из протоколов академической конференции (§ 415 за 1835 г.), М.В. Остроградский ознакомил коллег с этим письмом Е.И. Голицыной, заметив далее: «Поскольку г-жа княгиня заявила в своем письме, что просит у Академии только анализа приложений, он счел себя свободным от доклада, который от него потребовала Академия, полагая провести рабочую конференцию по вопросу г-на Брашмана».⁴⁹⁸ Княгиня, однако, была настойчива. Она еще дважды писала академику Фусу, пытаясь добиться желаемого ответа. Наконец, на очередном собрании академической конференции было решено следующее: «Секретарь прочел письмо, в котором г-жа княгиня Голицына просит подвергнуть суждению Академии определение, данное ею дифференциальному анализу на стр. 10-13 ее небольшого

⁴⁹⁷ Голицына Е.И. Письмо [М.В. Остроградскому]. 3 сентября 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 81. Л. 245, 246, 246 об.

⁴⁹⁸ Протоколы Конференции Академии наук. 1835 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 99 об., 100.

сочинения «Анализ силы», – отмечено в § 434 «Протоколов Конференции Академии наук 1835 г.», – Она желает знать, предпочтет ли или нет Академия это определение тому, что принято. После того как секретарь прочитал цитированные страницы, Академия приняла решение ответить г-же княгине, что не находит никакой необходимости изменить определение дифференциального исчисления в том общем виде, в каком оно получено. Кроме того, было отмечено, что на цитированных страницах она [Академия] не нашла ничего такого, что могло бы сойти за определение, в том смысле как это принято в математике и логике».⁴⁹⁹ Можно предположить, что это был не совсем тот ответ, на который надеялась княгиня.

Анонимный биограф Е.И. Голицыной упоминает также о том, что математик, академик В.Я. Буняковский (1804–1889) написал официальный отзыв на ее книгу, предварительно не только прочитав ее, но и обсудив с автором, возможно даже на заседании Академической Конференции. Приведенная в опубликованной биографии цитата из рецензии В.Я. Буняковского, полная версия которой, к сожалению, не была нами обнаружена, лишена и восторженности, и подобострастности обеих, упомянутых нами, журнальных рецензий. «Голицына барыня умная, – писал В.Я. Буняковский, – но в сочинениях своих, к сожалению, не обнаруживает ничего математического. Мне предписано было рассмотреть ее сочинение и сделать сообщение. Я поставил Евдокии Ивановне два вопроса, на которые она не сумела дать ответа. Это занесено было в протокол, и математика не обогатилась новыми идеями. Сказать правду, я удружил ей такими вопросами, на которые, уверен был, что она не ответит, потому что барыняхватила через край».⁵⁰⁰ К сожалению, достоверность этих сведений не подтверждается документами. В архивных материалах Академии наук нам не удалось обнаружить никакого упоминания о том, что В.Я. Буняковскому также поручалось оценить работу княгини. Возможно, анонимный биограф по какой-то причине перепутал имена В.Я. Буняковского и

⁴⁹⁹ Там же. Л. 101.

⁵⁰⁰ Цит. по: С.Д. Княгиня Е.И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 158.

М.В. Остроградского.

Тем не менее, княгиня получила ответ на свой вопрос, хоть может быть и не такой, которого она ждала. Однако подобная суровая оценка ученых мужей не смутила Евдокию Ивановну, и в 1844/1845 гг. в Париже она выпустила в свет второе издание своей работы.⁵⁰¹ В 1846 г. книга была опубликована в Лондоне по-английски под названием «The analysis of force».⁵⁰² В том же году увидела свет еще одна ее работа: «A poetical fragment on partial gravitation», название которой можно перевести как: «Поэтический фрагмент о частичной гравитации».⁵⁰³ К сожалению, составить даже примерное представление о содержании этой последней работы нам не удалось, настолько редкой сегодня является эта книга.

Русский биографический словарь сообщает, что «В последние годы жизни Е.И. подолгу жила в Париже, продолжая и здесь свои философско-математические занятия».⁵⁰⁴ Сохранились сведения о том, что Евдокия Ивановна общалась с членами Парижской академии. П.А. Вяземский писал об этом с приличной долей презрения: «Разумеется, русская княгиня, к тому же богатая, легко отыскала в ученой Парижской братии усердных приверженцев и деятельных сотрудников, – и добавлял, имея ввиду математику, – Она в это время издала на французском языке несколько брошюр по этим темным и головоломным предметам».⁵⁰⁵ Надо заметить, что П.А. Вяземский был не одинок в своем отношении к Е.И. Голицыной. Советский историк математики Игорь Георгиевич Зенкевич, в книге, посвященной женщинам-математикам пишет о ней: «Дочь сенатора, княгиня, получившая прекрасное образование, она принадлежала к тому обществу, которое придерживалось взгляда о том, что "ученость не следует впускать в гостиную". В этом обществе Голицыну

⁵⁰¹ Galitsina E. De l'analyse de la force / 2 edition, Paris, 1844; 1845.

⁵⁰² Golitsyna Evdoksia. The analysis of force. London, 1846.

⁵⁰³ Golitsyna Evdoksia. A poetical fragment on partial gravitation. London, 1846.

⁵⁰⁴ Русский биографический словарь... С. 214.

⁵⁰⁵ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 4.

третировали, считали "пропащей женщиной" только потому, что она "сочиняла книги"». ⁵⁰⁶

Мы видели из изложенного выше, что такая оценка не совсем справедлива, хотя и нелицеприятных слов в свой адрес, можно предположить, княгиня слышала немало. Евдокия Ивановна Голицына умерла 18 января 1850 г. и была похоронена в Александро-Невской Лавре. О научной оценке ее трудов современниками, мы рассказали; потомки никогда не потрудились оценить их заново. Тем не менее, даже если почтенные академики были правы, и в книге княгини не содержалось ничего нового с точки зрения математической, то она все равно была первой в России женщиной (других имен мы сегодня не знаем), посмевшей попросить или, скорее, потребовать от Академии экспертной оценки своей работы, а ее книга – первым в истории Петербургской академии наук научным сочинением женщины, обсуждавшимся в заседании Академической конференции.

Таким образом, подводя краткие итоги изложенному в настоящей главе диссертационного исследования, мы можем с уверенностью утверждать, что в начале XIX века в русском литературном языке появляется и входит в словарный оборот устойчивое выражение «ученая дама». Нами выяснено, что несмотря на то, что довольно быстро это выражение начинает приобретать негативный оттенок, и, по экстраполяции, таковым же становится отношение к дамам из «общества», заподозренным в «учености», высшие учебные заведения Российской империи охотно принимают дары от ученых дам. Так, некоторые из наиболее значительных естественнонаучных коллекций Московского университета, были созданы благодаря желанию, усилиям и настойчивости женщин. Мы также можем утверждать, что в период первой половины XIX века женщины из образованных сословий были желанными гостями на публичных университетских лекциях и других научных мероприятиях, открытых для посещения публики, и охотно пользовались возможностью пополнять таким образом свои познания в естественных науках. Мы

⁵⁰⁶ Зенкевич И.Г. Судьба таланта (Очерки о женщинах-математиках). Брянск, 1968. С. 24.

также выяснили, что на протяжении указанного периода существовало как минимум несколько широко известных своими естественнонаучными интересами женщин, ведших активную переписку с членами российского и международного научных сообществ, собравших значительные естественнонаучные коллекции и оборудовавших частные кабинеты естественной истории. Также именно в этот период, точнее, в 1835 году в России впервые публикуется оригинальное философско-математическое сочинение женщины, которое проходит научное рецензирование в Императорской академии наук и получает достаточно серьезную оценку. В общем и целом, на основании выше изложенного мы с уверенностью можем утверждать, что возникший в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века интерес к изучению естественных наук со стороны молодых женщин, принадлежавших к так называемым образованным сословиям империи, на который традиционно ссылаются и историки науки, и исследователи истории высшего женского образования в России, как время появления первых в нашей стране женщин-ученых, возник на самом деле значительно раньше и не был внезапным, появившимся только под влиянием момента. Достаточно серьезные занятия российских женщин естественными науками, принимавшие различные формы, имеют гораздо более длительную историю.

Глава 3. Начало процесса профессионализации научной деятельности женщин в России в 50-е годы XIX века

3.1. Политэкономические теории М.Н. Вернадской (1831–1860) о женском труде

Из содержания предыдущей главы, мы видели, что интерес к естественным наукам, увлечение изучением естественных наук, существовали среди российских женщин, принадлежавших к высшим сословиям государства, преимущественно к аристократии, на протяжении всей первой половины XIX века. Мы видели также, что некоторые женщины, такие, например, как Е.П. Фадеева обладали научным образованием достаточно высокого уровня и относились очень серьезно в своим научным занятиям. Мы также видели, что эти занятия занимали львиную долю их времени. Однако несмотря на все это, а также на поддерживавшиеся ими достаточно тесные связи с членами профессионального научного сообщества, положение этих женщин было положением любителей. Образованных, настойчивых, квалифицированных, даже признаваемых коллегами, но, тем не менее, любителей. Они не имели никаких официальных документов, подтверждавших уровень их образования и компетенции, не состояли ни на какой службе и не нуждались в заработке. Сама идея проведения научных исследований ради заработка наверно показалась бы им весьма странной, так же как и мысль о работе ради заработка как таковая. Однако уже в 50-х годах XIX века первая российская женщина – политэконом М.Н. Вернадская (1831–1860) выступила в профессиональной научной периодической печати с целой серией статей, посвященных вопросам аристократического отношения к труду в целом и отношения к женскому труду в

частности. Она также высказала некоторые идеи в отношении положения женщин и женского труда, которые были революционными для российского общества того времени.

Несколько идей проходят красной нитью через все работы М.Н. Вернадской. Во-первых, М.Н. Вернадская была уверена, что именно развитие науки, научного знания отныне определяло жизнь людей и, значит, невежество стало главным врагом развивающегося человечества. «Невежество, как злой колдун, – писала она, – старается вредить всякому доброму началу, – оно шепчет: в старину все было лучше, и тешит воображение сказками, – оно разбивает машины, жжет книги, – оно же во время поварных болезней называет отравителями и убивает людей, в руках которых спасение человечества – оно, как злая волшебница, хотело бы усыпить ум и волю человека, как в старину прелестную сказочную царевну; но тут является благодетельный гений – *наука!*⁵⁰⁷». ⁵⁰⁸ И продолжала: «Она (наука. – О.В.) пробуждает нас от тягостной дремоты, раскрывает перед нами таинства природы, и учит извлекать из них пользу. Всюду мы видим ее благодетельное влияние, везде мы видим чудеса, большие, чем в старину. По мановению ее могучего жезла разверзается земля и отдает нам свои сокровища, драгоценные металлы, камни, предметы роскоши и предметы необходимости. Дно морей отдает нам свои перлы и кораллы; без парусов и весел беззаботно мы пускаемся в море; без лошадей ездим по земле; с быстротой желанья можем мы передать наши мысли почти из края в край земли; слово смертного человека – мы можем сделать навсегда бессмертным!»⁵⁰⁹ И на основании вышеизложенного приходила к выводу: «Но всех чудес не пересчитать: мы их видим ежедневно, ежеминутно пользуемся ими, и даже так привыкли к ним, что перестали их ценить, – а с каждым днем являются новые еще

⁵⁰⁷ Курсив автора. – О.В.

⁵⁰⁸ Вернадская М.Н. Старина // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 9.

⁵⁰⁹ Там же. С. 9–10.

чудеса, и, может быть, со временем, то, что представляется нам вымыслом фантазии, превратится в действительность, как превратилось уже так многое. И всем этим мы обязаны доброй волшебнице – науке,⁵¹⁰ и ее верным гениям – прислужникам – *машинам*⁵¹¹». ⁵¹²

Но что имело особое значение для М.Н. Вернадской так это то, что развитие науки, приведшее к созданию различных машин, устранило неравенство возможностей, существовавшее ранее между людьми вообще и мужчиной и женщиной в частности, поскольку оно основывалось, прежде всего, на преимуществах грубой физической силы. В процитированной нами выше статье «Старина» М.Н. Вернадская привела очень красочный пример для иллюстрации этой своей мысли: «В темную ночь быстро мчится поезд железной дороги. Со свистом и грохотом несется металлический конь: не существует для него ни лени, ни усталости, никто не превзойдет его в силе, и никто не сравняется с ним в покорности воле человека. Гордо рассекает он медной грудью воздух и оставляет по себе длинный огненный след. Нет у него ни любимцев, ни избранных: он верно и ровно служит всему человечеству; богач и бедняк, вельможа или простолюдин – он всех мчит с одинаковой быстротой. Он создан не для прихоти одного, а для пользы всех, и скольким приносит он счастье и довольство!..»⁵¹³ Не менее красочный пример привела М.Н. Вернадская, чтобы показать, как появление машин сводит на нет преимущества мужской физической силы: «Женщина, хотя бы даже очень слабая, у которой в руках хороший револьвер, может смело одержать победу над самым сильным дикарем, вооруженным только томагавком. Женщина, сидя в покойном и красивом вагоне, скорее доедет до назначенного места, чем самый сильный мужчина

⁵¹⁰ Курсив автора. – О.В.

⁵¹¹ Курсив автора. – О.В.

⁵¹² Там же. С. 10.

⁵¹³ Там же. С. 8.

верхом на коне»,⁵¹⁴ – писала она в статье «Назначение женщины» и продолжала с полной уверенностью: «Со временем цивилизация еще более ослабит достоинство грубой силы...».⁵¹⁵

М.Н. Вернадская ни на секунду не сомневалась в равенстве умственных и нравственных возможностей мужчины и женщины, и повторяла это неоднократно. «Женщина в умственном отношении стоит совсем не ниже мужчины; она способна и рассуждать, и обсудить сама свое положение...», – писала она в статье «Свобода выбора труда».⁵¹⁶ И повторяла через несколько страниц: «В умственном отношении мужчины и женщины равны; следственно цивилизация все более и более делает доступными для женщин все те труды, которые исполняют мужчины. Женщина может исполнить также хорошо, как и мужчина всякое дело, где требуется ум, а не физическая сила».⁵¹⁷ Она также неоднократно отмечала прямую зависимость между трудом и личной свободой человека, замечая, что женщины из простонародья обладают большей степенью личной свободы, чем «барыни»: «В простонародье, где женщины работают почти наравне с мужчинами, они пользуются, сравнительно большей свободой, чем женщины высшего круга, хотя мужчины в простонародье гораздо грубее, и гораздо более злоупотребляют своими правами, чем мужчины образованные. Наши кухарки, няньки, горничные, относительно, гораздо независимее, чем их барыни», – писала она в статье «Женский труд».⁵¹⁸ И тут же задавала вопрос: «Отчего же и женщинам благородного происхождения нельзя было

⁵¹⁴ Вернадская М.Н. Назначение женщины // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 134–135.

⁵¹⁵ Там же. С. 135.

⁵¹⁶ Вернадская М.Н. Свобода выбора труда // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 85.

⁵¹⁷ Там же. С. 88.

⁵¹⁸ Вернадская М.Н. Женский труд // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 99–100.

бы работать?».⁵¹⁹

Ответ на этот вопрос М.Н. Вернадская видела во-первых, в традиционном сознании женщины, воспитывавшемся в ней с раннего детства, а во-вторых, в глубоко укоренившемся в аристократическом сознании презрении к труду. М.Н. Вернадская была уверена в необходимости изменения принципов, на которых строилось воспитание девочек из привилегированных сословий. «Пятнадцатилетний гимназист обыкновенно знает немногим более, чем институтка в 16 лет, – писала она в статье «Свобода выбора труда», – но мальчик в эти лета только начинает серьезно учиться, прежние его познания служат для него не более, как подготовкой; а девушка в эти лета большей частью прощается уже с наукой навсегда, а если и продолжает заниматься, то уж не науками, а искусствами. Отчего же это происходит? Не все же прямо со школьной скамейки идут под венец; а наконец, что мешает и замужней женщине заниматься серьезными предметами, или искусствами, когда она имеет к ним способности? Оттого, что с самого начала девочке внушают совсем другие понятия, чем мальчику».⁵²⁰ И продолжала, развивая сою мысль: «Мальчику говорят, что он должен работать, что он может быть полезен для общества, что он должен зарабатывать средства к жизни и для себя, и для своего семейства, и конечно при всем этом не забывают внушать ему и правила семейных добродетелей. Девочке говорят, что она должна быть послушная дочь, а со временем покорная жена, хорошая хозяйка и добрая мать, вот и все. Более ей не говорят ничего, да и незачем; потому что и этого достаточно для семейного круга, а женщина-де создана для того, чтоб жить в своем семействе: удел мужчины – жизнь общественная; удел женщины – жизнь семейная. Так судят почти все; но – справедливо ли это, и может ли такое разделение не иметь очень важных неудобств?»⁵²¹

Все люди, считала М.Н. Вернадская, рождаются с разными способностями.

⁵¹⁹ Там же. С. 100.

⁵²⁰ Вернадская М.Н. Свобода выбора труда... С. 85.

⁵²¹ Там же. С. 85–86.

Принуждать человека заниматься тем, к чему у него этих способностей нет – бессмысленная трата сил, времени и денег. И, в соответствии с этим правилом, не каждая женщина рождается со способностями быть нянькой, воспитательницей, учительницей или со способностями к ведению хозяйства. Это не значит, что у нее нет каких-нибудь других способностей, которые, если их развить, могли бы сделать ее полезной обществу. «Не стесняйте деятельности женщин, – писала она, – не заключайте ее насильно в семейный круг, не готовьте ее исключительно для выполнения той или другой обязанности, признайте ее человеком, и – она никогда не бросит своего семейства, а будет полезна, хотя и вне своей семьи, но и для себя и для семейства, и для общества. Одним словом, предоставьте женщине право пользоваться всеми благами разделения труда, то есть дайте свободу выбора труда, и тогда и способности, и деятельность ее будут развиваться естественным путем».⁵²² И продолжала в другой работе: «Мне кажется, что всякая исключительная система женского воспитания вредна для счастья женщин: их должно учить так же как мальчиков, и всему тому, чему учатся мальчики. И первая мысль, которую должно внушать детям обоего пола, которая постоянно должна руководить их воспитанием и не оставлять их никогда, это мысль – труда и пользы!»⁵²³

Анализ работ М.Н. Вернадской показывает, что она сознавала ограничения, как существовавшие объективно, так и бытовавшие в общественном сознании, сильно сужавшие сферу профессиональной деятельности не только для женщин аристократического круга, но и для мужчин: «Теперь, благодаря Бога, и благодаря успехам просвещения, поле деятельности для всех стало гораздо пространнее, – писала она в статье «Аристократический труд». – Было время, когда для дворянина не было другого занятия, кроме военной службы, все же прочие должности, не исключая даже и гражданской службы, считались унижительными. [...] Давно ли у

⁵²² Там же. С. 92–93.

⁵²³ Вернадская М.Н. О детском воспитании // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 225.

нас в России стали уважать ученых и ученые занятия, давно ли на них смотрели почти с презрением, и домашнего воспитателя считали наравне с дворней, а иногда ставили его чуть ниже дворни?»⁵²⁴ И продолжала, оценивая современное ей положение дел, о котором, как дочь сенатора и супруга профессора, она должна была знать не понаслышке: «К чему готовит себя наша молодежь? – почти исключительно к офицерству и чиновничеству. И вот мы слышим постоянный хор жалоб: “Мест нет! Жалованья мало! Чем жить? Говорят о честности, добродетелях; какая уж тут честность, когда почти есть нечего! Лучше бы позаботились, куда бы молодежь пристроить, а то выйдет из университета, и – в ожидании места, хоть умирай с голода”. – Положение, конечно, неприятное, – отмечала М.Н. Вернадская, – но что же делать? Если бы нарочно для каждого кандидата в чиновники создавать новые места, то наконец вся Россия превратилась бы в один громадный департамент; да и где взять средства для содержания такого страшного количества ни к чему не нужных чиновников? Нет ли каких-нибудь других способов найти средства к жизни?»⁵²⁵

М.Н. Вернадская прекрасно знала, что женщина не может быть чиновником, но не считала это препятствием. По ее мнению, уравнивание возможностей между женщиной и мужчиной, которое предоставило развитие научного знания, и появление, как производное этого знания, машин, снизивших роль физической силы, было вполне достаточным условием. «Отчего же и женщинам благородного происхождения нельзя было бы работать? – спрашивала она в статье «Женский труд». – На это ответ обыкновенно готов: для женщин закрыты все карьеры. Женщина – говорят – кроме гувернантки и классной дамы, ничем не может быть. Это обвинение несправедливо: поле деятельности, открытое для женщины, очень велико; но они сами не хотят им пользоваться. Конечно, женщину не примут в

⁵²⁴ Вернадская М.Н. Аристократический труд // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 326–327.

⁵²⁵ Там же. С. 329.

кавалерию и даже вообще в военную службу [...]. Чиновником женщина тоже не может быть; но кроме этих двух занятий, разве мало других?»⁵²⁶ Среди возможных профессиональных, подчеркнем, именно профессиональных, занятий, открытых для женщины, М.Н. Вернадская видела и занятие наукой: «Торговля, фабричное дело, сельское хозяйство, литература, поэзия, *наука*,⁵²⁷ преподавание, медицина, художества, сценическое искусство, пение, музыка, ремесла – вот уже, кажется, довольно большое число занятий, которые также доступны женщинам, как и мужчинам», – писала она.⁵²⁸

Обычное возражение о недостаточности женского образования она считала совершенно несостоятельным, поскольку, по ее мнению, ничто не мешает умеющему читать взять в руки книгу. «“Но что же нам делать – говорят обыкновенно женщины – разве мы виноваты, что на наше образование не хотят обратить такого же внимания, как на образование мужчин?” – задавала она вопрос в цитируемой нами выше статье «Женский труд», и очень четко, без тени сентиментальности отвечала на него: – Конечно, это отчасти справедливо; но что же мешает женщинам самим позаботиться о своем образовании? Книги есть и – для всех доступны: учись, читай, и, право, если бы женщины, вместо того, чтоб жаловаться на родителей, которые не достаточно учили их, решились бы сами учиться, то могли бы, если не совершенно сравниться с мужчинами, то, по крайней мере, намного уменьшить разницу между их и мужским образованием».⁵²⁹

Главное препятствие на пути женской независимости М.Н. Вернадская видела в нежелании женщин аристократического круга (а речь здесь шла именно о них), принадлежавших к «обществу», работать, в укорененном представлении о том, что труд ради заработка унизителен. «Итак, что поприще деятельности закрыто для

⁵²⁶ Вернадская М.Н. Женский труд... С. 100.

⁵²⁷ Курсив наш. – О.В.

⁵²⁸ Там же. С. 100.

⁵²⁹ Там же. С. 103.

женщин – это несправедливо; но справедливо то, что они сами себе его закрывают; женщины просто – не хотят работать, и, скажу более, женщины, стыдятся труда. Как бы ни показалось это резко, но это – истина», – писала она.⁵³⁰ Характерно, что в качестве примера подобного отношения к самой идее труда среди высокопоставленных женщин, М.Н. Вернадская приводила именно занятие наукой: «Что сказали бы о почтенной даме, которой нет никакой необходимости работать, если б она цветущие годы своей молодости посвятила изучению какой-нибудь науки, и после, усвоивши себе хорошо предмет, которым занималась, стала бы давать уроки?», – задавала она вопрос.⁵³¹ И отвечала на него: «Согласитесь, что эти примеры так смешны, что не стоит о них говорить».⁵³² М.Н. Вернадская замечала, что к мужчинам, пожелавшим подобным образом, общество отнеслось бы совершенно терпимо, приняв такое занятие как нечто вполне естественное: «Однако же мужчины дают уроки и в искусствах, и в науках – и это совсем не смешно и не странно: этих мужчин везде, в каждом обществе принимают хорошо», – писала она, и снова подчеркивала: – Мужчина гордится тем, что работает за деньги, и на свою трудовую копейку содержит свое семейство, а женщина – *стыдится*⁵³³ платы за свой труд, как позорного дела. Скажу более: предрассудок против женского труда так силен, что женщина скорее решится на действительно позорный поступок, чем на то, чтобы честным трудом добывать себе пропитание».⁵³⁴

М.Н. Вернадская считала подобное отношение к труду, точнее, к идее труда неприемлемым. «Нет унижительной работы! Человек может, пожалуй, унижить какое-нибудь занятие, но – ни один честный труд не может унижить человека», –

⁵³⁰ Там же. С. 104.

⁵³¹ Там же. С. 108.

⁵³² Там же.

⁵³³ Курсив автора. – О.В.

⁵³⁴ Там же.

писала ни секунды не сомневаясь дочь сенатора.⁵³⁵ Она завершала свою статью о женском труде призывом к женщинам своего социального слоя, который, без сомнения, был революционным для своего времени: «Mesdames! Перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, *трудитесь*⁵³⁶, как мужчины, – и вы будете также независимы, или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь; а главное – перестаньте стыдиться и презирать работу. Пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что – только в одном *труде*⁵³⁷ истинная свобода женщины».⁵³⁸

М.Н. Вернадская не подписывала своих статей полным именем, когда они публиковались впервые в 50-е годы XIX века в издаваемом ею вместе с ее мужем И.В. Вернадским журнале «Экономист», но после ее смерти в 1860 году, ее муж в посвященном ей некрологе упомянул о ее работах и перечислил их: «Скромность не позволяла ей при жизни подписывать их своим именем, и немногие знали о ее трудах. Мы считаем поэтому необходимым припомнить главные из них в том порядке, в котором они были помещены в нашем издании, предпринятом и веденном при содействии ее и с ее совета...».⁵³⁹ Через два года муж и отец М.Н. Вернадской собрали ее разрозненные статьи вместе и издали единым сборником под ее настоящим именем.⁵⁴⁰

Таким образом, при жизни М.Н. Вернадской о том, что автор написанных ею статей – женщина, знали только люди из ее близкого окружения. Но сразу же после

⁵³⁵ Там же. С. 110.

⁵³⁶ Курсив автора. – О.В.

⁵³⁷ Курсив автора. – О.В.

⁵³⁸ Там же. С. 114–115.

⁵³⁹ Вернадский И. Некролог [М.Н. Вернадской] // Указатель политико-экономический. 1860. Вып. 44. (29 октября / 10 ноября). С. 753–754.

⁵⁴⁰ Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862.

ее смерти этот факт биографии стал всеобщим достоянием. Возможно именно потому, что автор статей оставался анонимным, они привлекали внимание не только читающей публики, но и специалистов. В 1858 году, после выхода в свет статьи М.Н. Вернадской «Женский труд», в Санкт-петербургских ведомостях была опубликована пространная рецензия на нее П.Г. Славинского «Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60)».⁵⁴¹ Автор рецензии отметил: «Нет сомнения, что каждый, принявшийся читать статью «Женский труд», прочел (или прочтет) ее с живейшим сочувствием от начала до конца»,⁵⁴² а также что «От кого мне ни случалось слышать отзывы о статье «Женский труд» – все говорили, что вполне согласны с автором ее...».⁵⁴³ Также П.Г. Славинский высказал свое согласие с точкой зрения автора статьи: «...кроме того, – писал он, – мне нередко случалось и прежде быть участником в рассуждениях о причинах зависимого положения женщин в обществе, и эти рассуждения согласовывались в сущности с мнением г. М.В., автора означенной статьи».⁵⁴⁴ Он также нашел необходимым высказать несколько соображений, подтверждавших точку зрения автора о равных способностях к труду мужчин и женщин (за исключением некоторых видов физического труда).

В отличие от М.Н. Вернадской, однако, П.Г. Славинский не считал существовавший запрет поступления женщин на государственную службу чем-то незначительным. Если М.Н. Вернадская, всего лишь упоминала о том, что женщина не может быть военным и чиновником, но считала, что это не имеет особого значения, поскольку и других профессий в мире более чем достаточно, было бы

⁵⁴¹ Славинский П.Г. *Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60)* // Санктпетербургские Ведомости. Газета политическая и литературная. 1858. № 55. 11 марта (вторник). С. 309–311.

⁵⁴² Там же. С. 309.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Там же.

желание работать, то П.Г. Славинский, видимо более опытный чем М.Н. Вернадская в житейских делах и, особенно, в общении с отечественной бюрократической системой, счел необходимым остановиться на этом вопросе более подробно, сформулировав тезис, который буквально через пару лет стал камнем преткновения в борьбе российских женщин за их допуск к высшему образованию и к интеллектуальным профессиям: «Недопущение женщин к службе государственной – военной и гражданской (кроме учебной части) зависит не от безусловной неспособности их к ней, а от обычаев, принявших в некотором отношении вид закона», – писал он, и добавлял: – Умственное развитие женщин на столько же возможно, как и развитие мужчины. Женщина обладает органами чувств такого же устройства, как и мужчина. Вся разница в развитии женщин и мужчин заключается в несходстве их общественного положения».⁵⁴⁵

Он дословно повторил призыв, которым М.Н. Вернадская завершила свою статью: «Mesdames, перестаньте быть детьми...» и далее по тексту, безусловно поддерживая автора, однако тем не менее считал его (автора) усилия бесполезными: «...по моему мнению, не нужно забывать, что на советы обыкновенно не обращают большого внимания те лица, до поведения которых они относятся. Журнальная статья г. М.В., как ни красноречиво она изложена, я уверен, не обратит ни одной женщины на указанный путь, – писал П.Г. Славинский. – Со статьей “Женский труд” случится то же самое, что случилось с многочисленными рассказами о взяточничестве чиновников. Эти рассказы не достигли прямо до цели; не научили честности наверное ни одного взяточника, а возбудили и прояснили только вопрос о способах прекращения этого общественного недостатка».⁵⁴⁶ И далее он пояснил, свою точку зрения: «Чтоб побудить женщин добывать себе самостоятельность верным способом – чрез посредство труда, – следует облегчить для них доступ к

⁵⁴⁵ Там же. 310.

⁵⁴⁶ Там же. С. 311.

труду».⁵⁴⁷

Если М.Н. Вернадская сформулировала первое условие, необходимое для завоевания женщинами независимости, заключающееся в их собственном желании работать и зарабатывать средства себе на жизнь, то П.Г. Славинский сформулировал второе условие: необходимость упростить доступ женщин к труду. Очень коротко, буквально в двух абзацах он описал существовавшую в стране ситуацию, которая стала практически непреодолимым препятствием к профессиональному труду женщин в интеллектуальной сфере после того, как условие, сформулированное М.Н. Вернадской, было выполнено. Во-первых, писал П.Г. Славинский, «Где существует даже между мужчинами мнение о приличности и неприличности или унижительности занятий, там еще более бывает ограничен круг действий для женщин. Если мужчина, которого отец был чиновником, считает несоответствующим своему званию – заняться торговлей или каким-нибудь ремеслом, то тоже самое думает он и насчет своей сестры или жены, точно также думает про себя и сама сестра или жена чиновника; а между тем *для них не существует рода занятий, соответствующего занятиям их брата или мужа: их не примут на службу ни в какое присутственное место.*⁵⁴⁸ Поэтому волей-неволей родители готовят своих дочерей (да и сами дочери готовятся) только к тому, чтоб быть им женами чиновников».⁵⁴⁹ А во-вторых, считал П.г. Славинский, если количество указанных работ изначально ограничено, а занятие ими дает людям определенные привилегии, то никто не захочет расширять круг этих привилегированных лиц, включая в него новых членов: «Предрассудки относительно приличности и неприличности известных занятий порождаются разного рода преимуществами – должностными и сословными. Если известные роды занятий предоставляются в преимущественное пользование известным лицам,

⁵⁴⁷ Там же. С. 311.

⁵⁴⁸ Курсив наш. – О.В.

⁵⁴⁹ Там же.

званиям или сословиям, то не всякое лицо, при затруднительности доступа к различным посторонним для него занятиям, может легко перейти к тем занятиям, где чувствуется недостаток в трудящихся, и потому весьма понятно, что оно смотрит враждебно на всякое постороннее лицо, решившееся на совместничество с ним в его круге действий».⁵⁵⁰ П.Г. Славинский считал такой подход к делу крайне ограниченным, поскольку с точки зрения политэкономии, чем больше народу работает, тем лучше для всех: «...для общества выгодно, если всякий живет своим трудом, а не на чужой счет; чем больше труда в обществе, – чем больше избытка в произведениях труда, в предметах потребления, тем оно богаче и тем счастливее», – заканчивал П.Г. Славинский свою рецензию.⁵⁵¹

Но П.Г. Славинский ошибся. Не в политико-экономических постулатах, а в том, что статья М.Н. Вернадской пропадет бесследно. Так же как и сама М.Н. Вернадская недооценила своих современниц. Целый комплекс обстоятельств сложился в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, и подтолкнул женщин к занятию более активной жизненной позиции, к освоению новых профессий и закрытых для них ранее видов деятельности. Сыграли ли в этих изменениях свою роль статьи М.Н. Вернадской или ее личный пример? Сегодня трудно судить с уверенностью, но вполне вероятно.

⁵⁵⁰ Славинский П.Г. Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60) // Санктпетербургские Ведомости. Газета политическая и литературная. 1858. № 55. 11 марта (вторник). С. 311.

⁵⁵¹ Там же.

3.2. Рост интереса к естественным наукам среди российских женщин в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века

В ряду некрологов людей, ушедших из жизни в 1860 году, опубликованных в «Месяцеслове на 1862 год», издаваемом Императорской академией наук, рядом с некрологом немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860), немецкого анатома и эмбриолога М.Г. Ратке (1793–1860), отечественного поэта и философа А.С. Хомякова (1804–1860) и других, были опубликованы два некролога первых в нашей стране женщин, известных современникам своими научными исследованиями – Е.П. Фадеевой, урожденной княжны Долгорукой (1788–1860) и М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой (1831–1860).

Анонимный автор некролога писал о Е.П. Фадеевой: «С ранней молодости обнаруживала она любознательность и страсть к чтению и занялась изучением естественных наук и в особенности ботаники. Бескорыстное и редкое в женщине служение науке сделало ее имя известным ученому миру; с нею вели переписку и были знакомы многие Европейские естествоиспытатели. Плодами занятий ее остались 50 томов собственноручных рисунков растений, определенных ею самою, богатая орнитологическая коллекция, часть которой подарена ею Кавказскому обществу сельского хозяйства, минералогическая и палеонтологическая коллекции и собрание древних монет и медалей. Естественные науки однако не исключительно занимали ее, и кроме них она изучала историю, археологию и нумизматику, знала языки Немецкий, Итальянский, Французский, Польский и несколько Латинский, и кроме того отлично рисовала».⁵⁵² О М.Н. Вернадской составитель некролога написал следующее: «...первая и доселе единственная русская писательница по политической экономии. Немногие знали о трудах ее, так как под сочинениями своими она не

⁵⁵² Некролог 1860–1861 годов. 1860. [Е.П. Фадеева] // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 124.

подписывала имени; но она принимала деятельное участие в “Экономическом указателе”, издаваемом г[осподином] Вернадским, и самое издание это было даже предпринято при ее содействии и с ее совета. Статьи ее, по светлому взгляду на науку и увлекательности изложения, постоянно обращали на себя внимание читающей публики и были истинным украшением журнала [...]. Кроме того, она занималась переводами сочинений политико-экономического содержания [...]. В последнее время она приняла на себя труд написать краткий очерк главных понятий политической экономии для легкого чтения и перевела сочинение И. Гарнье “Начала финансов”». ⁵⁵³

Это было первое (насколько известно на сегодняшний день) публичное признание научных заслуг российских женщин. Повлияло ли открытое признание (хоть и посмертное) научных заслуг Е.П. Фадеевой и М.Н. Вернадской на жизненный выбор их молодых современниц? Повлияли ли на них призывы М.Н. Вернадской? Прямых подтверждений этому нет. Но по странному совпадению, именно в год смерти Е.П. Фадеевой и М.Н. Вернадской молодые российские женщины (во множественном числе) предприняли первую в истории нашей страны попытку стать студентками университетов.

Шестидесятые годы XIX в., особенно их первая половина, занимают особенное место в российской истории. Это было время Великих реформ: отмены в 1861 году крепостного права, учреждения суда присяжных и местного самоуправления (земства) в 1864 и др. Ситуация в стране была достаточной сложной и политически, и экономически. Но для молодых людей, чья юность пришлась на эти годы, это было время свободы, энергии и надежды. Это также было время широкого распространения интереса к естественным наукам в образованных слоях российского общества. Благодаря своим братьям, учителям, иногда и родителям, а также периодической печати, молодые девушки благородного происхождения

⁵⁵³ Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // Месяцеслов на 1862 год. СПб., [1861]. С. 103–104.

приобщались к этим интересам. В Петербурге стало модным посещать научно-популярные лекции, принадлежать к кружку единомышленников, обсуждавших естественнонаучные предметы наравне с философией и политикой, читать книги по естествознанию. Елена Николаевна Водовозова (1844–1923)⁵⁵⁴ писала в своих знаменитых воспоминаниях о первых месяцах 1862 г., когда она только что вышла из Смольного института и делала первые шаги во взрослой жизни: «Первым средством для самообразования, для подготовки себя ко всякого рода деятельности и к настоящей полезной общественной жизни считалось тогда изучение естественных наук, на которые смотрели, как на необходимый фундамент всех знаний без исключения», – и уточняла: – Как в Западной Европе, так отчасти и у нас люди образованные уже давным-давно придавали им большое значение, что наглядно подтверждали великие открытия, но в шестидесятых годах благоговение к естествознанию распространилось в огромном кругу русского общества и носило особый характер».⁵⁵⁵ Благодаря этому «благоговению» от занятий естественными науками, по воспоминаниям Е.Н. Водовозовой, «Ждали необыкновенно полезных результатов не только от научных исследований специалистов, но от каждой популярной книги, к какой бы отрасли естествознания она ни относилась, находили, что образованный человек обязан черпать свои знания прежде всего из этого источника»;⁵⁵⁶ а также «...были твердо убеждены в том, что изучение естественных наук поможет устранить суеверия и предрассудки народа, уничтожит множество его бедствий».⁵⁵⁷ Подобные взгляды привели к публикации научно-популярных книг по

⁵⁵⁴ Елена Николаевна Водовозова (1844–1923) была успешной детской писательницей; она также писала научно-популярные книги, выступала как журналист и литературный критик, но известна она благодаря знаменитым воспоминаниям о воспитании, полученном ею в Смольном институте благородных девиц и о днях ее юности, последовавших сразу за выпуском из Института.

⁵⁵⁵ Водовозова Е.Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 80.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же.

естественным наукам, к увеличению спроса даже на серьезную научную литературу. «Теперь даже трудно себе представить, – писала Е.Н. Водовозова, – с каким всеобщим восторгом было встречено издание перевода книги Брема “Жизнь животных”. Не читать этой книги значило подвергать себя укорам и насмешкам. Но занимались не одной зоологию, а и другими областями естествознания: минералогией, ботаникою, физиологиею, химиею, отчасти даже анатомиею».⁵⁵⁸ Е.Н. Водовозова отмечала, что профессора читали лекции по естественным наукам в публичных залах, что подобные лекции устраивались также в частных домах и там в большинстве случаев в роли лектором выступали студенты-естественники: «...сразу явилось немало лиц как из высших, так и из средних классов общества, желавших заниматься естественными науками, – вспоминала Е.Н. Водовозова. – Каждое семейство, у которого в доме была свободная комната, охотно уступало ее вечером для подобных занятий: тут демонстрировали бычачье сердце, резали лягушек и зайцев, изучали и сравнивали устройство зубов различных животных, строение тела птиц и рыб, рассматривали под микроскопом растения, насекомых, кусочки сыра, капли воды. Все эти чтения и занятия, где бы их ни устраивали, притягивали массу народа».⁵⁵⁹

Нам так интересно мнение Е.Н. Водовозовой не только потому что она принадлежала к поколению шестидесятников, не только потому что она только-только получив свободу по окончании института благородных девиц, стремилась как можно активнее участвовать в жизни общества и имела возможность участвовать в описываемых ею событиях, но и потому, что сама Е.Н. Водовозова не была в восторге от этого повального увлечения естествознанием, интересуясь больше гуманитарными науками.⁵⁶⁰ Не без раздражения Е.Н. Водовозова вспоминала:

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Там же. С. 80–81.

⁵⁶⁰ Об этом см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 138–140.

«Никто не обращал ни малейшего внимания на то, имеет ли человек склонность к тому или иному предмету. Каждый правоверный шестидесятник должен был все свои способности отдавать естествознанию. Это мода подчинила тогда такое множество интеллигентных людей, что нередко талантливые музыканты, художники, певцы и артисты забрасывали искусство ради изучения естественных наук и вместе с другими бегали на ботанические зоологические, минералогические и другие экскурсии, работали с микроскопом, определяли тщательно собираемые камешки, – все были загипнотизированы великим значением естествознания».⁵⁶¹ В своих воспоминаниях Е.Н. Водовозова привела в пример нескольких девушек, с которыми была знакома лично или о которых слышала от приятельниц, воспринимавших всеобщее увлечение естествознанием также как и она сама, в том числе рассказала о девушке, любившей музыку, но считавшей своим долгом заниматься химией, хотя у нее ничего не получалось и которая в конце концов покончила жизнь самоубийством «только из-за того, что ей совсем не давалась химия».⁵⁶²

Помимо общих настроений, царивших в молодежных кругах С.-Петербурга, Е.Н. Водовозова описала и свой личный опыт занятий естественными науками в первые месяцы 1862 года: «Вечером мы отправились с Верою Корецкою к медицинскому студенту старшего курса Прохорову слушать его чтение о кровообращении. Он занимал отдельную квартиру... Чуть ли в каждой комнате его квартиры шли по вечерам разнообразные занятия. Прослушав лекцию, желающий мог войти в следующую комнату: посреди нее стоял человеческий скелет, а на столиках лежали кости и череп, – тут при помощи студента-специалиста можно было получить наглядное знакомство с строением человеческого тела. В одной из комнат этой квартиры шли опыты по химии».⁵⁶³ И продолжала далее: «Хотя занятия

⁵⁶¹ Там же. С. 81–82.

⁵⁶² Там же. С. 82.

⁵⁶³ Там же.

по естествоведению, на которых мне приходилось присутствовать, в большинстве случаев излагались довольно удобопонятно, но я с каждым разом чувствовала все меньшее к ним влечение».⁵⁶⁴ Боясь признаться в этом своей ближайшей подруге Вере Корецкой, Е.Н. Водовозова обратилась со своей проблемой к ее сестре Татьяне Корецкой. Далее она в художественной форме передала этот непростой разговор: « – Да уж тебе-то совершенно не приходится так скептически относиться к этим занятиям, – пересказывает Е.Н. Водовозова слова Татьяны Корецкой, – Я – другое дело: вот уже несколько месяцев я бьюсь над этими предметами, а у меня в голове все какие-то обрывки...». Оказалось, что Т. Корецкая также мало удовлетворена своими занятиями, как и сама Е.Н. Водовозова. Но когда Е.Н. Водовозова осторожно предположила, что можно было бы их оставить ради любимого дела (в случае Т. Корецкой ради музыки и декламации), то получила в ответ следующую пламенную речь: «...если все, решительно все умные и образованные люди находят, что естественные науки необходимы, и мы с тобой должны покончить со всеми своими благоглупостями!.. Мне куда тяжелее тебя достигаются эти занятия! Я до сих пор содрогаюсь от ужаса, до сих пор не могу приучить себя смотреть, как режут лягушек, не могу без омерзения дотронуться до человеческих костей!.. Всеми силами стараюсь вытравить из себя эту пошлость – и не могу».⁵⁶⁵ «Такого разговора было для меня достаточно, – пишет Е.Н. Водовозова, – чтобы больше уже ни к кому не обращаться со своими сомнениями. Я не только продолжала бегать на всевозможные занятия по естествоведению, но и добывала книги, чтобы прочитывать то, что только что было изложено устно. Несмотря на это, я все более сознавала, что у меня ничего не выйдет из приобретаемых сведений, но мысль, что, бросив эти занятия, я не только не удовлетворю главным требованиям людей, меня окружающих, но даже сама себя буду считать пропащим человеком, заставляла меня

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Там же. С. 83.

еще с большим рвением заниматься тем, чем и все остальные».⁵⁶⁶

Можно предположить, что мнение Е.Н. Водовозовой не было единственным. Но несмотря на это общественный интерес, общественный энтузиазм по поводу занятий естественными науками в начале 60-х гг. XIX века не мог не оказать влияние в том числе и на молодых женщин из образованных слоев населения. Так же как вполне возможно, что на них оказало влияние признание научных заслуг их предшественниц. И не все молодые женщины готовы были довольствоваться случайными публичными лекциями профессоров и наставлениями студентов. Уже в 1859 году Петербургский, Киевский и Харьковский университеты впервые в российской истории открыли и свои двери перед женщинами, желавшими не просто посетить несколько лекций, а получить систематическое высшее образование, в том числе и в естественных науках.⁵⁶⁷ Л.Ф. Пантелеев, поступивший в С.-Петербургский университет в 1858 году, следующим образом описал в своих воспоминаниях появление первой женщины на лекции с осенний семестр 1860 года: «...входит Кавелин, – писал Л.Ф. Пантелеев, – но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П.А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. [...] То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов. Барышня имела резко выраженный итальянский тип, небольшого роста, всегда одета в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и

⁵⁶⁶ Там же. С. 83–84.

⁵⁶⁷ Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 161.

собраны в сетку. То была Наталья Иеронимовна Корсини...»⁵⁶⁸ Н.И. Корсини посещала лекции профессоров-юристов, однако вскоре вслед за ней в университете появились и женщины, заинтересованные в изучении естественных наук: «Н.И. Корсини (впоследствии замужем за Н. Утиным, ныне вдова) недолго оставалась единственной слушательницей; вскоре рядом с ней мы увидели Антониду Петровну Блюммер (вдова Кравцова), затем Марью Арсеньевну Богданову (вдова Быкова). М.А. Богданова предпочтительно слушала лекции по естественному факультету, – вспоминал Л.Ф. Пантелеев. – Потом встречал в аудиториях Екат[ерину] Иер[онимовну] Корсини (ныне Висковатова), Надежду Прокопьевну Сулову, Марью Александровну Бокову (ныне Сеченова). Во втором семестре стало все более и более являться женщин; в числе их была и М.М. Коркунова, впоследствии г[оспо]жа Манассеина, известная своими писаниями по всем отраслям. Под конец второго семестра 1860/61 г. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов».⁵⁶⁹ Здесь, конечно, идет речь не только о девушках, интересовавшихся естествознанием, но о желавших получить любое высшее образование, в том числе и гуманитарное.

Тем не менее можно утверждать, что рубеж 50-х – 60-х годов XIX века был отмечен увеличением интереса к естественным наукам не только среди мужской части так называемых образованных сословий Российской империи, но также и среди их современниц. И как оказалось, некоторые из этих молодых женщин не только хотели получить систематическое высшее образование, но и документы, это образование подтверждавшие. Уже в 1861 году некоторые из посещавших университеты женщин обратились к университетскому начальству с просьбой разрешить им держать экзамены на право получения дипломов.⁵⁷⁰ Правительство,

⁵⁶⁸ Пантелеев Л.Ф. Женщины в Петербургском университете // Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. Кн. 1. СПб.: тип. М. Меркушева, 1905. С. 133–134.

⁵⁶⁹ Там же. С. 135

⁵⁷⁰ Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в... С. 162.

однако, отнеслось неодобрительно к подобным инициативам и поспешило свести их на нет, подтвердив в глазах прогрессивной общественности свою репутацию безнадежных консерваторов.⁵⁷¹ В последовавшие затем 60-е – 90-е гг. XIX века современники могли наблюдать отчаянную борьбу между частью русских женщин и правительством Российской империи за право получать высшее образование, борьбы, в которой правительство неизменно побеждало. История этой борьбы изучена достаточно подробно. Нам однако хотелось бы исследовать причины подобного отношения правительства к данному вопросу, которые, как нам кажется, были несколько глубже простого консерватизма.

⁵⁷¹ Там же. С. 165.

3.3. Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в Российской империи во второй половине XIX века

Подробное исследование данного вопроса показало, что проблема намного глубже простого консерватизма. Камнем преткновения стала даже не возможность для женщин получать высшее образование, а тот вопрос, от которого так пренебрежительно отмахнулась в своей статье «Женский труд» М.Н. Вернадская, а именно вопрос о невозможности женщинам вступать в гражданскую службу. Казалось бы действительно вполне частный вопрос, не имеющий отношения к занятию очень многими профессиями, в том числе научными. Однако из-за преимущественно государственного характера развития науки в России, с одной стороны, и из-за подчиненного положения женщины в соответствии с законами Российской империи, с другой, как оказалось, для его разрешения потребовалось бы либо полностью изменить юридическое положение женщин в империи, либо также кардинально поменять положение ученых. Ни то, ни другое оказалось невозможным претворить в жизнь, ни в XIX, ни даже в начале XX века.⁵⁷²

Желание женщин официально включиться в новый для них – интеллектуальный – вид деятельности, а именно об этом свидетельствовало желание получить университетский диплом, породило множество сложностей: юридических, экономических, нравственных, к разрешению которых ни общество, ни

⁵⁷² Об этом см.: Валькова О.А. Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в России во II половине XIX – начале XX в. // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2003. М., 2003. С. 117–120; Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. (Серия «История науки»). С. 809–848.

правительство не были готовы. Для того, чтобы признать юридическое право женщины на получение высшего образования и последующее занятие научной, медицинской, юридической или преподавательской деятельностью, требовалось изменить многовековое, освещенное традициями, религией, законами положение женщины в обществе. Неудивительно, что в итоге борьба российских женщин за доступ к высшему образованию и, далее, к квалифицированной профессиональной деятельности в конце концов превратилась в борьбу за политическое и экономическое равноправие женщины. История этого процесса иногда драматичного, иногда трагического изучена достаточно подробно.⁵⁷³ Однако история проникновения (если можно так выразиться) женщин в сферу профессиональной научной деятельности до настоящего времени практически не изучалась, так же как почти не изучалась реакция на подобные попытки официальных и научных кругов.

Правовые, экономические, моральные, религиозные нормы, определявшие место и роль женщины в общественной жизни Российской империи и препятствовавшие получению ею серьезного научного образования и профессиональных занятий почти всеми видами интеллектуального труда, формировались, укреплялись различной аргументацией и доводились до совершенства на протяжении всего XIX в. С одной стороны, уже в первой четверти XIX в. в российском высшем обществе стали обращать на себя внимание дамы, всерьез интересовавшиеся различными науками. По-видимому, их было не так уж мало, во всяком случае достаточно для появления термина «ученая дама». С другой стороны, почти с самого возникновения данного явления усилиями российской публицистики и художественной литературы (представленных в большинстве своем

⁵⁷³ Только в последние годы вышли две работы, посвященные исключительно библиографии вопроса: Пушкарева Л.Н. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–200: Материалы к библиографии. М., 2002; Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

молодыми авторами-мужчинами) к нему было сформировано скептически-насмешливое и слегка презрительное отношение. Одновременно создавалось общепринятое понятие об уровне и «качестве» женского образования, представлявшее его крайне поверхностным и несерьезным, что несколько расходилось с реальным положением дел (как можно судить исходя из дошедших до нас источников). Тем не менее вскоре данная точка зрения стала господствующей и несомненно впоследствии повлияла на создававшиеся в 40-е гг. уставы женских учебных заведений. Завершением данного процесса можно считать опубликование в 1852 г. «Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений», подготовленного специальной комиссией во главе с принцем П. Ольденбургским. «Главное назначение женщины есть семейство, – провозглашал указанный документ; – женщина, как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных, она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оногo».⁵⁷⁴ «Наставления» получили личное одобрение императора Николая I⁵⁷⁵ и с этого времени именно исходя из содержащихся в них утверждений и проводилась политика в отношении всех уровней женского образования и разновидностей женского труда в стране (конечно, в данном случае речь шла только об умственном труде).

Надо заметить, что описанные общественные взгляды вполне согласовывались с законодательными нормами. По законам Российской империи женщина являлась не совсем самостоятельным членом общества. Она была юридически зависима вначале от своих родителей (прежде всего отца), потом от мужа. В соответствии с

⁵⁷⁴ Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 9.

⁵⁷⁵ Там же. На титульном листе: «Подписано императором в СПб., 24 февраля 1852 г.: “Прекрасно; и душевно благодарю за полезный труд”».

статьей 107 части 1-й тома 10-го «Свода Законов Российской империи»: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома».⁵⁷⁶ Взамен на родителей и мужа возлагалась забота о ее благополучии, то есть: «По достижении детьми надлежащего возраста родители пекутся об отдаче дочерей в замужество. (Св. зак. т. 10. ч. 1. ст. 174)»,⁵⁷⁷ а муж «...обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей (Св. зак. т. 10. Ч. 1. ст. 106)».⁵⁷⁸ Таким образом, женщины, даже дворянки, в течение всей жизни по закону состояли в подчинении либо родителей, либо мужа и только вдовы обретали некоторую самостоятельность. Нельзя сказать, чтобы имперский закон не проявлял заботы о женщинах. Как раз наоборот. Он заботился о них так, как в настоящее время заботится о недееспособных членах общества: несовершеннолетних детях, инвалидах и прочее. Так, вдовы и сироты имели право на часть пенсий их мужей и родителей, при условии, что эти последние вообще имели право на пенсию и полностью выслужили ее, конечно. Заметим в скобках, что это отношение закона к женщине, как к существу не полностью дееспособному, не распространялось на некоторые стороны жизни, в частности, на наказания за уголовные преступления, в том числе на смертную казнь, например, за политические преступления и прочее, то есть за совершенные правонарушения женщины несли ответственность как полноправные члены общества. Одновременно представитель власти имел право силой вернуть женщину в дом мужа, если по какой-то причине она покинула его без разрешения последнего.

На первый взгляд, полузависимое положение женщины, определенное законом, а также освященная временем и авторитетом власти традиция,

⁵⁷⁶ Женское право. Свод узаконений и постановлений относящихся до женского пола. СПб., 1873. С. 110.

⁵⁷⁷ Там же. С. 155.

⁵⁷⁸ Там же. С. 108.

предписывавшая женщине ограничивать круг дел и интересов семьей и взаимодействовать с окружающим миром исключительно с помощью посредника-мужчины, никак не связана с занятиями наукой. И правда, каким образом желание человека (женщины или мужчины) учиться и заниматься научными исследованиями, могло касаться государства? Кажется, что никаким. Но это только на первый взгляд, хотя, действительно, многие женщины, из числа начинавших свою научную деятельность в 70-е гг. XIX века и добившиеся признания в научном сообществе (например, почетный член Императорской Академии наук, археолог графиня П.С. Уварова или член-корреспондент академии, ботаник О.А. Федченко), были самоучками. Они никогда не получали официальных дипломов высших учебных заведений, никогда не претендовали ни на какие научные оплачиваемы должности, одним словом, никогда не зарабатывали на жизнь при помощи научных исследований также как и их предшественницы, жившие в конце XVIII – первой половине XIX века. Они начинали научную карьеру в роли помощниц своих мужей-ученых и смогли стать самостоятельными учеными после их смерти, имея независимые средства к существованию. Таким образом, получая образование, а впоследствии выполняя научные исследования они никоим образом не соприкасались с государством. И не государство, а научное сообщество впоследствии отдавало дань признательности и уважения их научным достижениям.

И до тех пор, пока научная работа оставалась личным внутри семейным делом или невинным увлечением вдовы, государство считало это делом частным и не обращало на него никакого внимания (если не считать насмешек над «синими чулками» распространявшихся в обществе). Даже когда в 1859 году целый ряд девушек начал посещать университеты, это не обеспокоило правительство: невинное любопытство не могло принести никакого вреда, если семья девушки позволяла ей подобное времяпрепровождение. Но государство оставалось в стороне только до определенного предела. В тот самый момент, когда некоторые из любопытствующих посетительниц университетов решили попробовать получить государственные

дипломы, ситуация резко изменилась, и невинное любопытство, как уже упоминалось выше, было пресечено в корне, а двери российских университетов закрылись перед женщинами вплоть до революции 1905 года, да и тогда они приоткрылись лишь временно. Начиная с 1863 года, то есть с момента принятия решения по обращению первых двух девушек о разрешении им сдавать государственные экзамены с тем, чтобы далее получить диплом университета, и вплоть до декретов правительства большевиков 1918 года, отменившего раздельное обучение на всех уровнях, то есть на протяжении 55 лет, российское правительство стояло насмерть, не допуская женщин в российские университеты. Оно также отрицательно относилось к обучению женщин в университетах заграничных, не гнушаясь угроз, главной из которой была невозможность впоследствии найти работу на родине, а также значительно затрудняя возможность подтверждения заграничного диплома в России, и в большинстве случаев (за исключением врачей) полностью игнорируя их. Препятствуя получению женщинами не столько образования самого по себе, сколько государственного диплома об этом образовании, правительство блокировало доступ женщин должностям, требовавшим этого диплома. Таким образом, если женщина хотела не только заниматься научными исследованиями, но и зарабатывать себе на жизнь этим видом деятельности, перед ней вставал непреодолимый барьер. Возникает закономерный вопрос: почему? Почему государство находило нужным препятствовать профессиональной деятельности женщин в интеллектуальной сфере? Не могли же высшие правительственные чиновники всерьез опасаться конкуренции за рабочие места со стороны своих сестер и жен?

Если исходить из процитированного нами выше российского семейного законодательства, женщина вообще не должна была работать, независимо от того, к какому сословию она принадлежала, а средства для жизни обязан был предоставлять ей супруг или родители. Но законодатели не могли не знать, что подобное положение дел может существовать лишь в теории. Дочери разорившихся отцов,

вдовы, чьи мужья не имели прав на получение пенсии (а это все население страны, кроме государственных служащих и офицеров, да и те для получения пенсии должны были выслужить полный срок – 25 лет, что, к сожалению, удавалось далеко не всегда) – законодатель не подумал о том, на какие средства они будут существовать, если их родственники не пожелают взять их на содержание (или если родственников нет вообще). Впрочем, государство никогда не возражало против постоянных и, можно сказать, профессиональных занятий женщин тяжелым физическим трудом. Почему же желание части женщин (по своему социальному происхождению преимущественно принадлежавших к чиновничеству и дворянству, то есть высшим сословиям России) получить возможность зарабатывать на жизнь трудом интеллектуальным встретило такое упорное сопротивление со стороны государства?

Рассмотрим этот вопрос подробнее и для начала вернемся к ситуации с высшим женским образованием. Следует отметить, что в разные исторические периоды в Российской империи различные категории людей законодательно лишались доступа к высшему образованию по причинам социальным, экономическим и прочим. Например, когда в 1687 году создавалось учебное заведение, широко известное впоследствии под названием Славяно-греко-латинская академия, в нее принимали всех лиц мужского пола, независимо от их социального или материального положения, включая детей солдат и крепостных. Через 68 лет, при организации в 1755 году Московского университета, было оговорено, что это учебное заведение предназначено для дворян и разночинцев... кроме крепостных людей. Хорошо известно, что некоторое время спустя правительство сочло нужным ввести ограничения для лиц, исповедовавших иудаизм. Плата за обучение и обязательное требование знания латинского языка автоматически отсекали малообеспеченных людей, без относительно того, к какому сословию и вероисповеданию они принадлежали. Таким образом, женщины не являлись первой и единственной категорией жителей страны, лишенных возможности получения

государственного диплома о высшем образовании (не говоря уже о самом образовании). Для того чтобы понять причины, которыми руководствовались власти, следует взглянуть на то, кого, по замыслам отцов-основателей, собирались выпускать из своих стен отечественные университеты.

Если посмотреть законодательные акты, то легко увидеть, что диплом российского университета представлял собой нечто гораздо большее, чем просто свидетельство о полученной квалификации. В соответствии со статьей 50 главы 3 части 1 устава Гражданской службы Российской империи (в редакции 1896 г.) университетский диплом, так же как ученая и академическая степень, давал право на вступление в гражданскую службу людям по своему происхождению и состоянию этого права не имевшим: «На основании прав, дарованных в разное время университетам... совершившие в оных с успехом полный курс учения и получившие соответствующие познаниям их ученые степени, или же надлежащие о сем успешном окончании курса наук аттестаты, или же дипломы об удовлетворении требованиям испытания в особо назначаемых для того комиссиях, в случае поступления их в действительную гражданскую службу утверждаются в том классном чине, на который им дают право их ученая степень, звание, диплом, или аттестат».⁵⁷⁹ Особо оговаривалось, что не имеющие права вступления в гражданскую службу купцы и их дети, личные почетные граждане и их дети, сыновья не служивших обер-офицерских детей, а также лица бывших податных сословий получают подобное право если: «1) когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин, или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего Устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания; 2) когда кто приобретет узаконенным порядком ученую или академическую степень» (глава 1, статья 7).⁵⁸⁰ Во втором отделении

⁵⁷⁹ Свод уставов о службе гражданской // Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. СПб., 1896. С. 21.

⁵⁸⁰ Там же. С. 12.

настоящего устава (часть 1, статья 57) уточнялось, какому чину, какое именно ученое звание соответствует: «Удостоенные ученых степеней, а равно выдержавшие окончательное университетское испытание, утверждаются, в случае вступления в гражданскую службу: доктор – в чине восьмого, магистр – в чине девятого, получивший диплом первой степени – в чине десятого класса и получивший диплом второй степени – в чине двенадцатого класса....».⁵⁸¹

Таким образом, университет готовил не столько будущих ученых, сколько будущих чиновников среднего звена, в которых империя испытывала особенный дефицит в начале XIX в., когда создавалась данная система привилегий. А диплом университета не столько свидетельствовал о квалификации, скажем, физика или математика, сколько являлся пропуском в правящую бюрократическую касту (при наличии соответствующих связей, разумеется). Вступление в гражданскую службу не только обещало успешную бюрократическую карьеру в будущем. Присвоение чина выходцу из непривилегированного сословия сразу же давало ряд ощутимых материальных выгод, поскольку в соответствии с тем же уставом: «Лица бывших податных состояний, поступающие на службу, согласно статье 7, независимо от их происхождения исключаются из счета и оклада по правилам, постановленным в Уставе о Прямых Налогах. 1827. Окт. 14 (1469(III); 1885 Мая 28 (2988); 1893 Март. 29, собр. узак., 595, III),⁵⁸² то есть они сразу же освобождались от налогов. Впоследствии статус государственного служащего обещал и другие льготы и бонусы: регулярное повышение по службе, сопровождавшееся увеличением окладов и присвоением орденов, оплата различных служебных расходов: прогонных до места службы, часто квартиры и лошадей и, наконец, что было особенно важным, пенсия по выслуге лет, часть которой могла выплачиваться вдове и сиротам даже после смерти служащего.

Одним словом, не только по своему служебному положению, но и по закону

⁵⁸¹ Там же. С. 23.

⁵⁸² Там же. С. 21.

человек, состоявший на государственной службе, являлся лицом привилегированным. Неудивительно, что власти старались отсекалть от университетского образования лиц, которых они по социальным, экономическим, религиозным или иным соображениям не хотели видеть в государственных управленческих структурах. Получившие женщины университетские дипломы, они автоматически могли бы претендовать на вступление в государственную службу со всеми ее правами и привилегиями (включая мундир, чины и ордена). Те самые женщины, которых закон не считал полностью дееспособными членами общества (независимо от их социального происхождения). Как можно было совместить подобное?

Здесь можно привести два возражения. Во-первых, вряд ли среди женщин, мечтавших во второй половине XIX века о дипломе врача, юриста или естествоиспытателя попадалось много, стремившихся к карьере чиновника. И во-вторых, государству уже приходилось делать исключения и брать на государственную службу представительниц некоторых профессий. Почему же нельзя было этого сделать, скажем, для преподавательницы университета? Попробуем найти ответы на эти вопросы.

Судя по сохранившимся источникам, женщины в большинстве своем, конечно, стремились не к карьере чиновников. Однако, получив диплом университета, вполне естественно желать продолжить обучение, то есть в соответствии с тогдашней терминологией остаться при университете для усовершенствования в науках, а впоследствии защитить докторскую диссертацию и искать место приват-доцента и даже профессора. Однако в конце XIX века все университеты России были учреждениями государственными, а их преподаватели являлись государственными служащими, получая все права и привилегии этих последних, то есть для того, чтобы стать профессором университета, недостаточно было диплома университета и докторской степени: следовало обладать юридическим правом поступления на государственную службу. (Разумеется, мужчинам диплом университета такое право

давал). Возможности профессиональной научной деятельности, то есть оплачиваемой научно-исследовательской работы где-либо помимо университетов, были очень невелики, поскольку число научных учреждений в стране вообще было крайне мало. Научные лаборатории существовали при Императорской академии наук, при университетах, при некоторых подразделениях Министерства внутренних дел, в военном ведомстве. И все они (за редкими исключениями) имели статус государственных. Преподаватели университетов, гимназий, большая часть врачей, не говоря уже об академиках, являлись государственными служащими. То есть позиции, требовавшие наличия высшего образования и дававшие возможность заниматься научным творчеством, предназначались только для людей, состоящих на государственной службе, на которую государство допускало лишь избранных и исключительно по собственному выбору. Женщины в эту категорию не входили. Хотя, как мы отмечали выше, в некоторых случаях исключения допускались.

Так, уже в первой половине – середине XIX в. их было несколько. Права государственной службы, в том числе право на пенсию, но не на чины, мундиры и ордена, получили повивальные бабки, служившие при Министерстве внутренних дел. Их набирали из числа дворянских девочек-сирот, оставшихся без средств к существованию. Подобным образом государство демонстрировало свою заботу о них, предоставляя обучение, профессию, постоянный заработок и пенсионное обеспечение на старости лет. Другими исключениями стали артистки императорских театров и телеграфистки. Почему правительство пошло на это? Пристальное внимание к артисткам со стороны императорского двора и отдельных членов императорской семьи было давней традицией. Женщин-телеграфисток правительству пришлось принимать на службу, поскольку из-за низкого жалованья оно не могло найти достаточного для обеспечения работы телеграфа количества мужчин. С течением времени ему пришлось уравнивать некоторые права выполнявших одну и ту же работу телеграфистов-мужчин и телеграфистов-женщин (прежде всего в отношении пенсий). Однако и телеграфистки, и артистки (хоть и по разным

причинам), никак не могли претендовать на принадлежность к правящей и общественной элите. То же самое касалось и получивших некоторые права государственной службы женщин-надзирательниц в женских тюрьмах. Никто из вышеперечисленных, включая повивальных бабок, не мог претендовать на принадлежность к высшему классу, не мог быть принят в светской гостиной. Любопытно, например, как писала еще в 50-х гг. XIX в. о разнице в общественном положении врача-акушера и повивальной бабки дочь сенатора и жена профессора М.Н. Вернадская: «Кто из нас решится попасть в гости к повивальной бабке? Кто пригласит к себе в приемный день повивальную бабку? Ее призывают тогда, когда нужна ее помощь, ей платят деньги, но уже больше с ней не имеют никакого дела. За что же такое презрение к ней? [...] Занятие – само по себе в высшей степени почтенное и уважительное: плохого акушера везде принимают, как порядочного человека, а – повивальной бабке, даже очень хорошей, закрыты все гостиные».⁵⁸³ Подобное положение не сравнить с положением профессора университета, академика, даже преподавателя гимназии.

Чтобы составить себе более точное представление о статусе тех, кого государство официально признавало учеными в Российской империи, следует опять-таки обратиться к «Своду уставов о службе гражданской». В соответствии со статьей 5, пунктом 6 главы 1 первого раздела настоящего документа право вступать в гражданскую службу имели: «Сыновья ученых и художников, не имеющих классных чинов, независимо от их происхождения и звания их отцов»⁵⁸⁴ наравне с сыновьями офицеров, дворян и чиновников. Здесь же во избежание недоразумений давалось определение, кого именно государство признавало «учеными»: «Высочайше утвержденным 16 апреля 1862 года мнением Государственного Совета было

⁵⁸³ Вернадская М.Н. Женский труд // Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С. 109.

⁵⁸⁴ Свод уставов о службе гражданской // Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. СПб., 1896. С. 10.

разъяснено: под названием ученых, сыновьям которых принадлежит право вступать в гражданскую службу, хотя бы отцы их и не имели классных чинов, разумеются: 1) получившие от одного из русских университетов ученые степени Доктора, Магистра или Кандидата и звание Действительного Студента, по разным факультетам, а также имеющие степени: Доктора Медицины, Лекаря, Магистра фармации, Магистра ветеринарных наук, Провизора и Ветеринара; 2) окончившие курс в бывшем Педагогическом Институте с званием Старших или Младших учителей гимназий, или получившие такое звание по особому испытанию; 3) те лица, которые приобрели вообще известность своими произведениями и признаны достойными звания ученых, по засвидетельствованию, когда нужно, университетов, академий и других ученых обществ».⁵⁸⁵ Таким образом, в строгой государственной иерархии Российской империи ученые стояли наравне с чиновниками и офицерами. Для того чтобы точнее определить занимаемое ими положение в глазах общества приведем небольшой отрывок из речи, произнесенной преосвященным Амвросием, епископом Дмитровским, на торжественном обеде в честь юбилея научной деятельности Г.Е. Щуровского 27 августа 1878 г.: «...*Служители* науки лучше всех знают, и не без причины гордятся тем, что из ее области, из ее недр, исходят в наше время все разнообразные направления в воззрениях и убеждениях как частных, так и правительственных лиц, и даже в самых учреждениях, законах, преобразованиях и во всех родах деятельности, обнимающих во всей широте жизнь просвещенной части человечества. Велика в этом отношении честь науке и ее *служителям*, но велика и лежащая на них ответственность. Они ответственны за благоденствие масс, за счастье семейств, за благотворность учреждений, за честное исполнение законов, за спокойствие Царей и правителей».⁵⁸⁶

Таким образом, получи женщины право учиться в университетах, сдавать

⁵⁸⁵ Там же. С. 10–11.

⁵⁸⁶ Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878 г.) // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 33. Вып. 1. М., 1880. С. 46.

государственные экзамены и получать государственные дипломы, они приобрели бы не только право на весьма привилегированное и почетное положение в обществе. В каком-то смысле они получили бы моральное право беспокоиться о жизни всего общества и моральную ответственность за судьбы страны. Как это могло быть совмещено с их обязанностью всю жизнь состоять в повиновении не закону, не государству, а другому человеку, отличавшемуся от них всего лишь немного другим анатомическим строением половых органов? Положение существа слабого, зависимого, несамостоятельного, каким после целого века пропаганды привыкли представлять себе женщину в том числе и представители власти, казалось несовместимым ни с подобными правами, ни, тем более, с подобной ответственностью. И даже пожелай правительство принять подобное решение, оно столкнулось бы с необходимостью изменения всего свода гражданских законов, регулировавших семейные, в том числе имущественные отношения, поскольку понадобилось бы уравнивать юридическое положение женщин с положением мужчин до того, как допускать их на правах самостоятельных членов в высшие круги общества и государства. Подобная перемена стала бы сродни реформе 1861 г. и вызвала бы такое же, если не большее, сопротивление во всех слоях общества. Так что до тех пор, пока стремление женщин к обучению в университетах и получению дипломов можно было представлять блажью нескольких развращенных и не получивших должного воспитания дворянских дочек, дело вполне можно было оставить без движения, введя строгий запрет и сохраняя, таким образом, существующее статус-кво.

Однако экономическая ситуация в стране менялась стремительно. И если в 60-х – начале 70-х гг. многих девушек в университеты толкало желание «стать полезными», трудиться на благо народа, то в 80-е и, тем более, в 90-е гг. искать работу их все чаще и чаще заставляла нужда. И, разумеется, девушки, происходившие из высших сословий, не могли и не хотели искать себе работу прислуги, судомоек, портних и прочих рабочих профессий. Вполне естественно, что

следуя примеру своих братьев, они хотели получить профессии учителей, врачей, юристов и ученых. А вместе с профессиями и оплачиваемую работу. Как вспоминала Н.В. Стасова, одна из основоположниц высшего женского образования в России: «Общественный строй переменялся. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к тому толкала тоже и сама необходимость».⁵⁸⁷

Наконец, общественный напор стал так силен, что ближе к середине 70-х гг. XIX в. правительство было вынуждено пойти на уступки и разрешить открытие так называемых Высших женских курсов, одновременно затрудняя всячески их создание, и, обставив это дело, множеством препон и запретов, как, например, запретом помещать объявления в прессе о сборе денег для курсов; как разрешением открывать их только в университетских городах; требованием от поступавших на курсы девушек, помимо гимназических аттестатов и справок о благонадежности, письменного разрешения родителей или мужей, справки о благосостоянии и пр., и пр. Разумеется, на протяжении достаточно длительного периода времени программа обучения на курсах также не соответствовала университетской. И, наконец, самое главное: курсы не выдавали окончившим их слушательницам государственного диплома и, соответственно, не давали никаких прав. Одним словом, давая разрешение на открытие курсов, правительство только сделало вид, что готово пойти на компромисс, при этом использовав против добивавшихся перемен женщин их собственную аргументацию. Дело в том, что с самого начала движения за доступ женщин к высшему образованию, инициативная группа выбрала линию аргументации, основываясь на официальной идеологии: с одной стороны, надеясь

⁵⁸⁷ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

победить существующую систему с помощью ее же собственной логики, а с другой, подчеркивая, что они не требуют глобальных перемен, и готовы играть по старым правилам. Обосновывая свои просьбы допустить девушек в университеты, они писали о том, что необходимо давать основательное образование будущим матерям, поскольку именно матери воспитывают граждан империи, а делать это в домашних условиях становится все труднее. Таким образом, они не упоминали о желании женщин (а часто и настоятельной необходимости) иметь достойную профессию и стабильный заработок, о том, что государство может нуждаться в их услугах и тем более о том, что каждый человек, наделенный от рождения свободой воли, имеет право учиться, чему пожелает и использовать свои познания так, как сочтет нужным. Однако, подчеркивая свою принадлежность традиционной системе ценностей, организаторы высших женских курсов сами вырыли себе яму. Правительство сочло убедительным их доводы о том, что будущие матери должны получать более серьезное образование, чем это возможно в средних учебных заведениях. Соответственно, открытие Высших женских курсов было разрешено (хоть и с оговорками). Но ведь будущим матерям не нужны дипломы. Поэтому выпускницы курсов этих дипломов получать не будут.

Однако общественная потребность была слишком велика и несмотря ни на какие препоны дело начало развиваться. С течением времени Высшие женские курсы открылись не только в Петербурге (1878 г.) и Москве (1872 г.), но и в других городах империи. Постепенно они обзавелись собственными помещениями, оборудованием, научными коллекциями и библиотеками. Молодые магистры и приват-доценты, в ожидании защиты докторской диссертации и профессорской должности в университете, были рады дополнительному заработку, а университетские профессора – возможности устроить себе дополнительную лабораторию. Благодаря тому и другому курсы не испытывали недостатка в преподавателях. Уровень слушательниц, поступавших на курсы, постепенно повышался. Одним словом, Высшие женские курсы все больше и больше стали

походить на университеты. При этом они по-прежнему не выдавали никаких дипломов и их окончание не давало никаких прав не только гражданских, но и профессиональных. Что, естественно, не могло не вызывать недовольства всех заинтересованных лиц, тем более, что европейские университеты выдавали российским женщинам не только дипломы, но и докторские степени уже начиная с конца 60-х гг. XIX в.

Таким образом, к концу 70-х годов наметилось три пути, по которым могли следовать молодые русские девушки, желавшие получить высшее образование и, впоследствии, работу по специальности. Во-первых, они могли поступить учиться на Высшие женские курсы в России, которых было всего несколько на всю страну и уровень обучения на которых далеко не сразу достиг уровня университетов. В этом случае, они получали образование, но никаких дипломов и профессиональных прав. Во-вторых, они (при наличии средств) и, желательно, согласия родителей могли отправиться на несколько лет за границу для получения образования в швейцарском или французском, позднее, немецком университете. Получив диплом зарубежного университета и, в некоторых случаях, даже степень доктора, они должны были либо возвращаться домой, где их дипломы никем не были признаны, и пытаться, большей частью безуспешно, найти работу по специальности вне сферы государственного контроля и управления, либо они могли остаться в Европе и попытаться найти работу там, что вело к достаточно широко распространенной, хотя пока что малоизученной женской научной эмиграции. К сожалению, поскольку этот вопрос никогда раньше не был предметом специального научного исследования, то судить о точных масштабах этого явления в настоящий момент затруднительно. Исключение составляли женщины, имевшие медицинские дипломы: некоторые из них по возвращении в Россию, как правило после длительной волокиты, получали право сдать экзамены, подтвердив таким образом заграничный диплом, и, соответственно, право медицинской практики в России, но не право преподавания в медицинских учебных заведениях. И, наконец, женщины, интересовавшиеся естественными

науками и имевшие независимые средства для получения образования частным образом, а также для жизни, могли продолжать заниматься естественнонаучными исследованиями частным путем. Как выяснилось во время проведения настоящего исследования, именно эти последние женщины, не считавшие нужным тратить свое время на получение официальных дипломов и имевшие возможность прожить без официальных оплачиваемых должностей, внесли наибольший вклад (из числа всех вообще женщин-ученых этого периода) в развитие естественных наук в России во второй половине XIX – начале XX века. Однако с точки зрения длительной исторической перспективы этот путь являлся тупиковым и вел в никуда. Именно их современницы, боровшиеся за официальное право получать дипломы университетов, за признание женских заграничных докторских степеней, за право работать в области науки и высшего образования, оказались теми, кто заложил основы будущего юридического равноправия женщин в сфере научного труда, теми, кто способствовал профессионализации научного женского труда. Однако парадокс заключался в том, что большая часть их сил уходила на эту борьбу, оставлявшую относительно мало сил и времени для собственно научно-исследовательской работы да и возможности заниматься научными исследованиями при отсутствии собственных средств были крайне ограничены.

Глава 4. Сотрудничество женщин с естественнонаучными обществами в России во второй половине XIX века

4.1. Женщины – члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в 60-е – 70-е годы XIX века

4.1.1. Первые женщины – члены российского естественнонаучного общества. Путь, уже вполне естественный и традиционный в середине – 60-х гг. XIX в. для молодого человека, интересовавшегося науками и планировавшего (мечтавшего) о профессиональной карьере в этой области, – поступление в университет, получение высшего образования (и государственного сертификата это образование подтверждавшего); далее – оставление в университете для приготовления к профессорскому званию, подготовка и написание магистерской диссертации, поездка на несколько лет за границу, посещение зарубежных университетов, лабораторий, других научных учреждений. По возвращении домой – защита диссертации и, при удаче, получение места при университете, – этот путь не существовал для российских женщин. Многие из них, увлекшись изучением научных дисциплин в юности, в школьные годы могли надеяться участвовать в научно-исследовательской работе только в качестве помощниц своих мужей и (или) отцов. Именно так начинался путь в науку для многих российских женщин не только в 60-е и 70-е годы XIX века, но и в более поздний период. Например, графиня Прасковья Сергеевна Уварова, супруга графа А.С. Уварова, впоследствии известный отечественный археолог, автор научных трудов по археологии, президент Московского археологического общества, организатор археологических съездов и

редактор их трудов, так описывала первые годы своей супружеской жизни: «Через месяц после свадьбы⁵⁸⁸ [...] мы уехали в Италию, где прожили два года между Римом и Неаполем по преимуществу, но где посетили и Флоренцию и объездили в экипаже всю Камбрию. Здесь, под руководством мужа, я кажется еще больше полюбила красоты природы и невольно привязалась и занялась всем тем, что занимало и что любил муж. Он занимался в Ватиканской библиотеке, я списывала ему тексты и делала кальки с рисунков и миниатюр; мы посещали монастырские или городские библиотеки, – я перебирала издания и отмечала страницы, которые подходили под его занятия; он производил раскопки – я делала обмеры, записывала местонахождение вещей и очищала их; он осматривал и описывал храмы – я зарисовывала детали и записывала обмеры и пр. и пр.»⁵⁸⁹ На десять лет моложе П.С. Уваровой Екатерина Николаевна Вельяшева (1855–?) в 1873 г. вышла замуж за Ивана Ивановича Янжула (1846–1914), в то время командированного на два года за границу магистранта Московского университета, в последствии профессора университета, академика Императорской академии наук (с 1893 г. – член-корреспондент, с 1895 г. – ординарный академик по Историко-филологическому отделению: политическая наука и финансы) писала в своей автобиографии, предназначенной для публикации: «18 лет от роду, в 1873 г. я вышла замуж за И.И. Янжула [...]. Этот брак и создал те условия, благодаря которым я сделалась писательницей, хотя и в скромной области педагогических вопросов. Мне бы никогда не пришла в голову возможность выступить в печати, но постоянные занятия с мужем и в особенности помощь, которую я могла оказать ему своими выписками [...] в библиотеке Британского музея в Лондоне, когда мы торопились собрать материал для его диссертации, незаметно подготовляли меня к будущей

⁵⁸⁸ Свадьба состоялась 14 января 1859 г. – О.В.

⁵⁸⁹ Уварова П.С. Письмо к В.В. Стасову. 16 ноября 1901 г. // Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575. Л. 3–4. Об этом см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 148–149.

самостоятельной работе. Однако и это обстоятельство никогда не привело бы меня к писательству, если бы мне не оказывал поощрения, можно сказать не понуждал к тому мой муж, вообще всячески выдвигавший мои заслуги, нередко даже прямо преувеличивавший их...».⁵⁹⁰ И.И. Янжул никоим образом не скрывал того факта, что молодая супруга помогала ему в сборе материалов для диссертации и что эта помощь была весьма существенной. Приехав в Лондон в 1874 г. для занятий в библиотеке Британского музея, молодой ученый был восхищен, открывшимися перед ним возможностями: «Оказалось, – писал он в воспоминаниях, – Британский музей представляет так много благоприятных условий для занятий, как никакая другая библиотека на свете».⁵⁹¹ Однако его настроение омрачалось тем, что несовершеннолетняя супруга не имела возможности работать в Британском музее вместе с ним: «К сожалению, месяца два я вынужден был работать один, жена мне помогать, при всем ее добром желании, не могла, лишенная возможности посещать музей...».⁵⁹² Но это затруднение было преодолено с помощью сотрудников музея, вошедших в их положение, и, пишет И.И. Янжул, – «мы опять соединились с женой на целый день и начали вместе успешно работать, причем работа пошла вдвое скорей и более весело. По моему указанию жена прочитывала и делала конспекты разных книг, выписки или переводы, смотря по специальности книги, часть же времени посвящала всецело на свое собственное чтение и образование; как уверяла потом, в несколько месяцев в Британском музее она прочла больше, чем всю свою жизнь вне его».⁵⁹³

Тем не менее, если женщина хотела выйти из тени своего супруга, если через

⁵⁹⁰ Янжул Екатерина Николаевна. Автобиография. Б. д. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 254. Л. 10.

⁵⁹¹ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Гос. публ. историческая б-ка России, 2006. С. 130.

⁵⁹² Там же. С. 131.

⁵⁹³ Там же. С. 134.

некоторое время ее переставало удовлетворять исполнение роли ассистента и у нее появлялось желание приступить к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, у нее возникала необходимость в научной среде (помимо мужа), в которой она могла бы обсуждать научные вопросы, получать консультации, делиться результатами своих работ. На протяжении второй половины XIX века эту роль для российских женщины исполняли естественнонаучные общества.

Российские историки науки середины – второй половины XX в. признают значительную роль российских научных обществ в поддержке деятельности женщин-ученых. Например, Ю.С. Мусабеков отмечает, описывая научную биографию А.Ф. Волковой: «С 1870 года Волкова начинает работать в технико-химической лаборатории П.А. Кочубея, под руководством Д.И. Менделеева. За исследования в области сульфокислот и амидов кислот ароматического ряда в том же году она принята в члены Русского химического общества. Это был первый случай принятия женщины в эту организацию».⁵⁹⁴ Л.С. Берг в известной монографии, посвященной истории Русского географического общества, отвел целый раздел «приему в члены географического общества женщин».⁵⁹⁵ Описав историю борьбы, происходившей в Лондонском географическом обществе по этому вопросу, он писал: «Ничего подобного в нашем обществе не бывало. Устав Русского географического общества, как впрочем, и Лондонского, никаких ограничений в отношении женщин не содержал. И вот, 20 мая 1877 г. в число членов-сотрудников были приняты две женщины – О.А. Федченко, известная путешественница по Туркестану, вдова А.П. Федченко, и А.Я. Екименко, этнограф...».⁵⁹⁶ В.А. Варсанюфьева, в не менее известной монографии по истории Московского общества испытателей природы с одобрением писала о времени, когда президентом общества

⁵⁹⁴ Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12.

⁵⁹⁵ Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845–1945. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1946. С. 202–204.

⁵⁹⁶ Там же. С. 203.

был Ф.А. Бредихин – 1886–1890 гг.: «Надо отметить, что в годы его президентства в стенах общества впервые появляются женщины-ученые. В 1888 г. в члены общества выбираются эмбриолог и гистолог С.М. Переяславцева, палеонтолог-маммолог М.В. Павлова – будущий профессор Московского университета, почетный член АН СССР и действительный член Украинской АН, геолог и палеонтолог М.К. Цветаева.⁵⁹⁷ Следуя уставу общества, каждая из них сделала предварительный доклад и поместила в мемуарах статью...».⁵⁹⁸ И продолжает далее, считая необходимым особо подчеркнуть следующее обстоятельство: «Следует отметить, что женщины-ученые были приняты в члены общества в конце 80-х годов, в эпоху особенного гонения на высшее женское образование, когда после работы комиссии князя Голицына по “улучшению” женского образования в России, все женские высшие учебные заведения были закрыты. И дальше общество неизменно поддерживало женщин, стремившихся к научной работе, помогало им материально и морально в проведении полевых исследований, печатало их работы, принимало в состав своих членов».⁵⁹⁹ Описывая далее период, когда МОИП возглавлял Н.А. Умов (в 1897–1914 гг.), В.А. Варсанюфьева снова замечает: «Одной из заслуг Н.А. Умова как президента является привлечение в члены общества специалистов-женщин. Он был всегда горячим поборником высшего женского образования и участия женщин в научной работе – взгляды, которые в то время далеко не все разделяли».⁶⁰⁰

Итак, можно утверждать, что в российской историографии середины–второй половины XX в. сложилось четкое представление о том, что отечественные научные

⁵⁹⁷ Стоит заметить, что в данном случае В.А. Варсанюфьева немного ошибается. Первой женщиной избранной, правда, членом-корреспондентом МОИП стала в 1874 году, то есть почти на 15 лет раньше, О.А. Федченко.

⁵⁹⁸ Варсанюфьева В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 59.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же. С. 66.

общества, как общественные объединения, поддерживали научно-исследовательскую работу женщин, принимая их в свои члены и позволяя им, таким образом, официально стать частью научного сообщества и активно участвовать в его жизни. Однако никаких специальных исследований, посвященных данному вопросу не существует.

В 1855 году великая княгиня Мария Николаевна (1819–1876), дочь императора Николая I и его законной супруги императрицы Александры Федоровны (принцессы Прусской) сделала научный подарок Московскому обществу испытателей природы. В протоколе заседания МОИП от 20 октября 1855 года читаем: «Ее императорскому высочеству государыне великой княгине Марии Николаевне благородно было приказать препроводить в общество превосходно сохранившуюся нижнюю челюсть ископаемого носорога, найденную около города Тюмени мещанином Шмотиным».⁶⁰¹ Каким образом указанная ископаемая кость попала в руки великой княгини никогда не упоминалось. Но общество чувствовало себя польщенным особенно потому, что данное событие совпало с его 50-летним юбилеем, и сочло необходимым отблагодарить Марию Николаевну единственным доступным ему образом – избрав ее своим почетным членом: «Общество, глубоко ценя этот знак милостивого внимания ее императорского высочества, по предложению своего президента⁶⁰² единогласно положило, к предстоящему торжеству в память пятидесятилетнего своего существования, украсить список своих почетных членов сопричислением к ним имени ее высочества равно как и его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича, выразившего полное свое сочувствие успехам отечественного просвещения принятием звания председательствующего в одном из ученых наших обществ», – для чего было определено обратиться к

⁶⁰¹ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1855 года октября 20 дня. 20 октября 1855 г. // Архив МОИП. Д. 309. Л. 17 об.; 18.

⁶⁰² Президентом МОИП в этот период был тогдашний попечитель Московского учебного округа, генерал-лейтенант В.И. Назимов (1802–1874). – О.В.

министру народного просвещения «...о его ходатайстве пред их императорскими высочествами о всемилостивейшем их соизволении на принятие дипломов на звание почетных членов общества».⁶⁰³ Не сохранилось информации о том, было ли даровано разрешение «украсить список почетных членов» МОИП причислением к ним имени Марии Николаевны, но до сегодняшнего дня ее имя может быть найдено в картотеке членов МОИП.⁶⁰⁴ Основанное в 1805 г. Императорское Московское общество испытателей природы было одним из старейших и наиболее престижных научных обществ в стране. Только ученые, зарекомендовавшие себя научными трудами, допускались в состав его членов. Мария Николаевна, разумеется, таким ученым не была и, конечно, она была женщиной, но этот факт, похоже, никого не обеспокоил. Она принадлежала к императорской семье, а патронаж любого столь высокопоставленного лица не только приветствовался в МОИП, но и считался делом особой важности. Тем не менее прошло почти двадцать лет прежде чем в состав членов МОИП была избрана обычная женщина. Однако некоторые другие естественнонаучные общества, в частности, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, в 1855 году еще не существовавшее, придерживались менее консервативной политики в отношении женщин, чем МОИП.

14 мая 1864 года состоялось первое заседание вновь созданного при Московском университете Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (устав общества был утвержден 14 октября 1863 года). На заседании присутствовало 7 человек.⁶⁰⁵ Точных данных об этом не сохранилось, но с большой долей вероятности можно утверждать, что среди них была одна из членов-

⁶⁰³ Там же. Л. 18.

⁶⁰⁴ См.: Мария Николаевна // Члены МОИП до 1953 г. Картотека. Библиотека Московского общества испытателей природы. Об этом см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 140.

⁶⁰⁵ Об увеличении пособия Императорскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 8. Д. 62. Л. 17.

основателей ОЛЕАЭ и недавняя выпускница Николаевского сиротского института Ольга Александровна Армфельд, известная впоследствии в истории отечественной науки как Ольга Александровна Федченко (1845–1921). Информация, доступная в настоящее время свидетельствует о том, что О.А. Армфельд стала первой в истории Российской империи женщиной – членом-основателем естественнонаучного общества.⁶⁰⁶ Избрание это не было случайностью. По нашему мнению, его можно рассматривать как один из результатов разрешения сложной ситуации, сложившейся в научном сообществе Москвы в 50-х – начале 60-х гг. XIX в.

Напряжение и разногласия возникли среди членов одного из старейших и наиболее авторитетных как в Российской империи, так и за ее пределами, российских научных обществ – Московского общества испытателей природы (МОИП). Внешне оно вылилось в дискуссию о языке научных периодических трудов, издававшихся обществом.⁶⁰⁷ С самого своего основания (1805 г.) МОИП выпускало ряд научных периодических изданий: журнал под заглавием «*Journal de la Société des Naturalistes de l'Université impériale de Moscou*», периодические сборники

⁶⁰⁶ См.: Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. М., 1868. С. [3].

⁶⁰⁷ Об этом см.: Валькова О.А. Язык фундаментальной науки в России // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 322 – 346; Valkova Olga A. Wissenschaftssprache und Nationalsprache. Konflikte unter russischen Naturwissenschaftlern in der Mitte des 19. Jahrhunderts // *Wissenschaft und Nation in der europäischen Geschichte* / Eeds. Ralph Jessen, Jakob Vogel. Frankfurt/M.: Campus, 2002. P. 59–79; Валькова О.А. Деятельность Г.Е. Щуровского по пропаганде и развитию русского научного языка во второй половине XIX в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2004. М., 2004. С. 274–276; Она же. Издательская деятельность Московского общества испытателей природы в конце XIX – начале XX в. // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Биологическая серия. 2005. Т. 110. № 6. С. 68–72; Она же. Памяти выдающегося ученого и просветителя Григория Ефимовича Щуровского (К 200-летию юбилею) // История техники и музейное дело. Вып. 3: IV Научно-практическая конференция (9–10 декабря 2003 г.). М., 2006. С. 120–129.

«Memoires de la Societé des Naturalistes de l'Université impériale de Moscou»⁶⁰⁸. Оба издания – на французском языке. В 1829 г. МОИП основало впоследствии знаменитый на весь мир журнал «Bulletin de la Societé des naturalistes de Moscou», абсолютное большинство статей в котором публиковалось на европейских языках, преимущественно на французском. Казалось, подобное положение было привычным и вполне устраивало членов общества. Однако на заседании МОИП 15 марта 1851 года тогдашний президент общества В.И. Назимов, занимавший в этот период также должность попечителя Московского учебного округа, предложил: «...не найдет ли общество полезным издавать по-русски какой-либо труд по естественной истории, общедоступный для читателя незнакомого специально с этим предметом».⁶⁰⁹ Предложение В.И. Назимова вызвало неоднозначную реакцию среди членов МОИП и, как выяснилось в дальнейшем, даже понято было по разному. К сожалению, протоколы МОИП всегда отличались сухостью изложения поэтому из них трудно узнать какие-либо подробности, кроме того что имело место «продолжительное суждение об этом предложении».⁶¹⁰ Где-то в процессе данного обсуждения по-видимому была высказана идея издавать по-русски не какой-то новый журнал, а знаменитый «Bulletin». Во всяком случае в тексте процитированного выше высказывания президента МОИП есть явно внесенное позднее исправление, в результате которого фраза стала звучать следующим образом: «...не найдет ли общество полезным издавать по-русски Bulletin или какое-либо периодическое издание по естественной истории, общедоступный⁶¹¹ для читателя незнакомого

⁶⁰⁸ В 1820 году «Memoires» были переименованы в «Nouveaux memoires». – О.В.

⁶⁰⁹ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года, марта 18 дня. 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

⁶¹⁰ Там же. Л. 13 об.

⁶¹¹ Так в тексте.

специально с этим предметом».⁶¹² Таким образом собрание перешло от обсуждения достаточно частного вопроса об издании нового научно-популярного журнала к дискуссии о предмете, принципиально важном для каждого члена общества, поскольку публикация в «Бюллетене» означала известность в международном научном сообществе, признание приоритета научного открытия и все вытекающие из этого преимущества.

К сожалению, о позиции членов МОИП, поддержавших предложение В.И. Назимова, среди которых скорее всего был и Г.Е. Щуровский, можно судить в основном из «Мнения» К.Ф. Рулье, выступавшего как раз против идеи издания русскоязычного журнала, и посчитавшего необходимым изложить свою позицию письменно. В указанном «Мнении» К.Ф. Рулье пересказал слова своих оппонентов: «...не лучше ли, не приличнее ли для пользы собственно России печатать ныне издаваемые труды общества: Bulletin или Memoires, или может быть то и другое на русском языке, потому что язык не русский многим недоступен и что довольно общество работало для иностранцев, пора поработать и для России, и что этот иностранный язык есть главная помеха, почему лучшие издания по естественной истории в России, Труды Императорской Санкт-Петербургской академии наук, неизвестны для русских».⁶¹³ Единогласной поддержки это мнение не получило. Собрание столкнулось с большим числом противоречивых откликов. Вопрос о том,

⁶¹² Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года, марта 18 дня. 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. Д. 271. Л. 13 об.

⁶¹³ Рулье К.Ф. Мнение г. действительного члена Императорского Московского общества испытателей природы профессора Рулье по случаю предложения его превосходительства, не полезно ли было бы издать при обществе повременного труда по части естественной истории на русском языке в изложении, общедоступном для всех сколько-нибудь образованных читателей. Не ранее 18 марта 1851 г. // Архив МОИП. 1851. Д. 275. Л. 41 об. Следует отметить, что как раз примерно то же самое время вопрос о языке научных изданий обсуждался и в Санкт-Петербургской академии наук. Подробнее об этом см.: Валькова О.А. Язык фундаментальной науки в России // Российская академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 322–346.

на каком языке издавать научные труды, оказался вдруг гораздо глубже простого спора об удобстве и доступности (хотя и это имело место). Он затронул систему ценностных ориентаций научного сообщества: самоопределение ученого, как члена научной корпорации и понимание места этой корпорации как единого целого в структуре социума, определение учеными целей и задач научно-исследовательской деятельности, определение методов и подходов к организации научных исследований, моральные и национальные аспекты научной деятельности. Среди членов МОИП возник раскол между сторонниками «элитарного» и «демократического» пути развития науки, хотя ни одно из этих слов не было произнесено вслух.

Стало понятно, что вопрос невозможно разрешить в рамках одного заседания. Специально избранному комитету состоявшему, можно предположить, из главных оппонентов, а именно: Г.Е. Щуровского, Н.А. Варнека и К.Ф. Рулье, – было предложено упорядочить высказывавшиеся точки зрения и представить их на рассмотрение МОИП в одном из последующих заседаний. Процесс этот занял немало времени, но на чрезвычайном заседании общества 18 мая 1851 года⁶¹⁴ члены общества наконец «...слушали по порядку мнения назначенного комитета из [господ] Щуровского, Варнека и Рулье». Общее мнение Г.Е. Щуровского и Н.А. Варнека было зачитано первым. Они оба считали, что «Бюллетень» МОИП необходимо оставить без изменений, поскольку он является «средством сообщения с заграничными учеными».⁶¹⁵ В тоже время следует преступить к изданию русскоязычного журнала под названием «Вестник Императорского Московского общества испытателей природы». Необходимость подобного издания, по мнению Г.Е. Щуровского и Н.А. Варнека, вытекала из «...самого устава [общества], которым постановляется обществу в неперемнную обязанность распространять

⁶¹⁴ Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы 1851 года мая 18 дня. 18 мая 1851 г. // Архив МОИП. 1851. Д. 271. Л. 26–32 об.

⁶¹⁵ Там же. Л. 22 об.

естественноисторические сведения внутри самой России. Русский язык есть без сомнения главный орган такого распространения сведений».⁶¹⁶ К.Ф. Рулье, в свою очередь, выступил в защиту практики издания научных трудов МОИП на иностранных языках, очень четко обозначив причины подобной необходимости. Во-первых, по мнению К.Ф. Рулье «Очевидно, кто работает для науки вообще, тот работает и для науки каждой страны, и потому нам кажется непонятным выражение: мы довольно поработали для заграницы, пора поработать и для нас... Язык нерусский не только не помеха для этой цели, всеми нами искомой, а напротив существенное средство, чтобы Россия, всеми нами высоко чтимая, была и по своим естественным произведениям, и по мере их разработки высоко и достойно чтимой заграницей...». Во-вторых: «От несоблюдения этого отношения в науке рождаются чрезвычайные неудобства: нужно бывает открывать вновь сведения уже дано приобретенные в какой-либо стране, но высказанные на ее родном местном языке». В-третьих: «...мы не можем себе представить русского читателя, который не понял бы статьи в Bulletin только потому, что она написана не на русском языке. Чтобы понять нашу статью нужно предварительно научное образование, а этого научного образования нельзя получить не зная по крайней мере французского и немецкого языков». В-четвертых: «Наконец, и это нам кажется чрезвычайно важным, наше общество изданием своих журналов на иностранном языке вполне выполняло цель, предписанную ему 3 § Устава: *распространять сведения по естественной истории России*⁶¹⁷, а отнюдь не в России».⁶¹⁸

Весной 1851 года эта дискуссия не закончилась ничем, кроме возникновения напряженных отношений между Г.Е. Щуровским с одной стороны, и К.Ф. Рулье и его сторонниками – с другой. Возможно, именно тогда, у Г.Е. Щуровского впервые возникла мысль о необходимости создания нового естественнонаучного общества

⁶¹⁶ Там же. Л. 23.

⁶¹⁷ * – * : подчеркнуто автором.

⁶¹⁸ Рулье К.Ф. Мнение... // Архив МОИП. Д. 275. Л. 42, 42 об., 43, 43 об, 46 об.

при Московском университете, основанного на новых принципах. Однако он не мог не знать, что осуществить подобное намерение на практике будет очень нелегко.

Создание нового общества вызвало крайне негативную реакцию в среде московской профессуры. В Архиве РАН в Москве, в фонде А.П. Богданова (ф. 446) сохранилось неподписанная копия письма на бланке попечителя московского учебного округа (канцелярия, стол 1. 24 января 1864 г. № 260), судя по дате написанного уже после утверждения первого устава ОЛЕАЭ, адресованная в министру народного просвещения.⁶¹⁹ Автор письма очень лаконично суммировал цели, которые ставили перед собой организаторы нового общества и также лаконично объяснял, почему в его создании нет необходимости: «Главная разница в двух обществах (МОИП и планировавшегося ОЛЕАЭ. – О.В.) состоит в том, что по уставу Общества испытателей природы (п. 19, ст. 6) для поступления в члены общества нужно представить обществу какое-либо свое рассуждение либо собственное сочинение известное в ученом свете. Основатели предполагаемого общества, желая облегчить вступление в число членов, допускают по п. 5 “всех, изъявивших желание содействовать целям общества и участвовать в его трудах”. Основатели имели при этом целью открыть поле деятельности для молодых людей, вступление которых в Общество испытателей природы затруднено...».⁶²⁰

Действительно, в первом параграфе устава ОЛЕАЭ значилось, что оно создается «...для естественноисторических, антропологических и этнографических исследований в России и преимущественно в губерниях Московского учебного округа и для распространения научных сведений по этим трем отраслям знания в

⁶¹⁹ [Письмо министру народного просвещения по поводу организации Общества любителей естествознания при Московском университете]. 24 января 1864 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 10–10 об, 11, 11об, 12, 12 об. Копия.

⁶²⁰ Там же. Л. 11, 11 об.

публике».⁶²¹ Выступая на упомянутом выше первом заседании ОЛЕАЭ 14 мая 1864 года, вновь избранный президент общества Г.Е. Щуровский очень точно сформулировал суть проблемы, с которой собиралось бороться ОЛЕАЭ: «...не в ученых материалах чувствуется недостаток; он чувствуется в людях, которые могли бы пользоваться этим материалом и которые могли бы далее вести его. Это выражают косвенно и существующие уже ученые общества тем, что издают свои исследования на иностранных языках. В тех странах, где наука уже пустила глубокие корни, там такое явление было бы невысказано».⁶²² В свою очередь, в 1913 г., через 49 лет после упомянутых выше событий, выступая на юбилейном заседании ОЛЕАЭ (по случаю его 50-летия) тогдашний президент общества Д.Н. Анучин, следующим образом прокомментировал слова Г.Е. Щуровского: «...чтобы надлежащим образом понять сказанное тогда Г.Е. Щуровским, надо вспомнить, в чем проявлялось в то время деятельность русских естественнонаучных учреждений и обществ, как, например, физико-математического отделения Императорской академии наук, Минералогического общества в Петербурге, Общества испытателей природы в Москве и некоторых других... все они имели в своем составе почтенных ученых, известных специалистов того времени, но все это были замкнутые учреждения, посвященные научным исследованиям, а не распространению знаний в обществе». Возможно, именно поэтому, продолжал он «в русском обществе было тогда так мало лиц, способных интересоваться естествознанием, что все естественноисторические общества находили невозможным и бесполезным издавать свои труды на русском языке. И академия, и общества издавали свои «Memoires» и

⁶²¹ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском московском университете. М., 1868. С. [3].

⁶²² Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете. Год первый. Первое заседание 14 мая 1864 года // Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. М., 1866. С. 3.

«Bulletins» на французском и немецком языках, и издания эти более читались и ценились за границей, чем в России». ⁶²³

Консерватизм части московской профессуры этого периода распространялся не только на сохранение традиционных форм существования естественнонаучных обществ, по сути учреждений замкнутых, элитарных, можно сказать «клубных», не особо приветствовавших расширение своих рядов. В начале 1860-х гг. на обсуждение российской профессуры был вынесен еще один вопрос, так же по своему существу касавшийся возможного расширения круга людей, допущенных к высшему естественнонаучному образованию и, по экстраполяции, к научно-исследовательской работе. В 1861 г. в Российской империи обсуждался проект нового устава университетов. В 1862 г. мнения университетских профессоров по этому вопросу были изданы отдельной книгой под названием «Замечания на проект Общего устава Императорских Российских университетов». ⁶²⁴ В самом конце второй части этой работы помещался раздел: «Мнения советов университетов по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию университетских лекций». ⁶²⁵ В преамбуле к разделу объяснялось, что департамент народного просвещения предложил советам университетов ответить на следующие вопросы: «...могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами? 2) какие условия должны быть постановлены при таком допущении? и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени, и каким правом, в случае выдержания испытания, они должны

⁶²³ [Анучин Д.Н.] Полвека жизни Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1913. С. 3.

⁶²⁴ Замечания на проект общего устава Императорских Российских университетов. СПб., 1861. Ч. 1–2.

⁶²⁵ Замечания на проект общего устава... Ч. 2. С. 520–533. Об этом см.: Валькова О.А. Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 82–96.

пользоваться?»⁶²⁶ Советы Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета св. Владимира, дали положительные ответы (иногда, правда, с некоторыми оговорками). Совет Дерптского университета по неизвестной нам причине не высказал своего мнения: вместо него выступил попечитель Дерптского учебного округа, действительный тайный советник фон-Брадке, чье мнение было резко отрицательным. Но так или иначе все выше упомянутые достаточно пространно аргументировали свои позиции. Единственным исключением оказался совет Московского университета. Этот последний ответил на предложенные вопросы не только отрицательно (единственный из университетских советов), но крайне лаконично, как бы подразумевая, что иного ответа и быть не может, а потому нужды в объяснениях нет никакой: «Совет Московского университета обсуждал вопрос о совместном со студентами слушании профессорских лекций лицами женского пола, и большинством голосов, 23 против 2, постановил: «не допускать этого совместного слушания ни под каким предлогом потому, что оно может иметь вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей, обучающихся в университете».⁶²⁷

Комментарий этих событий можно найти в воспоминаниях Б.Н. Чичерина, бывшего в то время профессором права Московского университета. Чичерин сообщает, что рассказал об имевшем место голосовании в своем письме к К.Д. Кавелину, по старой памяти интересовавшемуся университетскими делами: «Между прочим, он [Кавелин. – О.В.], – пишет Чичерин, – словесно через Сатина просил меня уведомить его, кто из профессоров Московского университета подал голос за допущение женщин в университет... Я в шутовском тоне отвечал, что нашлось только двое: Зернов и Армфельдт.⁶²⁸ У последнего, профессора судебной медицины, были взрослые дочери, которые сделались нигилистками и впоследствии были

⁶²⁶ Там же. С. 520.

⁶²⁷ Там же. С. 520–521.

⁶²⁸ Фамилия «Армфельдт» имела два написания и чаще писалась как «Армфельд».

арестованы и сосланы в Сибирь.⁶²⁹ У первого, профессора математики, было также множество дочерей; рассказывали, что они были одна другой безобразнее, и что он не знал, куда их пристроить, чем и объясняли совершенно не свойственный ему либерализм. Все же остальные профессора, и старые, и молодые, понимали всю нелепость подобного предложения. Допускать молодых женщин в университет, когда не знаешь, как справиться с молодыми мужчинами, это было верхом безумия. Но Кавелин за это безумие стоял горой».⁶³⁰ Таким образом, Чичерин дает некоторое объяснение мотивов, руководивших профессорами. В тех же воспоминаниях, немного далее, он приводит отрывок из письма к нему Кавелина, крайне разочарованного полученными известиями: «...извещение о профессорах, которые имели довольно здравого смысла, чтобы не запретить двери университета женщинам, конечно, меня очень изумило: я надеялся прочесть другие имена, но, к сожалению, ошибся».⁶³¹

В фонде Московского университета Центрального исторического архива Москвы сохранилось письмо управляющего Московского учебного округа в совет Московского университета от 19 сентября 1861 г., в котором содержались те самые вопросы, а также объяснялась вызвавшая их причина: «На основании последовавшего, по всеподданнейшему докладу бывшего [господина] министра

⁶²⁹ Б.Н. Чичерин ошибся: только младшая из дочерей А.О.Армфельда, Н.А.Армфельд (1850–1887), примкнула к движению народников, несколько раз арестовывалась, подвергалась административной ссылке и в конце концов была осуждена на 14 лет и десять месяцев каторжных работ. Она умерла в тюрьме для политических заключенных на Каре. Старшая же дочь, хорошо известная в научном мире как О.А. Федченко (1845–1921), супруга выдающегося путешественника и первооткрывателя, А.П. Федченко, стала одним из крупнейших российских ботаников конца XIX – начала XX в., и в 1906 г. (в числе нескольких первых женщин) была удостоена избрания в члены-корреспонденты Императорской академии наук.

⁶³⁰ Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1989. С. 60.

⁶³¹ Цит. по: Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 61.

народного просвещения, высочайшего повеления, внесен был на рассмотрение главного правления училищ вопрос о дозволении одной девице, согласно желанию ее, слушать в Университете медицинские лекции для получения впоследствии лекарского звания. Главное правление училищ, по обсуждении этого вопроса, принимая во внимание особенность и новость вопроса как о праве вообще посещения университетских лекций лицами женского пола, так и об условиях, при которых может быть допущено такое посещение по всем факультетам и в особенности по медицинскому, определило, в видах удовлетворительного решения этого вопроса, предложить его предварительно на обсуждение университетских советов, с тем, чтобы они представили свои заключения о том: 1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций, совместно с студентами, и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении, и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами, в случае выдержания испытания, они должны пользоваться». ⁶³² Совет Московского университета попросили обсудить проблему и высказать свое мнение «в самом непродолжительном времени». ⁶³³ Совет Московского университета заслушал это письмо в своем заседании 23 сентября 1861 г. Журнал заседания также сохранился. Интересующий нас вопрос обсуждался под номером 13-м, в самом его конце. Никакой дискуссии журнал не зафиксировал. В нем содержится только постановление совета, слово в слово совпадающее с опубликованным. ⁶³⁴ Таким образом, либо прения не были запротоколированы, либо профессора действительно не видели необходимости в обсуждении.

Насколько нам известно на настоящий момент, только двое профессоров,

⁶³² Письмо управляющего Московского учебного округа совету Императорского Московского университета. 19 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 1, 1 об.

⁶³³ Там же. Л. 2.

⁶³⁴ См.: Журнал [заседания совета Императорского Московского университета]. 23 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 13, 13 об., 14.

проголосовавшие за допущение женщин в университете и оставшиеся в меньшинстве, оказались настолько недовольны результатами голосования, что решили выразить свои чувства письменно. Профессор математики Н.Е. Зернов⁶³⁵ обосновал свое мнение в специальной анкете, предлагавшейся профессорам университета по случаю изменения университетского устава, на вопросы которой он отвечал 10 декабря 1861 г.⁶³⁶ Надо отметить, что вопрос анкеты был сформулирован не совсем так, как вопросы, вынесенные на обсуждение университетского совета. А именно: «Должен ли университет быть вполне открытым заведением, где бы читались публичные курсы для всех желающих, без различия пола, возраста и степени подготовки (как *College de France*), или же должен сохранить свой прежний характер, подобно Университетам других Государств Западной Европы?»⁶³⁷ Не трудно заметить, что это вопрос не о возможности допущения в университет новой категории студентов, а об изменении всего характера учебного заведения. Желание отвечавшего на него сохранить университет в устоявшихся и привычных организационных формах автоматически означало, что он был против добавления женщин к числу студентов, что могло и не соответствовать действительности. Видимо Н.Е. Зернова не устроило подобное положение дел, и он счел необходимым разъяснить свою позицию. В частности, он вполне резонно заметил: «До сих пор университеты наши были уже доступны сторонним слушателям без различия возраста и степени подготовки. Недавно только возбужден был вопрос о различии пола и в московском университетском совете решен отрицательно для пола

⁶³⁵ Николай Ефимович Зернов (1804–1862), математик, выпускник Московского университета; в 1827 г. защитил магистерскую диссертацию; с 1834 г. – адъюнкт, с 1835 г. – экстраординарный профессор университета.

⁶³⁶ Ответы заслуженного профессора Н.Е. Зернова на вопросы анкеты попечителя Московского учебного округа об Университетском уставе. 10 декабря 1861 г. // ОР РГБ. Ф. 285. Карт. 5. Д. 5. Л. 1, 1 об., 27, 27 об.

⁶³⁷ Там же. Л. 1, 1 об.

женского. Но едва ли это решение безусловно основательно. В сущности женщина оказывается не менее способною к большей части ученых упражнений, как и мужчина, а потому не менее имеет и права на них».⁶³⁸ И далее очень практично замечал: «Если в С.-Петербургском университете допущение дам на лекции оказалось неудобным; то отсюда не следует, будто бы тоже должно повториться и везде. Это без сомнения явление частное, обнаружившее только местный характер общества. В Швейцарии дамы посещают профессорские лекции без всяких неудобств. Где этот факт состоится, там почему его не дозволить».⁶³⁹ И добавляет далее: «Дело о высших ученых упражнениях женщины, оставаясь *in statu quo*, дает повод думать, будто женщина не имеет на них и права. Между тем какие бы полезные последствия могли выйти от полного образования женщин в некоторых случаях; какое бы значение имела напр[имер] врач-женщина».⁶⁴⁰

Профессор А.О. Армфельд, после университетского совета, на котором его голос оказался в абсолютном большинстве, не поленился изложить свою точку зрения в пространной записке, озаглавленной «Мнение ординарного профессора А.О. Армфельда в совет Императорского Московского университета по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций»⁶⁴¹ и направить ее в совет университета. Поступок этот был далеко неординарным. В записке Армфельд приводит возражения коллег против допуска женщин в университеты и высказывает свои контраргументы. Таким образом мы имеем возможность не только подробно познакомиться с позицией самого Армфельда, но и узнать аргументы его

⁶³⁸ Там же. Л. 27.

⁶³⁹ Там же. Л. 27, 27 об.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Армфельд А.О. Мнение ординарного профессора А.О. Армфельда в совет Императорского Московского университета по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию профессорских лекций. Не ранее 23 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 30. Д. 630. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об.

противников.

Александр Осипович Армфельд, (1806–1868), заслуженный профессор Московского университета, родился 18 февраля 1806 г. в Москве.⁶⁴² Вначале воспитывался дома, потом, в 1818 г., поступил в Дерптскую гимназию, по окончании которой, в 1821 г. – в Дерптский же университет для обучения медицине. В 1823 г. он перешел в Московский университет, который и закончил с отличием, получив звание лекаря, в 1826 г. Работал в Хирургическом институте помощником директора (1826–1830 гг.), ординатором в университетской больнице (с 1830 г.). Хорошо проявил себя во время московской холеры 1830 г. В 1833 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины, а в 1834 г. был отпущен за границу для приготовления к занятию профессорской кафедры. По возвращении в Москву, в 1837 г., занял кафедру ординарного профессора судебной медицины, медицинской полиции, методологии, истории и литературы медицины Московского университета (1837–1863).

По воспоминаниям современников, А.О. Армфельд обладал счастливым даром красноречия, огромной эрудицией, умел держаться с удивительным достоинством и одновременно проявлял искреннее внимание к проблемам своих слушателей. Эти качества сделали его одним из самых популярных профессоров своего времени. И.М. Сеченов, вспоминая свою студенческую жизнь, писал: «Профессор Армфельд, читавший нам энциклопедию медицины, производил на своих лекциях впечатление очень умного и образованного человека, держал себя джентльменом, говорил спокойно, ровным голосом (даже несколько монотонно) и так, что речь его, будучи записана слово в слово, могла бы быть напечатана без поправок. Помню, что в

⁶⁴² Об А.О. Армфельде см.: Валькова О.А. Александр Осипович Армфельд (1806–1868). К 200-летию со дня рождения // Годичная конференция ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2006 г. М., 2006. С. 223–225; Она же. Речь его всегда блистала остроумием. К 200-летию со дня рождения профессора Александра Армфельда (1806–1868) // Медицинская газета. 2006. №. 32 (03.05.2006). С. 15.

общем смысл его лекций был таков: упомянув о добровольно принятой нами и предстоящей в будущем святой обязанности служить больному человечеству, он обозревал преподаваемый нам круг наук как средство достижения цели и обещал честно потрудившимся в награду чувство исполненного долга, а отличившимся – учиться за границей...».⁶⁴³ Другой бывший студент Армфельда (а всего он успел за время своей преподавательской деятельности подготовить 25 выпусков) вспоминал: «...всякий, знавший покойного Александра Осиповича, помнит, что его речь всегда блестела остроумием, в этом-то и состоял его талант, этим-то он и привлекал многочисленных слушателей. Например, из энциклопедии медицины, науки, состоящей в перечислении предметов, входящих в курс медицины, Армфельд сделал презанимательные, преполезные беседы для юношей, начинающих учиться медицине. Никогда не изгладятся те впечатления, какие выносились с его лекций первого курса».⁶⁴⁴ Ф.И. Буслаев отмечал, что: «Новый период в истории Московского университета... начинается вместе с появлением к нам молодых профессоров, получивших свое образование за границей, преимущественно в Германии. Это были: на нашем факультете Печерин, Крюков и Чивилев; на юридическом Крылов, Баршев и Редкин; на медицинском – Анке, Армфельд, Иноземцев, Филомафитский...».⁶⁴⁵ По воспоминаниям современников: «Лекции Армфельда, по ясному и систематическому их изложению, при громадной его начитанности и изящности изложения предмета, посещались слушателями почти

⁶⁴³ Сеченов И.М. В Московском университете (1850–1856 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 290.

⁶⁴⁴ Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

⁶⁴⁵ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников... С. 220.

всех факультетов».⁶⁴⁶ Несмотря на отсутствие научных заслуг коллеги ставили имя Армфельда в один ряд с именами наиболее знаменитых профессоров Московского университета: «Имя же профессора Армфельда навсегда останется в памяти учеников его на ряду с именами Рулье, Грановского...»,⁶⁴⁷ при жизни его считали «идеально-честным человеком»,⁶⁴⁸ а через много лет после смерти вспоминали, что: «Рыцарская же его честность, добродушие и всегдашняя готовность помогать всем и каждому снискали искреннее к нему уважение...».⁶⁴⁹

И вот, этот всеобщий любимец, неожиданно становится на защиту точки зрения, совершенно противоречащей общепринятой, заявляя о необходимости допустить женщин в университеты и противопоставляя себя всему профессорскому коллективу. Подобный поступок, на первый взгляд, кажется несколько странным. Однако у А.О. Армфельда существовала очень личная причина для подобного поведения. Его старшая дочь, Ольга Александровна (известная в истории науки как О.А. Федченко), которой в 1861 г. как раз исполнялось 16 лет, была глубоко и искренне увлечена ботаникой. Она училась экстерном в Николаевском сиротском институте, а также дома, серьезно занималась естествознанием, изучала иностранные языки, в том числе латынь, французский, немецкий, английский, читала специальную научную литературу по ботанике, нередко в оригинале. Летом, в живя в семейном имении, собирала гербарии, коллекции трав и минералов. Она хотела профессионально заниматься ботаникой, но по существовавшим законам не имела возможности получить необходимое образование. Однако если бы в 1861–1862 гг. было принято решение о разрешении девушкам слушать университетские

⁶⁴⁶ Некролог [А.О. Армфельда] // Архив судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. 1868. № 2 (июнь). С. 83.

⁶⁴⁷ Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

⁶⁴⁸ Мостовский М. Некролог // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

⁶⁴⁹ Армфельд, Александр Осипович // Русский биографический словарь. 1900. Т. 2. С. 293.

лекции, подобная возможность у нее появилась бы. Составляя свою записку, Армфельд, несомненно думал о дочери. Заметим в скобках, что отсутствие диплома не помешало Ольге Александровне стать ученым, о котором впоследствии Н.И. Вавилов писал: «Многие из нас хорошо помнят Ольгу Александровну Федченко, замечательного ботаника, автора превосходных флористических работ, посвященных Средней Азии и Памиру, члена-корреспондента Академии Наук СССР. Вспоминаются ее спокойные и всегда мудрые советы начинающим ботаникам, в том числе и автору этих строк».⁶⁵⁰

Кроме того, начиная с 1838 г. Армфельд занимал должность инспектора классов в Николаевском сиротском институте – закрытом среднем учебном заведении для дочерей обер-офицеров, оставшихся сиротами, – и хорошо знал все достоинства и недостатки существовавшей системы начального и среднего женского образования. (В его обязанности инспектора входил не только подбор преподавателей, но и составление учебных планов и программ, хотя сделать в этом направлении он мог немного: не только список учебных дисциплин, но и их количество строго регламентировались в зависимости от категории учебного заведения). То есть Армфельд, в отличие от многих его коллег мог вполне обоснованно судить как о способностях молодых девушек, так и о характере их первоначальной подготовки. Один из сотрудников А.О. Армфельда по Николаевскому институту, преподаватель и литератор Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892) оставил следующую характеристику А.О. Армфельда и его деятельности в Николаевском институте в своих воспоминаниях: «...инспектором классов был А.О. Армфельд, профессор судебной медицины – совершенная противоположность Брашману: даровитый, быстрый, с умом ясным и скоро обнимающим предметы, он в совершенстве владел не только языками русским и немецким, которые можно назвать его природными (по матери – русской и по отцу –

⁶⁵⁰ Вавилов Н.И. Борис Алексеевич Федченко как ботаник и географ (к 45-летнему юбилею научной деятельности) // Советская ботаника. 1940. № 3. С. 3.

немцу), но и другими – латинским, французским, английским, итальянским. Постановка учебной части в институте одолжена ему исключительно. [...] Благодаря ново выработанному плану преподавания, а равно и другим распоряжениям инспектора, в особенности выбору учителей, учебная часть Николаевского сиротского института стояла на одном уровне с тою же частью в Александринском сиротском. И здесь и там воспитанницы получали очень хорошее образование и выходили с солидною подготовкой для собственной педагогической деятельности».⁶⁵¹

Александр Осипович начал свою записку с рассказа о том, в каких условиях принималось решение о недопущении женщин в университет на заседании совета университета: «23-го сентября, в самом конце продолжительного заседания университетского совета...»,⁶⁵² – отметил он. Далее он попытался суммировать доводы большинства присутствующих, казавшихся им настолько само собой разумеющимися, что они не нашли отражения ни в каких официальных документах: «По краткости времени не мог я ни выслушать, ни взвесить всех доводов, послуживших основанием этого отрицательного решения. Я старался уяснить их себе в последующие дни, своими собственными соображениями, – но, признаюсь, без особого успеха, – писал А.О. Армфельд. – Сколько мог я понять, причины устранения женского пола от университетских лекций должны были заключаться или в особенностях женской природы, или в особенном устройстве наших аудиторий, или, может быть, в частностях той или другой науки, недопустимых, по общепринятым понятиям о приличиях для женского слуха и глаза».⁶⁵³ Суммировав возражения коллег, А.О. Армфельд, будучи, как было принято выражаться в тот период, «человеком науки» и врачом, проверил их состоятельность, используя для

⁶⁵¹ Галахов А.Д. Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 132–133.

⁶⁵² Армфельд А.О. Мнение ординарного профессора А.О. Армфельда в совет Императорского Московского университета... Л. 2.

⁶⁵³ Там же. Л. 2 об.

этого методы научного исследования, а именно: проверил свои «гинекологические сведения»; изучил те особенности, «которые всего разительнее отличают женщину от мужчины в физиологическом и психологическом отношении»; припомнил «результаты наблюдений своих и чужих, над бесконечным различием природных сил, склонностей и способностей в индивидуальных женских натурах»; постарался учесть специальное «назначение» женщины «как супруги, матери и домохозяйки» и те ограничения, которые это предназначение на нее накладывает; а также препятствия, которые встают перед женщиной из-за «наших нравов и привычек» и «наших традиционных предрассудков».⁶⁵⁴ Исследовав все это О.А. Армфельд пришел к следующему выводу: «Я нашел много причин полагать, что число ученых женщин всегда будет [менее] числа ученых мужчин, что юстиция и администрация, академические кафедры и высшее искусство гораздо чаще будут избирать своих служителей из лиц мужского, чем женского пола, но решительно не нашел ни в организации женщины вообще, ни в устройстве ее мозга в особенности, ничего такого, что бы не позволяло ей помышлять о возможном развитии всех данных ей богом умственных способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмерными заботами семейными и хозяйственными, стремиться к высшему научному образованию и удовлетворять этому стремлению всеми позволительными средствами».⁶⁵⁵

Далее, А.О. Армфельд ответил на вопросы, видимо, наиболее часто высказывавшиеся его противниками, в частности на вполне традиционное утверждение, о том что наука «не есть дело женского ума», и традиционно доказывавшееся отсутствием великих ученых из числа женщин. На это старинное, но все никак не устаревавшее утверждение О.А. Армфельд отвечал не без чувства юмора, заявив, что если бы женская средняя школа была развита так же как и мужская, то и имена известных женщин-ученых появились бы: «Какою мерою

⁶⁵⁴ Там же. Л. 2 об.; 3; 3 об.

⁶⁵⁵ Там же. Л. 3 об.

определяем мы объем умственных ее (женщины. – О.В.) способностей и степень возможного их развития неужели тою же самою, которую прикладываем к мужчине, для которого устроены и гимназии и лицеи, и академии, и университеты? И много ли, однако, выходит настоящих героев науки из этого несметного числа учащихся; и что бы выходило из них, если бы не существовало для них всех этих гимназий и университетов?».⁶⁵⁶ И далее, он пишет слова, которые настолько блики к тем, которые примерно через два года произнесет Г.Е. Щуровский на первом заседании ОЛЕАЭ, что не возникает никакого сомнения – эти люди единомышленники, по крайней мере, в том, как они видели будущее развитие российской науки. Просто А.О. Армфельд заходил в этом видении несколько дальше Г.Е. Щуровского: «Да и нужно ли чтобы каждый учащийся выходил каким-нибудь Гумбольдтом, Ньютоном или Бэконом? Не нужнее ли нам, в несравненно большем числе, верные приемники и проводники науки, посредники между этими светилами первой величины и молодым поколением, ищущим умственного света? И на каком основании исключаем мы из числа этих проводников целую половину человеческого рода, столь способную – если не создавать, по крайней мере воспринимать, практически осмысливать и популяризировать наши ученые теории, особенно там, где [идет] речь о передаче их молодым лицам женского же пола?»⁶⁵⁷

И далее, А.О. Армфельд формулирует тезис, который отличается от всех аргументов, высказывавшихся его современниками, боровшимися за право женщины на высшее образование. Он оставляет в стороне практические нужды общества, требования семьи, пользу, которую участие женщины могло бы принести в развитие науки и прочее, и впервые пишет о женщине как о независимой самостоятельной, самодостаточной личности, которая, по его мнению, имеет полное право реализовывать свои способности, в том числе и в области научных исследований, независимо от того, что думает по этому поводу остальное

⁶⁵⁶ Там же. Л. 3 об.; 4.

⁶⁵⁷ Там же.

человечество: «И если бы, в большинстве случаев, и не было суждено женщине разливать этот свет науки между другими, – пишет О.А. Армфельд, – на каком основании лишаем мы ее права искать его для себя самой?»⁶⁵⁸

А.О. Армфельд остановился на некоторых практических трудностях, которые по мнению его коллег неизбежно возникли бы при смешанном преподавании, таких как чтение некоторых предметов в смешанной аудитории, и способах их преодоления. Наконец, «основываясь на всем вышеизложенном» А.О. Армфельд высказал свои «убеждения» по обсуждаемому вопросу. На вопрос, можно ли допускать «лиц женского пола» к слушанию лекция, он однозначно ответил да, заметив при этом: «В отношении к медицинскому факультету, полагаю, что он не иначе как в полном своем составе должен приступить к обсуждению этого вопроса»,⁶⁵⁹ из-за чрезвычайной необходимости в женщинах-врачах, которая по мнению А.О. Армфельда существовала в стране. На вопрос о том, можно ли допускать женщин к систематическому слушанию университетских курсов, А.О. Армфельд также ответил положительно, с условием, что желающие женщины «...должны предварительно выдержать полный вступительный экзамен, без малейшего послабления тех требований, которым обязаны удовлетворять воспитанники высшего класса гимназий».⁶⁶⁰ На вопрос, о возможности получения женщинами ученых степеней А.О. Армфельд ответил также четко и без малейшего колебания: «...лица женского пола, удостоенные докторского, магистерского или кандидатского диплома, или, наконец, такого, который равнял бы их с действительными студентами, должны пользоваться соответствующими этим степеням правами: читать публичные лекции, преподавать в публичных и частных учебных заведениях, заниматься медицинской практикою или адвокатурою, выходить из податного состояния и т[ак] д[алее]. Будут ли они принимаемы в

⁶⁵⁸ Там же. Л. 4 об.

⁶⁵⁹ Там же. Л. 8, 8 об.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 8 об.; 9.

коронную службу на такие места, которые долго занимались исключительно лицами мужского пола, и с какими модификациями служебных прав, – это, разумеется, будет зависеть от благоусмотрения высшего начальства».⁶⁶¹

Отвечая на поставленные вопросы подобным образом, особенно на вопрос о возможности получения женщинами научных степеней, А.О. Армфельд предвидел, что коллеги ответят ему вопросом на вопрос: а найдется ли достаточное число женщин, во-первых, желающих подобного, а во-вторых, достаточно для этого подготовленных? На этот поставленный самим себе, но от имени своих оппонентов вопрос, А.М. Армфельд ответил следующее: не имеет значение, найдутся ли подобные женщины, сколько, и когда, главное правление училищ, спрашивало профессоров о «...принципе, а не об объеме его приложения в настоящую минуту. Как велик будет этот объем, – пишет О.А. Армфельд далее, – покажет время; кто решится определить и предсказать его заранее?»⁶⁶² Но по его мнению, уже то, что подобный вопрос поставлен на обсуждение, является примечательным фактом, потому что «...немного, весьма немного лет тому назад, десять подобных прошений (имеется ввиду прошение женщины о сдаче экзаменов об окончании университетского курса, которое послужило толчком для дискуссии. – О.В.) не встретили бы ничего, кроме официального отказа и нескольких неофициальных шуточек и острот, которые в то время считались очень забавными».⁶⁶³ Но ситуация изменилась, время изменилось, университет не может себе позволить отстать. Именно поэтому, О.А. Армфельд считал необходимым представить на рассмотрение совета университета следующие вопросы: «1) Можно ли допустить, что женщине, точно так же как мужчине, дозволено желать и искать специального факультетского образования, ученых степеней и сопряженных с ними прав? И если можно, то 2) Не будет ли достойным нашего совета делом взять на себя инициативу в приискании

⁶⁶¹ Там же. Л. 9.

⁶⁶² Там же. Л. 10.

⁶⁶³ Там же. Л. 10 об.

средств к удовлетворению этого законного желания? 3) Не будет ли полезно объявить о приискании всех для факультетского образования женщин средствах заблаговременно, т[о] е[сть] за год или за два до приведения их действие, дабы желающие воспользоваться ими могли надлежащим образом приготовиться к своим специальным научным занятиям? И наконец, 4) если тот или другой факультет приищет эти средства ранее прочих, не может ли он представить своих соображений о приведении их в действие, не дожидаясь решения остальных факультетов?»⁶⁶⁴

Неудивительно, что современник назвал А.О. Армфельда человеком с «умом ясным и скоро обнимающим предметы»; его взгляды по вопросу о равном праве людей на образование, на удовлетворение своих интеллектуальных потребностей, на насущные запросы общества значительно опережали взгляды большинства его современников. Его записка и поставленные в ней вопросы, остались без внимания и, насколько нам известно, никогда не обсуждалась на заседании совета Московского университета. Более того, это отношение московской профессуры 60-х гг. XIX в. к вопросу высшего женского образования было хорошо известно в городе. По сведениям известного историка женского образования в России Е. Лихачевой, когда в июле 1868 г., через семь лет, после описанных нами событий, москвички обратились к ректору Московского университета с просьбой ходатайствовать перед правительством о разрешении открыть в Москве высшее женское учебное заведение «просительницы узнали от одного из членов университетского совета, что их просьба останется без ответа».⁶⁶⁵ На основании этих данных Е. Лихачева предположила, что: «Может быть потому что, что просительницы не надеялись на согласие профессоров Московского университета читать им публичные курсы, они отказались от университетских курсов и обратились к директору второй мужской

⁶⁶⁴ Там же. Л. 11 об.

⁶⁶⁵ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. Т. IV. СПб., 1901. С. 515.

гимназии...»⁶⁶⁶

Итак, еще в 1851 г. Г.Е. Щуровский потерпел поражение от своих оппонентов в Московском обществе испытателей природы при попытке реорганизовать работу общества таким образом, чтобы участие в его деятельности и использование результатов этой деятельности стало доступнее для большего количества людей. В 1861 г. А.О. Армфельд потерпел поражение от той же группы людей, при попытке добиться в общем-то того же самого: расширить круг тех, для кого стало бы доступным университетское образование и, при желании, научно-исследовательская работа. Г.Е. Щуровский однако не смирился со своим поражением и не отказался от своих взглядов. Придя к убеждению, что не сможет изменить и реорганизовать МОИП, он организовал новое общество (при поддержке своих единомышленников и, прежде всего, А.П. Богданова), само название которого «Общество любителей...» подчеркивало, что его двери широко открыты для всех желающих. И как еще нагляднее могло продемонстрировать вновь создававшееся ОЛЕАЭ свои принципы, свое стремление привлечь к занятием естественными науками как можно более широкий круг людей, как не пригласив в число членов-основателей молодую женщину? Особенно если учесть, что общество создавалось в обстановке враждебности. Биограф Г.Е. Щуровского Борис Евгеньевич Райков (1880–1966), известный историк науки середины XX в., писал об этом: «По началу Общество любителей естествознания встретило целый ряд не только материальных, но и моральных препятствий. В кругу старых ученых обо было принято с недоверием, даже с насмешками. Высказывались опасения, что общество, в составе которого было много зеленой молодежи, будет недостаточно солидно в научном отношении, а прием в члены студентов нарушал все академические традиции».⁶⁶⁷ И продолжал далее: «Общество стали обвинять в том, что оно срывает работу уже существующих

⁶⁶⁶ Там же. С. 516.

⁶⁶⁷ Райков Б.Е. Григорий Ефимович Щуровский. Ученый натуралист и просветитель. М.; Л.: Наука, 1965. С. 67.

старых научных центров, распыляя научные силы, ведет себя демагогически по отношению к студентам, прикрывает личные интересы учредителей...».⁶⁶⁸ Действительно коллеги-профессора (во всяком случае некоторая их часть), как это следует из цитированного выше неподписанного письма на имя министра народного просвещения, считали что: «...предполагаемое общество, будучи в основаниях своих тождественным с Обществом испытателей природы, оказывается излишнею роскошью, которая скорее может ослабить пользу уже существующего общества».⁶⁶⁹ И произойдет это потому, что по мнению писавшего: «Число наших ученых естествоиспытателей очень невелико и разделить их деятельность между двумя отдельными обществами едва ли будет полезно».⁶⁷⁰ В этой ситуации женщина – в роли одного из членов-основателей безусловно была вызовом, хотя и молчаливым. Конечно, женщина должна была быть подходящей. И кто лучше подходил для этой роли, чем влюбленная в естественные науки юная дочь А.О. Армфельда Ольга Александровна Армфельд?

Следует отметить, что наше мнение о том, что избрание женщины членом общества служило своего рода общественным вызовом, не является единственным. С.М. Дионесов, например, писал об избрании В.А. Кашеваровой членом Общества русских врачей в С.-Петербурге, состоявшемся 2 октября 1868 года: «Ее избрание явилось, конечно, не столько признанием ее научных заслуг, сколько, вероятно, выражением отношения общественности к “женскому вопросу”»,⁶⁷¹ – приводя в подтверждение своей точки зрения цитату из письма И.М. Сеченова М.А. Боковой от 16 февраля 1868 года: «Рассудите сами, можно ли медицинскому миру яснее

⁶⁶⁸ Там же. С. 67.

⁶⁶⁹ [Письмо министру народного просвещения по поводу организации Общества любителей естествознания при Московском университете]... Л. 11 об.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 11 об.

⁶⁷¹ Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 39.

выказать свое желание, чтобы женщина была допущена к медицинскому образованию?».⁶⁷² Заметив при этом, что судя по дате написания письма, речь могла идти еще только о намерении избрания В.А. Кашеваровой.⁶⁷³

Возвращаясь однако к ОЛЕАЭ. Ольга Александровна Армфельд окончила Николаевский институт в 1864 году с дипломом кандидатки.⁶⁷⁴ Как она писала в различных своих автобиографиях, происходя из состоятельной семьи и не нуждаясь в средствах для жизни, она тем не менее хотела быть полезна, «желая трудиться по убеждению»,⁶⁷⁵ и поэтому давала уроки (истории, французского и немецкого языков, рисования, музыки) и занималась переводами (с английского, немецкого, французского). О.А. Армфельд любила рисовать и продолжала совершенствоваться в этом мастерстве: «Делала некоторые рисунки на заказ, но больше рисовала для собственного усовершенствования, масляными красками, цветы и плоды с натуры и училась рисовать карандашом виды с натуры», – писала она позднее в автобиографии.⁶⁷⁶ Она даже посещала художественные классы, беря уроки у А.К. Саврасова. Впоследствии яркий художественный талант и развитое умение очень пригодились ей во время научных экспедиций, а А.К. Саврасов сделал целую серию литографий Туркестанского края по ее рисункам.

Однако интерес к естественным наукам, возникший у О.А. Армфельд в детские годы, превалировал над всеми остальными ее занятиями и увлечениями. Особенно интерес к ботанике, подогретый тем, что уже самые первые ее работы получили признание специалистов: гербарий флоры Можайского уезда, собранный

⁶⁷² Цит. по: Дионесов С.М. Указ. соч. С. 39–40.

⁶⁷³ Там же. С. 40.

⁶⁷⁴ Биографию О.А. Армфельд см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.

⁶⁷⁵ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 26.

шестнадцатилетней О.А. Армфельд в 1861–1862 гг., оказался настолько хорош, что был включен Н.Н. Кауфманом в его знаменитую «Московскую флору»⁶⁷⁷ – выдающееся достижение для любого начинающего ученого, тем более для не имеющей специального образования девушки. По оценкам современных историков науки, «Московская флора» Н.Н. Кауфмана была одним из наиболее значительных трудов по истории флоры Московской губернии, она как бы подвела итоги предыдущего периода в изучении флоры московского региона и знаменовала собой наступление новой эпохи: «История изучения флоры и растительности Московской области отчетливо распадается на четыре последовательных этапа, причем в качестве отделяющих один период от другого можно принять крупные «Московские флоры», подытоживающие предшествующую работу и служащие отправной точкой для последующих исследований. Таковы флоры И.А. Двигубского, Н.Н. Кауфмана, Д.П. Сырейщикова. Разумеется, такая периодизация, как, впрочем, и всякая другая, условна, но она отражает тот существенный факт, что вплоть до «Московской флоры» Кауфмана (1866) флористическое направление являлось не только определяющим, но по существу единственным в изучении растительного покрова области. [...] «Московская флора» Кауфмана с приложенным к ней «Ботанико-географическим очерком Московской флоры» открывает третий этап в истории исследования флоры и растительности Московской области. Этот этап можно назвать ботанико-географическим...», – пишут авторы очерка истории изучения растительности московского региона.⁶⁷⁸

Объясняя свое намерение создать «Московскую флору», Н.Н. Кауфман писал: «Издание флоры или описания растений московской губернии уже давно составляет существенную потребность нашей ученой литературы. «Флора» Двигубского,

⁶⁷⁷ См.: Кауфман Н.Н. Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866. 709 с.

⁶⁷⁸ Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Флора и растительность Московской области. (История изучения и аннотированная библиография). М., 1972. С. 15.

единственное сочинение, существующее по этому поводу на русском языке, в настоящее время уже очень редко и по давности своего издания (в 1828 году) не может соответствовать вполне современным требованиям науки».⁶⁷⁹ Стремясь восполнить существующий пробел, Н.Н. Кауфман еще в 1855 г. задумал издать руководство для изучения флоры Московской губернии. Тогда же он начал собирать материалы для планируемой работы. «Сначала я думал издать только руководство к определению московских растений, как необходимое пособие для начинающих заниматься ботаникой, – писал он. – Подобный труд не потребовал бы для своего выполнения тех 9-ти с лишком лет, которые употребил я на издание моего сочинения. В этом сочинении я думал достигнуть еще и другую цель, а именно желал собрать все новейшие сведения о московской флоре и ближе ознакомить ученую публику с характером этой флоры».⁶⁸⁰ Для работы профессор использовал как собственные наблюдения и гербарии, так и труды своих предшественников, и коллег. В предисловии Н.Н. Кауфман подробно рассказал о том, какие части его работы основаны на собственных материалах, а какие – нет: «За исключением Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского мне удалось по нескольку раз побывать в каждом из остальных уездов. Для последних двух, и в особенности для Верейского уезда я успел собрать очень интересные данные у других лиц, что же касается до Рузского и Волоколамского уездов, то об них я имею мало сведений»,⁶⁸¹ – к сожалению, это единственное свидетельство того, что он пользовался материалами О.А. Армфельд по Можайскому уезду (поскольку никто другой, насколько известно, в указанный период этим не занимался). Далее Н.Н. Кауфман выражал благодарность тем своим коллегам, которые оказали ему помощь при написании работы, однако имя О.А. Армфельд и здесь не упоминается: «Кроме сочинений моих предшественников и сохранившихся после них коллекций, а также

⁶⁷⁹ Кауфман Н.Н. Указ. соч. [С. 1].

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Там же. С. 9.

и собственного моего гербария, я при составлении моего труда пользовался еще наблюдениями других лиц, которым не могу не выразить за это мою глубокую благодарность. Особенно я обязан Н.И. Анненкову [...], а также А.Н. Пятунникову...».⁶⁸² Тем не менее и сама Ольга Александровна, и ее близкие неоднократно в печати упоминали, что ее ранняя ботаническая коллекция «представила серьезный научный интерес, почему и послужила одним из материалов для известной «Московской флоры» проф. Н.Н. Кауфмана».⁶⁸³ Значительно позднее, в 80-е гг. XIX в. уже будучи сформировавшимся ученым, Ольга Александровна вернулась к исследованию Можайской флоры и опубликовала ряд работ по этой теме. Сын Ольги Александровны, сам крупный ботаник, Борис Алексеевич Федченко писал: «Одним из наиболее важных моментов [жизни Ольги Александровны] является начало 1860-х годов. В это время О[льга] А[лександровна] несмотря на свои молодые годы, уже ведет исследовательскую работу по Московской флоре. Ее материал – в руках проф. Н.Н. Кауфмана, который пишет «Московскую флору» и для Можайского уезда, данные О.А. являются единственными».⁶⁸⁴

Начиная с 1861–1862 гг. О.А. Армфельд регулярно посещала Зоологический музей Московского университета и работала с его коллекциями. Тогда же она познакомилась с группой молодых людей – студентов и недавних выпускников университета, составлявших неформальный кружок А.П. Богданова – прообраз будущего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, среди которых были Н.К. Зенгер, В.Ф. Ошанин, В.Н. Ульянин, ее будущий муж, Алексей Павлович Федченко. Вместе с этими начинающими молодыми учеными (и для них)

⁶⁸² Там же. С. 10.

⁶⁸³ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

⁶⁸⁴ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85.

она проводила ряд исследований (по антропологии, зоологии), помогала им с переводами трудов по естествознанию и ведением иностранной переписки, занималась расстановкой коллекций в Зоологическом музее. Одновременно писала (переводила) небольшие статьи для журнала «Садоводство».

Когда в 1864 г. официально создавалось ОЛЕАЭ, Н.К. Зенгер предложил избрать О.А. Армфельд членом-основателем нового общества, что и было сделано.⁶⁸⁵ Мы не можем утверждать с абсолютной точностью, но с большой долей вероятности можно сказать, что Ольга Александровна стала первой в нашей стране женщиной – полноправным членом естественнонаучного общества. Помимо прочего, ее присутствие среди членов ОЛЕАЭ служило наглядной демонстрацией позиции Общества, противопоставившего себя старейшим, всем без исключения элитарным естественнонаучным обществам, и громко (а если, точнее, то со скандалом) заявившего о том, что будет принимать в свои члены всех желающих заниматься естествознанием.

Через четыре года, после основания, в 1868 г., в состав ОЛЕАЭ входило 190 человек. Из них – 3 женщины, то есть 1,6% от общего состава.⁶⁸⁶ В том числе (Таблица 1):

Таблица 1. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1868 г.)

№	Ф. и. о.	Место проживания	Дата избрания	Статус в ОЛЕАЭ
1.	Федченко, Ольга Александровна	Москва	1864 г.	член-основатель
2.	Фреймут, Елизавета Карловна	Москва	10 февраля 1866 г.	действительный член
3.	Раевская, Анна Михайловна	Москва – С.-Петербург	13 мая 1866 г.	непременный член

⁶⁸⁵ Богданов А.П. Материалы... Л. 26.

⁶⁸⁶ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете. М., 1868. 20 с.

Через шесть лет, к 1874 г., когда был опубликован обновленный список членов ОЛЕАЭ, состав общества увеличился в 2,2 раза – до 422 человек. Количество женщин, состоявших в обществе, также увеличилось, – на два человека. Таким образом, в 1874 г. в состав ОЛЕАЭ входило 5 женщин, что составляло 1,2% от общего числа членов общества (Таблица 2).⁶⁸⁷

Таблица 2. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1874 г.)

№	Ф. и. о.	Место проживания	Дата избрания	Статус в ОЛЕАЭ
1.	Федченко, Ольга Александровна	Москва	1864 г.	член-основатель
2.	Раевская Анна Михайловна	С.-Петербург	13 мая 1866 г.	непременный член
3.	Баснина, Аполлинария Христофоровна	Иркутск	12 сентября 1869 г.	действительный член
4.	Фреймут, Елизавета Карловна	Москва	22 апреля 1870 г.	непременный член
5.	Богданова Елена Васильевна	Москва	23 марта 1874 г.	непременный член

За шесть лет несмотря на незначительное численное увеличение женщин-членов ОЛЕАЭ их процент от общего количества членов общества не только не увеличился, но, наоборот, уменьшился. В целом же, за 10 лет существования ОЛЕАЭ, с 1864 по 1874 гг., в его состав было избрано 5 женщин.

Первой после О.А. Армфельд в члены ОЛЕАЭ была избрана Елизавета Карловна Фреймут (? – 1890).⁶⁸⁸ На заседании ОЛЕАЭ 10 февраля 1866 г. группа членов общества, в том числе А.П. Федченко, В.Ф. Ошанин, Н.К. Зенгер и др. предложили к избранию в «члены-кандидаты Общества любителей естествознания

⁶⁸⁷ Устав и список членов Императорского общества любителей естествознания и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1874. 32 с.

⁶⁸⁸ О Е.К. Фреймут см.: Валькова О.А. Елизавета Карловна Фреймут (Кандинская): заметки к биографии // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2011. М., 2011. С. 134–137; Она же. Премия ее памяти. К биографии Е.К. Фреймут-Кандинской // Природа. 2012. № 4. С. 91–95.

Елизавету Карловну Фреймут»,⁶⁸⁹ обосновав свое предложение следующим образом: «Богатая и разнообразная коллекция насекомых, составленная [госпожою] Фреймут в течение прошлого лета и пожертвованная обществу, столь интересна по множеству мелких насекомых, прекрасно сохранным и тщательно препарированным экземплярам, что, надеемся, дает нам полные основания сделать это предложение. Дальнейшие занятия [госпожи] Фреймут по энтомологии, мы уверены, дадут ей право и на звание действительного члена Общества любителей естествознания».⁶⁹⁰

О происхождении, воспитании, образовании Е.К. Фреймут известно очень немного. Она – одна из первых в нашей стране женщин-энтомологов, опубликовавших научные труды в этой области, одна из организаторов и в течение нескольких лет единственная распорядительница первого в Москве специального естественнонаучного учебного заведения для женщин – Лубянских женских курсов;⁶⁹¹ после замужества – ассистентка своего супруга, всемирно-известного врача-психиатра Виктора Хрисановича Кандинского (1849–1889), затем его медсестра, сиделка, наконец, посмертный публикатор его научных трудов. И вместе с тем, почти единственное, что смог написать о ней очень добросовестный и основательный биограф ее супруга В.Х. Кандинского, Леон Лазаревич Рохлин (1903–1984) это: «О его (Кандинского. – О.В.) семейной жизни и быте известно очень мало».⁶⁹² Пожалуй, немногие достоверные сведения о Е.К. Фреймут-Кандинской Л.Л. Рохлину удалось извлечь из послужного списка ее мужа: «...имеются некоторые формальные данные в послужном списке Кандинского в

⁶⁸⁹ [Рекомендация к избранию в члены-кандидаты ОЛЕАЭ]. 10 февраля 1866 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 33.

⁶⁹¹ Об этом см.: Фреймут Е. К. Письмо к В.С. Некрасовой. Б. д. // Отдел Рукописей РГБ. Ф. 196 К. 22. Д. 13. Л. 4; Некрасова Е.С. Первые женские курсы в Москве, известные под именем Лубянских // Отечественные записки. 1880. Т. ССLI. С. 22.

⁶⁹² Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х.Кандинского (1849–1889 гг.). М.: Медицина, 1975. С. 137.

период пребывания на военной службе, – писал он. – В этом списке, составленном дополнительно к 1 января 1879 года, имеется короткая запись: ‘Женат на Елизавете Фреймут, дочери провизора 1878 года, сентября 1-го. Детей не имеет. Жена вероисповедания лютеранского’». ⁶⁹³ Архив Е.К. Фреймут-Кандинской не сохранился. Нам удалось обнаружить всего одно письмо к ней и две записки, написанные ее рукой. Дата и место рождения Елизаветы Карловны остаются не установленными. Предположительно, она родилась в середине – конце 40-х гг. XIX в. Ничего неизвестно о ее семье. Мы не знаем также, какое образование и воспитание она получила, когда возник ее интерес к естествознанию, при каких обстоятельствах она приобрела навыки, необходимые опытному энтомологу, каким она, безусловно, являлась. Наиболее ранее по времени, публичное упоминание имени Е.К. Фреймут относится к 10 февраля 1866 г., когда ее предложили к избранию в члены ОЛЕАЭ.

Исторические источники содержат намек на то, что избрание Е.К. Фреймут в состав ОЛЕАЭ, даже несмотря на то, что О.А. Армфельд являлась одним из членом-основателей, проходило не совсем гладко. Так, 10 февраля 1866 г., в день, когда к избранию в действительные члены ОЛЕАЭ была предложена кандидатура Елизаветы Карловны Фреймут, Совет ОЛЕАЭ обратился к членам общества со специальным «Мнением», касавшимся, правда, не только Е.К. Фреймут, но и всех, предложенных к избранию в тот день. И не только обратился устно, но и счел необходимым зафиксировать это обращение письменно, включая подписи президента ОЛЕАЭ Г.Е. Щуровского и членов совета ОЛЕАЭ, в том числе А.П. Богданова: «Так как пп. 27 “Сборника постановлений”⁶⁹⁴ требует от совета (совета ОЛЕАЭ. – О.В.) подробного изложения прав кандидатов на звание действительного члена, то совет считает долгом заявить обществу, что предложенные им члены-

⁶⁹³ Там же. С. 138.

⁶⁹⁴ Из контекста не до конца понятно, на какой именно документ дается ссылка. – О.В.

кандидаты принадлежат к самым усердным деятелям на пользу Общества».⁶⁹⁵ Добавив далее, что «Фреймут Елизавета Карловна – один из самых деятельных членов постоянной энтомологической комиссии», и что «Баллотировка сих лиц будет справедливою оценкою их почтенных услуг».⁶⁹⁶ Авторитет Г.Е. Щуровского в ОЛЕАЭ был непререкаемым, и избрание Е.К. Фреймут состоялось.

В дальнейшем, общество подходило к избранию своих членов-женщин также тщательно и внимательно, можно сказать, осторожно. 23 марта 1874 года была предложена к избранию в члены общества Елена Васильевна Богданова,⁶⁹⁷ супруга одного из основателей ОЛЕАЭ, члена его совета и в целом, одного из наиболее активных деятелей, Анатолия Петровича Богданова.⁶⁹⁸ Из протокола 73 заседания ОЛЕАЭ 1874 года хорошо видно, что Е.В. Богданова была постоянной помощницей своего супруга, участвуя во всех делах общества: «Елена Васильевна Богданова всегда принимала участие в деятельности Общества и начиная с того времени, когда вскоре после основания Общества несколько членов приступили к изучению энтомологической фауны губерний Московского учебного округа, помогала составлению коллекций зоологического музея; во время Этнографической выставки и после нее Е.В. Богданова много трудилась по снятию рисунков краниологической университетской коллекции и затем, когда шли работы по приготовлению Политехнической выставки, была постоянной участницей в занятиях по составлению и приведению в порядок различных собраний».⁶⁹⁹ Тем не менее, несмотря на

⁶⁹⁵ Мнение Совета ОЛЕАЭ по поводу избрания новых членов. [Не позднее 10 февраля 1866 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

⁶⁹⁶ Там же. Л. 40 об.

⁶⁹⁷ Семьдесят третье заседание Общества любителей естествознания. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 151 об.

⁶⁹⁸ О Е.В. Богдановой см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 143–144.

⁶⁹⁹ Семьдесят третье заседание Общества любителей естествознания. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12.. Л. 151 об.; 152.

подобные заслуги предложение об избрание в члены общества было выдвинуто только в 1874 г. – через семь лет после проведения Этнографической выставки (1867 г.) и через два года после проведения Политехнической (1872 г.). Правда, как отмечено в протоколе заседания «По желанию присутствующих членов было постановлено подвергнуть в настоящем заседании баллотировке предложение Елисаветы (здесь описка. – О.В.) Васильевны Богдановой в звание неперменного члена»,⁷⁰⁰ – то есть миновать стадию «действительного члена», получив сразу более высокий статус «неперменного члена». Предложение приняли, и «по состоявшейся баллотировке» Богданова Елена Васильевна была избрана в «неперменные члены общества»⁷⁰¹ и избрана, как уточняет черновик протокола заседания, единогласно.⁷⁰²

Что давало женщинам членство в ОЛЕАЭ? Прежде всего, они получали полное законное право присутствовать на заседаниях общества, где могли становиться свидетельницами и участницами научных выступлений, дискуссий, обсуждения планов, направленных на развитие дальнейшей деятельности общества. И как следует из протоколов заседаний ОЛЕАЭ и О.А. Армфельд (Федченко), и Е.К. Фреймут это право использовали.⁷⁰³

Официальное вступление в члены ОЛЕАЭ позволило женщинам не только присутствовать на заседаниях, но представлять результаты своих исследований на рассмотрение научного сообщества, выступая с докладами, сообщениями,

⁷⁰⁰ Там же. Л. 152.

⁷⁰¹ Там же. Л. 172.

⁷⁰² [Черновик протокола семьдесят третьего заседания Общества любителей естествознания]. 23 марта 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 65 об.; см. также: Избирательный листок на заседание марта 23 дня 1874 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9. Л. 66 об.; 67 об.

⁷⁰³ См. например: Седьмое годовичное заседание общества 17-го Октября 1870 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 174; Соединенное годовичное заседание Общества любителей естествознания и высочайше учрежденного Комитета по устройству Музея прикладных знаний 30-го ноября 1873 года // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 112 об.; Семьдесят второе заседание Общества Любителей Естествознания 27 января 1874 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 75 и др.

рефератами на заседаниях общества. Одно из самых первых таких выступлений (с большой долей вероятности – самое первое официально запротоколированное выступление женщины на заседании ОЛЕАЭ) состоялось 8 октября 1866 года, когда в заседании антропологического отдела ОЛЕАЭ было заслушано «Донесение н[епременного] ч[лена] о[бщества] А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной».⁷⁰⁴ Из сохранившихся документов не очень понятно, присутствовала ли на заседании сама Анна Михайловна Раевская (1820–1883) или ее «донесение» было зачитано кем-то из участников заседания. Однако в любом случае, результаты научных исследований женщины были представлены и обсуждались в заседании. Раскопки захоронений проводились в июле 1866 г. в урочище Черном, расположенном в четырех с небольшим километрах от деревни Усть-Рудица в сторону Петергофа Петергофского уезда С.-Петербургской губернии, на территории, пожалованной императрицей Елизаветой Петровной М.В. Ломоносову, и ко времени раскопок находившейся во владении правнучки М.В. Ломономова Екатерины Николаевны Орловой, урожденной Раевской. В «Донесении» подробно описывалось географическое расположение захоронений; состав почв в районе захоронения; сохранность, позы раскопанных тел и частей; а также проведенные опросы местных жителей, касавшиеся истории захоронения и первых известных сведений о нем.

Ко времени заседания ОЛЕАЭ было раскопано восемь скелетов, располагавшиеся в отдельных или в общих могилах, причем исследовательница отмечала, что по крайней мере один из них, был захоронен позднее остальных. В «Донесении» подробно описан каждый, а также вещи, извлеченные из захоронений, в том числе бронзовые и проволочные мелкие украшения (серьги, браслеты), глиняная или каменная бусина, обломки железных ножей, гвоздей, черепки

⁷⁰⁴ 1566. Донесение неперменного члена общества А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Архив Раевских / Под ред. Б.Л. Модзалевского. Т. V. Пг., 1915. С. 705. Об А.М. Раевской см.: Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 139–140.

глиняных сосудов, а также серебряная монета, предположительно, периода великого князя Иоанна Васильевича III-го и др.⁷⁰⁵

Присутствовавший на заседании Дмитрий Петрович Солнцев (1803–1875), один из членов-основателей Московского археологического общества, коллекционер древностей выступил со своим «мнением» по поводу «Донесения» Е.М. Раевской. Д.П. Солнцев особенно подчеркнул значение находок из первого захоронения: «...в археологическом отношении замечательны открытые при 1-м основе бронзовые вещи: браслеты из витой проволоки, по отделке своей, уже не грубой и даже с попыткой к изяществу, должны принадлежать к лучшему времени бронзовых изделий в украшениях и уборах женщин».⁷⁰⁶ Сравнив данные находки с известными и датированными образцами, Д.П. Солнцев предположил, что предметы из первого захоронения можно датировать «к переходному времени от бронзы к железу, когда еще оставались в употреблении бронзовые изделия для нарядов, но были уже вытеснены железом как более практичным для орудий: войны, орудий и домашнего обихода».⁷⁰⁷ Комментируя находку глиняных черепков, на основании их внешнего вида и, прежде всего, отсутствия орнаментов и других украшений, Д.П. Солнцев предположил, что они «показывают первые грубые приемы керамики в нашей местности и подтверждают время языческое раскопанных могил», поскольку «в христианстве остатки людские не были сопровождаемы в их последний приют домашнею утварью».⁷⁰⁸ В общем и целом, Д.П. Солнцев сделал вывод о том, что «По остаткам угля, отломков горшков, по старости деревьев, растущих в местности раскопок, совокупности в могилах вещей бронзы и железа, – все позволяет относить их к доисторическим нашим древностям»,⁷⁰⁹ несмотря на находку монеты XV в. в

⁷⁰⁵ Там же. С. 705–708.

⁷⁰⁶ Там же. С. 709.

⁷⁰⁷ Там же.

⁷⁰⁸ Там же. С. 709–710.

⁷⁰⁹ Там же. С. 710.

последнем захоронении, которое могло быть сделано значительно позднее. Подобный пространный комментарий свидетельствует о том, что «Донесение» было выслушано с вниманием и рассматривалось участниками заседания совершенно серьезно. Подобная возможность, возможность выступить в научном собрании и быть услышанной, являлась очень ценной для женщин – членов общества. Однако участие женщин в деятельности ОЛЕАЭ не ограничивалось участием в заседаниях ОЛЕАЭ и возможностью выступления на его заседаниях.

Из приведенных выше документов, характеризующих научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность Е.К. Фреймут и Е.В. Богдановой, отчасти видно, какие формы помимо участия в заседаниях общества принимало сотрудничество женщин с ОЛЕАЭ. Как уже упоминалось, Е.К. Фреймут являлась членом Энтомологической комиссии ОЛЕАЭ. А.П. Богданов писал о работе этой комиссии в 1867 г., следующем году после избрания Е.К. Фреймут в состав общества: «Энтомологическая комиссия сдавала в музей все ею собранное, и самые значительные коллекции насекомых были доставлены в нынешнем году членом комиссии Е.К. Фреймут, председателем комиссии А.П. Федченко, С.Н. Никитиным, Н.Н. Надежиным и г. Аристарховым. Развитие деятельности комиссии дает надежду, что с каждым годом будет усиливаться все более и более та польза, которую приносит она университетскому собранию. Ее трудами определяются и приводятся в порядок коллекции; благодаря ее стараниям, устанавливаются правильные сношения с заграничными энтомологами...».⁷¹⁰ Таким образом, основная деятельность Е.К. Фреймут в этот период была сосредоточена на составлении энтомологических коллекций насекомых, обитавших на территории Московского учебного округа, которые она затем передавала в распоряжение ОБЛЕАЭ (а, следовательно, Московского университета), а также на обработке и описании

⁷¹⁰ Богданов А.П. Летопись зоологических трудов общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). М., 1888. Т. 1: Фаунистические работы общества (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды Зоологического отделения Общества. Т. II.). С. 9.

энтомологических коллекций Зоологического музея Московского университета.

В 1869 г., по результатам этой работы, она подготовила к публикации в новом, только что созданном издании ОЛЕАЭ «Зоологический музей Императорского Московского университета» «Первый отдел списка Перепончатокрылых» из коллекций названного музея.⁷¹¹ В своем историческом обзоре, посвященном 25-летию деятельности ОЛЕАЭ А.П. Богданов счел необходимым полностью переиздать эту работу Е.К. Фреймут по следующим причинам: «Список Травоядных Перепончатокрылых (Phytophaga) Московского учебного округа был обработан Елизаветою Карловною Фреймут и помещен в пробном выпуске проектированного обществом издания “Зоологический музей Московского университета» в 1869 г.» Так как выпуск этот вышел на правах рукописи и в весьма ограниченном числе экземпляров, то мы считаем полезным привести здесь вновь вполне список [госпожи] Фреймут». ⁷¹² Е.К. Фреймут продолжала экскурсионную деятельность и в дальнейшем. Так, в 1871 г., по сообщению А.П. Богданова: «В ближайшем районе естественноисторической деятельности общества, в пределах Московского учебного округа, производились экскурсии, по поручению общества, Елизаветою Карловной Фреймут и были посвящены преимущественно изучению фауны перепончатокрылых насекомых». ⁷¹³

Точно также Е.В. Богданова, помимо участия в работе по организации выставок, проводившихся ОЛЕАЭ, в 1874 г. «доставила обществу обширную и отлично приготовленную коллекцию, более 1000 препаратов, Виллафранкских радиолярий и корненожек». ⁷¹⁴

Жительница Иркутска, избранная действительным членом ОЛЕАЭ 12 сентября 1869 г., Аполинария Христофоровна Басина (1847–1876), урожденная Кандинская,

⁷¹¹ Там же. С. 38.

⁷¹² Там же. С. 120.

⁷¹³ Там же. С. 38.

⁷¹⁴ Там же. С. 48.

также как и ее московские коллеги собирала энтомологические коллекции своего региона и передавала их в дар обществу. Занимаясь этим самостоятельно или вместе со своим супругом Иваном Васильевичем Басиным (1835–1916), также членом ОЛЕАЭ. В цитируемой выше юбилейной работе А.П. Богданов периодически упоминает: «Мак-Лахлан описал в “Известиях общества” некоторые формы Сибирских Сетчатокрылых, собранных А.Х. Басиной...» (1872 г.);⁷¹⁵ «Пожертвование обществу богатой сибирской коллекции членами общества А.Х. и И.В. Басиными послужило предметом двух работ, [во-первых], В.Ф. Ошанина о сибирских Полужесткокрылых и 2) Э.Э. Баллиона по Иркутским жукам»;⁷¹⁶ «Список Иркутских Coleoptera, собранных А.Х. Басиной, обработан Э.Э. Баллионом, давшим в нем, перечисление [...] родов и видов...» (1870 г.).⁷¹⁷

В работе по сбору естественнонаучных коллекций принимали участие не только женщины, являвшиеся официальными членами ОЛЕАЭ. Так, описывая зоологические коллекции, собранные членами общества в период с 1863 по 1866 гг., А.П. Богданов замечает: «...равно как и некоторые посторонние лица, как [господа] Умов, Кронеберг, [*госпожи*] *Кандинские*⁷¹⁸ и г[осподин] Надежин – доставили значительные собрания насекомых из различных местностей Московского учебного округа».⁷¹⁹

Таким образом женщины, активно участвовали в пополнении естественнонаучных коллекций ОЛЕАЭ, а также в отдельных случаях в их обработке и опубликовании. Это занятие может показаться на первый взгляд рутинным и не особенно важным с научной точки зрения, но именно оно было прописано в уставных документах ОЛЕАЭ в качестве приоритетного направления

⁷¹⁵ Там же. С. 324.

⁷¹⁶ Там же. С. 325.

⁷¹⁷ Там же. С. 332.

⁷¹⁸ Курсив наш. – О.В.

⁷¹⁹ Там же. С. 4.

его деятельности. Как уже упоминалось выше § 1 устава ОЛЕАЭ гласил, что общество создается: «для естественноисторических, антропологических и этнографических исследований в России и преимущественно в губерниях Московского учебного округа...»,⁷²⁰ а в 60-х гг. XIX в. изучение какой-либо территории в естественнонаучном отношении состояло прежде всего в сборе зоологических, ботанических, геологических и других коллекций; их разбор, определение принадлежности к тем или иным видам и родам, систематизацию и, наконец, публикацию. Специально о значении энтомологических коллекций ОЛЕАЭ для учебного процесса А.П. Богданов писал следующее: «...весьма понятно, что в первые годы, когда нужно было впервые вводить у нас в университете систематические занятия и определение насекомых и, так сказать, подготавливаться к этой специальности, не могли дать иного результата кроме того, что собранные нами коллекции имеют интерес по возможности местного собрания. Мы стремились придать им еще большее значение тем, что не ограничивались только собиранием насекомых, но и делали наблюдения над ними. Мы наблюдали местообитание их, время полета, кладку яиц и другие периодические явления. В этом отношении мы имели уже удовольствие сообщить некоторые данные, собранные нами о периодичности, тем специалистам, которые пожелали их иметь».⁷²¹ Таким образом, в 60-е – первой половине 70-х гг. XIX в. коллекторская деятельность женщин находилась в русле основных научно-исследовательских работ ОЛЕАЭ.

Помимо включения женщин в текущие научно-исследовательские проекты, ОЛЕАЭ предоставило женщинам – членам общества публиковать результаты своих научных работ, как выступая с научными докладами на заседаниях общества, так и размещая их в печатных изданиях ОЛЕАЭ. Выше мы упомянули публикацию 1869 г.

⁷²⁰ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском московском университете. М., 1868. С. [3].

⁷²¹ Богданов А.П. Летопись зоологических трудов общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 4.

исследования Е.К. Фреймут: «Первый отдел списка Перепончатокрылых»» из коллекции Зоологического музея Московского университета. Предположительно, что это была первая публикация научной работы женщины в трудах ОЛЕАЭ. Описывая зоологические труды общества за 1870 г., А.П. Богданов отмечал: «Е.К. Фреймут представила описание *Pompilux dimorpha* и некоторых новых видов пилильщиков (Tenthredinidae) Туркестанского края. И.И. Мечников сообщил обществу свои замечательные исследования над строением и историей развития сифонофор и медуз, произведенные им вместе с Л.И. Мечниковой».⁷²² Видимо издатели допустили здесь опечатку: не «Л.И. Мечникова», а «Л.В. Мечникова» – Людмила Васильевна Мечникова, урожденная Федорович (1845 – 1873), племянница (родственница) А.Н. Бекетова, первая жена И.И. Мечникова с которой тот познакомился в доме Бекетовых в С.-Петербурге, и на которой женился в январе 1869 г.⁷²³

О Л.В. Мечниковой известно очень немного. Ее архив, по-видимому, не сохранился. Упоминания о ней в письмах И.И. Мечникова очень редки и лаконичны.⁷²⁴ Биограф И.И. Мечникова и его вторая супруга О.Н. Мечникова приводит в биографической работе о И.И. Мечникове пространную выписку из письма И.И. Мечникова матери о своей первой невесте, оригинал которого не сохранился. И.И. Мечников пишет: «Ей почти столько же лет, как и мне, т[о] е[сть] 23 с лишним года. Родилась она в Оренбурге, потом долго жила в Кяхте, затем она года два жила за границей и, наконец, поселилась в Москве».⁷²⁵ Современные биографы И.И. Мечникова пишут о его первой супруге только, что к моменту

⁷²² Там же. С. 48.

⁷²³ Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 232.

⁷²⁴ См., например: Мечников И.И. Письмо А.О. Ковалевскому. 6 августа 1871 г. // Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.) М.: Наука, 1974. С. 83; Мечников И.И. Письмо А.О. Ковалевскому. 16/4 ноября 1871 г. // Там же. С. 84 и др.

⁷²⁵ Цит. по.: Мечникова О.Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л.: Гос. издат., 1926. С. 54.

свадьбы она уже была тяжело больна туберкулезом и что все годы недолгого брака И.И. Мечников предпринимал попытки ее вылечить.⁷²⁶ В свою очередь, рассказывая о жизни И.И. Мечникова в Специи в 1869 г., О.Н. Мечникова отмечала: «Людмила Васильевна хорошо рисовала и помогала ему (И.И. Мечникову. – О.В.) делать рисунки к его таблицам. Постепенно она заинтересовалась работой и стала принимать в ней активное участие. Оба были счастливы, довольны, и пребывание в Специи было настоящим оазисом в их жизни».⁷²⁷ О поездке четы Мечниковых в Сан-Ремо и Виллафранку О.Н. Мечникова пишет следующее: «Людмила Васильевна значительно поправилась и могла даже принимать участие в его (И.И. Мечникова. – О.В.) занятиях. Он тогда исследовал ктенофор, медуз и сифонофор; животные эти интересовали его не только с точки зрения происхождения зародышевых пластов, присутствие которых ему уже удалось доказать у многих низших групп, но также и с точки зрения вопросов общей морфологии органов».⁷²⁸ В настоящее время у нас нет источников, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть информацию О.Н. Мечниковой или расширить и уточнить ее. Нам ничего неизвестно о полученном Л.В. Мечниковой образовании, о ее интересах до замужества. Очень краткое описание О.Н. Мечниковой предполагает, что Л.В. Мечникова старалась помогать мужу в его исследованиях, когда ей позволяло здоровье и не более того. Тем не менее реферат об этих исследованиях, сделанный И.И. Мечниковым в ОЛЕАЭ, был сделан, как мы видели выше, от имени их обоих. Более того, описывая наиболее значимые работы ОЛЕАЭ за 1871 г., А.П. Богданов еще раз подчеркнул: «Труд И.И. и Л.В. Мечниковых о сифонофорах и медузах и работа А.П. Федченко над историей развития и анатомией ришты (*Filaria medinensis*), опасного паразита человека, все эти замечательные труды изданы с пояснительными рисунками,

⁷²⁶ Об этом см.: Гайсинович А.Е. Хроника жизни и творчества И.И. Мечникова // Мечников И.И. Письма к О.Н. Мечниковой. 1876–1899. М.: Наука, 1978. С. 4–6.

⁷²⁷ Мечникова О.Н. Указ. соч. С. 56.

⁷²⁸ Там же. С. 57.

вошедшими в состав последнего тома «Известий»».⁷²⁹ Действительно, совместная работа И.И. и Л.В. Мечниковых была опубликована в «Известиях ОЛЕАЭ» в 1871 г. под названием «Материалы к познанию сифонофор и медуз»,⁷³⁰ причем каждый из авторов отвечал за свою часть значительной по объему работы: И.И. Мечников – за сифонофор и Л.В. Мечникова – за медуз, о чем А.П. Богданов, занимавшийся изданием не мог не знать. Сохранилось несколько писем И.И. Мечникова к А.П. Богданову за 1870 год по поводу публикации статьи, пересылки корректур и исправления различных оплошностей, первое из которых датировано 6-м октября 1870 г., а последнее – 25/13 января 1871 г.⁷³¹ Из них видно, что И.И. Мечников сам занимался вопросами издания статьи, сам читал и правил корректуры. Имя Л.В. Мечниковой в этой переписке не упоминается ни разу, даже формального приветствия от нее И.И. Мечников не передает. Тем не менее, содержание письма от 18 ноября 1870 г., отправленного И.И. Мечниковым из Одессы, видно, что у Л.В. Мечниковой по крайней мере была возможность ознакомления с корректурой: «Я давно уже отослал корректуру сифонофор, – пишет И.И. Мечников. – Теперь бы мне очень хотелось получить корректуру медуз. Быдьте столь добры, распорядитесь, чтобы выслали мне по адресу: Montreux (Canton de Vaud, Suisse), pension petit Vautier. Я еду туда на днях и пробуду там доя января».⁷³² Именно в этом месте, по сведениям комментаторов, в этот период проживала Л.В. Мечникова.⁷³³

⁷²⁹ Богданов А.П. Летопись зоологических трудов общества в первое двадцатипятилетие его существования... С. 36.

⁷³⁰ Мечников И.И., Мечникова Л.В. Материалы к познанию сифонофор и медуз // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. VIII. Вып. 1. С. 295–370.

⁷³¹ Мечников И.И. Письмо А.П. Богданову. 6 октября 1870 г. // Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 79–79; Мечников И.И. Письмо А.П. Богданову. 18 ноября 1870 г. // Там же. С. 79; Мечников И.И. Письмо А.П. Богданову. 25/13 января 1871 г. // Там же. С. 79–80.

⁷³² Мечников И.И. Письмо А.П. Богданову. 18 ноября 1870 г. // Там же. С. 79.

⁷³³ Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. С. 238.

В разделе своего юбилейного труда, посвященном «Анатомическим и эмбриологическим работам Общества», А.П. Богданов очень подробно анализирует статью Мечниковых, опять-таки ничуть не сомневаясь, что часть работы, посвященная исследованию медуз, была выполнена непосредственно Л.В. Мечниковой. Для начала он дает следующую оценку: «Относительно Coelenterata издания Общества заключают в себе несколько весьма важных работ, принадлежащих И.И. Мечникову, Л.В. Мечниковой, А.О. Ковалевскому, В.Н. Ульянину, А.А. Коротневу и А.А. Тихомирову», – называя имя Л.В. Мечниковой как равной в ряду известных и, даже выдающихся, зоологов своего времени.⁷³⁴ И продолжает далее: «Труд Мечниковых явился в 1872 году⁷³⁵ под заглавием “Материалы к познанию сифонофор и медуз”. Богатая содержанием и выдающаяся по руководящей мысли работа эта представляет в главных чертах следующее содержание: 1. Сифонофоры. И.И. Мечникова. [...] Медузы были исследуемы Л.И. Мечниковой».⁷³⁶ Анализ части статьи, написанной Л.В. Мечниковой, занимает у А.П. Богданова около шести страниц. Содержание статьи выявляет у писавшего ее автора несомненное естественнонаучное образование, знание латинской терминологии, знакомство с литературой по предмету. Текст статьи предполагает, что отлов экземпляров медуз и наблюдения над ними проводились в 1869–1870 гг. В статье описываются наиболее интересные, редкие и новые образцы, но также исследуются особенности их анатомического строения, жизнедеятельности. Так, например, описав формы семейства Sarsiadae, Л.В. Мечникова высказывает, по словам А.П. Богданова, «следующую гипотезу: медузные почки гидроидной колонии превращаются в бесполовое поколение, которое производит посредственно или

⁷³⁴ Богданов А.П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888) Т. 2: Анатомические и эмбриологические работы Общества. М., 1890. (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды зоологического отделения Общества. Т. VII). С. 3.

⁷³⁵ Так в тексте. – О.В.

⁷³⁶ Там же. С. 3; 12.

непосредственно молодых медуз, теряющих (или вовсе не имевших) способность размножаться почками и составляющих половое поколение».⁷³⁷ Анализируя анатомическое строение различных видов медуз, Л.В. Мечникова вносила уточнения в их систематизацию. Например, А.П. Богданов считал необходимым остановиться на следующих выводах Л.В. Мечниковой: «Некоторые медузы, причисляемые обыкновенно к роду *Cunina*, оказываются весьма отличными от первых по многим особенностям анатомического устройства. К числу таких медуз принадлежит, например, *Cunina albescens*. У нее не существует тех местных утолщений кожи (так [называемых] *Mantelspangen*), которые весьма характерны для *Cunina rhododactyla*, *proboscidea* и *striata*; краевые тельцы ее, имеющие только по одному отолиту, резко отличаются от краевых телец *C. proboscidea* и *striata*. Эти отличия настоячо важны, что зная их, невозможно далее оставлять в одном роде столь разнородные формы, как например, *Cunins proboscidea* и *albescens*».⁷³⁸ На этом основании, – продолжает А.П. Богданов, – Мечникова предлагает сохранить название *Cunina* для форм, имеющих лучевые и кольцевой каналы, кожные утолщения (*Mantelspangen*) и краевые тельца с несколькими отолитами. Для таких же форм, которые этих частей не имеют, она предлагает употреблять старинное название *Polyxenia*, данное еще Эшольцом».⁷³⁹ Этот текст, содержащиеся в нем наблюдения и выводы не похож на ученическую работу человека только что увлекшегося занятиями свое молодого мужа.

Совместная статья Мечниковых – первая научная работа за подписью женщины, опубликованная в «Известиях ОЛЕАЭ». В 1876 г. в «Известиях ОЛЕАЭ» было опубликовано «Донесение неперменного члена общества А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной» вместе с «мнением Д.П. Солнцева» по данному

⁷³⁷ Там же. С. 13.

⁷³⁸ Там же. С. 17–18.

⁷³⁹ Там же. С. 18.

вопросу.⁷⁴⁰ И это великое для ученого, тем более ученого молодого, преимущество – возможность бесплатно публиковать результаты своих наблюдений в серьезном научном периодическом издании, знакомить, таким образом, с ними своих коллег, видеть их оценку – была предоставлена научными обществами женщинам – членам обществ, хотя в случае с Л.В. Мечниковой, она даже не была членом ОЛЕАЭ. Наиболее ранние по времени «женские» публикации, начали появляться в периодических трудах различных научных обществ в конце 60-х – начале 70-х гг., как это видно из приведенной ниже таблицы (Таблица 3):

Таблица 3. Первые публикации женщин в периодических изданиях российских естественнонаучных обществ (60-е–70-е гг. XIX века)

Ф.и.о	Название общества	Год публикации	Название статьи	Место публикации
Е.К. Фреймут	ОЛЕАЭ	1869	«Первый отдел списка Перепончатокрылых»	Зоологический музей Императорского Московского университета. На правах рукописи.
Е.К. Фреймут	ОЛЕАЭ	1870	« <i>Pompholyx dimorpha</i> n. sp., новая безкрылая форма из семейства Пилильщиков (<i>Tenthredinidae</i>) и несколько других новых видов этого семейства»	Известия ОЛЕАЭ. 1870. Т. VIII. Вып. 1. С. 214.
А.Ф. Волкова	Русское химическое общество	1870	«Об изомерных сернотолуоловых кислотах»	Журнал Русского физико-химического общества. 1870. Т. 2. С. 161–175.

⁷⁴⁰ Раевская А.М. Донесение неперменного члена общества А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1876. Т. XX: Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1: Протоколы заседаний отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года). С. 3–33.

А.Ф. Волкова	Русское химическое общество	1870	«О кислотах, образующихся замещением водорода в амидах сернотолуоловых кислот кислотными радикалами»	Журнал Русского физико-химического общества. 1870. Т. 2. С. 243–52.
Л.В. Мечникова (совместно с И.И. Мечниковым)	ОЛЕАЭ	1871	«Материалы к познанию сифонофор и медуз»	Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. VIII. Вып. 1. С. 295–370.
А.Ф. Волкова	Русское химическое общество	1871	«О новых амидах-кислотах»	Журнал Русского физико-химического общества. 1871. Т. 3. С. 242–246; 1872. Т. 4. С. 7–14.
А.Ф. Волкова	Русское химическое общество	1872	«Действие пяти хлористого фосфора на амидокислоты (Хлорангидриды и амиды амидов-кислот)»	Журнал Русского физико-химического общества. 1872. Т. 4. С. 39–45.
О.А. Федченко (совместно с Бродовским М.И., Ивановым Д.Л., Краузе И.Л., Федченко А.П.)	ОЛЕАЭ	1872	Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки.	отдельное издание: М.: ОЛЕАЭ, 1872.

Таким образом, ОЛЕАЭ вовлекало своих членов-женщин в посещение заседаний общества, в участие в его организационной деятельности по проведению различных научных мероприятий, позволяло участвовать в программах научных исследований и, наконец, докладывать и публиковать результаты своих исследований в заседаниях и трудах общества. Однако общество любителей естествознания, антропологии и этнографии с самого начала своего существования

хотело заявить о себе чем-то большим, чем скромные локальные исследования или даже научные выставки. Руководители общества искали подходящего случая для вовлечения его в большой научно-исследовательский проект, желательно, государственного значения, результаты которого были бы настолько значительными, что репутация общества, как в ученом мире, так и в руководящих кругах российского государства утвердилась бы раз и навсегда. С наибольшей долей вероятности подобным проектом могла бы стать научная экспедиция. Однако, когда в Российской империи возникала необходимость в масштабной географической экспедиции, государство, совершенно справедливо, обращалось в Русское географическое общество, чья репутации к 60-м гг. XIX в., совершенно справедливо, не нуждалась в подтверждении. Тем не менее случай представился. ОЛЕАЭ выступило организатором и научным руководителем знаменитой в истории отечественной науки Туркестанской экспедиции А.П. Федченко, чьей официальной и полноправной (с научно-исследовательской точки зрения) участницей стала член-основатель общества О.А. Армфельд, к моменту начала экспедиции уже вышедшая замуж за А.П. Федченко и, соответственно, превратившаяся в О.А. Федченко.

4.1.2. Член-основатель ОЛЕАЭ О.А. Федченко – полноправный участник Туркестанской экспедиции (1868–1872).⁷⁴¹ «Туркестанская экспедиция А.П. Федченко» – название, под которым почти трехлетняя исследовательская работа супругов Федченко в Туркестане известна в литературе, – стала одним из самых знаменательных научных событий своего времени, что признавали как современники, так и историки науки. «А.П. Федченко, [...] собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многочисленных исследователей Туркестана новейшего времени. Путешествия А.П. Федченко отличаются не обширностью маршрутов, а

⁷⁴¹ Подробно об этом см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.

необыкновенную основательностью и поразительным разнообразием наблюдений; пройденные им пространства невелики, но добытые результаты настолько значительны и важны, что сделали бы честь и многолетней экспедиции», – писал, например, И.В. Мушкетов.⁷⁴² Неудивительно поэтому, что история этого путешествия или, точнее, серии путешествий, привлекала пристальное внимание как современников, так и историков. В настоящее время опубликованы и доступны подробные маршруты экспедиции, отчеты А.П. Федченко, 24 выпуска обработанных и изданных под редакцией О.А. Федченко материалов экспедиции, а также историко-научные исследования, посвященные истории изучения Туркестанского края, научных учреждений (в частности, Русского географического общества) и научной биографии А.П. Федченко.⁷⁴³ Однако большинство историков науки о роли

⁷⁴² Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т.1 . Ч. 1. Пг., 1915. С. 326–327.

⁷⁴³ См.: Список посещенных местностей // Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах. Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1902. Т. III: Путешествие в Туркестан А.П. Федченко, вып. 24: Ботанические исследования. С. 175–180 (здесь опубликован подробный – по дням – маршрут всех поездок и экскурсий, совершенных О.А. Федченко в Туркестане, начиная с ее первого дня в Ташкенте 15 декабря 1868 г.); Мушкетов И.В. Указ. соч. С. 326–337; Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739–747; Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950 (это издание представляет собой сборник всех, публиковавшихся ранее отчетов об экспедиции, а также описание путешествия в Кокандское ханство); [Маслова О.В.] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 70–89; Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник. М.: Географгиз, 1956; Азатьян А.А. А.П. Федченко // Азатьян А.А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.) Ч. 1. Ташкент, 1960. С. 69–141; Азатьян А.А. А.П. Федченко // Азатьян А.А. Классический период в географическом познании Средней Азии (вторая половина XIX в.): Опыт историко-географической монографии. Ч. 1. Ташкент, 1964. С. 96–126; Леонов Н.И. А.П. Федченко. М.: Наука, 1972, а также в кн.: История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969 и др.

в экспедиции О.А. Федченко упоминают предельно кратко, без каких-либо подробностей, а многие тексты отчетов А.П. Федченко стилистически написаны так, как будто бы он вообще путешествовал в одиночестве. Так, например, в доктор географических наук А.А. Азатьян в подробной монографии, посвященной биографии А.П. Федченко, пишет об участии в экспедиции О.А. Федченко: «На протяжении все жизни А.П. Федченко Ольга Александровна была наиболее близким другом, участником всех путешествий, перенося все тяготы и невзгоды экспедиций с поразительной для женщины отвагой и мужеством».⁷⁴⁴ Посвятив далее около абзаца биографии О.А. Федченко, А.А. Азатьян затем продолжает: «Труды Ольги Александровны во многом содействовали успешным исследованиям в Туркестане. Прекрасная художница, Ольга Александровна запечатлела в своих рисунках много интересного из знаменитого Туркестанского путешествия».⁷⁴⁵ Однако этим и исчерпываются упоминания об участии О.А. Федченко в экспедиции, за исключением некоторых коротких фраз наподобие: «Ольга Александровна собрала богатый гербарий песчаной флоры, заключавший более 200 видов...».⁷⁴⁶ С одной стороны, подобное изложение материала естественно, поскольку монография и другие статьи А.А. Азатьяна и других историков изучения Средней Азии посвящены непосредственно биографии А.П. Федченко, с другой стороны, Туркестанская экспедиция состояла из двух постоянных участников, об одном из которых за вторую половину XX в. было написано несколько монографий, а о другом – до последнего времени – две-три статьи.⁷⁴⁷ Таким образом, поскольку

⁷⁴⁴ Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник... С. 10.

⁷⁴⁵ Там же. С. 10.

⁷⁴⁶ Там же. С. 65.

⁷⁴⁷ До публикации нашей монографии (Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.), и если не считать прижизненных, как правило юбилейных, статей и посмертных некрологов, можно было найти: 1) две научно-популярных статьи: Ципоруха М.И. Первая путешественница ученый-ботаник в горах Средней Азии // Ципоруха М.И. Их позвали в

общая история Туркестанской экспедиции исследована достаточно подробно, мы остановимся в основном на роли в экспедиции О.А. Федченко.

Алексей Павлович Федченко (1844–1832), всего на год старше О.А. Федченко, родился в Сибири и провел детство в Иркутске, закончив там мужскую гимназию. В 1860 г., по окончании гимназии, А.П. Федченко поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, сразу оказавшись в центре научной жизни России в период ее начинающегося расцвета. Здесь он познакомился с Г.Е. Щуровским, А.П. Богдановым, А.О. Армфельдом, сыгравшими впоследствии такую значительную роль в его судьбе. Присоединившись к кружку молодежи, собиравшемуся вокруг А.П. Богданова, часто бывая в Зоологическом музее университета, А.П. Федченко, в 1862 г. познакомился с О.А. Армфельд.⁷⁴⁸ А.П. Федченко интересовался многими науками естественнонаучного цикла: ботаникой, зоологией, в частности, энтомологией, антропологией. Во многом его интересы совпадали с интересами О.А. Армфельд, которая в это время еще училась в Николаевском институте. В 1864 г. А.П. Федченко окончил университет с дипломом кандидата (в тот же год, когда О.А. Армфельд окончила свой институт) и в 1865 г. был принят на работу преподавателем естественной истории в 3 класс Московских училищ ордена св. Екатерины и Александровского, поскольку не имея никакого

дорогу любовь и долг: Очерки об отечественных путешественницах. М., 2001. С. 39–56.; Тишкин Г. Она осуществила мечты своей юности (Ольга Александровна Федченко) // Глобус 1985. Л., 1985. С. 369–371; 2) заметку в Большой советской энциклопедии: Федченко Ольга Александровна // Большая Советская энциклопедия / 2-е изд. Т. 44. М., 1956. С. 584; 3) а также две статьи, опубликованные в зарубежных изданиях: Lièvre A. le. Fedtschenkoana // The Garden. 1987. Vol. 112. Part. 1. (January) P. 65–68; Raven Susan, Weir Alison. Olga Alexandrowna Fedchenko // Raven Susan, Weir Alison. Women of Achievement: Thirty Five Centuries of History. New York, 1981. P. 266–267.

⁷⁴⁸ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

состояния, должен был зарабатывать себе на жизнь.⁷⁴⁹ Но А.П. Федченко стремился к профессиональной научной деятельности и искал возможности устроиться на работу в Московский университет. Он активно участвовал в деятельности ОЛЕА, являясь, также как и О.А. Армфельд одним из его членов-основателей. В 1866 г. он был назначен на должность помощника инспектора студентов Московского университета. В 1864–1866 гг. О.А. Армфельд и А.П. Федченко много времени проводили вместе, и это было время, проведенное за научной работой. О.А. Армфельд перевела для А.П. Федченко первую часть «Антропологии» Теодора Вайца⁷⁵⁰ и вместе с ним переводила вторую,⁷⁵¹ помогала ему с антропологическими измерениями черепов младенцев в Воспитательном доме, вела для него иностранную переписку, вместе с ним и для него собирала коллекции насекомых, переданные впоследствии в Зоологический музей университета и вошедшие в работу А.П. Федченко «Список двукрылых».⁷⁵²

О.А. Армфельд, в отличие от А.П. Федченко, принадлежала к вполне состоятельной семье. Ее отец имел чин действительного статского советника. Но разница в положении и состоянии ничего не значила для нее, и не воспринималась как препятствие даже старшим поколением ее семьи. Хотя положение О.А. Армфельд на социальной лестнице было гораздо выше, чем положение А.П. Федченко, а ее материальное состояние просто несравнимо с его состоянием, по законам страны она была лишена другого, гораздо более для нее важного – возможности поступить в университет, получить систематическое высшее

⁷⁴⁹ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П.Федченко // А.П.Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 26.

⁷⁵⁰ Вайц Т. Антропология первобытных народов Теодора Файца, проф. философии в Марбурге / пер. А.П. Федченко. М., 1867. Вып. 1. 216 с.

⁷⁵¹ См.: Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁷⁵² Федченко А.П. Список двукрылых насекомых. М.: изд. О-ва, 1868. 192 стб. (Известия ОЛЕАЭ. 1868. Т. VI. Вып. 1.).

образование, профессионально заниматься научной деятельностью. Общность научных интересов и устремлений, объединявшая молодых людей жажда познания мира, стали прочной основой для их союза. Нет никаких сомнений в том, что ко дню свадьбы О.А. Армфельд и А.П. Федченко неплохо знали друг друга и их планы на будущее вполне совпадали. (К сожалению, существовавшие письма А.П. к О.А. либо не сохранились, либо пока еще не обнаружены).⁷⁵³ Они поженились в 1867 г.

В том же 1867 г. ОЛЕАЭ впервые громко заявило о себе организацией в Москве Этнографической выставки, завоевавшей уважение научного сообщества и популярность у московской публики. Выставку посетило немало высокопоставленных особ и среди них – генерал-губернатор Туркестанского края Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882).⁷⁵⁴ Генерал-губернатор подыскивал лиц (или организацию), способных взяться за выполнение самых необходимых естественнонаучных исследований в подведомственном ему Туркестанском крае. Г.Е. Щуровский, мгновенно понял, какой шанс участие в подобном проекте представляет для общества. После первого разговора во время посещения выставки, К.П. фон Кауфман и Г.Е. Щуровский обменялись несколькими письмами. В результате была достигнута следующая договоренность: К.П. фон Кауфман принимает на службу ученого, рекомендованного обществом, в обязанности которого будет входить изучение края в естественнонаучном отношении; ОЛЕАЭ обеспечивает ему полное научное содействие и поддержку. Ученым, избранным ОЛЕАЭ для исполнения этой миссии, стал А.П. Федченко.

⁷⁵³ О.А. Федченко упоминает о существовании этих писем в своем письме к А.П. Богданову от 4 марта 1874 г.: «Я напр[имер] дала многие письма А[лексея] П[авловича] ко мне», – пишет она, обращаясь с просьбой к Богданову передать имевшиеся у него письма А.П. Федченко Д.Л. Иванову, собиравшемуся в тот момент писать его биографический очерк. Правда, это намерение так и не было исполнено (Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 7 об.).

⁷⁵⁴ Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – почетный член Императорской академии наук с 7 декабря 1873 г.

Общество проголосовало за кандидатуру А.П. Федченко 25 января 1868 г., однако, различные согласования заняли немало времени. В итоге, в распоряжении ОЛЕАЭ оказался почти год для подготовки экспедиции. Эта подготовка велась в двух направлениях: во-первых, общество привлекло выдающихся ученых к работе по составлению подробных инструкций для экспедиции; во-вторых, А.П. Федченко был командирован за границу для проведения необходимых подготовительных мероприятий, в том числе личного знакомства с зарубежными исследователями, музейными коллекциями, покупки необходимого научного оборудования и тому подобное. Поскольку с самого начала предполагалось, что Ольга Александровна Федченко станет сопровождать своего мужа в Туркестан, то она поехала вместе с ним и в Европу.

В феврале 1868 г. супруги Федченко выехали в южную Италию. Большую часть своей командировки, около двух месяцев в марте-мае 1868 г., они провели Неаполе, где А.П. Федченко посещал Неаполитанскую морскую биологическую станцию (в тот момент там работала целая группа российских зоологов во главе с А.П. Богдановым), встречался со многими иностранными учеными. О.А. [Федченко], в свою очередь, посвящала время сбору гербариев. «Живя все время в [...] Неаполе, – пишет Б.А. Федченко, – О.А. [Федченко] совершала постоянно экскурсии в окрестностях с его богатой флорой и собрала большой гербарий, около 500 видов, сохранившийся до сих пор в целости у Б.А. [Федченко]. Сбор растений и их изучение позволили О.А. [Федченко] хорошо ознакомиться с типичной флорой Средиземноморской области, что очень пригодилось для ботанических работ О.А. [Федченко] в Средней Азии, куда она отправилась уже в том же году»⁷⁵⁵. На обратном пути из Италии супруги Федченко задержались на месяц в Австрии. Вначале они остановились в Триесте, где О.А. Федченко провела несколько ботанических экскурсий – сухопутных (в окрестностях Зауле), и морских – по флоре

⁷⁵⁵ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.

морских водорослей, в то время как А.П. Федченко изучал фауну Адриатического моря. Далее они направились в Вену, где провели около двух недель, за которые О.А. Федченко успела осмотреть ботанические учреждения Вены и немного поработать в них, сделав некоторые справки.⁷⁵⁶

Лето 1868 г. О.А. Федченко провела в Подмоскowie, в имении своей семьи Трепарево. Здесь она собирала коллекции подмосковной флоры: «Летом 1868 г. собирала растения в Можайском уезде и особенно в Рузском, на озерах Тростенском и Глубоком», – писала она впоследствии в своей автобиографии⁷⁵⁷. Позднее материалы этого гербария были использованы В.Я. Цингером в его исследовании «Сборник сведений о флоре Средней России».⁷⁵⁸ 23 октября 1868 г. супруги Федченко выехали в Туркестан.⁷⁵⁹

А.П. Федченко был назначен главой экспедиции, юридически состоявшей из него одного. С 1 октября 1868 г. он официально был направлен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора.⁷⁶⁰ К.П. фон Кауфман достаточно четко представлял себе, что именно он хочет получить от своего нового сотрудника: «...обязанность Ваша, – писал он. А.П. Федченко, – будет заключаться в научном исследовании вверенного мне края, согласно инструкции общества и моих указаний...»⁷⁶¹ Инструкции, составленные специальной комиссией ОЛЕАЭ под председательством президента общества Г.Е. Щуровского и с привлечением многих известных специалистов, были достаточно подробными. Они охватывали следующие

⁷⁵⁶ Там же. Л. 7.

⁷⁵⁷ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁷⁵⁸ Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 520 с.

⁷⁵⁹ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁷⁶⁰ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 30.

⁷⁶¹ Отношение г. Туркестанского генерал-губернатора на имя А.П. Федченко // Инструкция для Туркестанской экспедиции. Известия ОЛЕАЭ. 1869. Т. III. Вып. 2. С. 4.

направления: зоологию и антропологию, «как главные предметы экспедиции», геологию, ботанику, этнографию и географию.⁷⁶² Хорошо понимая, что в полевых условиях точное следование даже самым подробным инструкциям может оказаться затруднительным, комиссия однако «...признала необходимым поставить на вид следующие требования, которые она считала наиболее необходимыми: 1) Составление коллекций местных естественных произведений и продуктов, от них получаемых. 2) Изучение беспозвоночных животных вообще. 3) Изучение фауны Аральского моря и озер. 4) Изучение домашних животных. 5) Производство антропологических и в особенности краниологических исследований над туземным населением. 6) Раскопка курганов и 7) По возможности разностороннее изучение местностей, еще не посещенных другими путешественниками, если в таких местностях придется производить наблюдения...»⁷⁶³ Основными предметами специализации А.П. Федченко как раз и были зоология и антропология, что во многом определило выбор его кандидатуры. Однако подготовка А.П. Федченко в области ботаники была совсем не такой глубокой. Правда, как выясняется при изучении документов, с самого начала предполагалось, что ботаническими исследованиями будет заниматься другой человек. Это было беспрецедентное решение в истории отечественной науки. Женщина – полноправный участник экспедиции, полностью отвечавший за какое-то направление исследований. Конечно, формально, О.А. Федченко просто сопровождала мужа, и ни в каких документах ОЛЕАЭ не содержится сведений о ее официальном назначении или, например, жаловании. Тем не менее ее роль была известна всем заинтересованным лицам. Единственное же письменное упоминание о статусе О.А. Федченко, относящееся к периоду подготовки экспедиции, содержится в письме К.П. фон Кауфмана начальнику Зеравшанского округа, генералу Александру Константиновичу Абрамову (1836–1886) от 4 октября 1868 г. Письмо содержит

⁷⁶² [Щуровский Г.Е.] Предисловие // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 3.

⁷⁶³ Там же. С. 3.

приказ Кауфмана об оказании всяческого содействия А.П. Федченко, которому предписывается начать свою научную деятельность как раз с Зеравшанского округа: «Сообщая о вышеизложенном к сведению вашего превосходительства, – пишет Кауфман, – предлагаю вам, милостивый государь, оказывать г[осподину] Федченко и отправляющейся с ним в качестве ученого же его жене⁷⁶⁴ всякое содействие в возложенном на него поручении».⁷⁶⁵ Через много лет после окончания экспедиции, 17 марта 1902 г., выпуская в свет «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко», О.А. Федченко писала: «Задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне».⁷⁶⁶

Инструкции или, точнее «мнения», касавшиеся ботанических исследований были составлены Н.Н. Кауфманом, В.Д. Мешаевым (членом ОЛЕАЭ), Н.М. Агениковым (директором Главного училища садоводства в Умане), а также академиком Н.И. Железновым⁷⁶⁷ (директором Петровской земледельческой академии).⁷⁶⁸ В них присутствовали личные пожелания ученых, интересовавшихся теми или другими растениями Туркестанского края, список ботанической литературы по Туркестанской флоре, список известных растений Туркестана, практические рекомендации по собиранию коллекций, методам их сохранения и пр. Наиболее важным, разумеется, было составление ботанических коллекций. Задачи, стоявшие перед ботаником экспедиции в данном отношении наиболее четко сформулировал Виктор Дмитриевич Мешаев. Он писал: «Что касается до

⁷⁶⁴ Курсив наш. – О.В.

⁷⁶⁵ 1868 г. октября 4. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфмана начальнику Зеравшанского округа А.К.Абрамову // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 53.

⁷⁶⁶ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902. С. [I].

⁷⁶⁷ Железнов Николай Иванович (1816–1877) – ботаник, эмбриолог, специалист в области физиологии растений; экстраординарный академик по прикладной ботанике с 7 июня 1857 г.

⁷⁶⁸ См.: Инструкции по ботанике // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 26–34.

составления ботанических коллекций, то желательно, чтобы в состав их входили следующие предметы: I) Полные экземпляры растений, цельные и по возможности хорошо сохранные: а) высушенные в естественном положении в песке или обыкновенным способом между пропускною бумагою; б) в жидкости – мясистые; в) в рисунках и фотографиях – растения слишком больших размеров; при этом уменьшения должны быть по возможности одного масштаба (10, 100, 400 раз). II) Отдельные части растений: Стебли (цельные или в отрубках), корни, цветы, плоды и проч.; сочные и мясистые в жидкости, не изменяющиеся – высушенными. 3) Продукты растений: а) продукты в том виде и форме, как они выделяются, напр. смолы, воск, нераздельно с самою частию, их выделившею; б) продукты, получаемые от растений, как они поступают в торговлю и в чистом виде. 4. Наиболее характерные образцы произведений из продуктов для показания свойств и приложения последних. 5. Уродливости и болезни растений, в особенности хорошо сохранные (мягкие части в жидкости) или верно и отчетливо выраженные в рисунках. Все предметы должны быть целны и свежи. При каждом обозначается местность, время сбора, местное название и проч[ее]». ⁷⁶⁹ Пожелания Н.Н. Кауфмана почти точно совпадали с инструкциями В.Д. Мешаева: «В ботаническом отношении, – писал Н.Н. Кауфман, – было бы очень интересно получить из Туркестанского края следующее: 1) Сушеные растения, встречающиеся в несомненно диком состоянии в Туркестанской области и их семена. Желательно, чтобы образцы этих растений были полные, т[о] е[сть] состояли из веток с цветами и даже с плодами и чтобы при каждом растении было показано время (число и месяц) его сбора и его местонахождение (название города или местечка и характер местности). Если растения маленькие, то они могут быть высушены с корнем». ⁷⁷⁰ Таким образом в

⁷⁶⁹ Записка действительного члена Общества В.Д. Мешаева о туркестанской флоре // Инструкция для Туркестанской экспедиции... С. 27.

⁷⁷⁰ Мнение члена основателя Общества и члена Комиссии профессора Н.Н. Кауфмана // Там же. С. 26.

непосредственные обязанности О.А. Федченко входил сбор ботанических коллекций. Но этим ее участие в экспедиции не ограничивалось: за отсутствием фотографа на нее также легли обязанности экспедиционного художника.

О.А. и А.П. Федченко выехали из Москвы 23 октября 1868 г. Их путь лежал в Ташкент и далее, в только что завоеванный Самарканд, поскольку, как уже упоминалось выше, первым объектом их исследования должна была стать Зеравшанская долина. Железной дороги до Ташкента в то время еще не существовало, так что путешественники ехали до Нижнего Новгорода, а оттуда по Волге до Симбирска, и далее – в Самару (сделав при этом некоторый крюк). Около Самары Федченки были застигнуты начавшейся зимой и сильным снегопадом. Так, уже по санному пути они проехали Оренбург и Орск.⁷⁷¹ «С Орска начинается собственно путешествие по степи, на киргизских лошадях, с ямщиками, киргизами, не понимающими ни слова по-русски», – писал А.П. Федченко.⁷⁷² Путешествие было небыстрым и лишенным каких бы то ни было удобств. Правда, супругам Федченко повезло: во время их переезда через Каракумы мороз заморозил мокрые пески, что сильно облегчило путь. Далее дорога проходила таким образом, что пришлось несколько раз переправляться через Сыр-Дарью со всем достаточно громоздким багажом часто при самых неблагоприятных условиях. В целом путь до Ташкента занял 53 дня: «Поздно вечером 14-го декабря, после 53 дневного почти безостановочного путешествия, мы въехали в Ташкент», – писал А.П. Федченко.⁷⁷³ А уже 28 декабря они отправились дальше. Почтового сообщения с Самаркандом еще не существовало, но супругов Федченко на всем продолжении их пути ждали

⁷⁷¹ Подробный маршрут А.П. и О.А. Федченко от Орска до Самарканда опубликован в: Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 23 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.) // Московские университетские известия. 1869. № 7. С. 53–55.

⁷⁷² Там же. С. 6.

⁷⁷³ Там же. С. 14.

конные подставы, так что несмотря на сильные метели они добрались до Самарканда всего за 6 дней. Д.Л. Иванов, впоследствии горный инженер и известный исследователь Памира, в 1869 г. бывший всего лишь сосланным за участие в тайном обществе в военную службу студентом, вспоминал: «Прибытие супругов Федченко, конечно, вызвало немало разговоров: уже одно то, что ученым являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края».⁷⁷⁴

Время с 3 января по 15 апреля 1869 г. А.П. и О.А. Федченко провели в Самарканде, изучая сам город и его окрестности, как отмечал А.П. Федченко «в районе не более 10-ти верст во все стороны» от Самарканда.⁷⁷⁵ Несмотря на то, что часть этого времени пришлось на зимние месяцы, О.А. Федченко начала составлять гербарий местной флоры. «Ботаническая коллекция составляется с величайшей тщательностью и в настоящее время содержит уже более 200 видов в 2500 слишком экземпляров», – отмечал А.П., добавляя, что – Леман из долины Зеравшана привез только 348 видов, собранных на пространстве от Бухары до ручья Фон».⁷⁷⁶ Однако с наступлением весны супруги Федченко предприняли поездку по долине Зеравшана, занявшую более полутора месяцев: с 24 апреля по 1 июня 1869 г. Предполагалось выехать раньше, но выступление экспедиции было отложено из-за неблагоприятной для русских обстановки в Бухаре. Кроме А.П. и О.А. Федченко, в экспедиции участвовали препаратор И.И. Скорняков и юнкер В.Ф. Вельцин, имевший опыт в собирании насекомых. Кроме того, поскольку «предстояло большую часть пути совершать по границам недавно занятого округа, то экспедиции был придан достаточно сильный военный конвой, дававший, – по словам А.П. Федченко, – возможность с полной уверенностью рассчитывать на посещение многих

⁷⁷⁴ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 100.

⁷⁷⁵ Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции... С. 17.

⁷⁷⁶ Там же. С. 41.

любопытных местностей».⁷⁷⁷ В добавление к конвою экспедиции придали еще четверых джигитов для передачи сообщений. Генерал-майор А.К. Абрамов, чьим заботам К.П. фон Кауфман поручил своих ученых, относился к данному ему поручению с полным вниманием и не хотел рисковать безопасностью подопечных. Маршрут экспедиции был следующим: Самарканд, Катта-Курган, Пейшамбе, селение Джизман, Джизманское ущелье, селение Пейшамбе, Катта-Курган, озеро Чарик-куль, селение Чарик-тюбе, селения Улус, Джам, Джамское ущелье, Кара-тюбинское ущелье, селение Кара-тюбе, селение Ходжа-дук, Ургут, селение Гхуз, селение Чим-курган, Пенджикент, далее вверх по Зеравшану, селение Иори, Пенджикент, Самарканд.⁷⁷⁸

Результатами этого первого длительного путешествия стали: «1) Собрание животных из разных классов до десяти тысяч экземпляров, по большей части не встреченных на прежних экскурсиях близ Самарканда. 2) Большой гербарий растений как степных, так и горных; в числе их образцы загадочного доселе растения сумбул. 3) Сведения о географическом распределении главных племен – таджиков и узбеков. 4) Съёмка в 5 верстном масштабе пройденного пути и пространства от Шахризябских гор до Зеравшана, всего 8000 кв. верст, произведенная командированными при экспедиции офицером Куцеем и топографом Новоселовым, а также частные съёмки в двухверстном масштабе Джамского ущелья и дороги Сангы-Джуман. 5) Распросные сведения о долине Шахризяба, ущельях Магианском и Кштутском и об озере Искандер-куле. 6) Альбом рисунков».⁷⁷⁹ Среди этих результатов – гербарий и альбом рисунков были полностью заслугой О.А.

⁷⁷⁷ Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г. // Сорок девятое заседание Общества 12 июня 1870 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год седьмой. Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. I. С. 136.

⁷⁷⁸ См.: Маслова О.В. Указ. соч. С. 72.

⁷⁷⁹ Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г... С. 158–159.

Федченко. Но она также успевала помогать А.П. и со сбором зоологических коллекций. Кроме того, ее навыки и умения художницы пригодились при картографической съемке местности. Загадочное растение сумбул, тайну которого особо хотели разгадать ботаники, составлявшие инструкции для экспедиции, и за нахождение которого Петербургская академия наук объявила премию, было найдено (встречается в Магианских горах около Пенджикента, принадлежит семейству зонтичных) и впоследствии передано И.Д. Чистякову для исследования.

Летние месяцы (3 июня – 20 августа) А.П. и О.А. Федченко вновь провели в Самарканде и его ближайших окрестностях, только в августе совершив пятидневную поездку на несколько мелких озер, расположенных на север от Самарканда. Все эти летние месяцы «экскурсии с зоологической и ботанической целью продолжались непрерывно, но результаты их далеко не были так плодотворны, как в весенние месяцы, хотя в это время и попало довольно много форм новых и оригинальных», – отмечал А.П. Федченко.⁷⁸⁰ Таким образом, к концу августа 1869 г. стало понятно, что во-первых, из-за неблагоприятного времени года сбор естественнонаучных коллекций сильно замедлился, а во-вторых, что пришло время «приступить ко второй половине труда натуралиста, а именно озаботиться разработкой коллекции». Поскольку это последнее было возможно «только в большом музее, при обширных литературных пособиях и [...] при участии нескольких специалистов», то А.П. Федченко обратился с просьбой к К.П. фон Кауфману командировать его в Москву.⁷⁸¹ Каковая командировка и была разрешена. Уже 12 октября 1869 г. А.П. и О.А. Федченко приехали в Москву и прежде всего приступили к разбору привезенных коллекций, а также к закупке необходимых пособий и инструментов для продолжения исследований.

Результаты почти целого года исследовательской работы оказались

⁷⁸⁰ Там же. С. 159.

⁷⁸¹ 1869 г. августа 3. Письмо А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П.Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 67.

внушительными. За это время О.А. Федченко успела собрать гербарий, включавший более 800 видов растений. Этот гербарий был отдан для обработки профессору Н.Н. Кауфману, определившему 791 вид.⁷⁸² Помимо засушенных растений О.А. Федченко собрала до 120 видов семян и клубней, которые были переданы в Ботанический сад Московского университета. Ко времени составления итогового отчета многие из этих семян уже проросли, в том числе и сумбул. «Многие... проросшие семена и клубни, – писал в отчете А.П. Федченко, – дадут возможность ознакомить европейскую публику с различными любопытными представителями Туркестанской флоры».⁷⁸³ Московское общество любителей садоводства, познакомившись с первыми результатами деятельности Ольги Александровны, выразило желание содействовать введению в культуру различных Туркестанских растений, для чего не только создало специальную инструкцию, но и ассигновало 200 рублей исключительно на эти цели.⁷⁸⁴ О.А. Федченко согласно полученной инструкции обращала особое внимание на выявление растений, разводимых местным населением. Большая их часть вошла в состав привезенного в Москву гербария. Н.Н. Кауфман занимался их определением и в отчете А.П. Федченко привел список, состоящий из 89 видов, с указаниями, для чего употребляются те или иные виды. Отдельно также были выделены растения, считавшиеся лекарственными у местных жителей и те, которые разводились «для удовольствия».⁷⁸⁵ Образцы культурных растений Зеравшанской долины А.П. Федченко передал в Московский комитет земледелия и тот, в свою очередь, составил список растений «полезных для разведения в Туркестане» и даже отправил в Ташкент их семена.⁷⁸⁶

⁷⁸² Список найденных родов был опубликован в отчете: Федченко А.П. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Общества с 15 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г... С. 181–184.

⁷⁸³ Там же. С. 184.

⁷⁸⁴ Там же. С. 184.

⁷⁸⁵ Там же. С. 187.

⁷⁸⁶ Там же. С. 188.

А.П. и О.А. Федченко пробыли в Москве около полугода. Еще до их отъезда из Самарканда между ними и генерал-майором А.К. Абрамовым существовала договоренность о том, что они примут участие в большой, преимущественно военной, экспедиции, планировавшейся для исследования верховьев Зеравшана и его притоков, в конце весны – начале лета 1870 г., поэтому А.П. и О.А. Федченко спешили вернуться в Туркестан. Они выехали из Москвы 2 мая 1870 г. и прибыли в Ташкент уже 22-го мая. Но здесь они узнали, что отряд генерала Абрамова выступил из Самарканда 25 апреля и, следовательно, они опоздали. Тем не менее, поскольку им был известен заранее запланированный маршрут экспедиции, супруги Федченко решили догнать ее, срезав путь. 28 мая 1870 г. они бросились в погоню. Более «прямой» путь оказался не из легких. Дорога на Оббурден, по которой они следовали, проходила через трудный перевал: «Подъем совершался медленно, – пишет А.П. Федченко, – только после шести часового подъема мы были наверху. Особенно затруднительны были три верхние зигзага, покрытые глубоким снегом. Особенно труден был этот подъем для вьючных лошадей, которые беспрестанно оступались и падали. Две из них сорвались и скатились сажен двадцать по снегу. К счастью, лошади и вьюки могли быть вытащены на веревках; погибло только вьючное седло...».⁷⁸⁷ Однако усилия были потрачены не напрасно: 2 июня в селении Оббурден на Зеравшане А.П. и О.А. Федченко встретили отряд генерала Абрамова, только что пришедший с Зеравшана. Далее они двигались с отрядом, как это и планировалось ранее.

Появление Ольги Александровны однако не прошло незамеченным: она оказалась единственной женщиной в компании более сотни мужчин. «Прибытие семьи Федченко произвело сенсацию в военном отряде, – вспоминал также участвовавший в походе Д.Л. Иванов. – Всех смущало появление женщины, которая

⁷⁸⁷ Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 79.

«внесет в среду военных стеснение и сама будет стесняться»⁷⁸⁸ Нам не удалось обнаружить документов, в которые сохранили бы свидетельства самой О.А. Федченко по этому вопросу. Беспокоилась ли она будучи единственной женщиной – участницей военной экспедиции? Волновалась ли о том, как ее примут другие участники, как ее присутствие повлияет на отношения к ее мужу? Однако сохранилось несколько писем другой женщины, находившейся в сходной ситуации, правда в немного более поздний период – Александры Викторовны Потаниной (1843–1893). А.В. Потанина, супруга и спутница известного отечественного путешественника Г.Н. Потанина (1835–1920), участвовала наравне с мужем в научных экспедициях в том числе в Монголию в 1876–1877 и 1879–1880 гг. В письмах к Ивану Степановичу Кубасову (1834–1909),⁷⁸⁹ датированных 70-ми – 80-ми гг. XIX в. она не раз писала, например, следующее: «...делается страшно как подумаю как бы не быть в тягость в путешествии, но отказаться от поездки нет сил, что будет поеду!».⁷⁹⁰ Или: «Я ужасно боюсь как бы спутники Гр[игория] Н[иколаевича] не были против моего с ними отправления, а мне между тем, не хочется оставаться без Гр[игория] Н[иколаевича]. Пожелайте мне здоровья и бодрости».⁷⁹¹

Но О.А. Федченко умела заводить друзей. Несмотря на первоначальное недовольство и даже некоторую враждебность, участников экспедиции вскоре О.А. Федченко приняли в качестве полноценного члена экспедиции: «Однако Федченки прибыли в отряд столь просто, поместились скромно, в своей палатке и ничем не

⁷⁸⁸ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 100.

⁷⁸⁹ Кубасов Иван Степанович (1834–1909) – основатель земской библиотеки г. Никольска Вологодской губернии, преподаватель Духовного училища, настоятель Александро-Невской домово́й церкви.

⁷⁹⁰ Потанин Г.Н., Потанина А.В. Письмо Ивану Степановичу Кубасову. Б. д. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 5. Д. 100. Л. 26 об.

⁷⁹¹ Потанин Г.Н., Потанина А.В. Письмо Ивану Степановичу Кубасову. Б. д. // Архив РАН. Ф. 642. Оп. 5. Д. 100. Л. 28 об.

нарушили жизни экспедиции, – писал Д.Л. Иванов. – Их благовоспитанная обходительность со всеми, их непритязательные потребности, их работоспособность, все это быстро примирило всех с новыми настоящими учеными и они вскоре заняли в отряде место не лишних людей, а людей работающих и никого не стесняющих».⁷⁹² Д.Л. Иванов рассказывает, что уже на четвертый день пребывания в отряде А.П. и О.А. Федченко вполне завоевали всеобщие симпатии. Произошло это в результате следующего эпизода: «...компания из нескольких человек отправилась в палатку ученых: там их радушно встретила О.А. [Федченко], угостила чаем со свежим лимоном (необычайная тогда редкость в Туркестане) и тоже свежими московскими сушками. Этот лимон и эти сушки окончательно победили скептицизм и уже в разговорах слышались одобрения женам, которые заботятся о мужьях, в пример чего указывался ящик для папирос А.П. [Федченко], где О.А. [Федченко] устроила перегородки, чтобы папиросы не рассыпались».⁷⁹³

Маршрут, пройденный в этот раз О.А. и А.П. Федченко был следующим: Ташкент, селение Яны-Арык, Ура-Тюбе, Басмандинское ущелье, селение Обурден, селение Пахут, селение Варзаминор, долина реки Фана, крепость Сарвада, озеро Искандер-куль, перевал Мура, крепость Сарвада, пещера Макшеват, селение Рават, селение Марзич, летовка Анзобских и Марзичских жителей, селение Анзоб, Кан-таг (рудная гора), крепость Сарвада, перевал Кштутский, озеро Кули-калон, крепость Кштут, Пенджикент.⁷⁹⁴ Некоторые переходы были очень нелегки и совсем небезопасны, как например переход из Оббурдена в Пахуту: «На этом переходе, – писал А.П. Федченко в одном из отчетов о путешествии, – дорога почти сплошь проходит по узким тропинкам, карнизам, вьющимся на значительной высоте, иногда над самой рекой. Впрочем, такие дорожки, коль скоро они идут прямо или следуя изгибам гор, не представляют опасности и даже дают возможность ехать довольно

⁷⁹² Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 101.

⁷⁹³ Там же. С. 101.

⁷⁹⁴ См.: Маслова О.В. Указ. соч. С. 77.

скоро; зато они весьма затруднительны в тех местах, где приходится круто подниматься или спускаться по извилистым каменистым ступенькам для обхода выдающихся в реку скал и обрывов».⁷⁹⁵ Д.Л. Иванов вспоминал, что некоторые члены отряда сомневались в способности Ольги Александровны преодолеть эти тропы и вообще вынести тяготы военного похода. Однако они ошибались. «Переходы по узкому ущелью (кюз Фан-дарьи) с карнизами, балконами и т[ому] п[одобными] тропочками, ведущими к оз[еру] Искандер-Кулю, О.А. [Федченко] совершила чрезвычайно спокойно и успешно, – пишет Иванов и добавляет. – Вообще Федченки ничем не выделялись из отрядной среды, собирали нужные им материалы, а О.А. [Федченко] усердно работала над своим гербарием и очень мило [...] рисовала много характерных местностей».⁷⁹⁶

Складывается впечатление, что Ольга Александровна Федченко вообще не была склонна к суете или панике. Например, неподалеку от озера Кули-калан отряд Абрамова попал в засаду вооруженных горцев, после сражения в отряде оказалось много раненых, за которыми О.А. Федченко, ухаживала с присущим ей хладнокровием. Д.Л. Иванов рассказывает, что когда на какой-то из ночевок ученые остались без военного эскорта, ушедшего вперед, «...многие из них и в том числе и некоторые военные – сильно волновались и роптали, О.А. [Федченко] не выказала никакой суетливости и растерянности и спокойно выдержала эту ночь общей сильной аффектации и ропота...».⁷⁹⁷ Так рождалась репутация Ольги Александровны как стойкой, бесстрашной и неунывающей в самых трудных обстоятельствах женщины.

Всего Федченки провели в походе не более трех недель, что, по мнению А.П. Федченко, сказалось на полноте собранных ими коллекций. Тем не менее в целом

⁷⁹⁵ Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Заравшана, в июне 1870 г.... С. 80.

⁷⁹⁶ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 101.

⁷⁹⁷ Там же. Л. 102.

научные результаты экспедиции оказались без преувеличения выдающимися – было положено основание для создания картографии Зеравшанских гор, в том числе определены барометрические высоты и составлены карты; впервые исследован Зеравшанский ледник; исследовано озеро Искандер-куль; собраны этнографические данные о горных таджиках. Назвать же собранные зоологические и ботанические коллекции небольшими мог только сам А.П. Федченко. О.А. Федченко, как и в предыдущих путешествиях, занималась преимущественно составлением ботанических коллекций и зарисовкой видов. В отчете о путешествии А.П. Федченко отмечает: «Помощь О.А. Федченко и в эту поездку облегчила мне работу: она взяла на себя опять составление ботанической коллекции».⁷⁹⁸ Вновь собранная О.А. Федченко коллекция растений состояла примерно из 400 видов, из которых около 300 не встречались Ольге Александровне во время экскурсий 1869 г. Особенно заинтересовали О.А. Федченко некоторые высокорослые зонтичные, в том числе два вида *Ferula*, *Heracleum*, *Prangos* и некоторые другие. На перевалах, особенно на перевале Мура (12300'), ей удалось собрать несколько альпийских видов. Также были собраны образцы растущих в горах древесных пород, из которых преобладающим оказался можжевельник трех различных видов. Подводя итоги коллекторских работ экспедиции, А.П. Федченко писал: «В этом путешествии впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до предела вечных снегов, и таким образом было положено начало изучению горной фауны и флоры западной оконечности Тянь-Шаня».⁷⁹⁹

2 июля 1870 г. О.А. и А.П. Федченко вернулись в Самарканд. Пробыли они здесь не более 10 дней, вновь совершая экскурсии в окрестностях города, после чего направились в Ташкент, в котором и провели конец июля и почти весь август 1870 г. Это время деятельный А.П. Федченко употребил, во-первых, на подготовку

⁷⁹⁸ Федченко А.П. Краткий отчет о путешествии в бассейн Верхнего Зеравшана, в июне 1870 г... С. 85.

⁷⁹⁹ Там же. С. 86.

очередного путешествия, а во-вторых, на составление программы Туркестанского отдела Политехнической выставки. Мысль о том, чтобы организовать в Москве Политехническую выставку вот уже некоторое время обсуждалась в ОЛЕАЭ. А.П. Федченко был уверен, что Туркестанский край и его произведения обязательно должны быть представлены на подобном мероприятии, в чем он взялся убедить и К.П. фон Кауфмана.

Однако прежде чем с головой окунуться в подготовку Туркестанской выставочной экспозиции, А.П. и О.А. Федченко собирались совершить еще одну поездку, на этот раз в только что присоединенный к территории Российской империи Магиан. Вся поездка заняла не более двух недель в первой половине сентября 1870 г. Кроме А.П. и О.А. Федченко в этом походе участвовал переводчик по фамилии Салтанов. Основной целью поездки был сбор сведений о географии, населении, экономике, общественном устройстве и даже истории вновь присоединенного края, что не помешало О.А. Федченко продолжить сбор гербарных коллекций. «Маршрут мой был следующий, – писал А.П. Федченко, между прочим в единственном числе, в то время, как путешествовали они вдвоем, – 4-го сентября я прибыл в Ургут; отсюда, на завтра, через перевал Сангы-Джуман, в Фарап; на следующий день, через перевал Зиркак, в Магиан. Из Магиана я сделал две экскурсии: одну по Магианскому ущелью, до перевала Вачехна, другую на гору Бильгу. 9-го сентября отправился вниз по Магиан-Дарье до селения Кастарача; 10-го прибыл в Пянджикент и 12-го – в Самарканд».⁸⁰⁰ Здесь следует отметить, что большинство отчетов А.П. Федченко об их совместных с О.А. Федченко путешествиях написаны от имени одного лица, так что у читателя складывается впечатление, что А.П. Федченко путешествовал в одиночестве. В отчете об экспедиции в Магиан имя О.А. Федченко не упоминается ни разу и если бы не ее утверждение в автобиографии о том, что она «участвовала во всех путешествиях

⁸⁰⁰ [Федченко А.П.] Поездка в Магиан А.П. Федченко, заведывающего ученой экспедицией общества в Туркестанском крае // Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. IX. Ч. 1. С. 23.

А.П. Федченко по Заравшанской долине в 1869 г., на Инскандер-Куль и в верховья Заравшана, в Джизак, Магиан и Фарап...»,⁸⁰¹ а также указания в ее гербарии на места сбора тех или иных растений, у нас не было бы уверенности в том, что О.А. Федченко и на этот раз сопровождала мужа.

Такая форма составления отчетов могла вполне устраивать некоторую часть научного сообщества. Тем более, что А.П. Федченко был единственным официальным, состоявшим на государственной службе и получавшим жалованье членом экспедиции. Например, Московский университет высоко оценил результаты работы первого сезона Туркестанской экспедиции, присудив А.П. Федченко недавно учрежденную премию имени Г.Е. Щуровского, но, разумеется, не О.А. Федченко. Однако, похоже, что руководство ОЛЕАЭ было не согласно с подобным поведением. В протоколе «годового» заседания ОЛЕАЭ от 17 октября 1870 г., на котором подводились итоги деятельности общества за прошедший год, можно прочитать следующее: «В прошлом году из подобных сообщений, как известно, особенное внимание обратили на себя результаты Туркестанской экспедиции. Честь этих результатов по отношению как обогащения коллекций, так в особенности и новых научных данных принадлежала А.П. Федченко. Университет, назначив в нынешнем году первое присуждение высочайше утвержденной премии первого президента общества, заслуженного профессора Григория Ефимовича Щуровского, удостоил этой награды почтенные труды нашего сочлена».⁸⁰² Подчеркнув таким образом, удовлетворение от полученной членом общества награды, ОЛЕАЭ однако отметило далее: «Общество с своей стороны пожелало увенчать наградой те результаты Туркестанской экспедиции, которые обязаны трудам ревностных сотрудников Ал[ексея] П[авловича] Федченко. Оно присудило золотую медаль Ольге Александровне Федченко, всюду сопутствовавшей своему мужу и собравшей на

⁸⁰¹ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁸⁰² [Приложение к Седьмому годовичному заседанию Общества 17-го Октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 186.

пути замечательный гербарий Заравшанской флоры и альбом видов и пейзажей местностей, пройденных экспедицией».⁸⁰³ Таким образом, ОЛЕАЭ сочло нужным публично подчеркнуть что А.П. Федченко был не единственным участником экспедиции и что члены ОЛЕАЭ не менее высоко оценили достижения Ольги Александровны Федченко.

Однако супруги Федченко при этом не присутствовали. Осень, зиму 1870 г. и начало весны 1871 г. они провели в Ташкенте, активно занимаясь подготовкой к Политехнической выставке, которая должна была состояться в Москве летом 1872 г. А.П. Федченко официально возглавил Комитет по устройству Туркестанского отдела Политехнической выставки. Необходимо было составить программы экспозиций по различным разделам (географическому, этнографическому, естественноисторическому, техническому). Подготовить и выслать в Москву коллекции, подготовить несколько публикаций о крае и тому подобное. А.П. Федченко был очень деятельным человеком: он организовал Туркестанское отделение ОЛЕАЭ, читал популярные лекции для местной публики, проводил естественнонаучные экскурсии. О.А. Федченко во всем ему помогала, совершала ботанические экскурсии в окрестностях Ташкента и еще успевала учить местный язык. Д.Л. Иванов, также принимавший участие в подготовке к выставке, этой зимой часто бывал у четы Федченко. Он вспоминал: «Жили они в небольшом домике очень скромно, наполовину по походному. Комнаты были заставлены множеством коллекций и проч[ее]. Там меня неизменно встречало искреннее радушие О[льги] А[лександровны], – то особое дружество, которое складывается в научном сотрудничестве среди обилия материалов и малого числа работников, в обстановке жизни такой в то время новой и оригинальной страны, каков был Туркестан. А[лексея] П[авловича] редко можно было захватить дома и то ненадолго, так он был занят делами, тогда как наоборот О[льга] А[лександровна] была домоседка. У А[лексея] П[авловича] была потребность постоянно пить крепкий и сладкий чай и

⁸⁰³ Там же. Л. 186 об.

выкуривать множество папирос, поэтому О[льга] А[лександровна] держала всегда готовым самовар и старательно заготавливала папиросы. И вот, сидя у О[льги] А[лександровны] за ее неистощимым самоваром и беседуя с нею, как-то отдыхала душа, чувствовалась уверенность в будущей поддержке, крепко то доверие, которое диктуется добротой, благожелательностью и терпимостью к другим людям, а главное что подкупало меня, это была та редкая простота, которою отличалась О[льга] А[лександровна]».⁸⁰⁴

Весной же 1871 г. А.П. Федченко впервые поднял вопрос о необходимости публикации материалов Туркестанской экспедиции, направив соответствующую докладную записку на имя К.П. фон Кауфмана. Генерал-губернатор в принципе одобрил идею, приказал снести с ОЛЕАЭ на предмет общего руководства, составления плана издания и расчета необходимых сумм, дабы можно было выйти с ходатайством к государю о выделении средств.⁸⁰⁵ Тогда же А.П. и О.А. Федченко планировали свои будущие экспедиции.

21 апреля 1871 г. А.П. и О.А. Федченко выехали из Ташкента, направляясь в Кызыл-Кумы. Эта экспедиция продолжалась ровно месяц: супруги вернулись в Ташкент 20 мая 1871 г. Подробный отчет об этом стремительном путешествии так и не был напечатан. В единственной, правда опубликованной дважды, заметке⁸⁰⁶ (если учитывать публикацию 1950 г., то трижды): «Заметка о степи Кызыл-Кум», А.П. Федченко писал: «...я посетил восточную часть степи Кызыл-Кум в двух местах: у Чардары и у колодца Дюсебая. Из Чардары я прошел по пескам в западном

⁸⁰⁴ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко... С. 102–103.

⁸⁰⁵ См. Докладную записку А.П. Федченко и резолюцию на нее Кауфмана в: 1871 г. 30 марта. Докладная записка А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 109–112.

⁸⁰⁶ Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. Спб., 1873. С. 102–109; То же. Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. 1916. Т. XII. Вып. 2. С. 241–249.

направлении около 50 верст до колодца Байбек на дороге Матай; отсюда я вышел к Узунату и затем вдоль Сыр-дарьи спустился к Байракуму. Из Байракума, идя в Дюсебай, я посетил гору Карак, находящуюся в 60 верстах от Сыр-дарьи. Гора Карак – небольшая возвышенность (подымающаяся футов на 250 над уровнем степи), имеющая до 40 верст протяжения, составляет довольно любопытное открытие настоящего путешествия; по крайней мере я не нашел ее ни на одной карте. Такою же неожиданностью было существование глинистой (полынной) степи на левом берегу Сыр-дарьи. Благодаря настоящему путешествию впервые определяется восточная граница кызылкумских песков: линия, проведенная от Джулека к колену Сыр-дарьи у Чардары, почти совпадает с границей сплошных песков».⁸⁰⁷ Путешествие было не из легких. Колодцы попадались иногда не чаще одного в три дня, случалось, что они оказывались пересохшими или вода в них – испорченной. Впоследствии А.П. Федченко назвал эти края «самой ужасной частью Средней Азии».⁸⁰⁸ Всего было пройдено почти 700 верст (примерно 747 километров). О.А. Федченко, как это уже было привычно, собирала ботанические коллекции, в том числе образцы кормовых трав, помогала А.П. Федченко при сборе коллекций зоологических и делала зарисовки местности.⁸⁰⁹

Не успев отдохнуть от поездки в Магиан, А.П. и О.А. Федченко засобирались в следующую экспедицию – в Коканское ханство. Подготовка к этой экспедиции продолжалась в течение всей зимы 1870–1871 гг. Путешествие в Коканское ханство (вскоре превратившееся в Ферганскую область) стало одним из самых интересных

⁸⁰⁷ Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 178.

⁸⁰⁸ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 2.

⁸⁰⁹ См.: 1871 г. мая 24. Докладная записка А.П. Федченко Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману с кратким отчетом о поездке в Кызыл-Кумы // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 116–117.

путешествий А.П. и О.А. Федченко. Страна, в которую они направились, была очень мало известна российскому человеку, что открывало перед учеными целый ряд захватывающих возможностей. Само собой разумеется, путешествие обещало быть небезопасным не только из-за сложных горных переходов, переправ через горные реки, сильного ветра, несущего тучи пыли и ядовиты насекомых, но и из-за непростой политической ситуации. А.П. Федченко написал подробный рассказ об экспедиции, начав с описания ее целей и задач, истории предшествующих путешествий по данной территории и заканчивая подробным изложением пройденного маршрута.⁸¹⁰ В настоящей работе нет необходимости подробно останавливаться на этом. Ограничимся поэтому самым кратким изложением некоторых фактов.

Кроме А.П. и О.А. Федченко, в экспедиции принимали участие переводчик Нурекин (прапорщик) и препаратор Савельев. Рассказывая об обязанностях каждого из членов экспедиции, А.П. Федченко писал: «Ольга Александровна Федченко взяла на себя собирание и препарирование растений; рисование видов местностей, характерных по своему строению и другим особенностям, древних памятников и т[ому] п[одобное]. Кроме того Ольга Александровна находила время помогать мне и в производстве наблюдений, лежавших собственно на мне».⁸¹¹ Таким образом двое ученых и двое их помощников в сопровождении стрелка и отряда джигитов выехали из Ташкента 2 июня 1871 г. Первая длительная остановка была в Коканде, где было необходимо представиться хану, оформить разрешения на проезд, поменять сопровождающих «своих» джигитов на местных (поскольку таково было условие) и прочее. При подготовке путешествия планировалось, что О.А. Федченко сможет посещать женские половины мусульманских домов, собирая информацию об образе

⁸¹⁰ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2; То же // Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 187–384.

⁸¹¹ Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. С. 18.

жизни женщин, для этого Ольга Александровна запаслась специальными подарками. Рассказывая о встрече с мирахуром, чиновником хана, предварявшей встречу с самим ханом, А.П. Федченко пишет: «...я просил мирахура доложить и о желании Ольги Александровны принять участие в представлении (хану. – О.В.) и получить разрешение на посещение жен хана и поднесение им подарков...». ⁸¹² Но в этом О.А. Федченко было отказано: «На счет представления Ольги Александровны мне передали извинение от имени хана, – рассказывает А.П. Федченко, – что несмотря на его желание, он не может принять ее, так как это не понравится народу и, как после оказалось, соврали». ⁸¹³ Тем не менее, позднее, во время пути О.А. Федченко все-таки встречалась с женами и матерями местных правителей. ⁸¹⁴

Из-за разных проволочек экспедиция задержалась в Кокане дольше, чем хотелось бы. Им удалось покинуть город и продолжить путь только 17 июня. А.П. Федченко сильно спешил и был расстроен тем, что время уходило напрасно. «Мы ехали верхом, – пишет он, – имея при себе из снарядов и других принадлежностей только самое необходимое; все остальное ехало вьюками на особых лошадях. Этот-то вьючный обоз главным образом и задерживал нас при движениях. Он шел обыкновенно отдельно и значительно медленнее нас. Несмотря на то, что мы во время дороги делали много остановок для наблюдений и коллектирования, что большей частью ехали шагом, – обоз все-таки почти постоянно приходил позже нас на ночлег. Поэтому наши переходы были невелики; в горах, например, мы делали обыкновенно верст 20–25 в день, а в трудных местах и менее; по дорогам более

⁸¹² Там же. С. 39–40.

⁸¹³ Там же. С. 44.

⁸¹⁴ См., например, письмо А.П. Федченко К.П. фон Кауфману из селения Уч-Курган 16 июля 1871 г., в котором А.П. Федченко пишет: «Сегодня был у Музафар-ша. Он в большом горе: вчера похоронил любимую жену, которой было только 16 лет и на которой он женился, когда ей было 12 лет. Ольгу Александровну принимала мать умершей: все лицо изодрано, говорить не может, а только охает» (А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 134).

открытым – верст 30 и иногда лишь до 40».⁸¹⁵

Одной из первоочередных задач экспедиции было картографирование местности. Однако делать это на глазах у сопровождающих казалось неосмотрительным. Обязанность определять направление легла на О.А. Федченко, поскольку джигиты обращали на нее меньше внимания. А.П. Федченко так рассказывает об этом: «Немного кривя, мы ехали, однако, приблизительно в одном направлении, но в каком – решить было трудно. Мне очень хотелось посмотреть на буссоль, но коканские джигиты не оставляли нас ни на минуту, а мне не хотелось возбуждать их подозрительность на первых же шагах. Установив общее направление дороги по видневшейся далеко на юго-западе горе, я решил воспользоваться какой-то разрушенной стенкой, зашел за нее и взял направление. На другой день дело шло уже легче: мы как-то разбились, вся партия растянулась на несколько верст, и я уже менее стеснялся. Затем, когда нужно было при частых поворотах в ущельях чаще брать направление, буссоль перешла в руки Ольги Александровны, как менее вызывавшей сомнения относительно ее занятий».⁸¹⁶

Маршрут экспедиции был следующим: Ташкент, Ходжент, Махрам, Коканд, селение Яйпан, селение Исфара, Селение Чарку, Селение Варух, урочище Чичикты, ущелье Джиптык, ледник Щуровского, селение Карабулак, долина реки Соха, селение Обихана, селение Шахимардан, селение Иордан, Кара-кузыкский перевал, сел. Шахимардан, селение Охна, селение Вуадиль, селение Уч-Курган, урочище Лянгар, река Исфайрам, перевал Тенгиз-бай, перевал Исфайрам, Алайская долина, река Кызыл-су до урочища Дараут-курган. Далее – обратный путь до Оша, Гульча, Узгент, Андижан, Наманган, перевал Кендыр-даван, селение Той-Тюбе, Ташкент.⁸¹⁷

Одним из крупнейших достижений экспедиции стало открытие и нанесение на карту Заалайского хребта. Как писал И.В. Мушкетов: «...до Федченко Алай был

⁸¹⁵ Федченко А.П. В Коканском ханстве... С. 58–59.

⁸¹⁶ Там же. С. 59.

⁸¹⁷ См.: Маслова О.В. Указ. соч. С. 81.

совершенно *terra incognita*; за исключением немногих сведений [...] посылавшихся англичанами, о нем, можно сказать, понятия не имели, так как ни один образованный европеец до Федченко не видел Алая. Федченко принадлежит честь открытия Алая и его колоссальных хребтов».⁸¹⁸ По праву, конечно, эта честь принадлежит обоим А.П. и О.А. Федченко. Однако А.П. и О.А. Федченко хотели большего: они стремились попасть на Памир, чему не суждено было исполниться в тот раз. Остановившись у подножия «Крыши мира» (урочище Дараут-курган) из-за запрета местного начальства, экспедиция была вынуждена повернуть назад. «По временам меня разбирает досада, – писал А.П. Федченко, – что наш путь кончился у кургана токсабы,⁸¹⁹ что мы не могли перешагнуть через этот край – Заалайский хребет, но припоминая все обстоятельства путешествия, я вижу, что другого исхода и быть не могло. Я говорил уже, что путешествие было предпринято при отсутствии всяких предварительных сведений, в полном неведении, где и при каких условиях мы будем путешествовать. При таких скитаниях мы попадаем весьма неожиданно для нас самих в бассейн Аму-дарьи, и оказывается, что мы в нескольких днях пути от одной из самых неизвестных и загадочных частей земного шара. Мое первое желание – идти дальше, но киргизский полковник говорит: “Нет, дальше нельзя, нужно назад”. Я был тогда очень зол на этого полковника, но, хладнокровно обсуждая положение дел, должен согласиться, что он был прав. Как могли мы идти на несколько дней в пустынную местность, не имея запасов ни фуража, ни провианта (того, что было с нами, нам не хватило и на обратный путь из Алая: мы два дня голодали...) и не имея возможности приобрести их. Если бы теперь, при тех сведениях, которые собраны мною во время совершенного путешествия, можно было отправиться на Памир, то я отправился бы и перешел бы его весь, не спрашивая ни у кого дороги; осложнения и затруднения могли бы только зависеть о

⁸¹⁸ Мушкетов И.В. Указ. соч. С. 328.

⁸¹⁹ Токсаба – название местного правителя.

политических причин».⁸²⁰

Таким образом, посещение Памира пришлось отложить на потом. Для А.П. Федченко это «потом» так никогда и не наступило, а О.А. Федченко пришлось ждать 30 лет, чтобы в 1901 г. наконец исполнить свою мечту. Но в 1871 г. никто из них не подозревал ни о чем подобном. Повернув назад, 31 июля путешественники достигли Оша, а 27 августа 1871 г. они прибыли в Ташкент, где провели сентябрь и первые дни октября, завершая те из приготовлений к Политехнической выставке, которые необходимо было сделать до отъезда в Москву. В это же время был решен вопрос не только о командировании А.П. Федченко на Политехническую выставку в Москву, но и его двухлетней командировке за границу для обработки коллекций, собранных в течение 1868–1871 гг. и организации публикации материалов Туркестанской экспедиции.

Таким образом завершилась первая масштабная научная экспедиция Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Первая в истории России научно-исследовательская экспедиция, полноправным участником которой была женщина. Супруги Федченко вернулись в Москву победителями и вместе с ними победу праздновало пославшее их общество. Двойную победу, потому что не только Федченки были совсем еще «зелеными», начинающими учеными, когда ОЛЕАЭ направило их в Туркестан, точнее, это А.П. Федченко был «зеленым», но и потому что одна из них была женщиной и значит никаким ученым вообще, и не смотря на то и другое их экспедиция увенчалась полным успехом, привезя с собой назад в Москву не только карты и описания неизвестных ранее труднопроходимых территорий, но и огромные по объему естественнонаучные коллекции.

Личный вклад, привнесенный О.А. Федченко в успех знаменитой «Туркестанской экспедиции», – название, закрепившееся за экспедицией супругов Федченко, – был очень велик. Помимо превосходно исполненных обязанностей художника экспедиции, она занималась метеорологическими наблюдениями,

⁸²⁰ Федченко А.П. В Коканском ханстве... С. 154.

помогала при картографировании местности, оказывала помощь А.П. Федченко в сборе зоологических коллекций. Но, конечно, основной ее вклад – это богатейшие гербарии туркестанской флоры. Понадобился не один год и несколько специалистов, чтобы обработать, определить и опубликовать ботанические материалы, собранные О.А. Федченко в течение 1869–1871 гг. Через 30 лет по завершении экспедиции, О.А. Федченко опубликовала «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах».⁸²¹ Эта работа, составленная на основании Туркестанского гербария Ольги Александровны, хранившегося в то время в Ботаническом саду Московского университета (в 30-е гг. XX в. он был передан Среднеазиатскому (Ташкентскому) университету в обмен на дублетные материалы),⁸²² представляла собой полный список собранных ею растений. Он включал 1527 видов, не считая разновидностей. В том числе Высших семенных 1497, Папоротникообразных 7, Мхов 16, Печеночниц 1, Грибов 6. Помимо этого в примечаниях указывались виды, собранные экспедицией вне пределов Туркестана. Каждый из видов был представлен в нескольких экземплярах, благодаря чему полная коллекция дублетов оказалась в распоряжении Императорского Ботанического сада в С.-Петербурге, положив начало Туркестанскому разделу Гербария этого учреждения, дублеты были также посланы в крупнейшие гербарии Европы, в том числе в Женеву, Берлин, Кью. Из числа представленных видов по подсчетам В.И. Липского около 220 были описаны как новые.⁸²³ По нашим подсчетам, таких набралось 226 видов, не считая разновидностей. При этом О.А. Федченко пунктуально следовала инструкциям, составленным для нее более опытными коллегами: она скрупулезно записывала

⁸²¹ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. М., 1902 (Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

⁸²² См.: Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. Гербарий Московского университета. М., 1978. С. 31.

⁸²³ Липский В.И. Флора Средней Азии... С. 203–204 (№ 269).

место и время сбора каждого растения, высоту над уровнем моря, наличие цветов и плодов, местные названия. В биографии О.А. Федченко, написанной для юбилейного издания Императорского ботанического сада в 1915 г. либо ею самой, либо ее сыном, также крупным ботаником Б.А. Федченко, дается следующая характеристика туркестанских сборов О.А. Федченко: «Во время путешествия в Туркестан был собран ботанический материал, который оказался чрезвычайно интересным, так как содержал множество новых видов и ряд новых родов; русская же флора обогатилась целым новым для нее семейством *Vignoniaceae* (новый вид, красивоцветущая *Incarvillea Olgaе Rgl*)».⁸²⁴ Таким образом вклад О.А. Федченко в ботаническое изучение Средней Азии был более чем значительным.

Хотя в последствии, в одной из трех известных своих автобиографий (1900 года) О.А. Федченко писала безо всякого пафоса и, похоже, не видя ничего особенно выдающегося и героического в своих достижениях: «В 1867 г. вышла замуж и участвовала с мужем во всех его путешествиях: в 1867 г. в Финляндию и Швецию, в 1867/8 на 1-й съезд Ест[ество]-и[спытателей] и врачей, в 1868 г. в Австрию и Италию (февраль-май) [...] в октябре 1868 же года предприняла с А.П. Федченко трехлетнее путешествие в Туркестан, где участвовала и в Исследовании Заравшанкой долины (1869 г.),⁸²⁵ Фарапа и Магиана (1870), Кизил-Кумов (1871 г.) и независимого еще тогда Коканского ханства (1871 г.) (нынешняя Ферганская область), а также окрестностей Ташкента (1870 и 1871 г.) и в той экспедиции генерала Абрамова в верховьях Заравшана (1870), участникам которой присвоена теперь особая медаль».⁸²⁶ Никакой особой гордости не чувствуется в этом сухом перечислении, вообще никаких чувств, кроме может быть некоторой обиты на то,

⁸²⁴ Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

⁸²⁵ Далее зачеркнуто: «верховья Зеравшана с оз[ером] Искандрер-Куль и Ягноба, а также».

⁸²⁶ Федченко О.А. Письмо М.А. Кожевниковой. 23 марта 1900 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об.

что ни А.П. Федченко, ни ей, конечно, никто не подумал присудить медаль, положенную всем остальным участникам похода Абрамова: А.П. Федченко к этому времени был мертв, а о ней, разумеется, никто не вспомнил. Но в 1872 году они были триумфаторами.

Но в 1872 г. они были победителями. Интерес в обществе к Туркестану – загадочному, неисследованному краю – в этот период был велик и еще больше подогревался англо-русским политическим соперничеством. А.П. и О.А. Федченко оказались в центре всеобщего внимания. Объем материалов, привезенных ими, поражающе воображение, в их обработке уже были задействованы несколько крупных ученых, те отчеты и статьи, которые публиковал А.П. Федченко по ходу путешествий, позволяли надеяться, что полная публикация материалов экспедиции станет, без преувеличения, сенсацией в научном мире. Научное сообщество очень высоко оценило результаты путешествий супругов Федченко. «Превосходными» назвал работы А.П. Федченко по изучению Туркестанского края П.П. Семенов-Тянь-Шанский,⁸²⁷ В.И. Мушкетов писал: «Итак, сопоставляя все сказанное нами вкратце об экспедиции А.П. Федченко, нельзя не согласиться с справедливым мнением одного из лучших ориенталистов, Генри Юля, что путешествие Федченко, по богатству материала и плодотворности результатов [...] составляет эпоху в научных исследованиях Туркестана».⁸²⁸ Н.И. Леонов в исследовании, посвященном научной биографии А.П. Федченко, пишет о том, что если 28 ноября 1871 г. А.П. и О.А. Федченко присутствовали на 59 заседании ОЛЕАЭ в Москве, где получили благодарность за свои труды, то уже 10 декабря А.П. Федченко выступал на заседании Русского географического общества в С.-Петербурге, участники которого очень заинтересовались его рассказом. Н.И. Леонов пишет также: «С не меньшим интересом отнеслось собрание и к рисункам О.А. Федченко, иллюстрирующим

⁸²⁷ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества 1845–1895. Ч. II. Отд. IV. СПб., 1896. С. 739.

⁸²⁸ Мушкетов И.В., Указ. соч. С. 337.

пройденные маршруты».⁸²⁹ К сожалению, нам не удалось установить, сопровождала ли О.А. А.П. в этой поездке и присутствовала ли она лично на заседании.

Не только научная общественность, но и правительство высоко оценило результаты деятельности А.П. и О.А. Федченко: 22 февраля 1872 г. А.П. Федченко «Во внимание к особым трудам и лишениям, понесенным при научном исследовании Туркестанского края и ввиду важности результатов, добытых этими исследованиями, все милостивейше пожалован кавалером ордена св. Василия 4 степени».⁸³⁰ В тот же день О.А. Федченко «За труды по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Коканского ханства пожалована из Кабинета Его Величества [...] золотым браслетом, украшенным бриллиантами с рубином»⁸³¹ (стоимость этого браслета составляла 500 рублей).⁸³² И, как мы говорили выше, успех и признание научных заслуг супругов Федченко, стало успехом и признанием, снарядившего их экспедицию общества. Естественно, руководители и члены ОЛЕАЭ не могли дожидаться случая продемонстрировать свой триумф. Политехническая выставка была для этого самым подходящим местом.

4.1.3. Участие женщин в организации научно-просветительских выставок ОЛЕАЭ в Москве. Первым масштабным научно-просветительским мероприятием, организованным ОЛЕАЭ, была Всероссийская этнографическая выставка и проводившийся одновременно с ней Славянский съезд, организованные в 1867 г.⁸³³ Из женщин, состоявших в момент устройства Этнографической выставки членами ОЛЕАЭ, как минимум О.А. Армфельд (Федченко) и Е.В. Богданова принимали

⁸²⁹ Леонов Н.И. Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972. С. 62–63.

⁸³⁰ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко... С. 34–35.

⁸³¹ Богданов А.П. Указ. соч. Л. 26.

⁸³² См.: РГИА. Ф. 468. Алфавит к делам по Камеральному отделу 1 столу Кабинета Его Императорского Величества 14. 1870–1880.

⁸³³ Об этом см.: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М.: Унив. тип., 1867.

активное участие как в подготовке мероприятия, так и в его проведении. В автобиографии О.А. Федченко, опубликованной в книге А.П. Богданова «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850-1887 г.)», отмечено, что О.А. Федченко «...помогала в [...] составлении каталога и размещении коллекций антропологического отдела Этнографической выставки.⁸³⁴ Получила благодарность общества за рисунок крестьянки Рязанской губернии и бронзовую медаль Этнографической выставки за костюмы чувашей и мордвы, добытые Ю.Н. Стешиной».⁸³⁵ В цитированном выше представлении Е.В. Богдановой к избранию в члены ОЛЕАЭ было упомянуто об ее участии в организации выставки. Однако масштаб планировавшейся в 1872 г. Политехнической выставки должен был значительно превзойти масштаб Этнографической. В ее организации было задействовано большинство членов ОЛЕАЭ, в том числе Е.В. Богданова, О.А. Федченко, Е.К. Фреймут. Но из них троих наибольший объем работы выпал на долю именно О.А. Федченко, поскольку в ее обязанности (наряду с А.П. Федченко) входил разбор и подготовка к выставке коллекций Туркестанской экспедиции.

О.А. Федченко так описывала свои занятия в этот период: «По возвращении из Туркестана зимою 1871–1872 г. разбирала гербарий и энтомологические коллекции, рисовала под микроскопом детальные рисунки пчел, вошедшие в 3-й выпуск “Путешествия в Туркестан”, а также принимала участие в устройстве Туркестанского отдела Политехнической выставки. Поместила статью о Туркестанском отделе в Вестнике Политехнической выставки и участвовала в

⁸³⁴ См.: Каталог антропологического и археологического отдела Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете. М., 1867.

⁸³⁵ Богданов А.П. Материалы... Л. 26.

составлении каталога отдела».⁸³⁶

Туркестанский отдел Политехнической выставки, открывшейся в Москве 30 мая 1872 г. (в день 200-летия Петра I), стал одним из самых посещаемых на выставке. О.А. Федченко принимала самое активное участие в подготовке экспозиции, участвовала в написании «Каталога Туркестанского отдела Политехнической выставки».⁸³⁷ Помимо организационной, редакторской и чисто технической работы, Туркестанский отдел был обязан О.А. Федченко достаточно большим числом экспонатов. На выставке было выставлено 14 художественных работ Ольги Александровны – виды местностей, посещенных экспедицией, изображения построек как современных, так и исторических: «Выставленный ряд пейзажей может знакомить с характером различных местностей Туркестана, как горных, так и степных. Вид Алая [...] знакомит с так называемыми плоскогорьями, обширными плоскими долинами, лежащими на значительной высоте и играющими такую выдающуюся роль в орографии всех высоких хребтов Средней Азии. Вид этот интересен еще в том отношении, что дает понятие о горной массе, связующей Гималаи с Тянь-Шанем [...] Другой вид [...] знакомит с одним из грандиознейших явлений, характерным для высоких гор: ледником», – сообщает «Каталог», подробно описывая каждый из выставленных рисунков О.А. Федченко.⁸³⁸

Почти исключительно трудами О.А. Федченко была подготовлена ботаническая секция Туркестанского отдела выставки. Здесь было представлено несколько коллекций, собранных Ольгой Александровной. Прежде всего гербарий из 300 видов, характерных для туркестанской флоры. Эти растения определял доктор Э.Л. Регель. Экспозиция составлялась таким образом, чтобы дать представление о разных типах растительности. Растения распределялись по разделам: представители

⁸³⁶ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁸³⁷ Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.Л., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872.

⁸³⁸ Там же. С. 3.

флоры песков Кизил-Кум (40 видов и других форм), глинистой степи (82 вида), речной полосы, растущие узкой полосой вдоль Сыр-дарьи (13 видов), альпийских лугов (30 видов), представители горной флоры, в том числе травянистые (100 видов), кустарники (60 видов), деревья (25 видов).⁸³⁹ Редактор «Каталога» спешил предупредить будущих посетителей выставки: «Некоторые наиболее характерные растения выставлены за стеклом, для обзора других лиц, специально интересующихся ботаникой, обращаться к члену дежурному по отделу. Многие из перечисленных здесь растений – новые виды, еще не описанные».⁸⁴⁰ Кроме того О.А. Федченко, составила снопы кормовых трав придарьинских лугов и Кизил-Кума (10 видов). В представленном дендрологическом собрании также был ее немалый вклад – обрубки из собраний Туркестанской экспедиции. Также О.А. Федченко принадлежали гербарий красивых растений, разводимых туземцами в садах (12 видов), и гербарий разводимых в Туркестанском крае растений, дающих какие-либо продукты (66 видов). Здесь же было несколько гербариев, собранных другими исследователями: «Гербарий красивых растений туркестанской флоры», собранный И.И. Краузе и определенный Э.Л. Регелем, гербарий и снопы дикорастущих злаковых растений туркестанской флоры И.И. Краузе и также определенный Э.Л. Регелем, гербарий лекарственных растений И.И. Краузе, в составление дендрологического собрания значительный вклад внес также Н.И. Корольков. Помимо засушенных образцов целый раздел ботанической секции занимали живые растения туркестанской флоры, выращенные в Ботаническом саду Московского

⁸³⁹ Следует отметить, что В.И. Липский в своей известной работе «Флора Средней Азии» не только не включает О.А. Федченко в число авторов «Каталога Туркестанского отдела» (вопреки обложке этого издания), но и пишет, что гербарий местной флоры «составлен А.П. Федченко» (Липский В.И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. С. 234. № 312) опять-таки вопреки прямому заявлению «Каталога». Эта ошибка, насколько нам известно, никем еще не была исправлена.

⁸⁴⁰ Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.Л., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог... С. 7.

университета из семян и клубней, доставленных экспедицией А.П. и О.А. Федченко. Среди них – впервые привезенный в Европейскую Россию сумбул (*Euryangium sumbul* Kauffm.) и др.⁸⁴¹

Вклад О.А. Федченко в организацию экспозиции Политехнической выставки не остался незамеченным. За гербарий и альбом Туркестанских видов она получила большую золотую медаль ОЛЕАЭ, а на Политехнической выставке – два свидетельства на золотые медали.⁸⁴² Более того, благодаря Политехнической выставке, ее вклад в ботаническое изучение Средней Азии стал широко известен, что принесло О.А. Федченко известность и признание в ученом мире. Когда по окончании Политехнической выставки супруги Федченко направились в уже запланированную командировку в Европу, О.А. Федченко принимали в научном сообществе не просто как «супругу путешественника»; ее имя было известно, и ее воспринимали как самостоятельного ученого. Б.А. Федченко впоследствии писал, например, о первом посещении Ольгой Александровной Англии: «В первый раз О.А. [Федченко] посетила Лондон вместе со своим мужем А.П. Федченко осенью 1872 г. В это время она была уже известна в ученом мире Западной Европы, так как незадолго перед тем возвратилась из трехлетнего путешествия по Средней Азии, сопровождавшегося крупными географическими открытиями, не говоря уже о сборе колоссального ботанического материала в местах, где не ступала нога европейца. Благодаря этому, О.А. [Федченко] легко завязала нужные связи среди крупных ученых Англии – географов Генри Юля,⁸⁴³ известного путешественника [...],⁸⁴⁴

⁸⁴¹ Там же. С. 7–13.

⁸⁴² Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁸⁴³ Имеется ввиду Юль Генри (Henry Youle Hind) (1823–1908) – английский и канадский географ и геолог.

⁸⁴⁴ Слово неразборчиво. – О.В.

выдающегося ботаника Дж. Д. Хукера, директора Ботанического сада в Кью,⁸⁴⁵ [...] ⁸⁴⁶, а также вдовы известного полярного путешественника Франклина,⁸⁴⁷ которая десять лет организовывала ряд экспедиций с целью поисков следов своего мужа...». ⁸⁴⁸

По окончании работы Политехнической выставки было принято решение об открытии в Москве Политехнического музея и передаче всех выставочных коллекций в его распоряжение. Таким образом, коллекции Туркестанского отдела выставки положили начало Туркестанскому отделу Политехнического музея Москвы.

Из числа других женщин, награды ОЛЕАЭ за вклад в организацию Политехнической выставки удостоилась Е.К. Фреймут: 26 ноября 1872 г. на 64 заседании ОЛЕАЭ общество обсуждало «Присуждение почетных адресов членам Комитета, участвовавших в устройстве отделов выставки...» и сочло нужным удостоить подобным адресом в том числе Е.К. Фреймут. ⁸⁴⁹

4.1.4. Женщина во главе крупнейшего научно-издательского проекта ОЛЕАЭ второй половины XIX века. ⁸⁵⁰ Однако даже такого успеха, каким обернулась для ОЛЕАЭ Политехническая выставка и ее Туркестанский отдел, было

⁸⁴⁵ Имеется ввиду Джозеф Хукер (Hooker, Sir Joseph Dalton) (1817–1911) – знаменитый английский ботаник, биогеограф и путешественник; с 1865 по 1885 гг. – директор Королевского ботанического сада Кью.

⁸⁴⁶ Слово неразборчиво. – О.В.

⁸⁴⁷ Имеется в виду Франклин (Franklin) Джейн (1797–1875) вторая супруга известного полярного исследователя Джона Франклина (1786–1847).

⁸⁴⁸ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 30.

⁸⁴⁹ Шестидесят четвертое заседание общества. 26 ноября 1872 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д.12. Л. 59, 59 об.

⁸⁵⁰ Подробнее об этом см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с.

недостаточно. Общество хотело признанных научным сообществом публикаций – традиционной формы признания академического успеха. А.П. Федченко, в свою очередь, хотел публикации материалов экспедиции, поскольку без этого проделанная работа казалась незавершенной. Собранные коллекции, частично разобранные самими супругами Федченко, частично были розданы для разбора и описания другим членам ОЛЕАЭ еще в 1869 г. Активное участие в этой работе приняла, например, Е.К. Фреймут. На заседании ОЛЕАЭ 12 июня 1870 г. Е.К. Фреймут выступила с описанием *Pompholux dimorpha*, а также некоторых видов пилильщиков (Tenthredinidae) Туркестанского края.⁸⁵¹ Это выступление дамы на научном заседании попало в газеты. А.П. Федченко писал Елизавете Карловне 17 августа 1870 г.: «Читал в газетах, что Вы читали о пилильщиках, в заседании 12 [июня]. Тот день мне очень памятен: это день самого трудного перехода по долине Фана, когда лошади и ослы валились в реку, когда Абрамов потерял в один день вещей рублей на 500. Все это уже миновало и теперь только с удовольствием вспоминаем про самые пикантные приключения».⁸⁵² Анализ Е.К. Фреймут Перепончатокрылых, привезенных из Туркестана, был опубликован в Известиях ОЛЕАЭ.⁸⁵³ В отчете за 1870 г. секретарь общества отмечал, что: «Всеми данными, которые внес А.П. Федченко в свой отчет о Туркестанской экспедиции по отношению к перепончатокрылым, он главным образом обязан специальному содействию Е.К. Фреймут в определении и обработке собранного обширного материала».⁸⁵⁴

⁸⁵¹ 3. Отчет секретаря ОЛЕАЭ. [17 октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 182 об.

⁸⁵² Федченко А.П. Письмо к Е.К. Фреймут. 17 августа [1870 г.] // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 849. Л. 1 об, 2.

⁸⁵³ Фреймут Е.К. *Pompholux dimorpha* n. sp., новая безкрылая форма из семейства Пилильщиков (Tenthredinidae) и несколько других новых видов этого семейства // Известия ОЛЕАЭ. 1870. Т. VIII. Вып. 1. С. 214.

⁸⁵⁴ Отчет секретаря ОЛЕАЭ. [17 октября 1870 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 455. Оп. 1. Д. 12. Л. 182 об.

Как мы упоминали выше, А.П. Федченко начал вести переговоры о возможной публикации трудов экспедиции еще находясь в Ташкенте, и к 1872 году вопрос о финансировании проекта был в целом решен, так же как и командировка супругов Федченко в Европу для подготовки публикации (формально, конечно, был командирован только А.П. Федченко). Его командировали в Европу на период с 1 сентября 1872 г. по 1 сентября 1874 г.,⁸⁵⁵ поэтому по завершении Политехнической выставки О.А. и А.П. Федченко засобирались в Европу, куда и выехали в сентябре 1872 года.

Они посетили Германию, Англию и Францию. В Германии были проездом и успели только осмотреть некоторые естественнонаучные учреждения. В Англии задержались дольше. А.П. Федченко занимался организацией издания материалов экспедиции: искал людей, готовых взяться за обработку коллекций, выяснял условия печати таблиц и других иллюстративных материалов, сам обрабатывал преимущественно энтомологические коллекции, писал «В Коканском ханстве» и прочее. О.А. Федченко, как обычно, помогала мужу. В связи с подготовкой издания в несколько раз увеличился объем переписки с зарубежными коллегами, которую вела О.А. Федченко, знавшая иностранные языки намного лучше своего мужа. На ее плечи легло также немало других дел по организации издания и поддержания связи между всеми участниками этого процесса. Как достаточно красочно выразился Д.Л. Иванов, назначенный помощником А.П. Федченко в этом деле, «О.А. [Федченко] занимала положение контролера [...]. Она отличалась особою аккуратностью и педантичностью в делах издания и эти же требования предъявляла ко мне».⁸⁵⁶

Тем не менее у О.А. Федченко были и свои планы на заграничное путешествие. Она не теряла времени даром, познакомившись со многими

⁸⁵⁵ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 32.

⁸⁵⁶ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // Известия Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 103.

известными ботаниками и путешественниками. По договоренности с Генри Юлем она во время пребывания за границей перевела его работу «История и география верховьев Аму-Дарьи». Этот перевод с примечаниями самого Г. Юля, А.П. Федченко и Н.В. Ханыкова был опубликован в «Известиях Русского Географического общества»⁸⁵⁷ и удостоился присуждения серебряной медали РГО.⁸⁵⁸ О.А. Федченко, кажется, предпочла бы задержаться в Англии подольше, но, как писал Б.А. Федченко, «О.А. [Федченко] сопровождала мужа в его заграничной командировке и потому должна была вместе с ним ехать далее, на юг, во Францию и Швейцарию».⁸⁵⁹ В Париже супруги Федченко пробыли недолго и обстоятельств этого, первого для О.А. Федченко, посещения не сохранилось.⁸⁶⁰

Уже в октябре 1872 г. А.П. и О.А. Федченко поселились в Лейпциге.⁸⁶¹ Подготовка к изданию шла полным ходом. 5 декабря 1872 г. А.П. Федченко писал правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину: «Что я поселился в Лейпциге, надеюсь вам уже известно; сижу над обработкой собранных материалов, przygotowую начало манускриптов к печати и по этой части все идет весьма утешительно в смысле конечного результата, т[о] е[сть], что издание будет такое, какого после русских путешествий еще не появлялось».⁸⁶² А.П. Федченко познакомился с кружком географов, живших в Лейпциге, и посещал их собрания. В том же письме он сообщал, что немецкие ученые сильно интересуются будущим изданием и сетуют на то, что оно предполагается по-русски.

⁸⁵⁷ Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О.А. Федченко с доп. и прим. А.П. Федченко, Н.В. Ханыкова, Г. Юля // Известия Русского Географического общества. 1873. Т. IX. № 6: Приложение. С. 1–82.

⁸⁵⁸ См.: Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁸⁵⁹ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными... Л. 30–31.

⁸⁶⁰ Там же. Л. 55.

⁸⁶¹ См.: Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

⁸⁶² 1872 г. декабря 5. Письмо А.П. Федченко правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину // А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 159.

Ольга Александровна потратила время своего пребывания в Лейпциге на занятия «микроскопической ботаникой» у профессора Luerssen'a в Лейпцигском университете. Кроме того у нее было еще одно важное дело: 27 декабря 1872 г. она родила сына, которого решили назвать Борисом.

Летом 1873 г. О.А. и Б.А. Федченко отправились в Швейцарию, где О.А. Федченко, по словам Б.А. Федченко, завязала «некоторые научные связи».⁸⁶³ Но больше всего А.П. и О.А. Федченко интересовали горы: Алексей Павлович готовился к экспедиции на Памир и изучал ледники. В конце лета вместе А.П. и О.А. Федченко посетили ледник Гриндельвальда. Кроме того О.А. Федченко совершила несколько экскурсий в высокогорные районы, где собрала небольшой гербарий. Но это путешествие закончилось быстро и неожиданно. В конце августа А.П. и О.А. Федченко приехали в местечко Монтре, откуда 31 августа, в пятницу, О.А. Федченко проводила А.П. Федченко «до крайнего пункта железной дороги».⁸⁶⁴ А.П. Федченко переночевал в Сальване и в субботу вечером прибыл в Шамуни. Здесь он осмотрел музей натуралиста господина Пайо, некоторые из коллекций которого он собирался приобрести, а потом договорился о проводниках для экскурсии на ледник Col du Geant, которую он собирался предпринять на следующий день. О.А. Федченко впоследствии писала, что по словам господина Пайо, тот отговаривал Алексея Павловича от этого восхождения, хотя делал это недостаточно твердо. Пайо же рекомендовал А.П. Федченко в качестве проводников двух своих племянников, не имевших достаточного опыта. На следующее утро в 7.30 А.П. Федченко с проводниками был уже в маленькой гостинице Montanver у подножия ледника, где он запасся провизией. Погода была прекрасна, подъем проходил успешно и путники уже приближались к перевалу, когда неожиданно погода резко испортилась. А.П. Федченко внезапно стало плохо: «Алексею Павловичу грудь захватывало, ноги

⁸⁶³ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с заграничными учеными... // С.-Петербургский филиал Архива РАН Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 43.

⁸⁶⁴ Богданов А.П. Указ. соч... Л. 26.

отказывались идти. Повернули назад. Алексей Павлович до того ослабел, рассказывают проводники, что они его толкали, несли, всячески помогали ему идти; но, выбившись из сил, в 9 часов вечера остановились. Они говорят, что стерегли его до 2-х часов ночи, но потом, видя, что он умирает, решились его оставить, чтоб не подвергнуться самим той же участи», – пишет О.А. Федченко.⁸⁶⁵ Так, в ночь со 2 на 3 сентября 1873 г. во время восхождения на ледник трагически погиб Алексей Павлович Федченко. Ольга Александровна узнала о происшедшем в среду, 5 сентября, от путешественника, пришедшего к ней пешком из Шамуни. Она тот час же бросилась туда и приехала в Шамуни в четверг в 10 утра. Ей показали тело умершего. Сопровождавший О.А. Федченко врач попытался пустить кровь, но, конечно, все уже было бесполезно.

В смерти А.П. Федченко было много непонятного: почему его бросили проводники, почему они сразу же не привели помощь, почему сразу не сообщили О.А. Федченко. Ольга Александровна винила господина Пайо, проводников и нерасторопность властей. Хуже того, из-за неясных обстоятельств смерти в прессе появилась информация, порочащая А.П. Федченко и обвиняющая его самого в произошедшем. Петербургская газета «Голос», например, сообщая о смерти А.П. Федченко, напечатала следующее: «В “Journal de Geneve” пишут из Шамуни: ...Можно себе представить томительное положение трех несчастных, боровшихся против ужасов смерти среди темной ночи в опасных ущельях Col du Geant, откуда и днем можно выбраться лишь с трудом, лишенных продовольствия, так как профессор, рассчитывая на свою геркулесовскую силу и на молодые годы, не дозволил брать излишней провизии!...» и прочее в том же духе.⁸⁶⁶ Подобные инсинуации были нестерпимы для О.А. Федченко. Именно поэтому она послала в «Голос» письмо с подробным изложением обстоятельств смерти мужа (так, как удалось ей это выяснить на месте): «М[илостивые] г[осударя], в последнее время в

⁸⁶⁵ Федченко О.А. [Письмо О.А.Федченко] // Голос. 1873. № 262. (22 сентября /4 октября). С. 1.

⁸⁶⁶ Внутренние известия // Голос. 1873. № 254. С. 2.

газетах несколько раз появлялись сведения о смерти Алексея Павлович Федченко, – писала О.А. Федченко, – сведения эти сопровождаются подробностями, очень часто противоречащими одна другой и неверными. Так как я ближе всех заинтересована в этом деле и, конечно, старалась собрать о нем, по возможности, точные сведения, то считаю своим долгом изложить его так, как я его понимаю...».⁸⁶⁷

6 сентября 1873 г. О.А. Федченко похоронила мужа там же, в Шамуни. 7 сентября она вернулась в Монтре, а уже 8 сентября вместе с грудным сыном выехала в Москву.

Трагическая, так до конца и не объясненная, гибель Алексея Павловича Федченко потрясла всех. Она не только ввергла в глубокое горе близких, друзей и коллег путешественника, но и поставила под угрозу выполнение задуманных им планов. Ольга Александровна не могла этого допустить. Конечно, планировавшееся продолжение Туркестанской экспедиции стало без А.П. Федченко совершенно невозможным, но завершение обработки и издание уже собранных материалов в том виде, как предполагал это сделать А.П. Федченко, стало для нее жизненной необходимостью. Она понимала всю сложность подобного дела, но знала, что вряд ли кто-то, кроме нее, сумеет с ним справиться. Ольга Александровна единственная была в курсе всех планов, предположений и работ своего супруга, она участвовала в составлении большинства коллекций, нуждавшихся теперь в обработке, а ботаническая их часть была собрана непосредственно ею; в течение многих лет она вела всю переписку А.П. Федченко с заграничными учеными, а позднее – с издателями, типографами и пр.

Однако экспедиция А.П. Федченко не была его личным делом или даже предприятием такого общественного объединения как ОЛЕАЭ. Как сама Туркестанская экспедиция, так и последующие работы по обработке и изданию ее материалов осуществлялись на средства, предоставленные Туркестанским генерал-губернатором из бюджета Туркестанского края. Сам А.П. Федченко с 1 октября 1868

⁸⁶⁷ Федченко О.А. [Письмо О.А.Федченко] // Голос. 1873. № 262. (22 сентября /4 октября). С. 1–2.

г. состоял на государственной службе, находясь в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора «для научных и статистических исследований края».⁸⁶⁸ О.А. Федченко же по закону была исключительно частным лицом. С юридической точки зрения она как частное лицо и как женщина, для которой государственная служба была официально закрыта по законам империи, не имела права просто продолжить дело своего супруга. Теоретически место А.П. Федченко должен был бы занять другой чиновник, но человека, пожелавшего взяться за подобную работу и, что важнее, успешно справиться с ней, просто не существовало.

Существовала и другая проблема. Официальное служебное положение А.П. Федченко означало также, что он получал жалование за свои труды, как и все остальные положенные выплаты. О.А. Федченко, не состоя на службе, была, конечно, этого лишена. А между тем ее финансовое положение оказалось весьма скромным. Помимо жалования супруга, она после смерти в 1868 г. отца, имела в своем распоряжении небольшие личные средства, но они практически полностью были потрачены во время пребывания четы Федченко за границей в 1872–1873 гг., «так как оклад содержания ее мужа был недостаточен для покрытия всех расходов и по путешествию, и по редакции», – писал Г.Е. Щуровский К.П. фон-Кауфману.⁸⁶⁹

Но подобные соображения не могли остановить Ольгу Александровну. А.П. Федченко планировал оставаться за границей еще хотя бы некоторое время для улаживания дел по изданию, но О.А. Федченко вернулась в Москву сразу же после похорон мужа. Несмотря на неопределенность своего статуса, она ни на минуту не прерывала работ по обработке и изданию коллекций, так, как если бы А.П. Федченко был жив. Она не допускала мысли о том, что дело будет прервано и останется

⁸⁶⁸ Послужной список состоявшего в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора титулярного советника А.П.Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 30.

⁸⁶⁹ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е.Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману по вопросу издания трудов А.П.Федченко. 1874 г. марта 25 // А.П.Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 185.

незавершенным: «Никто лучше меня не знает, какую страшную, ничем не заменимую потерю понесла наука в лице Алексея Павловича, – писала она 27 сентября (9 октября) 1873 г. П.А. Богданову. – Почти все результаты если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унес с собой в могилу. Теперь остается одно: сделать то что только можно из начатого им, издать “Путешествие в Туркестан” настолько полно, насколько только можно без него. Тут-то и в общем, и в специальных частях, и в разных частностях нужно будет постоянное ваше участие и я сильно рассчитываю на него».⁸⁷⁰

Будучи достаточно практичной, О.А. Федченко прекрасно понимала, что без поддержки руководства ОЛЕАЭ и официального согласия Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон-Кауфмана ей вряд ли удастся довести дело до конца. Туркестанская экспедиция была на тот момент одним из крупнейших научных мероприятий, организованных ОЛЕАЭ, и общество безусловно было заинтересовано в опубликовании ее материалов. Решение зависело преимущественно от президента ОЛЕАЭ Г.Е. Щуровского. И, судя по сохранившимся свидетельствам, он ни на секунду не усомнился доверить подобную задачу женщине. Возможно, потому что он хорошо знал О.А. Федченко, ее способности, научный опыт, характер. О.А. Федченко получила безусловную и энергичную поддержку своих планов не только самого Г.Е. Щуровского, но и, во многом с его подачи, – других членов общества. Еще только получив известие о гибели А.П. Федченко, Г.Е. Щуровский писал А.П. Богданову: «В настоящее время она (О.А. Федченко. – О.В.) в Москве. Трудно с нею встречаться, но на этих днях я непременно у нее буду. О средствах помочь ей и обо всех предположениях относительно издания Ник[олай] Карл[ович]⁸⁷¹ будет писать, и

⁸⁷⁰ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 27 сентября (9 октября) 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1.

⁸⁷¹ Н.К. Зенгер. – секретарь ОЛЕАЭ.

Вы поможете нам своим советом».⁸⁷²

Это письмо написано 19 сентября 1873 г., а уже 4 октября 1873 г. ОЛЕАЭ в своем 69 заседании обсуждало будущее издания «Путешествие в Туркестан». Президент Общества, Григорий Ефимович Щуровский, напомнив о научных трудах и заслугах А.П. Федченко перед Обществом, предложил «обсудить меры к окончанию прерванного смертью А.П. Федченко издания трудов Туркестанской экспедиции».⁸⁷³ Секретарь ОЛЕАЭ Николай Карлович Зенгер, в свою очередь изложив обстоятельства организации Туркестанской экспедиции и сообщив о текущем положении дел с обработкой и печатанием ее материалов, заметил: «Довершение издания потребует, без сомнения, громадных стараний и может встретить почти неодолимые препятствия, но утешительным условием, которое поможет решить трудности, является возможность воспользоваться для этой цели знанием и опытом вдовы покойного Федченко, Ольги Александровны Федченко, которая была свидетельницей всех исследований ее мужа, сопровождала его в путешествиях по Туркестану и Кокану, вела его переписку и была посвящена во весь ход занятий».⁸⁷⁴ Предполагалось, что теперь, после смерти А.П. Федченко, издание займет больше времени, чем планировалось изначально, во всяком случае – не менее трех лет. Несмотря на то, что часть материалов была уже обработана или находилась в обработке, а некоторые выпуски были отправлены в типографию, Н.К. Зенгер с уверенностью утверждал, что «все, что готово, не составляет еще четвертой доли предстоящего труда». Он связывал успех всего предприятия с двумя необходимыми факторами: 1) дальнейшим содействием Туркестанского генерал-губернатора и 2) «непосредственном и главном участии вдовы члена-основателя Ольги

⁸⁷² Щуровский Г.Е. Письмо А.П. Богданову. 19 сентября 1873 г. // Архив РАН. Ф.446. Оп. 2. Д. 762. Л.18.

⁸⁷³ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый. Шестьдесят девятое заседание Общества 4 октября 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 3.

⁸⁷⁴ Там же. С. 3–4.

Александровны Федченко».⁸⁷⁵ Выслушав вышеизложенное, члены общества, желая почтить память погибшего коллеги и сохранить для будущего его имя и ученые труды, постановили просить Туркестанского губернатора К.П. фон-Кауфмана о продолжении издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» на следующих условиях: во-первых, «...чтобы редакция «Путешествия в Туркестан» была поручена вдове покойного путешественника Ольге Александровне Федченко, равно как и вся переписка по изданию, по сношению с авторами, коим поручена обработка материала, по заказу таблиц и рисунков и по делам редакции, и чтобы разбор и по возможности окончание тех рукописей, составление коих мог принять на себя лишь сам А.П. Федченко, были также предоставлены г[оспо]же Федченко».⁸⁷⁶ Во-вторых, чтобы «...для сношений с типографиями и литографиями, для заведывания печатанием отдельных выпусков издания, корректуры и вообще для хозяйственных по изданию забот, преимущественно сосредоточенных в С.-Петербурге, редакция могла пользоваться содействием опытного и знакомого с делом лица в качестве члена редакционной комиссии по изданию»⁸⁷⁷, поскольку О.А. Федченко в тот период постоянно жила в Москве и ей это было бы затруднительно. И, наконец, чтобы «...для разрешения специальных, научных вопросов по редакции в ней принимал участие специалист по избранию общества, могущий постоянно содействовать успешному ходу дела своими трудами».⁸⁷⁸

Общество также постановило ходатайствовать о соответствующем материальном обеспечении членов редакционной комиссии, поскольку без этого их работа была бы затруднительна. В тот же день ОЛЕАЭ избрало в состав вновь учрежденной редакционной комиссии Ольгу Александровну Федченко, Дмитрия

⁸⁷⁵ Там же. С. 4.

⁸⁷⁶ Там же.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ Там же.

Львовича Иванова и Василия Николаевича Ульянина.⁸⁷⁹ Таким образом был сделан первый шаг к признанию официального статуса О.А. Федченко.

Следующим шагом стало обращение Г.Е. Щуровского с пространным письмом к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон-Кауфману, в котором Г.Е. Щуровский пытался убедить его сразу в нескольких вещах. Прежде всего Г.Е. Щуровский хотел донести до губернатора мысль о том, что завершение издания «Путешествия в Туркестан» в его, губернатора, интересах, поскольку это был бы «плод тех трудов, на которые вы не жалели средств и об успехе коих вы постоянно заботились». Далее он замечал, что «довершение издания потребует еще громадных стараний и может встретить почти необходимые препятствия», однако существует одно «счастливое и утешительное условие, которое поможет разрешить многие трудности». Этим «счастливым условием» Г.Е. Щуровский называл возможность воспользоваться опытом и знаниями О.А. Федченко.⁸⁸⁰ Григорий Ефимович стремился получить одобрение кандидатуры Ольги Александровны в качестве лица, ответственного за все мероприятие, и, наконец, выхлопотать для нее материальное вознаграждение за труды. Напомнив об участии О.А. Федченко как в самой экспедиции, так и в последующих работах, Г.Е. Щуровский характеризовал ее следующим образом: «Степень образованности этой личности дает полную надежду, что ей удастся в значительной степени докончить прерванную обработку собранных материалов и с помощью общества спасти от забвения и гибели те результаты, кои добыты были экспедицией. Она будет в состоянии посвятить себя довершению издания, – прибавлял Г.Е. Щуровский, – если ваше высокопревосходительство доверите ей этот труд и поможете сосредоточить на нем ее силы».⁸⁸¹ Дата написания

⁸⁷⁹ Там же.

⁸⁸⁰ Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е.Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману о гибели А.П. Федченко и о поручении О.А. Федченко закончить издание трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 177.

⁸⁸¹ Там же. С. 177.

этого письма не установлена, однако резолюция К.П. фон-Кауфмана подписана 10-м декабря 1873 г., таким образом, можно предположить, что письмо было написано почти сразу же после заседания ОЛЕАЭ.

Намерение Г.Е. Щуровского поручить ответственность за издание Ольге Александровне, против ожидания, не вызвала у генерал-губернатора никаких возражений⁸⁸²: «Необходимо сделать, что только возможно, дабы дать возможность О.А. Федченко довести до конца труды ее покойного славного мужа», – наложил он резолюцию на письмо Г.Е. Щуровского.⁸⁸³ Однако в том, что касается отпуска средств, Кауфман не спешил: прежде, чем принять какое-либо решение на этот счет, он затребовал отчет об уже отпущенных средствах.⁸⁸⁴

Между тем финансовые дела издания находились в некотором расстройстве. Изначально средства на издание «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» были перечислены на счет ОЛЕАЭ. Общество, в свою очередь, доверило Алексею Павловичу распоряжаться ими по своему усмотрению.⁸⁸⁵ А.П. Федченко брал необходимые суммы из кассы ОЛЕАЭ и то же самое продолжала делать Ольга Александровна после его смерти. К сожалению, то ли из-за неопытности в подобных делах, то ли из-за расстроенных чувств и напряжения, в котором она пребывала после смерти мужа, О.А. Федченко не вела точного учета израсходованных ею сумм. Она также не знала, сколько точно было потрачено Алексеем Павловичем ранее. Обстоятельства осложнялись еще и тем, что суммы, ассигнованной на издание в 1872 г. (15500 рублей), было явно недостаточно. А.П. Федченко понял это уже в 1872 г. и тогда же обратился к ОЛЕАЭ с рядом предложений по увеличению имеющихся средств, как-то: пустить в оборот основной капитал в 15500 рублей и

⁸⁸² Видимо он был знаком с ней лично. – О.В.

⁸⁸³ А.П. Федченко: Сб. док-в... С. 179.

⁸⁸⁴ Там же. С. 179.

⁸⁸⁵ См.: Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 21.

использовать полученные проценты, добиться разрешения использовать выручку от продажи издания на публикацию его продолжения и прочее. Но и тогда, по расчетам А.П. Федченко, оставалась необходимость раздобыть где-то 3000 рублей. Это однако его не особенно смущало: «Первое, что вас поразит, – писал он А.П. Богданову, – это то, что расходы значительно больше данной суммы (то есть 15500 руб. – О.В.). Но ради этого обстоятельства отступать ли перед задуманным? Этого, вы знаете, никогда не бывало ни с вами, ни с обществом, ни со мной. Да и дело представляется не в дурном виде..., – далее расписываются приведенные выше способы добывания денег. – Для 3000, – продолжает он, – пока не придумаю ничего, но предполагаю, что и смущаться нечего, а нужно стараться дело хорошо сделать».⁸⁸⁶ А.П. Федченко, конечно, предполагал обратиться за увеличением субсидии к К.П. фон Кауфману. ОЛЕАЭ, хоть и готово было ему содействовать в этом (теоретически), но в тот момент сочло подобное ходатайство несвоевременным.⁸⁸⁷

Однако получив запрос К.П. фон-Кауфмана, Г.Е. Щуровский в ответном письме (11 марта 1874 г.) счел возможным завести речь не только о материальном вознаграждении членам редакционной комиссии (и прежде всего О.А. Федченко), но и о необходимости увеличения общей суммы, выделенной на издание. Необходимость увеличения финансирования объяснялась следующим: 1) количество собранных коллекций, нуждавшихся в обработке, выросло почти вдвое после путешествия А.П. и О.А. Федченко в Коканское ханство (первая смета составлялась до этой экспедиции); 2) по сравнению с 1872 годом значительно подорожала бумага и прочие материалы и услуги. Изложив все это, Г.Е. Щуровский четко и ясно заявил о том, что ОЛЕАЭ берет на себя ответственность не только за своевременный выход всего издания, но и за его научную значимость: «Общество любителей

⁸⁸⁶ Извлечение из письма А.П. Федченко на имя члена Совета А.П. Богданова от 2 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 20.

⁸⁸⁷ Извлечение из протокола заседания Совета Общества 21 декабря 1872 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 22.

естествознания, – писал он, – может принять на себя ручательство в том, что начатое издание будет капитальным естественноисторическим описанием вверенного управлению вашему края, если по израсходовании наличных средств ему дозволено будет войти с ходатайством об ассигновании суммы, необходимой для довершения начатого издания...».⁸⁸⁸

Итак, ОЛЕАЭ в лице Григория Ефимовича Щуровского безоговорочно доверяло Ольге Александровне и было совершенно убеждено в ее способности довести дело до благополучного конца. Но К.П. фон Кауфман, видимо, не мог безоглядно верить и самому обществу. В ответ на письмо Г.Е. Щуровского он не только вновь потребовал подробную смету всех предстоящих расходов, но и указал, что: «Желательно войти с ходатайством о сем тогда, когда выйдет еще несколько выпусков, кои ожидаются в скором времени, дабы можно было составить себе более ясное понятие об издании».⁸⁸⁹ Ему нужны были доказательства. Это решение принято Н.К. фон Кауфманом 19 марта 1874 г., а уже 25 марта Щуровский вновь писал Кауфману, повторяя все свои доводы почти дословно, разве что несколько более подробно. Он оценивал общую стоимость работ по изданию в 26500 рублей и снова подчеркивал необходимость оплаты труда О.А. Федченко: «Первой заботой общества было старание о том, чтобы начатые работы не остановились вовсе после смерти редактора. Лучшим путем для продолжения начатого дела считало общество поручение редакции вдове Ольге Александровне Федченко. Но возложить на нее редакцию было бы возможно лишь в том случае, когда она могла бы посвящать этому обширному труду все свое время и была бы обеспечена средствами, чтобы не прибегать в то же время к частным занятиям для получения необходимого

⁸⁸⁸ 1874 г. 11 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману по вопросам издания трудов А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 182.

⁸⁸⁹ Резолюция на письме Г.Е. Щуровского к К.П. Кауфману от 11 марта 1874 г. // Там же. С. 183.

содержания».⁸⁹⁰ Но и это обращение пропадает впустую: решение К.П. фон-Кауфмана отложить дело до выхода нескольких выпусков «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» остается без изменений (см. резолюцию на данное письмо от 28 марта 1874 г.).⁸⁹¹

После этого Г.Е. Щуровский, по-видимому, пришел к заключению о необходимости личной встречи с генерал-губернатором и направил в Петербург (где тот находится в это время) секретаря ОЛЕАЭ Н.К. Зенгера. Перед своим отъездом Николай Карлович просил О.А. Федченко составить хотя бы приблизительную записку о расходах по изданию: «Милостивая Государыня Ольга Александровна, – писал он. – На днях я еду в Петербург и буду у Кауфмана, от которого Григорий Ефимович получил на днях письмо, касающееся издания. Мне было бы весьма нужным иметь поэтому от Вас на этой неделе хотя бы приблизительные сведения о сделанных до сих пор расходах, хотя в общих цифрах [...] Потрудитесь снабдить меня этими сведениями и некоторыми данными о будущих расходах, нужных для издания уже готовящихся и необходимых выпусков. Если бы Вы могли дать мне род записочки, на основании которой я мог бы заготовить памятную записку для Кауфмана, я был бы весьма благодарен Вам...».⁸⁹²

О.А. Федченко эта просьба, по-видимому, сильно затруднила. На обороте письма Н.К. Зенгера она набросала некоторые цифры, каждая из которых сопровождалась пометкой «около».⁸⁹³ Однако затребованная записка совместными усилиями в итоге была составлена и выглядела следующим образом:

⁸⁹⁰ 1874 г. 25 марта. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е.Щуровского Туркестанскому генерал-губернатору К.П.Кауфману по вопросам издания трудов А.П.Федченко // Там же. С. 185.

⁸⁹¹ Там же. С. 186.

⁸⁹² Письмо Н.К. Зенгера к О.А. Федченко. Не позднее 29 марта 29 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 5–6.

⁸⁹³ См.: Там же. Л. 6 об.; а также счета на бланке ОЛЕАЭ. Там же. Л. 9 и др.

«Счет издания Туркестанской экспедиции (к 1 декабря 1873 г. – О.В.):

Поступило по Высочайшему повелению из доходов Заравшанского округа

25 июля 1872 г.	15.500 р.
Баланс:	15.500 р.
Расход:	
Выдано А.П. Федченко на расходы	3046 р.
Выдано на основании постановления совета 7 сентября О.А. Федченко	1000 р.
В типографию Стасюлевича	1300 р.
А. Листу в Лейпциг	1300 р.
Леперсье в Париж	1002 р. 40 к.
Ершову в С.-Петербург	848 р. 1 к.
Бахману в Москве	354 р.
Перевод денег через банк	2 р.
	8852 р. 41 к.
Остаток:	6647 р. 59 к.
Баланс:	15500 р.» ⁸⁹⁴

Намечавшаяся встреча Н.К. Зенгера с Кауфманом состоялась и, казалось, была успешной. Во всяком случае, если судить по благодарственному письму Щуровского правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину от 29 марта 1874 г. Это письмо было доложено А.И. Гомзину 1 апреля 1874 г. И как выясняется из резолюции, благодарности оказались несколько преждевременными: «Приказано, – гласит резолюция, – ожидать окончания подготовляемых выпусков

⁸⁹⁴ Состояние счетов и отчет о приходе и расходе сумм ОЛЕАЭ к 1 декабря 1873 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 44–46.

“Путешествия в Туркестан”, чтобы затем заготовить представление г[осподину] военному министру об исходатайствовании пенсии вдове А.П. Федченко и дополнительной суммы на продолжение издания». ⁸⁹⁵ На этом дело застопорилось. Очень характерный факт, следующий из данной резолюции: государственные чиновники не считали возможным (или не хотели создавать прецедент), выплачивая женщине жалование за работу (как об этом ходатайствовал в своих обращениях Г.Е. Щуровский), предпочтя предложить вполне привычную и традиционную форму обеспечения вдовы – пенсию за погибшего супруга, хоть этот супруг и не заслужил ее по выслуге лет, а работу считать безвозмездной.

Итак, поскольку Г.Е. Щуровский (с помощью Н.К. Зенгера) взял на себя наиболее трудную задачу по обеспечению издания финансами, а ее самой официальным статусом, О.А. Федченко могла заняться непосредственно издательской деятельностью, что также было нелегко. И хотя она по-прежнему ничего не получала за свою работу, денег на само издание пока еще хватало. А.П. Федченко задумывал издание «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» очень широко. Впервые он познакомил членов ОЛЕАЭ с приблизительным планом издания на заседании общества 28 ноября 1871 г. Уже тогда он достаточно четко представлял, что именно ему хотелось бы сделать: «Путешествия, совершаемые в страны дотоле не известные, – говорил он, – при окончании всегда дают повод к появлению сочинений, знакомящих как публику, так и специалистов с новоисследованной страной, ее условиями, жителями и естественными произведениями. В данном случае, кроме издания сочинения, дающего общее знакомство с краем, я предлагаю Обществу обратить внимание на особенное развитие специальной части,

⁸⁹⁵ 1874 г. марта 29. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора А.И. Гомзину о содействии в назначении пенсии О.А. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 186–187.

посвященной описанию Туркестанской фауны и флоры».⁸⁹⁶

В этом действительно был смысл: не только потому, что два основных участника экспедиции интересовались преимущественно фауной (А.П. Федченко) и флорой (О.А. Федченко) и, соответственно, именно эти коллекции оказались наиболее полными, но и потому, что флора и фауна Туркестана были изучены еще очень мало, и супруги Федченко смогли обнаружить достаточно много новых, ранее неизвестных и неописанных видов. Помимо этого ОЛЕАЭ вообще отдавало предпочтение зоологическим исследованиям, и именно они преобладали в изданиях общества, за что оно даже подвергалось критике со стороны некоторых ученых. Руководство ОЛЕАЭ подобные нападки ничуть не смущали. Оно открыто заявляло, что такова его сознательная политика: «Если нельзя быть сильным во многом, то лучше быть сильным в чем-нибудь одном, чтобы не быть слабым во всем, – заявил, например, Н.К. Зенгер, зачитывая отчет о работе ОЛЕАЭ в его годовом (87-м) заседании 15 октября 1876 года. И добавил, с вполне оправданной гордостью: «Если бы “Известия общества” преследовали несколько задач, если бы они не предпочитали преобладания зоологических работ, то не подлежит сомнению, что обществу не удалось бы собрать в своих изданиях такого капитального запаса научных материалов, без которого нельзя обойтись специалисту. Теперь же ни один зоолог не может игнорировать материала, собранного в Известиях, он необходим каждому. В этом заключается, без сомнения, успех, а с успехом и известная сила».⁸⁹⁷

Существовало также еще одно соображение. Часть собранных супругами Федченко коллекций уже в 1871 году была роздана для обработки как российским, так и иностранным ученым. Абсолютное их большинство выполняло эту работу бесплатно в обмен на возможность опубликовать описание новых видов. Учитывая

⁸⁹⁶ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

⁸⁹⁷ Годичное (восемьдесят седьмое) собрание Общества 15 октября 1876 г. Годичный отчет Общества, читанный секретарем Н.К. Зенгером // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 124.

существовавшую в этой области конкуренцию, все они стремились опубликовать свои работы как можно быстрее. Существовала реальная угроза, что результаты деятельности экспедиции окажутся рассеянными по десяткам научных журналов разных стран. А.П. Федченко же хотел сделать единое капитальное издание, описывавшее Туркестанский край в естественнонаучном отношении во всем его разнообразии. Он планировал опубликовать четыре тома. Первый том должен был содержать описание самих путешествий, посещенных мест, памятников древности, привычек и обычаев местного населения и характеристику, как он говорил, «особо примечательных» животных и растений. Второй том был бы полностью посвящен научному описанию Туркестанской фауны; третий – описанию флоры. Четвертый том включал бы в себя метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения, а также пояснительную записку к карте Туркестана.⁸⁹⁸ Именно в таком виде программа издания была одобрена ОЛЕАЭ и представлена для информации военному министру.⁸⁹⁹ И именно эту программу совет ОЛЕАЭ представил публике, уведомляя ее о том, что «с осени (1872 г. – О.В.) начнется печатание результатов трехлетних работ в Туркестанском крае экспедиции общества», которое будет выходить в свет под названием «Путешествие в Туркестан, совершенное по поручению Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Туркестанского генерал-губернатора членом Общества А.П. Федченко».⁹⁰⁰

К этому времени в разборе и описании коллекций принимали участие (Таблица 4):

⁸⁹⁸ Пятьдесят девятое заседание Общества 28 ноября 1871 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 77.

⁸⁹⁹ Там же. С. 78.

⁹⁰⁰ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с 29 сентября 1871 года по 8 марта 1872 года // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124.

Таблица 4. Зоологи, принимавшие участие в разборе Туркестанских коллекций А.П. и О.А. Федченко (1872 г.)

Ф. и. о.	Раздел коллекции
академик А.А. Штраух (СПб)	Пресмыкающиеся и земноводные
профессор К.Ф. Кесслер (СПб)	Рыбы
доктор Соссюр (Женева)	Прямокрылые
Мак-Лахлан (Лондон)	Сетчатокрылые
доктор Соссюр, О.И. Радожковский, Е.К. Фреймут, А.П. Федченко	Перепончатокрылые
профессор Лев (Губен), А.П. Федченко	Двукрылые
Н.Г. Ершов (СПб)	Чешуекрылые
В.Ф. Ошанин	Жесткокрылые
А.И. Кронебер	Паукообразные
В.Н. Ульянин, А.П. Федченко	Ракообразные
А.П. Федченко	Черви, свободноживущие и паразитные
Доктор Мартенс (Берлин)	Слизняки

Обработать гербарии, собранные О.А. Федченко, согласились доктора Регель, Гердер (СПб) и Бунге (Дерпт). Антропологические материалы взял профессор А.П. Богданов, палеонтологические – К.О. Милашевич.⁹⁰¹

К концу 1872 года работы по обработке коллекций шли полным ходом. 2

⁹⁰¹ Там же. С. 124–125.

декабря 1872 года А.П. Федченко прислал в ОЛЕАЭ подробный отчет, опубликованный в «Известиях общества», под заглавием: «Донесение А.П. Федченко о программе издания “Путешествия в Туркестан”». К этому времени он самым подробным образом разработал программу первого тома, однако ждал одобрения общества прежде чем приступить к ее выполнению, поскольку, по расчетам А.П. Федченко, оно «потребуется весьма значительного времени ввиду разнообразия содержания и множества прилагаемых рисунков».⁹⁰² Состав второго тома также был определен. Его первая часть посвящалась слизнякам. Профессор Мартенс при участии Гейнемана и Клессина уже закончил ее обработку, хотя и собирался сделать еще полный список всех известных в тот период форм слизников Средней Азии, Алтая, Туркестана, Тибета, Юнана, Кандагара и Афганистана.

Рукопись Мартенса была написана по-немецки, а для издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» был избран русский язык. Это, безусловно, затрудняло работу редактора, так как требовало переводов и переводчиков, разбиравшихся в существе дела. Но с самого своего основания ОЛЕАЭ настаивало на использовании русского языка в своих научных изданиях. Параграф о развитии русского научного языка был включен в устав общества.⁹⁰³ Сам А.П. Федченко был горячим сторонником этой идеи: «Ужасно они недовольны (немецкие коллеги. – О.В.), – писал он из Лейпцига А.И. Гомзину 5 декабря, 1872 г., – что мы пишем и печатаем по-русски (что я перевожу некоторые оригиналы с немецкого на русский для моего “путешествия” и что вообще оно издается на русском языке – это для них нож острый). Но чем же мы виноваты, что они (ученые немецкие) не учатся читать по-русски, вот военные их ведь учатся же русскому языку. Значит, он доступен для

⁹⁰² Донесение А.П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16.

⁹⁰³ Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1868. С. 4.

немецкого мозга».⁹⁰⁴ Переводом рукописи Мартенса А.П. Федченко как раз занимался зимой 1872 года. Вторая часть второго тома посвящалась червям. А.П. Федченко сам предполагал обработать этот материал. Он отмечал в своем «Донесении»: «Определения по большей части сделаны, но мне хочется воспользоваться собранным материалом (с лишком 60 видов) для изучения анатомического строения этой группы, которое известно только у немногих форм».⁹⁰⁵ Третью часть второго тома – ракообразных – обрабатывал В.Н. Ульянин и предполагал закончить работу к концу зимы, то есть к весне 1873 года. Мелких раков А.П. Федченко опять-таки предполагал обработать сам. Четвертая часть, посвященная паукообразным, содержала, по мнению работавшего с ней А.И. Кронеберга, около 200 видов, но сроки окончания данной части пока не назывались. Пятая часть была одной из самых значительных и больших по объему. Над ней работало много народу. Сосюр уже успел обработать часть и даже вернуть коллекции обратно и готовился выслать рукопись, содержащую описание нескольких семейств. С.М. Сольский сделал еще только предварительную обработку собранных в Туркестане жуков и готовил первый выпуск своей части. О.И. Радашковский составлял статью о перепончатокрылых, но некоторые группы из этого отряда А.П. Федченко хотел обработать сам и уже успел подготовить материал по пчелам, но опять-таки желание исследовать собранный материал затягивало окончание работы. Н.Г. Ершов обещал закончить свою часть к началу 1873 года. Мак Лахлан заканчивал предварительный разбор, тоже самое можно было сказать о профессоре Леве. К.Ф. Кесслер уже успел предоставить в ОЛЕАЭ описание новых видов Туркестанских рыб. Академик А.А. Штраух, занимавшийся пресмыкающимися и земноводными, пока что был далек от окончания работ. Таким образом, к концу 1872 года работы продвигались быстрее, чем этого можно было бы

⁹⁰⁴ А.П. Федченко: Сб. документов. Ташкент, 1956. С. 159–160.

⁹⁰⁵ Донесение А.П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 13.

ожидать, и А.П. Федченко был полон оптимизма. С разбором гербариев дело продвигалось медленнее. Доктор Регель уже заявил, что «осуществление издания потребует весьма продолжительного времени вследствие обширной программы» (предполагалось издать свод описания и вообще всего известного о Туркестанских видах). Поэтому пока что Регель был занят составлением описаний новых видов, отложив остальное на будущее.⁹⁰⁶ О работах по подготовке четвертого тома речь еще не шла.

Таким образом А.П. Федченко координировал работу множества людей, занимавшихся подготовкой рукописей; налаживал контакты с типографиями, литографиями (поскольку издание предполагалось щедро иллюстрированным); занимался переводом и редактированием уже готовых рукописей. Он также взял на себя обработку большого числа коллекций, особо его интересовавших, и при этом успевал заниматься исследованиями. После его смерти все эти работы легли на плечи О.А. Федченко.

Прежде всего О.А. Федченко стремилась обеспечить безостановочное продолжение работ. Следовало найти ученых, готовых взяться за обработку коллекций, с которыми работал сам А.П. Федченко, найти переводчиков. Редакторская работа и чтение корректур также не заставляли себя ждать. Отдельную проблему составляли рисунки и таблицы – это была не только самая дорогостоящая часть издания, но и самая трудная в техническом исполнении, поскольку в России практически не существовало полиграфической базы, способной обеспечить должное качество. Следовало решить тысячи мелких проблем: от системы нумерации томов и количества экземпляров, до способов их распространения, продажи и обеспечения вышедшими томами авторов и влиятельных лиц.

Многое из задуманного А.П. Федченко оказалось невозможно выполнить без него. Так, например, из первого тома А.П. Федченко успел написать только пять глав «Путешествия в Кокандское ханство» (хотя изначально планировалось девять).

⁹⁰⁶ Там же. С. 16.

Путешествие же по русскому Туркестану оставалось неопианным. Как отмечала О.А. Федченко: «Для первой части первого тома, кроме опубликованных в прежнее время [...] отчетов и заметок [...] о путешествиях по Заравшанской долине, в Магиан и в Кизилкумскую степь, существуют только отрывочные рукописные заметки, разбросанные по записным книжкам. Приведение в порядок и опубликование этих заметок покойного редакция не решается принять на себя и полагает более благоразумным сохранить этот материал неприкосновенным до тех пор, пока не сыщется лицо, непосредственно знакомое с этими местностями и готовое принять на себя редакцию этой части “Путешествия”».⁹⁰⁷ Этот замысел так и остался неисполненным. Пришлось отказаться и от замысла А.П. Федченко поместить в приложении к первому тому обзор фауны посещенных территорий. Ольга Александровна вполне резонно посчитала, что подготовить подобный обзор до выхода второго, зоологического, тома в принципе невозможно. Вообще работа над вторым томом в отсутствие А.П. Федченко представляла серьезные затруднения. Как упоминалось выше, он планировал разбить том на разделы, содержащие информацию о «самостоятельной группе животного царства». К каждой такой группе он хотел приложить общий очерк результатов путешествия по отношению к этой конкретной группе, в том числе результаты наблюдений за животными данной группы, сделанные во время путешествия. Но поскольку данная работа должна была быть сделана самим А.П. Федченко, а он, к сожалению, не оставил ничего, кроме кратких заметок, разобраться в которых кроме автора вряд ли кто смог, от этого замысла пришлось отказаться. Точно так же как пришлось опустить и планировавшийся ранее раздел второго тома, посвященный практической энтомологии. Зато на выполнении некоторых других идей и замыслов А.П. Федченко О.А. Федченко упорно настаивала, что вызывало раздражение авторов и осложнения в отношениях с ними.

⁹⁰⁷ [Федченко О.А.] От редакции // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. СПб.; М., 1874. [С. I].

Алексей Павлович хотел, чтобы тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» содержали, во-первых, описание всех известных Туркестанских видов, а не только ранее неизвестных или собранных экспедицией Федченко; во-вторых, он хотел получить не просто перечисление, но и монографическую обработку животных туркестанской фауны; он хотел также видеть синоптические таблицы для определения животных форм Туркестана. Как писал в предисловии к своему тому С. Сольский, «ученое общество имело в виду достигнуть таким образом того, чтобы вместе с отчетом о произведенных, по его начинанию, ученых исследованиях в мало известном, вновь приобретенном для отечества крае, издать такой труд, который мог бы послужить каждому желающему, из русских, удобным средством к определению встречаемых в Туркестане пород [...] и тем самым способствовал бы к дальнейшему изучению фауны этого края...».⁹⁰⁸ Некоторые ученые, занимавшиеся обработкой коллекций, отнеслись к этим пожеланиям А.П. Федченко, а затем и О.А. Федченко с пониманием: «Непременным желанием покойного Алексея Павловича было дать наглядную таблицу для определения описанных в предлагаемом сочинении родов и видов, а также сравнительный список всех слизняков, известных до сих пор и из других частей среднеазиатского плоскогорья. По мере возможности, я старался удовлетворить этим желаниям»,⁹⁰⁹ – писал, например, Эдуард фон-Мартенс. К. Кеслер, предваряя свое исследование, замечал: «Согласно общему плану, установленному покойным Алексеем Павловичем для всех фаунистических частей предпринятого им издания о Туркестане, статья моя изложена так, чтобы могла служить кратким руководством к определению рыб для путешественников и других лиц, которые захотели бы на месте заняться дальнейшими исследованиями ихтиологической фауны края. С этою целью здесь помещены не только сжатые

⁹⁰⁸ Сольский С.М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I].

⁹⁰⁹ Фон-Мартенс Э. Слизняки (Molluscs) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. 1874. [С. I].

описания всех видов рыб, которые найдены в Туркестане, но также приведены и отличительные признаки родов, семейств и разрядов, к которым означенные виды относятся. Сверх того характерные признаки всех тех видов, которые оказались новыми, т. е. никем еще не описанными, изложены также на латинском языке, для того чтобы иностранные ихтиологи имели возможность с ними ознакомиться».⁹¹⁰

Однако несмотря на то, что программа А.П. Федченко была принята к исполнению, не всем участникам она нравилась и вызывала желание как-то обойти ее. Проблема состояла в «огромной затрате времени и труда на воссоздание на русском языке описаний таких видов, которые давно и многократно уже описаны за границей и на установку их в систему вместе с другими, мало известными и совершенно новыми видами».⁹¹¹ Это затягивало выход издания в свет, и авторы рисковали потерять приоритет в описании новых видов: «Мне кажется, – писал С.М. Сольский, – что соединение издания отчета ученой экспедиции с так сказать учебными целями вообще не может иметь места без того, чтобы не отразиться вредно на той и другой стороне дела. Издание отчета ученой экспедиции всегда более или менее ограничено временем и не может быть растягиваемо надолго, ни загромождаемо не принадлежащими непосредственно к трудам экспедиции элементами, без того, чтобы собранные экспедицией научные данные, с одной стороны, постепенно не утрачивали, во время разработки, своего значения, через опубликование с разных сторон таких же исследований, произведенных другими, с другой же стороны, не стушевались бы в большой массе давно известного».⁹¹²

В этом подходе был свой резон. Тем не менее О.А. Федченко твердо придерживалась разработанного плана. Она понимала стремление авторов по-

⁹¹⁰ Кесслер К.Ф. Рыбы (Pisces) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. VI. 1874. [С. I].

⁹¹¹ Сольский С.М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. [С. I–II].

⁹¹² Там же. С. [I–II].

быстрее опубликовать результаты своих работ, но не хотела в угоду им жертвовать качеством издания. Вместе с этим она отлично знала, что чем быстрее выйдут из печати первые тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» тем быстрее будет решен вопрос с продолжением финансирования. К сожалению, возникали сложности, замедлявшие этот процесс. Как уже упоминалось выше А.П. Федченко собирался собственноручно описать достаточно большое количество коллекций, и это принесло немало затруднений О.А. Федченко, поскольку для продолжения издания было необходимо найти людей, которые согласились бы его в этом заменить. Но, как оказалось как раз это задание было выполнено Ольгой Александровной достаточно быстро: «Относительно издания “Путешествия” могу с удовольствием указать на то, что удалось пристроить апидов – Моравицу (Федор[у] Федор[овичу]) в Петербурге – и червей: часть их взял Грубе, а паразитов – Лей Карт⁹¹³ в сообществе своего ассистента Ральфа. Моравиц уже получил Коллекцию, рисунки и заметки и деятельно принялся за обработку, Грубе все отправлено, но еще нет от него известий о получении, согласие Лей Карта получено только третьего дня, и коллекция и заметки приготавливаются для отправки ему. Клещей взял Кронеберг. Без движения покуда клопы, которых я побоялась послать В.Ф. Ошанину, как он просил, в Ташкент. Они будут ждать его возвращения. Не розданными остаются пока некоторые семейства перепончатокрылых...»,⁹¹⁴ – писала она А.П. Богданову 4 марта 1874.

Труднее было заменить А.П. Федченко в другом: он предполагал предпослать каждому тому отдельное предисловие с очерком-характеристикой общей картины того или иного отдела фауны Туркестана, однако почти ничего не успел сделать. Большинство же авторов чувствовали себя не готовыми написать нечто подобное.

⁹¹³ О.А. Федченко имела ввиду Рудольфа Лейкарта (1822–1898), немецкого зоолога, ее знакомого еще со времен их совместной с А.П. Федченко поездки в Италию.

⁹¹⁴ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 4 марта 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

Ольга Александровна не была уверена, что именно следует предпринять в данном случае: опубликовать то немногое, что успел написать А.П. Федченко, вряд ли стоило из-за его незавершенности; сама О.А. Федченко не могла взять на себя эту задачу. Издание задерживалось. Она надеялась на помощь членов ОЛЕАЭ и прежде всего Анатолия Петровича Богданова: «Печатаются слизняки, – писала ему О.А. Федченко 27 сентября / 9 октября 1873 года, – А.П. [Федченко] хотел дать к ним предисловие, теперь нет его, издавать без предисловия? Я писала к Мартенсу, не напишет ли он предисловие, но сомневаюсь. Ему, кажется, сильно надоело, что слизняки так долго не выходят, и едва ли он согласится еще писать. 2) Печатаются бабочки, тоже задержка за предисловием. А.П. [Федченко] читал вам исправленное им ершовское предисловие, вы вместе решили, что А.П. [Федченко] напишет совсем новое и более подробное; теперь что же делать? Только вы одни и можете знать, что имел в виду написать А.П. [Федченко], и было бы самое лучшее, если бы взялись написать. Но если не захотите, что тогда? печатать ли в том виде ершовское, как его исправил А.П. [Федченко] или никакого?»⁹¹⁵

Ответ А.П. Богданова, однако, где-то задерживался и О.А. Федченко была вынуждена вновь писать ему (17/ 29 ноября 1873 г.): «Давно я вам послала и предисловие к бабочкам, и дополнения, и предисловие Мартенса и писала о таких вещах, которые меня крайне интересуют и на которые жду вашего ответа с большим нетерпением, а ответа нет».⁹¹⁶ А.П. Богданова вообще приходилось постоянно торопить. Будучи учителем, научным руководителем и консультантом А.П. Федченко, А.П. Богданов лучше многих знал его замыслы. Кроме того он был профессиональным зоологом. Ольга Александровна не только нуждалась в его помощи, но и не могла игнорировать его мнение. Как видно из переписки, при

⁹¹⁵ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 27 сентября / 9 октября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 1–1 об.

⁹¹⁶ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 17/29 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 3.

подготовке к выпуску первых, давших труднее всего томов, она постоянно справлялась с его мнением и просила его указаний. В случае разногласий с О.А. Федченко, авторы, по-видимому, также апеллировали к А.П. Богданову: «Дело в том, – писала, например, О.А. Федченко 24 ноября 1873 г. по поводу разногласий с Н.Г. Ершовым, обрабатывавшим Чешуекрылых (*Lepidoptera*), – что Ершов уже велел набрать предисловие и прислал мне его для поправок и дополнений. Поправить неизбежно нужно, пот[ому] что Ершов, под видом “заметки, полученной от А.П. [Федченко]”, включает те несколько строк, которыми начал⁹¹⁷ свою заметку А.П. [Федченко] (сколько помню, Ершов буквально напечатал то, что было на отдельном листе, посланном вами вместе с предисловием). К этому Ершов прибавляет от себя несколько строк, сущность которых заключается в том, что делать какие-либо выводы на основании имеющегося материала – преждевременно. Так как его предисловие помечено 1-м апреля, то выходит, будто А.П. [Федченко] только и хотел сказать, что заключается в тех нескольких строках. Выходит, конечно, нелепо; но чтобы не сидеть над одним и тем же два раза, я бы желала, поправляя Ершова, иметь перед собою ваши указания».⁹¹⁸ И продолжала далее: «Послала же я телеграмму, а не ограничилась письмом, где все это гораздо удобнее и понятнее излагается, вот почему: что торопится Ершов, это естественно, очень уже давно печатается его труд; но на это я бы не посмотрела: заботясь прежде всего о том, чтобы всякое дело было сделано как можно лучше, я бы не усомнилась, ввиду несомненной пользы для самого дела, отложить окончание его на неделю, другую. Если же я тороплюсь, то не ради собственно только этого предисловия, а ради того, что чем скорее выйдут два первых выпуска, тем лучше это отзовется на всем издании. Бесконечность этих выпусков производит дурное впечатление, многим надоедает дело; “типография жмет плечами, авторы махают руками” – а и с

⁹¹⁷ Слово подчеркнуто О.А. Федченко. – О.В.

⁹¹⁸ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 5, 5 об.

типографией, и с авторами предстоит еще долго вести дело».⁹¹⁹ Настойчивость О.А. Федченко, однако, приносила свои плоды: предисловие Н.Г. Ершова, например, является одним из самых подробных и обстоятельных во всем издании.⁹²⁰

В то время как одни авторы нещадно торопили О.А. Федченко с выходом их томов «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», другие – не спешили выполнить взятую на себя часть работы. Это объяснялось и занятостью многих ученых, и обилием материалов, и желанием поподробнее изучить представленные им коллекции, и просто большим объемом работ. Положение затруднялось еще и тем, что первоначально О.А. Федченко не имела непосредственного контакта со многими заграничными учеными и была вынуждена общаться с ними через посредников из ОЛЕАЭ. Одним из ее помощников-посредников, назначенных обществом, был Василий Николаевич Ульянин, избранный членами ОЛЕАЭ в состав редакционной комиссии в качестве научного консультанта. В.Н. Ульянин искренне хотел помочь. Он взял на себя обработку нескольких коллекций, перевод на русский язык некоторых работ зарубежных ученых и, видимо, на первых порах, контакты с этими учеными. Однако собственные исследования, экспедиции и поездки отнимали все больше времени, и все чаще на свои письма к Ульянину О.А. Федченко получала следующие ответы: «...Об Ошанине я не имею никаких известий; он собирался, по моему, на Памир [...]. Отчего бы Вам не написать к Ошанину – известить его о том, когда предполагается вперед вести издание и вместе с тем [срочно] допросить его о том, когда можно надеяться видеть его *Hemiptera* готовыми?» (12 октября 1873 г.);⁹²¹ или от 20 ноября 1873 года: «...Сосюр не пишет [...] чтобы *Hirudoptera* были ему высланы теперь же. Полагаю, что посылать их ему не нужно прежде, чем он окончит

⁹¹⁹ Там же. Л. 5 об., 6.

⁹²⁰ См.: Ершов Н.Г. Чешуекрылые (*Lepidoptera*) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874.

⁹²¹ Ульянин В.Н. Письмо О.А. Федченко. 12 октября 1873 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 3 об.

Orthoptera. Во всяком случае лучше списаться с ним...»;⁹²² «...Не полезно ли вам будет вступить в прямые сношения с Моравицем? Вы бы знали, когда что берется писать Моравиц...»;⁹²³ «...Очень рад был бы Вам помочь разобрать Hymenoptera для отсылки, но, к сожалению, в настоящее время не могу этого сделать, ибо завтра мне приходится [...] уехать из Москвы недели на две»;⁹²⁴ 28 августа 1874 года: «От Дейрама сведений никаких не имею... [также как] и от М. Ларимана [...]. Последний в особенности меня беспокоит своим молчанием, обусловленным, очевидно, нежеланием прислать рукопись согласно нашим упрашиваниям»;⁹²⁵ от 25 июля 1875 года: «Отчего [...] тянет глистов Лейнарт? Нельзя ли бы чтобы его сколько-нибудь понудить?»⁹²⁶ и так далее и тому подобное.

Таким образом, О.А. Федченко постепенно пришлось взять в свои руки всю переписку по изданию. Она подгоняла особенно неторопливых авторов (сама или с помощью авторитетных лиц, например А.П. Богданова): «Одно семейство – Fenthredinae – и из розданных не двигается. Я уже столько раз приставала к автору, что боюсь надоест. Поприставайте, пожалуйста, вы: Е.К. [Фреймут] так была тронута вашим вниманием – присылкой фотографии – что она для вас теперь что угодно, даже Fenthredinae, я думаю, сделает, хоть они ей и очень надоели», – писала она ему 4 марта 1874 г.⁹²⁷ Она читала присланные авторами и типографиями корректуры и подписывала их в печать. Она готовила коллекции к отправке тем, кто

⁹²² Ульянин В.Н. Письмо О.А. Федченко. 20 ноября 1873 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 5.

⁹²³ Там же. Л. 5, 5 об.

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ Ульянин В.П. Письмо О.А. Федченко. 28 августа 1874 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 14.

⁹²⁶ Ульянин В.П. Письмо О.А. Федченко. 25 июля 1825 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 258. Л. 42 об.

⁹²⁷ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 4 марта 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 8 об.

собирался их обрабатывать, и принимала, разбирала и сортировала, когда они возвращались обратно. И наконец, в марте 1874 года были получены отпечатанные экземпляры первых двух выпусков «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко».

Постепенно издательская деятельность вошла в правильное русло. О.А. Федченко набиралась опыта, сотрудники и авторы привыкали иметь с ней дело. В 1874 и 1875 гг. новые тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» выходили в свет регулярно. Но одновременно средства, отпущенные на издание, подходили к концу, а решение о продолжении финансирования все еще не было принято. Поскольку предыдущее решение К.П. фон Кауфмана (от 28 марта 1874 г.) гласило, что необходимо дождаться выхода в свет нескольких томов «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», прежде чем можно будет принять окончательное решение о его дальнейшей судьбе, переписка по этому вопросу между Г.Е. Щуровским и К.П. фон Кауфманом на некоторое время была прервана. В 1874 году некоторые средства в кассе общества еще были. Но к 1875 году все резервы были практически исчерпаны. И тогда Г.Е. Щуровский счел возможным возобновить ходатайство о выделении средств.

В январе 1875 г. по его просьбе (точнее, по просьбе совета ОЛЕАЭ) московский почтдиректор, статский советник Семен Сергеевич Подгорецкий взял на себя труд лично переговорить об этом с К.П. фон Кауфманом во время своего пребывания в Петербурге.⁹²⁸ Г.Е. Щуровский передал с ним письмо, написанное 17 января 1875 года, с очередной просьбой о решении вопроса: «Так как в настоящее время вышло пять выпусков, определяющих характер и полноту изданных трудов, и так как заказ весьма большого числа рисунков и таблиц, а равно и покупка бумаги для других пяти выпусков, находящихся теперь в печати, поглотили большую часть средств, имевшихся в распоряжении издания, причем в кассе остается лишь сумма

⁹²⁸ См.: 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е.Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 188.

2500 руб., то я осмеливаюсь довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства и утруждать вас новым ходатайством Общества любителей естествознания об оказании благосклонной поддержки нашему делу, если вы изволите признать удобным для сего настоящее время».⁹²⁹ Встреча эта, однако, не принесла никакой пользы: «...Г.Е. [Щуровский] был у Подгорецкого, который оказалось возвратился из Петербурга больным, – сообщил Н.К. Зенгер Ольге Александровне 12 февраля 1875 года, – Подгорецкий заезжал к Кауфману, но тот еще не успел тогда видеться с министром. Перед отъездом в Москву он снова был у Кауфмана, но попал именно в то время, когда Кауфман поехал к министру. Таким образом нужно будет ожидать письма Кауфмана по почте и когда оно будет получено, я не замедлю вас о нем уведомить».⁹³⁰ Ответа на это письмо не было. Надеюсь что отзыв о качестве издания крупного ученого поможет сдвинуть дело с мертвой точки, Г.Е. Щуровский в марте 1875 г. переговорил с председательствующим в Русском географическом обществе П.П. Семеновым во время его визита в Москву, прося его не только дать отзыв о «Путешествии в Туркестан А.П. Федченко», но и со своей стороны походатайствовать о назначении пенсии О.А. Федченко, которая все это время занималась изданием совершенно бесплатно. О сочувственном согласии П.П. Семенова Г.Е. Щуровский сообщил К.П. Кауфману в письме от 17 марта 1875 года.⁹³¹

Мысль К.П. фон Кауфмана, вероятно, работала в том же направлении: прежде чем принимать решение, он счел нужным получить профессиональный отзыв об

⁹²⁹ 1875 г. января 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 189.

⁹³⁰ Зенгер Н.К. Письмо О.А. Федченко. 12 февраля 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 13.

⁹³¹ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 192.

уровне и качестве издания. По некоторому совпадению, 18 марта 1875 года он обратился с письмом к президенту Петербургской Академии наук Ф.П. Литке «...с покорнейшей просьбой не отказать передать на заключение Императорской Академии наук вопрос о том, заслуживает ли это издание, по научному своему значению, правительственной поддержки и ассигнования из государственного казначейства необходимой для окончания его дополнительной суммы Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии».⁹³² Соответственно, получив послание Г.Е. Щуровского 19 марта 1875 года Кауфман наложил на него резолюцию: «Ожидать сообщения П.П. Семенова и запрошенного отзыва от академии о достоинствах предпринятого издания путешествий А.П. Федченко».⁹³³

Между тем средства иссякали. У О.А. Федченко накопилось достаточно большое количество неоплаченных счетов по изданию, а логика работы требовала дальнейших затрат. Выход очередных томов оказался под угрозой. 30 марта 1875 года совет ОЛЕАЭ собрался для принятия решения. А уже 1 апреля секретарь ОЛЕАЭ Н.К. Зенгер писал О.А. Федченко: «Решено просить вас приостановить теперь уже всякого рода дальнейшие заказы таблиц, чертежей, бумаги и печати, кои могли бы вовлечь общество в новые расходы, кроме уже предстоящих уплат за прежние до сих пор сделанные заказы; решено просить президента общества лично ходатайствовать в Петербурге о решении вопросов по изданию во время поездки президента в Петербург в начале мая сего года; изыскавши денежные средства, решено по мере возможности производить уплату уже представленных счетов из кассы Общества».⁹³⁴ По распоряжению Г.Е. Щуровского, О.А. Федченко должна

⁹³² 1875 г. марта 18. Письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – президенту Российской Академии наук Ф.П. Литке // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 190–191.

⁹³³ 1875 г. марта 17. Письмо председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 192–193.

⁹³⁴ Зенгер Н.К. Письмо О.А. Федченко. 1 апреля 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 16–16 об.

была: «1) Не останавливая обработки материалов и частей и приготовление рукописей к печати, остановить всякий заказ по изданию рукописей и заключающихся в них рисунков. 2) Из числа уже печатающихся выпусков издания, в коих имеются уже готовые таблицы и отпечатанный текст, окончить и выпустить в свет лишь те, кои не потребуют новых затрат... 3) Приостановить издание таких выпусков, в коих печатание текста не начато и для которых исполнено лишь несколько таблиц...».⁹³⁵

В тот же день, 1 апреля 1875 года, Г.Е. Щуровский направил сообщение Н.К. фон Кауфману вместе с извлечением из отчета, составленного Ольгой Александровной, о положении дел и заказов по изданию.⁹³⁶ Настойчивые просьбы возымели действие. Сам Кауфман, кажется, был заинтересован в успешном завершении проекта, а, возможно, уже успел получить какой-то отклик из Академии. Во всяком случае он добился предварительного согласия министерства финансов на отпуск запрошенной О.А. Федченко суммы в 21000 рублей при условии положительного отзыва Академии наук. «Я не сомневаюсь в одобрительном отзыве, но он еще не получен, а пока не будет его, я должен удержаться от испрошения суммы», – отметил Кауфман 3 апреля 1875 года в резолюции на сообщение Г.Е. Щуровского.⁹³⁷ 10 апреля это решение было сообщено Г.Е. Щуровскому,⁹³⁸ а 18 апреля Кауфман, в свою очередь, направил письмо Д.А. Милютину, занимавшему в то время пост военного министра, с подробным изложением обстоятельств издания материалов экспедиции А.П. Федченко. К этому времени вышло в свет уже семь

⁹³⁵ Там же. Л. 16–16 об.

⁹³⁶ См.: 1875 г. апреля 1 дня. – Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 193.

⁹³⁷ 1875 г. апреля 1 дня. – Сообщение председателя Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровского – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 194.

⁹³⁸ См. сноску на: А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 194.

выпусков «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» и Кауфман был вполне уверен в их научной ценности: «Согласно всем заявленным мне компетентным отзывам, – писал он, – издание заслуживает такой поддержки и покровительства по своим несомненным достоинствам и пользе, какую оно принесет для отечественной науки и для успеха последующих научных исследований наших в Средней Азии».⁹³⁹ Характерно, что если Г.Е. Щуровский во всех своих письмах К.П. фон Кауфману подчеркивал выдающуюся роль О.А. Федченко в организации успешного продолжения издания, то К.П. фон Кауфман в письме к Д.А. Милютину говорил о ней мимоходом, не упоминая имени, вся заслуга по выпуску уже изданных томов относилась им на счет «общества» без упоминания имен, а необходимость в добавочном финансировании объяснялась тем, что: «Со смертью же А.П. Федченко продолжение начатых им работ должно было увеличить денежные издержки, так как редакционные работы перешли в менее опытные руки вдовы покойного, оставшейся при том без всяких средств».⁹⁴⁰

К.П. фон Кауфман не спешил сообщить ОЛЕАЭ о своем обращении к Д.А. Милютину. Поэтому общество продолжало предпринимать шаги, чтобы убедить самого К.П. фон Кауфмана в целесообразности завершения дела, начатого с таким размахом. В начале мая 1875 года К.П. фон Кауфман посетил Москву. Поскольку к этому времени он уже являлся почетным членом ОЛЕАЭ, в его честь 7 мая было организовано экстраординарное собрание общества и Комитета для устройства музея прикладных знаний (будущего Политехнического). Заседание происходило под председательством президента Г.Е. Щуровского и в присутствии многих членов ОЛЕАЭ, в том числе и члена-основателя общества О.А. Федченко. Большая часть заседания была посвящена успеху Туркестанского отдела на прошедшей недавно Политехнической выставке, Туркестанскому отделу будущего музея, а также

⁹³⁹ 1875 г. апреля 18. – письмо Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана – военному министру Д.А. Милютину // Там же. С. 194–196.

⁹⁴⁰ Там же. С. 195.

экспедиции А.П. Федченко. Григорий Ефимович Щуровский выступил с речью, призванной не только подчеркнуть успехи ОЛЕАЭ в освоении и изучении Туркестанского края и отдать должное роли К.П. фон Кауфмана в этом процессе, но и подчеркнуть важность этих исследований. Причем президент ОЛЕАЭ сосредоточился на экономическом и вытекающем из него *политическом* значении естественнонаучного и географического изучения и освоения Туркестана. Он также обратил внимание присутствующих на международную конкуренцию, существующую в данном вопросе: «Действительно, не с Востоком ли или с развитием его культуры, с расширением его торговых сношений и с улучшением его продуктов связано в высокой степени будущее экономическое и промышленное развитие России?, – говорил он. – ...Это видно из того, с каким интересом следят в Западной Европе за каждым шагом России в восточных ее окраинах, и этот интерес все более и более увеличивается. Давно ли почти одна Англия считала заслуживающими особого внимания наши среднеазиатские дела, между тем как в настоящее время вся Западная Европа зорко следит не только за военными или государственными приобретениями России в Средней Азии, но и за каждым приобретением ее в научном и промышленном отношениях».⁹⁴¹

Речи Г.Е. Щуровского всегда представляли собой вершину дипломатического искусства, но в этот раз он постарался быть особенно убедительным. Он напомнил своим слушателям (и прежде всего К.П. фон Кауфману) об экономических интересах России, о международной ситуации, о военных победах генерал-губернатора и о его участии в организации экспедиции А.П. Федченко. Он напомнил слушателям о каждом аргументе «за» окончание публикации материалов «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» (ни разу не упомянув само издание), высказал благодарность К.П. фон Кауфману за оказанную ранее поддержку и намекнул, что было бы неплохо по достоинству оценить проделанную работу: «...мы почтем себя

⁹⁴¹ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 27–28.

особенно счастливыми, если вы признаете, что мы добросовестно выполнили ту часть труда, которая легла на нас по описанию Туркестана, как результата экспедиции незабвенного нашего сочлена А.П. Федченко, – говорил он. – Всякий научный успех тогда только является прочным, когда он основывается на строгом научном знании».⁹⁴² После выступления Г.Е. Щуровского слово взял вице-президент и член-основатель ОЛЕАЭ, профессор Московского университета А.Ю. Давыдов. Начав с того, что «одну из самых светлых страниц в истории нашего общества составляют, без сомнения, исследования Туркестанского края в его естественноисторическом значении», профессор коротко изложил труды ОЛЕАЭ в этом направлении, предпринятые до экспедиции супругов Федченко и далее перешел к подробному описанию заслуг Туркестанской администрации в деле изучения края. Покончив с этой приятной обязанностью, докладчик посетовал на гибель главного участника экспедиции, отметив, что «Алексей Павлович Федченко пал как храбрый воин на поле сражения».⁹⁴³ Упомянув о том, что оставленные им «обширные исследования послужат основой и краеугольным камнем для дальнейшей разработки вопроса», он заявил, что «нам остается только соединиться в общем желании, чтобы труд этот, начатый при столь благоприятных условиях, был доведен до счастливого конца».⁹⁴⁴ Рассказав подробно о плане издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», А.Ю. Давыдов перешел к характеристике уже вышедших в свет томов: «В настоящее время, – говорил он, – отпечатано уже роскошным изданием, с прекрасными рисунками и политипажами, восемь выпусков, содержащих около ста печатных листов; три новых выпуска того же издания печатаются и скоро выйдут в свет, и еще два вполне приготовлены к печати; остальные 12 выпусков обрабатываются и подготавливаются к изданию. Разработка научного материала распределена как между членами нашего общества,

⁹⁴² Там же. С. 28.

⁹⁴³ Там же. С. 29.

⁹⁴⁴ Там же. С. 30.

так и между другими русскими и заграничными учеными [...] замечательнейшие естествоиспытатели всех стран образованного мира принимают деятельное участие в этом обширном труде, и изучение Туркестана стало общею задачею науки. Результаты, которые достигаются десятками лет при величайших затруднениях и усилиях, сделались достоянием науки в сравнительно короткий промежуток времени, благодаря просвещенному содействию вашего высокопревосходительства».⁹⁴⁵ И, наконец, завершил свое выступление изящным пассажем об уверенности всех присутствующих в благополучном завершении дела под мудрым руководством генерал-губернатора: «Общество любителей естествознания обращается к вам, Константин Петрович, своему почетному члену и гостю, с выражением глубокой признательности за то внимание, которое вы оказали и продолжаете оказывать этому важному делу; с полной уверенностью и надеждою смотрит оно на судьбу его, зная, что вам она не менее близка, как самому обществу. Оно пользуется настоящим случаем лишь для того, чтобы снова заявить вам о готовности продолжать начатые работы по вашим указаниям и под вашим руководством и считает для себя особенно счастливым случаем, что научные приобретения свои оно завоевало под славным знаменем вашим».⁹⁴⁶ Следующий оратор, член-основатель ОЛЕАЭ, профессор Московского университета Н.А. Попов, бывший в то время председателем этнографического отдела ОЛЕАЭ, вновь говорил об экономическом и политическом значении Средней Азии для развития самой России; об общеевропейском значении русских завоеваний в этом районе; о необходимости детального изучения вновь присоединенных территорий для их наиболее эффективного использования в интересах России. Он также не забыл упомянуть экспедицию А.П. Федченко.⁹⁴⁷

Таким образом, ОЛЕАЭ в лице своих наиболее авторитетных представителей

⁹⁴⁵ Там же. С. 30.

⁹⁴⁶ Там же.

⁹⁴⁷ Там же. С. 30–31.

предприняло настоящий штурм генерала К.П. фон Кауфмана, используя все возможные аргументы, способные убедить его оказать поддержку изданию материалов экспедиции супругов Федченко. Имя О.А. Федченко ни разу не упоминалось во время этого заседания (во всяком случае, протокол не отразил ничего подобного). Однако она на нем присутствовала и, разумеется, все собравшиеся прекрасно знали и о ее роли в экспедиции и, тем более, о ее работе в качестве издателя «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». Можно только предполагать, что ее молчаливое присутствие также было своего рода аргументом в этом сражении. Однако, как выяснилось несколько позднее, в столь массивной атаке возможно уже и не было прямой необходимости. Еще 22 апреля 1875 года на заседании Физико-математического отделения Академии наук академики Ф.Ф. Брандт, Л.И. Шренк и А.А. Штраух, составлявшие отзыв на тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», высказали свое мнение, которое и было одобрено академической Конференцией. 17 мая президент Академии наук Ф.П. Литке отправил донесение К.П. фон Кауфману.⁹⁴⁸ Отзыв этот был более чем благоприятен. Академики отметили уникальность коллекций, собранных экспедицией: «Тогда как другие преимущественно имели в виду лишь позвоночных животных, – писали они, – Федченко обращал большое внимание и на несравненно менее известных животных беспозвоночных. Составленные им по этой части коллекции столь многочисленны, что вполне заслуживают подробной разработки специалистами-зоологами». Они посчитали качество разбора и описания материалов «весьма удовлетворительным»; отметили, что вышедшие выпуски «с помощью подробных описаний и превосходных изображений, не только знакомят нас с большим числом новых видов, но, вместе с тем, благодаря богатству коллекций дают возможность судить и об общем характере и составе фауны по рассмотренным отделам». Они

⁹⁴⁸ См.: 1875 г. мая 17. – Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 197.

также указали на исключительный интерес Туркестана в зоогеографическом отношении, проистекавший из соприкосновения на его территории фаун: Североазиатской (Европейско-Сибирской), Южноазиатской (Гималайской), Средиземноморской, а также значительного разнообразия животных форм. В итоге, вывод экспертов гласил, что «весьма желательно, чтобы и остальные материалы, добытые экспедицией покойного Федченко, были разработаны и изданы в таком же виде, как в вышедших до сих пор выпусках. Этим снова подтвердится, – добавляли они, – справедливость неоднократно высказанного уже в заграничной печати замечания, что Россия тотчас же вслед за материальным приобретением какой-либо нетронутой страны приобретает ее и в научном отношении».⁹⁴⁹ И, точно также как и в письме К.П. фон Кауфмана Д.А. Милютину в отзыве Академии наук нет ни одного упоминания имени О.А. Федченко, вообще нет упоминания имен людей, занятых изданием «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», нет даже упоминания ОЛЕАЭ. Являясь по существу первым в истории Академии наук положительным отзывом о масштабной научной и научно-организационной работе женщины, авторы отзыва предпочли не упоминать об этом факте, составив документ таким образом, что читатель не знакомый с деталями, не мог бы заподозрить ничего подобного.

К.П. фон Кауфман ознакомился с отзывом 14 июня 1875 года и приказал сообщить о нем военному министру и Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, «которому, конечно, весьма приятен будет отзыв Академии наук о сочинении, которое и создано, и издается под руководством общества».⁹⁵⁰ (Этот отзыв был зачитан 19 августа 1875 года на 78 заседании ОЛЕАЭ

⁹⁴⁹ Донесение академиков Ф.Ф. Брандта, Л.И. Шренка и А.А. Штрауха о рассмотренных ими семи выпусках «Путешествия в Туркестан» А.П. Федченко // А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент, 1956. С. 198.

⁹⁵⁰ См. резолюцию на письмо: 1875 г. мая 17. – Письмо президента Российской Академии наук Ф.П. Литке – Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману // Там же. С. 197.

и, позднее, опубликован в «Протоколах» Общества).⁹⁵¹ 26 июня 1875 года в ОЛЕАЭ из Московского губернского казначейства на счет издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» поступила 21000 рублей.⁹⁵² Судьба издания была решена. У общества появился вполне законный повод для гордости. В годичном отчете о деятельности ОЛЕАЭ, зачитанном Н.К. Зенгером 15 октября 1875 года на восьмидесятом собрании ОЛЕАЭ, этому событию отводилось основное внимание. «К счастливым обстоятельствам..., – говорил Н.К. Зенгер, – должно, без сомнения, отнести получение тех денежных средств, кои были необходимы для продолжения одного из капитальных изданий общества: “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”». ⁹⁵³ Н.К. Зенгер сообщил также, что к концу 1875 года в свет вышли девять выпусков «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» объемом 135 листов, содержавшие 44 таблицы. Большое количество таблиц и рисунков являлось предметом особой гордости. В России практически не существовало условий для их тиражирования. И авторы, и О.А. Федченко были вынуждены заказывать рисунки и таблицы за границей: в Париже (Т. Дейроля и Лемерсье), в Берлине (у Тиффенбаха, Вигандта, Гемпеля и Парея), в Лейпциге (у Баха). На долю единственного заведения, удовлетворявшего высоким требованиям в России – Э. Ивансона (в С.-Петербурге) пришлось абсолютное меньшинство заказов. Стоимость таблиц и рисунков съедала не меньше половины всего бюджета издания.⁹⁵⁴ Усилия редакторов также не

⁹⁵¹ Семьдесят восьмое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 19-го августа 1875 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 40–41.

⁹⁵² Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г. // Там же. С. 18–19.

⁹⁵³ Зенгер Н.К. Годичный отчет общества / Годичное восьмидесятое заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии / Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Там же. С. 48.

⁹⁵⁴ См., например: Годичный отчет по кассе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 февраля 1875 г. по 1 февраля 1876 г... С. 19.

остались без внимания. Н.К. Зенгер, хорошо знакомый с издательским делом, отметил в отчете: «Что касается труда, то всякому, кто знаком с делом изданий, хорошо известно, как много требуется даже самой скучной и тяжелой работы, при отсутствии у нас хороших корректоров и малом развитии типографского дела». И не без гордости добавил: «Но затруднения не могли останавливать общество».⁹⁵⁵

Надо отметить, что и сама экспедиция супругов Федченко и, в еще большей степени, такое успешное издание ее материалов, стали предметом особой гордости ОЛЕАЭ и символом успеха его деятельности и некоторых принципов, провозглашенных при его создании. Одним из таких принципов, как уже упоминалось выше, было издание научных сочинений общества исключительно на русском языке. Политика, с которой были не согласны большинство старейших научных обществ и организаций, таких как Академия наук или Московское общество испытателей природы. «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко» стало блестящей иллюстрацией правоты ОЛЕАЭ, что и было с гордостью отмечено Н.К. Зенгером: «Издания общества за последние годы приняли на свои страницы много почтенных и замечательных трудов, остановивших на себе внимание ученой литературы, – говорил он. – Работы А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, А.П. Богданова, В.Н. Ульянина, Д.И. Чистякова, А.П. Федченко, Н.А. Северцова и других, помещенные в «Известиях» прежних лет, стали достоянием европейской науки, перешли в переводах и извлечениях в ученые журналы за границей, и между прочим доставили блестящее доказательство верности того правила, которого мы держались при редакции «Известий общества», а именно полного исключения иностранных языков со страниц нашего издания. Труды, достойные внимания, заслуживающие ознакомления с ними и их изучения, будучи напечатаны на русском языке, не остались незамеченными иноземными учеными, и за границею уже успели усвоить все, что оказалось существенного и нового в наших русских работах».⁹⁵⁶

⁹⁵⁵ Зенгер Н.К. Годичный отчет общества... С. 48.

⁹⁵⁶ Там же. С. 48.

Таким образом, работа по изданию «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» была признана одним из наиболее перспективных проектов ОЛЕАЭ и получила полную поддержку общества, к которой О.А. Федченко еще не раз пришлось прибегать в процессе работы. С финансами отныне все обстояло благополучно, и она могла без помех продолжать работу, которая и без хлопот о деньгах была достаточно трудной.

Некоторые тома доставляли О.А. Федченко больше забот, чем другие. С некоторыми авторами вести дела оказалось очень не просто. Одной из проблем стал том, посвященный описанию экспедиции. Как упоминалось выше, А.П. Федченко успел написать только небольшую часть из задуманного, а именно несколько глав «Путешествия в Коканское ханство». И даже этот кусок нуждался в серьезной доработке. Сегодня трудно сказать, кому именно было поручено это дело. Занималась ли этим сама Ольга Александровна или кто-то другой. Надо отметить, что О.А. Федченко вообще не оставила нам никаких повествовательных текстов. Она не вела дневник, не написала воспоминаний. Почти никогда не писала статьи об экспедициях (исключение из этого правила представляет ее статья «A.Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1870»⁹⁵⁷ и еще две-три), в которых принимала участие. Если бы до нас не дошло несколько десятков ее писем (большой частью ее письма к сыну), можно было бы подумать, что она не умела и не любила писать. Однако это, безусловно, не так. Скорее, ей просто катастрофически не хватало времени: дела по изданию, колоссальная переписка, разбор и рассортировка коллекций, а также воспитание сына, поглощали все ее время. С другой стороны, кроме нее, эту работу просто некому было сделать: ведь она участвовала в описываемых событиях. Сохранился лишь один намек на то, что О.А. Федченко надеялась на полное завершение описания всей экспедиции в объеме, задуманном А.П. Федченко. В

⁹⁵⁷ Fedtshenko O.A. Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1871 // Mittheilungen aus Justus perthes' geographischer anstalt über wichtige neue erforschungen auf dem gesammtgebiete der geographie von Dr. A. Petermann. 1874. B. 20. S. 201–206.

одном из писем к А.П. Богданову по поводу размера рисунков (24 ноября 1874 года), она отмечала, что размер рисунков зависит от того, будет или нет написана первая часть первого тома (то есть описание первой части экспедиции) и замечала, «за что Зенгер ручается».⁹⁵⁸ Таким образом, можно предположить, что Н.К. Зенгер согласился разобрать заметки А.П. Федченко и дописать, а в том, что касается первой части, написать заново историю путешествия. Однако он мог пообещать подготовить только собственно эту первую часть, а работу со второй оставить Ольге Александровне. В любом случае, II часть первого тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» «В Коканском ханстве», состоящая из пяти глав, великолепно иллюстрированная и снабженная картами, вышла в свет в 1875 года⁹⁵⁹ Повествование в ней ведется от лица А.П. Федченко, а имя редактора не указано. Но можно не сомневаться, что О.А. Федченко внимательно читала текст, правила корректуру и уточняла детали. Так что некоторым образом она также является одним из авторов этого тома. Описание же первой части экспедиции так никогда и не было написано. Н.К. Зенгер умер в 1877 году, видимо, так и не успев закончить этот труд, а сама Ольга Александровна никогда за него не бралась.

Две другие наиболее типичные проблемы, возникавшие в отношениях с учеными, занимавшимися обработкой коллекций, уже упоминались выше: некоторые из них слишком затягивали свои работы, другие слишком спешили. И то, и другое вызывало сложности. Один из типичных примеров медлительности представлял собой А.П. Богданов. Он консультировал О.А. Федченко по многим вопросам, переводил некоторые тома на русский язык и, что было наиболее важным, взялся обработать антропологические материалы. О.А. Федченко была полностью в нем уверена или, по крайней мере, выражала такую уверенность. Еще 24 ноября

⁹⁵⁸ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 24 ноября 1874 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

⁹⁵⁹ Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. I. Ч. II: Федченко А.П. В Коканском ханстве // Известия ОЛЕАЭ. 1875. Т. XI. Вып. 7. С. 1–160.

1873 г. она писала ему: «Антропология – дело другое: тут я знаю, что вы ее сделаете, что весь вопрос во времени, и жду покойно [...]. Что средства на антропологию будут – могу ручаться до тех пор, пока есть какие-нибудь средства на издание. Сколько, полагаете вы, потребуется на издание текста? И где будете делать рисунки? Не в Париже ли?».⁹⁶⁰ Однако несмотря на эту уверенность «Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев» А.П. Богданова увидели свет только в 1888 году, то есть через 15 лет после начала работы.⁹⁶¹

Другую крайность представлял собой доктор Э.Л. Регель, обрабатывавший ботанические коллекции, собранные самой О.А. Федченко. Точнее, он представлял собой обе крайности одновременно. Гербарии, собранные экспедицией в течение первого года путешествия (конец 1868 – 1869 год) почти сразу, были переданы для обработки профессору Московского университета Н.Н. Кауфману.⁹⁶² Ольга Александровна давно и хорошо его знала, что еще важнее у них был опыт успешного сотрудничества (ему же, уезжая в длительную экспедицию, Ольга Александровна отдала на сохранение свои гербарии). Н.Н. Кауфман приступил к работе и даже успел опубликовать несколько заметок на основе материалов, привезенных экспедицией.⁹⁶³ К сожалению, в 1870 году Н.Н. Кауфман умер, и пришлось подыскивать другого человека для этой работы. Э.Л. Регель казался вполне подходящей кандидатурой. Доктор Э.Л. Регель, директор Ботанического сада в Санкт-Петербурге, считался одним из наиболее опытных отечественных систематиков. У него уже был опыт обработки растений, собранных в Центральной

⁹⁶⁰ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6–6 об.

⁹⁶¹ Богданов А.П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1888. Вып. 22. 92 с.

⁹⁶² Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования. [С. I].

⁹⁶³ Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. 1–2. С. 180, 388.

Азии П.П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1856–1857 годах (всего более 1000 видов растений),⁹⁶⁴ Г.Н. Потаниным (1863 г.), Н.А. Северцовым (1864 г.). Результаты этой работы публиковались в 1864–1869 годах в «Бюллетене Московского общества испытателей природы». Таким образом выбор Э.Л. Регеля для обработки растений, собранных О.А. Федченко, был совершенно оправданным.

Первые ботанические материалы О.А. Федченко передала ему еще в 1871 г. до завершения экспедиции.⁹⁶⁵ Помимо Э.Л. Регеля обработкой гербариев занимались господа Гердер (С.-Петербург) и А.А. Бунге (Дерпт). Ботаническому описанию Туркестана отводился третий том «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». Собранный О.А. Федченко гербарий содержал до 1700 видов, большая часть которых была совершенно новой и неизвестной науке. Однако, как и в случае с зоологическими материалами, А.П. и О.А. Федченко хотели видеть не только описание новых видов. В проспекте издания было заявлено: «Обработка ботанической части не ограничится списком найденных форм и описанием новых; в ней будут собраны все существующие по настоящее время сведения о флоре Туркестана [...]. Флора будет заключать синопсис всех известных до сих пор видов растений Туркестана».⁹⁶⁶ Предполагалось, что кроме растений, собранных экспедицией Федченко, будут описаны и включены в издания растения из окрестностей Ташкента и Коканского ханства, подаренные ОЛЕАЭ И.И. Краузе. Объем тома планировался в 80 печатных листов, с иллюстрациями.

В итоге при работе над первой частью третьего тома Э.Л. Регель использовал

⁹⁶⁴ См. воспоминания П.П. Семенова-Тянь-Шанского в: Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. I. Отд. I–III. С. 271.

⁹⁶⁵ [Щуровский Г.Е.] Письмо К.П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

⁹⁶⁶ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1. С. 124–125.

гербарии Карелина и Кирилова, Каульбарса, Королькова, Краузе, Кушакевича, Потанина, Семенова, Северцова, Шарнгоста, Шренка и других, хотя основу составила коллекция О.А. Федченко. Э.Л. Регель в предисловии к первой части ботанического тома писал: «По желанию, выраженному мне многоуважаемым А.П. Федченко, я принял на себя обработку Туркестанской флоры с употреблением не только материалов, собранных его супругою, но и всех материалов, собранных до сих пор разными лицами в Туркестанском крае».⁹⁶⁷ Вначале Э.Л. Регель не спешил с работой, отвлекаемый другими занятиями. Он регулярно посылал О.А. Федченко извинения за очередную задержку и заверения в том, что работа будет исполнена.⁹⁶⁸ Г.Е. Щуровский позднее писал К.П. фон Кауфману: «Г. Регелю был передан ботанический материал еще в 1871 году, но как видно из представленных документов, находящихся в редакции “Путешествия”, он до 4 лет обрабатывал первый выпуск, постоянно извещая редакцию, что он занят другими работами. Как только им представлена была рукопись, так и она напечатана».⁹⁶⁹ Однако после выхода в 1876 году первой ботанической части, обработанной Э.Л. Регелем, все изменилось. Медлительность и неторопливость сменились нетерпением и спешкой. Вместо того, чтобы предоставить в распоряжение редакции «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» продолжение работы, Э.Л. Регель начал настаивать на отдельной публикации его статьи с описанием исключительно новых Туркестанских видов (вопреки заявленному ранее намерению обработать все собранные растения). Он требовал организации подобной публикации немедленно, сообщая, что в противном случае начнет печатание статьи в «Известиях Ботанического сада».

⁹⁶⁷ Регель Э.Л. Туркестанская флора. Тетрадь первая // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. III: Ботанические исследования. 1876. Ч. I. [С. 1].

⁹⁶⁸ См. письма Регеля Э.Л. к О.А. Федченко. 1873–1875 гг. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 1–40.

⁹⁶⁹ [Щуровский Г.Е.] Письмо К.П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 76 об.

Кроме того, он возражал против редактирования и правки его работ. В фонде О.А. Федченко в С.-Петербургском филиале Архива РАН сохранилась страница из рукописи первой части ботанического тома с правкой О.А. Федченко, датированная 10-м августа 1875 года:

«25. *Распльвные* стебли. Такого слова нет. Не зная в точности, что оно должно выражать, ничего не заменила. Или нужно выкинуть совсем, или заменить русским словом [...].

46. не выставлено везде *место нахождения* и *которое* число июня. Если число неизвестно, то надо: июнь.

В предыдущих листах кажется ставили по-русски, под названием вида, Таб. и фиг. – Если да, то и теперь лучше ставить по-русски.

49. Длина стебля *12-40* (как по латыни) или *30-40* (по-русски)».⁹⁷⁰

Из этого примера можно судить, что О.А. Федченко была очень аккуратна и внимательна при чтении чужой рукописи. Однако одновременно она проявляла тщательность и дотошность, которые позднее отличали ее собственные работы. Несомненно, что от этого труд только выигрывал, но подобная тщательная проработка деталей замедляла дело. Хотя, конечно, Эдуард Людвигович Регель мог быть недоволен и тем, что его поправляет какая-то не имеющая никакого образования и собственных работ дама. В любом случае, дело дошло до той точки, когда потребовалось вмешательство третьих лиц. Нам не удалось установить, то ли Э.Л. Регель, недовольный действиями Ольги Александровны, обратился непосредственно к Г.Е. Щуровскому, то ли О.А. Федченко сама попросила помощи. Однако нам точно известно, что Э.Л. Регель написал непосредственно К.П. фон Кауфману, жалуясь ему на непрофессионализм редакции и всего ОЛЕАЭ, на

- Зачеркнуто. – О.В.

⁹⁷⁰ Страница из рукописи Э.Л. Регеля «Туркестанская флора» «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко» с правкой О.А. Федченко. [10] августа 1875 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 109.

непозволительно медленное ведение ими работ по изданию. Правда, жаловался он на постоянные проволочки с изданием ботанических материалов, обрабатывавшихся профессором А. Бунге (Дерпт), а не своих. К.П. фон Кауфман будучи высокого мнения о Э.Л. Регеле и его научных достоинствах, написал, в свою очередь, письмо Г.Е. Щуровскому, содержащее, по-видимому упреки в медлительности и непрофессионализме редакции. Письмо это, к сожалению, нам обнаружить не удалось, зато сохранились ответы Г.Е. Щуровского и Э.Л. Регелю, и К.П. фон Кауфману. Точнее, копии этих ответов, направленные О.А. Федченко и полученные ею 5 сентября 1877 года.

Г.Е. Щуровский, ни минуты не колеблясь, встал на защиту Ольги Александровны. Ситуация была обсуждена на Совете ОЛЕАЭ, действия О.А. Федченко проверены и найдены безупречными, а обстоятельства, приведшие к скандалу, самым подробным образом изложены К.П. фон Кауфману. Письмо Г.Е. Щуровского не просто твердое, уверенное в правоте своей позиции, оно скорее, резкое. Никогда раньше и, кажется, никогда впоследствии Г.Е. Щуровский не обращался к К.П. фон Кауфману в подобном тоне. Помимо прочего Г.Е. Щуровский писал: «Не могу скрыть от вашего высокопревосходительства, что именно указание блестящей деятельности г[осподина] Регеля, противопоставляемой как бы бездействию общества вызвало у всех нас тружеников по Туркестанскому “Путешествию” горькое чувство. Если вы изволите принять в соображение, в течение какого числа лет обрабатывались большие путешествия, издаваемые как Петербургскою академией, так и заграничными правительственными учреждениями, имеющими неизмеримо больше специалистов в своем распоряжении, если вы обратите внимание на тот двойной труд перевода большей части статей на русский язык и исправления редакции, то вы изволите усмотреть, что общество и редакция с честью могут выдержать сравнение в этом отношении, что неоднократно и выражено было ему не только русскими и иностранными учеными, но и представителями целых учреждений, каковы географическое общество, в его

отзывах об издании».⁹⁷¹ И продолжал, посетовав на то, что кто-то сумел очернить ОЛЕАЭ в глазах К.П. фон Кауфмана: «Отдавая должное блестящей, продолжительной деятельности г[осподина] Регеля, как вы изволите характеризовать ее, общество также с своей стороны может представить ряд продолжительных издательских трудов своих сочленов, некоторые из коих работают почти полвека для науки. Эти труды могут быть ручательством по крайней мере в том отношении, что оно не способно по беспечности или недосмотрам тормозить дело издания путешествия, составлявшего до сих пор его гордость и любимое детище».⁹⁷²

О.А. Федченко однако, кажется, осталась не совсем довольна этим письмом. Не ясно, показалось ли оно ей излишне мягким или, наоборот, слишком резким, но она, по-видимому, просила Г.Е. Щуровского изменить некоторые формулировки. Однако, этого сделано не было. Среди писем Н.К. Зенгера к О.А. Федченко сохранилась записка с выражением сожаления по этому поводу: «Что касается до выражений, употребленных в письме президента к ф[он] Кауфману, то Григорий Ефимович находит затруднительным исполнить в настоящее время Ваше желание о их изменении».⁹⁷³

Э.Л. Регель, в свою очередь, получил достаточно резкое письмо от Г.Е. Щуровского, в котором Щуровский сообщил, что совет ОЛЕАЭ постановил предоставить ему возможность опубликовать статью о новых Туркестанских видах в «Известиях ОЛЕАЭ», но что он никак не может согласиться с другими его требованиями: «Общество никогда не изменяет без существенной надобности ничего в рукописях автора, не изменит и в вашей статье, – писал Г.Е. Щуровский, – но дать заранее безусловное право на распоряжение своим изданием в редакторском

⁹⁷¹ [Щуровский Г.Е.] Письмо К.П. фон Кауфману. Не ранее 5 сентября 1877 г. ... Л. 76 об.

⁹⁷² Там же. Л. 77.

⁹⁷³ Зенгер Н.К. Письмо к О.А. Федченко. [1875] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 96. Л. 25–25 об.

отношении оно никому не может, как вероятно и вы не предоставляете никому такого безусловного полномочия в издании Императорского ботанического сада».⁹⁷⁴ И продолжал далее: «Когда будет прислана статья и просмотрена советом общества, тогда до напечатания вам будет сообщено, если общество найдет нужным, что-либо изменить. Без вашего ведома изменения не будут произведены [...]. Одна корректура может быть предоставлена вам, но последняя корректура должна быть, на основании правил и устава, продержана уполномоченным лицом от общества».⁹⁷⁵ С хорошо известным искусством и изяществом в такого рода делах Г.Е. Щуровский не забыл напомнить Э.Л. Регелю о задержках, которые тот допускал при обработке материалов для первой части ботанического тома и, следовательно, о том, что он находится не в том положении, чтобы что-то требовать от ОЛЕАЭ: «Общество не задержит печатанием, но ему необходимо прежде знать объем статьи и потребующиеся* издержки, чтобы решить, как оно может печатать. Оно не стесняло вас в обработке флоры, когда вы случайно были отвлечены другими трудами, и издание замедлилось, и надеется что вы, как знакомый опытом с условиями изданий ученых обществ, не потребуете, чтобы прекращены были все другие печатания и тотчас же приступлено было к изданию вашего труда. Когда рукопись будет у общества и притом вся, во избежание всяких недоразумений, то общество, по просмотре, известит вас о времени печатания и войдет в соглашение о высылке корректур».⁹⁷⁶

После описанных событий и обмена колкостями некоторое время сотрудничество О.А. Федченко и Э.Л. Регеля продолжалось более или менее спокойно, хотя последний и не переставал всячески торопить события. Так, 1 ноября

⁹⁷⁴ Щуровский Г.Е. Письмо Э.Л. Регелю. Не позднее 5 сентября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 74–74 об.

⁹⁷⁵ Там же. Л. 74 об.

* Так в тексте. – О.В.

⁹⁷⁶ Там же. Л. 74 об.

1877 года Э.Л. Регель писал Ольге Александровне: «Сегодня я отправил в типографию последние листы для 1 выпуска, по сему покорнейше прошу приказать изготовить и прислать мне особые оттиски этого выпуска, следующие мне со стороны общества, и те, за которые я должен заплатить, в возможно скорейшем времени, дабы я мог выслать эти оттиски вместе с рассылаемыми мною “Трудами” сада всем известным ботаникам и Ботаническим Садам. [...] После Нового года я начну продолжение 2-го выпуска».⁹⁷⁷ 9 декабря 1877 года: «...вновь покорнейше прошу приказать типографии прислать мне отдельные оттиски I Fasc. моего сочинения о новых растениях, собранных вами. Я эти оттиски до сих пор не получил. В начале января я полагаю начать печатание II Fasc., то не угодно ли вам, чтобы я выслал манускрипт прямо в типографию или к вам. При этом долгом считаю заметить, что подобное печатание, как настоящее, что один лист печатается несколько месяцев, нельзя найти по всему свету».⁹⁷⁸ Причина такой спешки объяснялась в этом же письме: «С.М. Смирнов отправляется вместе с Миддендорфом в Кокан сейчас же после Нового года собирать там растения, то я надеюсь, к приезду г[осподина] Смирнова, окончить описание и определение ваших растений».⁹⁷⁹

В последующие два года Э.Л. Регель буквально забрасывал О.А. Федченко просьбами ускорить печатание его работ: «...имею честь покорнейше просить вас, милостивая государыня, приказать типографии в Петербурге скорее продолжать печатание новых видов [...] часть имеется уже в типографии, а остальная часть у

⁹⁷⁷ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. 1 ноября 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 70–70 об.

⁹⁷⁸ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. 9 декабря 1877 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 72–72 об.

⁹⁷⁹ Там же. Л. 72 об.–73.

меня. Корректуры я не получал из типографии около 6 месяцев» (январь 1878 г.);⁹⁸⁰ «... вновь покорнейше прошу и с вашей стороны понудить типографию к скорейшему печатанию и закончить первый выпуск. Так как г[осподин] Смирнов, собирающий растения в тех же самых местах, где вы собирали, скоро возвращается из путешествия и из числа собранных им растений могут быть некоторые опубликованы, которые и вы собирали, по этому они могут потерять первенство и новизну» (март 1879 г.).⁹⁸¹

В 1879–1880 г. Э.Л. Регель работал над следующей частью Туркестанского гербария О.А. Федченко, преимущественно над входящими в его состав новыми и редкими растениями. Стремление утвердить свой приоритет было так велико, что к зиме 1880 года дело снова почти дошло до открытого конфликта. В декабре 1880 года Э.Л. Регель еще пытался объяснить всю необходимость спешки: «Рукопись о Туркестанской флоре я ныне получил обратно из типографии Стасюлевича. Этой статьи напечатано только пять листов и в продолжение целого года не было ничего более напечатано, но следовало бы окончить как можно скорее, так как английские и немецкие ботаники получили также сухие растения с Кокана».⁹⁸² Тогда же Э.Л. Регель предложил перенести печатание рукописи в типографию, в которой он обычно печатал издания Ботанического сада, то есть типографию Шумахера, которая, по его словам, работала более оперативно и за те же деньги. В случае же отказа Э.Л. Регель намеривался начать печатание рукописи в «Трудах» Ботанического сада: «Если же Вам не угодно будет согласиться на это предложение, то я принужден буду печатать это сочинение в “Трудах” Императорского

⁹⁸⁰ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. Январь 1878 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 78–78 об.

⁹⁸¹ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. Март 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 86–87.

⁹⁸² Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. Декабрь 1880 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 94.

ботанического сада, так как работа уже мною окончена».⁹⁸³ Разумеется, ОЛЕАЭ не могло допустить ничего подобного. А 5 марта 1881 года доктор Э.Л. Регель уже не вносил предложений, он выставил О.А. Федченко ультиматум: «...позволяю себе вновь обратиться к вам с просьбою уведомить о решении относительно печатания описаний Туркестанских растений на счет Общества естествознания, антропологии и этнографии и под моим наблюдением в С.-Петербурге. Я принужден спешить публикацией этих описаний, так как в настоящее время начали появляться в Англии, Франции и Германии работы о Туркестанской флоре, могущие предупредить мою, которая была начата мною уже три года тому назад и до сих пор еще не вышла в свет. Ваш ответ я буду ждать до 1-го апреля, и после этого времени я начну перепечатку первых четырех листов и буду продолжать печатание в “Трудах” Императорского ботанического сада».⁹⁸⁴ Однако какое-то соглашение видимо было все-таки достигнуто, поскольку 2 мая 1881 года Э.Л. Регель сообщил О.А. Федченко о том, что полностью завершенная рукопись Туркестанской флоры передана в типографию Стасюлевича, в которой и печатались тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко».

Третья часть ботанического тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» вышла в свет в 1882 году.⁹⁸⁵ Но Э.Л. Регель и Бунге совместными усилиями обработали только часть Туркестанских сборов О.А. Федченко, преимущественно новые или редкие виды. Поскольку существовало намерение сделать описание всех известных Туркестанских растений, работа была еще далека от завершения. Как видно из предисловия Э.Л. Регеля к первой части ботанического тома, написанного в

⁹⁸³ Там же. Л. 95.

⁹⁸⁴ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. 5 марта 1881 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 97, 97 об., 98.

⁹⁸⁵ Регель Э.Л. Описание новых и более редких растений по материалам, собранным О.А. Федченко в Туркестане и Кокане // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1882. Вып. 18. Т. III: Ботанические исследования.

апреле 1875 года, цитату из которого мы приводили выше, он первоначально имел намерение обработать все переданные ему материалы. Он подтвердил свое согласие на это в 1879 году, написав О.А. Федченко в марте того года: «В нынешнем 1879 г[оду] я надеюсь окончить определение всех, собранных вами растений, описать все новые и затем имею намерение продолжить описание Туркестанской флоры».⁹⁸⁶ Однако, как и некоторые другие авторы, Э.Л. Регель не спешил тратить время на определение и описание растений, уже известных в научном мире везде, кроме России. Подобная работа занимала много времени и не приносила особых научных дивидендов. 19 декабря 1887 года он уведомил Ольгу Александровну о том, что больше не может продолжать сотрудничество с ОЛЕАЭ: «...ботаническую часть “Путешествия в Туркестан”, к моему сожалению, оканчивать не имею возможности, так как описание всех растений Туркестанской флоры я обязан теперь помещать в “Трудах” Императорского ботанического сада; в настоящее время я занят описанием семейства Лютиковых (Ranunculaceae) и по окончании описания о Туркестанской флоре, я с большим удовольствием вышлю вам краткое извлечение о Туркестанских растениях на русском языке».⁹⁸⁷ Таким образом большая часть гербария на долгие годы так и осталась необработанной. Его определением и описанием через много лет занималась сама О.А. Федченко. Результаты этой работы были ею опубликованы только в 1902 году, то есть через тридцать лет после окончания экспедиции. Как ни странно, несмотря на почти постоянное противостояние личные отношения между Ольгой Александровной и Эдуардом Людвиговичем не были натянутыми. Э.Л. Регель регулярно консультировал О.А. Федченко по вопросам садоводства, посылал ей семена растений из Ботанического сада, свои труды и прочее. Ольга Александровна советовалась с ним по поводу пересадки роз, удобрений для садовых

⁹⁸⁶ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. Март 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 86 об., 87.

⁹⁸⁷ Регель Э.Л. Письмо О.А. Федченко. 19 декабря 1887 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 211. Л. 108–108 об.

растений и других тонкостей.

Последний выпуск «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 году. Единственный том, авторство которого О.А. Федченко признавала за собой целиком и полностью, был озаглавлен «Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 годах О.А. Федченко, членом-основателем, почетным членом Общества».⁹⁸⁸ Этот том подвел итог экспедиционной деятельности самой Ольги Александровны. «Настоящий список представляет сводку ботанических результатов Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшей под начальством покойного мужа моего А.П. Федченко», – писала она в предисловии и добавляла, – задачи экспедиции были очень разнообразны, но собственно ботаническая часть лежала на мне».⁹⁸⁹ Как отмечалось выше, первоначально задачу полностью описать собранный Ольгой Александровной гербарий взял на себя Э.Л. Регель, который, однако, отказался от завершения работы. О.А. Федченко вложила слишком много труда в создание этого гербария, кроме того, она всегда отличалась чрезвычайной тщательностью и научной добросовестностью, чтобы оставить работу незавершенной. Перечислив в «Предисловии» работы Э.Л. Регеля, выполненные на материалах ее «Туркестанского гербария», Ольга Александровна писала: «Имея в виду отрывочность и разбросанность этих данных, и не надеясь дожидаться в ближайшем будущем продолжения издания Туркестанской флоры, я считаю полезным опубликовать настоящий список, без которого самое пользование гербарием затруднительно. Подробные указания место находжений, – добавляет она, – содержат много данных для вертикального и горизонтального распространения растений в Туркестане и

⁹⁸⁸ Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 г. // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования (Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

⁹⁸⁹ Там же. [С. I].

облегчат труд каждому, кто бы стал собирать в тех же, теперь так легко доступных, местностях и захотел разобраться в окружающих его растениях».⁹⁹⁰

Итак, основные работы по изданию «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» завершились в 1888 году с выходом тома «Антропометрических заметок» А.П. Богданова.⁹⁹¹ Однако не только ботанические материалы были обработаны не полностью к этому времени. Тогда, в 1888 году, О.А. Федченко пришлось смириться с этим. Но даже через много лет естественнонаучные коллекции, собранные супругами Федченко в Туркестане, вызывали интерес исследователей. Так, осенью 1896 года к Дмитрию Николаевичу Анучину, бывшему в это время президентом ОЛЕАЭ, обратился доцент С.-Петербургского университета и сотрудник Зоологического музея Академии наук Александр Михайлович Никольский (1858–1942) с просьбой о разрешении разобрать коллекции гадов, собранных Туркестанской экспедицией супругов Федченко. В свое время за разбор этих коллекций взялся академик А.А. Штраух, но он так и не успел закончить работу до смерти в 1893 году. Д.Н. Анучин переслал письмо А.М. Никольского О.А. Федченко, желая получить ее мнение на этот счет и надеясь, что возможно, она сможет даже повидаться с господином А.М. Никольским во время планируемой поездки в С.-Петербург.⁹⁹² К сожалению, из-за болезни О.А. Федченко эта встреча не состоялась, тем не менее она уведомила Д.Н. Анучина о своем согласии и о желании видеть труд А.М. Никольского под заглавием «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко». 31 октября 1896 года она писала Д.Н. Анучину: «Из письма его (А.М. Никольского. – О.В.) усматриваю, что он хочет сделать по туркестанским гадам то, что взялся сделать и не сделал покойный А.А. Штраух, т[о] е[сть] описание, с синоптическими таблицами для определения всех туркестанских гадов, на основании материала

⁹⁹⁰ Там же. [С. II].

⁹⁹¹ Богданов А.П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1888. Вып. 22. 92 с.

⁹⁹² Федченко О.А. Письмо Д.Н. Анучину. 31 октября 1896 г. // ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 13. Д. 418. Л. 1.

покойного А.П. Федченко, *включая и весь другой материал*⁹⁹³, какой будет находиться в распоряжении автора. Г[осподин] Никольский хочет включить и Закаспийскую область: тем лучше, работа от этого только выиграет в полноте и тем более пользы принесет будущим исследователям Туркестанского края». И продолжала далее: «Таким образом, по существу дела, я с полным сочувствием отношусь к мысли г[осподина] Никольского. Относительно же названия, я даже не могу допустить мысли, чтобы Общество любителей естествознания согласилось на иное как: “Известия Имп[ераторского] общ[ества] л[юбителей] е[стествознания], а[нтропологии] и этнографии], Т. ..., Вып. ...”; “Путешествие в Турк[естан] А.П. Федченко. Т. II: Вып..., Гады..., обработал А.[М]. Никольский”».⁹⁹⁴ А.М. Никольский быстро принялся за работу и уже в 1899 году выпустил в свет книгу «Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства».⁹⁹⁵ Самый же последний том, как уже упоминалось, принадлежал самой Ольге Александровне и вышел в свет в 1902 году.

Итак, обработка и издание материалов Туркестанской экспедиции супругов А.П. и О.А. Федченко в целом заняли тридцать лет. За эти годы было опубликовано 23 выпуска «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», хотя из-за сложной и несколько запутанной нумерации в различных источниках называются иногда разные цифры. В большинстве историко-научных работ упоминается 24 выпуска «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко».⁹⁹⁶ Но в это число традиционно

⁹⁹³ Подчеркнуто О.А. Федченко. – О.В.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁹⁹⁵ Никольский А.М. Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 23. Т. II: Зоогеографические исследования. СПб., 1899.

⁹⁹⁶ См.: Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956. С. 110; [Маслова О.В.] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент, 1956. С. 84–87; Тишкина А.Г. Путешественница и ботаник О.А. Федченко // Российские женщины и

включается альбом рисунков О.А. Федченко «Виды русского Туркестана», который вышел отдельно, а не в «Известиях ОЛЕАЭ», и, строго говоря, не является частью «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». Точно так же многие исследователи не упоминают поздние выпуски «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», ограничивая его 1888 годом, когда вышел в свет том А.П. Богданова.⁹⁹⁷

Длительная и нелегкая работа, потребовавшая колоссального напряжения сил, огромных затрат времени не была проделана в пустую. ОЛЕАЭ могло гордиться тем, что выполнило задачу, за которую поручилось перед правительством и читателями: оно выпустило в свет монументальное описание фауны и флоры Туркестанского края. О.А. Федченко также добилась поставленной цели – она сохранила от гибели результаты трудов Алексея Павловича Федченко и, как итог, – его имя от забвения. Современники очень высоко оценили научную ценность издания и заслуги в этом Ольги Александровны. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, например, отмечал, что «...еще более значения для науки (по сравнению с картой Коканского ханства. – О.В.) имели обширные естественноисторические коллекции А.П. Федченко, послужившие впоследствии неисчерпаемым источником для интересных работ русских натуралистов».⁹⁹⁸ И добавлял: «Московскому обществу любителей естествознания и достойной супруге покойного (А.П. Федченко. – О.В.) О.А. Федченко, принадлежит честь того, что богатые материалы им собранные, насколько то было возможно после кончины исследователя, сделались достоянием науки».⁹⁹⁹

И.В. Мушкетов, посвятивший немало места описанию маршрутов и научных

европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения СПб., 2001. С. 135.

⁹⁹⁷ Анучин Д.Н. Памяти О.А. Федченко // Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158; Азатьян А.А. Указ. соч. С. 117.

⁹⁹⁸ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. С. 746.

⁹⁹⁹ Там же. С. 746.

результатов экспедиции Федченко в своем знаменитом описании «Туркестан», отмечал: «...благодаря энергии супруги покойного (А.П. Федченко. – О.В.), многоуважаемой Ольги Александровны, старанию Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также участием целого ряда русских и иностранных ученых специалистов, материал А.П. Федченко детально обрабатывается и уже большая часть его издана».¹⁰⁰⁰ И.В. Мушкетов, отмечал, что с нетерпением ждет появления наиболее важного для него четвертого тома, который должен содержать метеорологические, гипсометрические, краниологические и геологические наблюдения экспедиции. Он предполагал, что этот том «...выйдет только отрывками, как и первый, потому что в данном случае заменить А.П. Федченко невозможно».¹⁰⁰¹ Скорее всего именно по этой причине четвертый том «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» так никогда и не был издан.

Помимо научного значения «Путешествие» имело и другое, не менее важное. Оно стало одним из первых, если можно так выразиться, широко разрекламированных, крупных и успешных научных издательских проектов, профинансированных государством. В последующие годы на него, как на некий эталон и как на прецедент, ссылались и чиновники, и ученые. Например, 23 апреля 1879 года Г.Д. Романовский, коллега и спутник И.В. Мушкетова, писал в докладной записке на имя К.П. фон Кауфмана по поводу выделения средств на издание материалов их совместной экспедиции: «...огромный геологический материал уже

¹⁰⁰⁰ Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. / 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. Ч. 1. С. 329. (Первое издание «Туркестана» вышло в свет в 1886 г.: Мушкетов И.В. Туркестан. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1886. Публикация «Путешествия в Туркестан А.П.Федченко» к этому времени еще не была завершена, так что И.В.Мушкетов счел нужным коротко привести планы редакции и дать описание уже вышедших томов).

¹⁰⁰¹ Там же. С. 330.

обрабатывается вполне систематически, а палеонтологический материал, как это уже известно вашему высокопревосходительству, обработан и издан в таком строго систематизированном виде, что почтенный доктор зоологии (речь идет об отрицательном отзыве Северцова. – О.В.) может представить параллельное сочинение только из числа тех, кои составляют обработанный и изданный научный материал, собранный г[осподином] Федченко».¹⁰⁰² 13 декабря 1880 года исполняющий обязанности делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Ф. Анишкевич писал Н.К. фон Кауфману по поводу вознаграждения авторам: «Остается вопрос об авторском вознаграждении г[оспод] Романовского и Мушкетова, против чего с особенной энергией восстает д[ействительный] с[татский] с[оветник] Гилев (ст[арший] горный инженер, выступавший в роли эксперта. – О.В.). В данном случае канцелярия может указать на совершенно аналогичный пример в лице покойного А.П. Федченко, который, закончивши свои исследования в крае и отправившись в Россию и за границу для окончательной обработки к печати собранных материалов, не был лишен своего содержания. Это мотивировалось тем, что лишить научного работника необходимых материальных средств в то время, когда он наиболее должен быть обеспечен от посторонних забот, – значит поставить его в самые невыгодные условия труда».¹⁰⁰³ Не соглашаясь с господином Гилевым о необходимости тщательной предварительной проверки имеющихся материалов И.В. Мушкетова и Г.Д. Романовского, Ф. Анишкевич замечал: «Что же касается фразы д[ействительного] с[татского] с[оветника] Гилева о необходимости недоверия к г[осподам] Романовскому и Мушкетову, то это можно рассматривать лишь как личный взгляд его на означенных профессоров. Ваше высокопревосходительство, ходатайствуя об отпуске значительных средств на издание г[осподина] Федченко, имели в руках также лишь краткие сообщения и незначительные брошюры этого ученого. Между тем в настоящее время его “Путешествие в Туркестан” является

¹⁰⁰² И.В. Мушкетов: Сб. док-в. Ташкент, 1960. С. 91.

¹⁰⁰³ Там же. С. 164.

одним из самых обстоятельных печатных трудов по Туркестанскому краю, изданных на средства, ходатайствованные вашим высокопревосходительством».¹⁰⁰⁴

Над изданием «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» работало несколько десятков человек из разных стран, и это число еще увеличится, если включить в список граверов, типографов, различных технических помощников. По завершении издания «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко» стало не только ценным научным трудом, увеличившим знания современников о тогда почти еще не исследованном крае, – оно стало примером подлинного научного сотрудничества и научной кооперации той группы людей, которых в современном мире принято называть «международным научным сообществом». Оно также продемонстрировало, каких научных успехов можно достичь, имея прочную финансовую поддержку государства. Оно также впервые со времен Е.Р. Дашковой со всей очевидностью доказало возможности женщины, о наличии или отсутствии которых так много спорили тогда в России: во главе всего огромного проекта стояла Ольга Александровна Федченко. Она была его главным двигателем, организатором и вдохновителем. Без ее усилий «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко» никогда бы не увидело свет. Однако единственное место во всем многотомном собрании, в котором упоминается имя Ольги Александровны, – подписи под ее рисунками. Нигде больше этого имени нет: ни на титульном листе, где обычно указывается редактор, ни в заявлении «От редакции», оставшемся без подписи, ни где-либо еще. Ольга Александровна не считала это нужным или важным, собственная слава ее не беспокоила. Она работала только для науки, ради памяти мужа и на благо своей страны.

Как мы отмечали выше, практически единственное качество, в котором имя О.А. Федченко фигурирует на страницах «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» (помимо коллектора растений, конечно) – это, автор рисунков и иллюстраций. Значение этой работы О.А. Федченко так велико, что ее невозможно обойти

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 164–165.

вниманием. О.А. Федченко любила рисовать с детства, имела хорошую художественную подготовку, в юности серьезно училась рисовать (о чем уже упоминалось выше, так же как и о ее роли экспедиционного художника во время поездок по Туркестану). В экспедиции ее навыки оказались не только полезными, но просто необходимыми во время путешествия, поскольку экспедицию супругов Федченко не сопровождал фотограф. Работы для художника было сколько угодно: зарисовки животных и растительных форм, природных ландшафтов, древних архитектурных сооружений, сценок из местной жизни. Люди, снарядившие экспедицию, хотели не только прочесть описание неизвестного края, но и увидеть его своими глазами. Еще в 1871 году в корреспонденции для газеты «Туркестанские ведомости» А.П. Федченко писал (из Узгента): «Узгент замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретом. Туземцы определяют древность постройки в 760 лет. Рисунки, сделанные О.А. [Федченко], познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии».¹⁰⁰⁵ Некоторые из этих рисунков демонстрировались в 1872 году на Политехнической выставке в Москве. В каталоге Туркестанского отдела выставки, составлявшегося супругами Федченко, перечислено 16 экспонировавшихся литографий. Одиннадцать из них сделаны учителем О.А. Федченко, А.К. Саврасовым, по ее эскизам, еще две – художником Нисевиным и одна – «Ишратхана: развалины загородного дворца Тимура в Самарканде» – самой О.А. Федченко. О.А. Федченко проделала громадную художественную работу, хотя именно она больше всех сожалела об отсутствии среди членов экспедиции фотографа. Будучи одновременно и художником, и ботаником она лучше всех знала преимущества и недостатки художественного изображения перед фотографией. Через много лет после описываемых событий, 20 июня 1904 года она писала сыну, Б.А. Федченко, рекомендуя ему делать как можно больше фотографий растений: «...ни один

¹⁰⁰⁵ Цит. по: Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент. Альманах, 2. Ташкент, 1947. С. 118.

рисунок от руки не передает таких деталей, как порядочная фотография».¹⁰⁰⁶ Это однако не умаляет научной и художественной ценности туркестанских рисунков О.А. Федченко. Историк литографии середины XX века Г.Н. Чабров отмечал: «...ботаник и художник Ольга Александровна Федченко издала [...] два альбома литографий, по которым русский читатель впервые получил возможность ознакомиться с природой Зеравшанской и Ферганской долин и замечательными памятниками монументальной архитектуры Самарканда и Ургута».¹⁰⁰⁷

Когда А.П. Федченко еще только планировал издание своего «Путешествия в Туркестан», он предполагал, что том с описанием экспедиции будет иллюстрирован рисунками Ольги Александровны. Программа этого тома предусматривала наличие более 162 рисунков, из них 143 должны были войти в первую, так никогда и не написанную, часть.¹⁰⁰⁸ Среди них как панорамы городов и природных ландшафтов, так и изображения людей, сооружений, предметов быта, костюмов, животных и растений и прочее.

Несколько позже возникла идея издания отдельного альбома с видами Туркестана. После гибели А.П. Федченко, когда появление первого тома, во всяком случае в полном объеме, оказалось под сомнением, О.А. Федченко решила подготовить альбом рисунков, не дожидаясь текста. 24 ноября 1873 года она писала А.П. Богданову: «Относительно альбома именно важны вопросы о размере, так как уменьшенные, рисунки теряют. Кроме того альбом, как вам известно, хотя и предполагалось издать при путешествии, но как часть самостоятельную, с текстом

¹⁰⁰⁶ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 20 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 83 об.

¹⁰⁰⁷ Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94–95.

¹⁰⁰⁸ Донесение А.П. Федченко о программе издания «Путешествие в Туркестан» от 2 декабря 1872 года // Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 16–18.

на разных языках, так чтобы он мог продаваться и отдельно, и иметь сбыт за границей. Так как покуда этот вопрос останется еще нерешенным, то я ограничусь заказом рисунков в формате издания, чтобы они вышли в “Путешествии”, если 1-я часть первого тома напишется [...], а если нет, то вышли бы чем-нибудь в роде маленького альбома».¹⁰⁰⁹ Издание альбома, однако, задерживалось. Но литографии были заказаны – их пришлось делать в Париже. Часть из них подготовил к изданию А.К. Саврасов.

Вышедший в свет в 1875 году том «В Коканском ханстве» А.П. Федченко, содержал прекрасные иллюстрации в том числе литографии: «Ледник Щуровского и истоки реки Исфары», «Шакимардан» (общий вид поселения), «озеро Кутбан Куль близ Шакимардана», «Алай и Заалайские горы в июле 1871 года» (пик Кауфмана) – рисунки А.К. Саврасова по эскизам О.А. Федченко, а также «Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам» (пик Кауфмана) – рисунок О.А. Федченко. Четыре из этих литографий относятся к так называемым «литографиям с тоном», широко распространенной технике середины XIX в., еще один представляет собой хромолитографию. Литографию «Вид Заалайских гор с перевала Исфаирам» Ольга Александровна сама рисовала на камне. Как отмечал Г.Н. Чабров, эта «...литография отличается изящным, простым и уверенным рисунком. Особенно легко и свободно решение заднего плана. Интересный серо-желтый тон подцветки остроумно пробран удачно размещенными бликами. Работа изобличает зрелого мастера, обладающего вкусом и незаурядным знанием литографской техники».¹⁰¹⁰ Кроме литографий, в «Коканском ханстве» помещено еще несколько черно-белых карандашных рисунков, изображающих животных и прочее, также принадлежащих, по-видимому, О.А. Федченко, хотя их авторство и не указано. Рисунки О.А. Федченко имели не только

¹⁰⁰⁹ Федченко О.А. Письмо А.П. Богданову. 24 ноября 1873 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674. Л. 6 об.

¹⁰¹⁰ Чабров Г.Н. Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 119.

художественное или познавательное значение. Они отличались скрупулезной точностью и проработкой деталей. Так, И.В. Мушкетов, восхищавшийся рисунками, говорил прежде всего об их научном значении: «Прекрасный, хотя не законченный, труд А.П. Федченко о Коканском Ханстве украшен роскошными рисунками, сделанными с натуры О.А. Федченко; между ними обращает на себя особенное внимание ледник Щуровского и олеография Заалайского хребта с пиком Кауфмана; последняя дает полное понятие о внешней конфигурации зубчатого гребня этого многоснежного хребта».¹⁰¹¹

Отдельный альбом с видами Туркестана был подготовлен только к 1879 году и демонстрировался во время Антропологической выставки, организованной в том году ОЛЕАЭ в Москве. Из любезности к иностранным гостям выставки, им передали отпечатанные листы еще не вышедшего в свет альбома Ольги Александровны. Точная дата издания альбома «Виды Русского Туркестана»¹⁰¹² неизвестна, однако можно утверждать, что альбом вышел в свет не позднее апреля 1881 года в Москве.¹⁰¹³ 10 апреля 1881 года О.А. Федченко писала И.В. Мушкетову: «Альбом я вам послала через наше общество, вчера, так как письмо ваше пришло в то время, как печаталась обертка к нему»,¹⁰¹⁴ – то есть можно предположить, что и сам альбом был опубликован в начале 1881 или в конце 1880 года. С этим изданием связано одно

¹⁰¹¹ Мушкетов И.В. Туркестан... С. 336.

¹⁰¹² Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко, исполнены г. Саврасовым в Москве и Лораном, Сизери, Сабатье и Лемерсье в Париже. Б. м., Б. г.

¹⁰¹³ В разных работах вообще встречаются указания на разные даты и места публикации альбома. Так, И.В. Мушкетов писал, что альбом был издан в Москве (Мушкетов И.В. Туркестан... С. 336); О.В. Маслова в «Обзоре русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» (Ташкент, 1956. Ч. II. С. 87) указывает что и место, и время его выхода неизвестно; Г.Н. Чабров в исследовании «Средняя Азия в литографии» (Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94) пишет, что два альбома О.А. Федченко были изданы в 1875 г. в Париже. В данном случае, нам кажется, что указание И.В. Мушкетова является наиболее точным.

¹⁰¹⁴ Федченко О.А. Письмо И.В. Мушкетову. 10 апреля 1881 г. // ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7.

не очень приятное для О.А. Федченко обстоятельство: некоторые зарубежные авторы воспользовались рисунками из еще не опубликованного Туркестанского альбома для иллюстрации собственных сочинений о Туркестане. В том же письме О.А. Федченко делилась с И.В. Мушкетовым: «Я уже отчаялась на счет текста и, узнав из газет, что мои рисунки помещены в 6-м томе Реклю,¹⁰¹⁵ решила пустить их в продажу и так. Во всяком случае, если будет текст, его можно приложить и после. Теперь я приобрела Реклю и вижу, что из альбома собственно он поместил четыре рисунка, остальные, и карты, взяты им из 7-го выпуска “Путешествия в Туркестан” (“в Коканском ханстве”), изданном уже несколько лет назад. В одном отношении я довольна помещением моих рисунков у Реклю, так как главная цель их – ознакомление с краем – лучше достигнется его изданием, которое во всяком случае будет иметь более обширное распространение в ученом и учащем мире, чем мой альбом».¹⁰¹⁶ Однако помимо чисто научных целей перед О.А. Федченко, как перед ответственным издателем стояли и задачи вполне материальные, о чем она также писала И.В. Мушкетову: «Но с денежной стороны он конечно повредит моему альбому, и если бы он только спросил моего позволения поместить рисунки или я вообще узнала бы об этом раньше, то поспешила бы пустить в продажу раньше свой альбом и постаралась бы выговорить какое-нибудь денежное вознаграждение в пользу “Путешествия в Туркестан”, так как заимствовала из ассигнованных на него средств сумму, необходимую для издания альбома, и потому мне очень хочется, чтобы альбом по возможности окупился. Возможно ли получить какое-нибудь вознаграждение теперь? Сомневаюсь: между Францией и Россией, сколько мне известно, нет конвенции, воспреещающей перепечатку, а что мой альбом до сих пор был не издан и только на днях поступит в продажу – Реклю может быть и не знал»¹⁰¹⁷. Объясняя далее о любезности, совершенной по отношению к иностранным

¹⁰¹⁵ Reclus E. Nouvelle geographie universelle. VI: L'Asie usse. 1–2. Paris, 1881.

¹⁰¹⁶ Федченко О.А. Письмо И.В. Мушкетову. 10 апреля 1881 г. // ОР РНБ. Ф. 503. Д. 242. Л. 7, 7 об.

¹⁰¹⁷ Там же. Л. 8.

гостям, О.А. Федченко продолжала: «В числе гостей был и Уйфальви. Вероятно, он и передал мои рисунки или Реклю, или издателю его книги, Hachette, издающему и “Le tour du monde”, где помещено “d'Orenburga Jamarkand” м[адам] же Уйфальви; но там рисунки сделаны по фотографям. Ее “de Parisa Jamarkand”, о котором вы пишете, я не видала, разрешения помещать у себя мои рисунки не давала, да полагаю, что ей и не дала бы ни на каких условиях. Меня и то бесит, и фотограф, которого мы не могли добиться, а им дали, и все почести и ухаживания, которыми всюду встречали их в Сибири и Туркестане и за которые они потом русским же в глаза смеются. Зато к почестям, оказываемым некоторым русским, я иначе отношусь и от души поздравляю вас с золотой медалью Географического общества».¹⁰¹⁸

Таким образом, рисунки из альбома О.А. Федченко перепечатывались ее современниками еще до их официальной публикации. И.В. Мушкетов, сам готовивший к выходу том с описанием туркестанского путешествия и сильно заинтересованный в иллюстрациях, писал: «О.А. Федченко издала роскошный альбом видов русского Туркестана в 14 больших литографий. Многие из этих картин чрезвычайно поучительны и характерны; напр[имер], растительность в Кызыл-Кумах, колодезь Дюсебай, горы Аксай-тау и пр[очее]. Для многих новейших сочинений о Средней Азии рисунки О.А. Федченко служат лучшим украшением, например, для книги Реклю, г[оспожи] Бурдон-Уйфальви и др.».¹⁰¹⁹ И отмечал далее: «К сожалению, г[оспо]жа Бурдон-Уйфальви, заимствуя рисунки, не упоминает об авторе их».¹⁰²⁰ И.В. Мушкетов сам использовал несколько рисунков из альбома О.А. Федченко в качестве иллюстраций к своей книге «Туркестан» (правда, с ее разрешения). При чем делал это не для украшения книги, а для лучшего объяснения описываемых деталей. Например, он писал о пустыне Кызыл-Кум: «Арало-каспийские осадки [...] пески, неизменно сопровождали нас и далее на север;

¹⁰¹⁸ Там же. 8, 8 об.

¹⁰¹⁹ Мушкетов И.В. Туркестан... С. 336.

¹⁰²⁰ Там же. Прим. к. С. 336.

поверхность была до утомления однообразна – все как будто построено по одному шаблону. Полная тишина, безжизненность, отсутствие воды наложили на окружающую природу печать уныния; если и попадаются кустарники саксаула, кызыл-джузгана и проч[ее], то они своим корявым, уродливым видом не только не оживляют местность, а скорее придают ей еще более неприглядный вид; это как будто страдальцы, выросшие под страшным гнетом. Две картины в альбоме О.А. Федченко (3) прекрасно передают характер поверхности Кызыл-кум; на одной из них изображены почти голые, летучие пески в окрестностях колодца Дюсебай, а на другой вся незатейливая и однообразная флора этой пустыни». ¹⁰²¹ Стремление «позаимствовать» рисунки О.А. Федченко не удивительно. Фотография в то время была распространена еще недостаточно широко, и качество черно-белых фотографий не могло сравниться с качеством литографий. Ольга Александровна – одна из первых европейских художников (возможно всего вторая после В.В. Верещагина ¹⁰²²), запечатлевшая на бумаге пейзажи, сооружения, жителей, животных и растения Туркестана, являвшегося в те годы центром интереса и ученых, и любопытствующей публики, и политиков, и все еще остававшегося очень мало изученным.

Цели, которые преследовали В.В. Верещагин и О.А. Федченко значительно отличались. Ольга Александровна не стремилась создать произведения искусства, постичь характеры людей, философию края. В ее задачу входило ознакомление ученых с фауной, флорой, орографией, археологией, этнографией края, поэтому ее интересовала прежде всего точность деталей. Предполагалось, что ее рисунки станут подспорьем для научных исследований. «Если у Верещагина [...] архитектурные памятники лишь изредка составляли самостоятельный сюжет художественного

¹⁰²¹ Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1-2. Спб., 1886. С. 671.

¹⁰²² Воспроизведения рисунков с картин знаменитой «Туркестанской серии» В.В. Верещагина были опубликованы в Мюнхене в 1874 г.

произведения, то на рисунках О.А. Федченко они запечатлены именно как памятники зодчества. Литографии отличаются удачно выбранной точкой зрения, подробностью и точной передачей деталей. Состояние памятников, зафиксированное семьдесят лет назад, делает эти литографии драгоценным источником для археологов, архитекторов и искусствоведов», – писал Г.Н. Чабров.¹⁰²³

Это не означало, конечно, что О.А. Федченко не видела и не воспринимала удивительную красоту открывшегося ей края. Через много лет (и много стран), 16 июля 1904 года она писала своему сыну Б.А. Федченко: «Очень рада, что тебе пришлось видеть Заалайский хребет из Дараут-Кургана. Лучшего вида, по-моему, нет на свете».¹⁰²⁴ Ее техника и художественное мастерство также не вызывают нареканий не только у простых зрителей, но и у специалистов: «О.А. Федченко раскрывается в этом альбоме как зрелый художник, отличающийся свободой и остроумием композиции, изящным рисунком и незаурядным пониманием специфики выразительных средств художественной литографии»,¹⁰²⁵ – писал Г.Н. Чабров. Следует отметить, что не только современники спешили поместить рисунки О.А. Федченко в своих изданиях. Самый беглый просмотр литературы по истории изучения Средней Азии показывает, что и в XX в. рисунки Ольги Александровны неоднократно использовались в качестве иллюстраций.¹⁰²⁶

¹⁰²³ Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 118.

¹⁰²⁴ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 16 июля 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 96.

¹⁰²⁵ Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии)... С. 119.

¹⁰²⁶ См., например: Лялина М.А. Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А. Федченки. СПб., 1894; Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956; Азатьян А.А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (Вторая половина XIX в.). Ч. 1. Ташкент, 1960; Леонов Н.И. Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М., 1972; Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950; Юсов Б.В. А.П. Федченко. М., 1953.

Помимо рисунков для книги «В Коканском ханстве» А.П. Федченко и собственного художественного альбома О.А. Федченко проиллюстрировала 6-й выпуск «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», содержащий обработанных В.Н. Ульянином Ракообразных (Crustacea).¹⁰²⁷ У нее уже был опыт создания рисунков различных представителей фауны, так же как и опыт рисования под микроскопом: еще при жизни А.П. Федченко она рисовала для него под микроскопом пчел, которыми он очень интересовался. Для выпуска В.Н. Ульянина О.А. Федченко сделала 6 листов великолепных рисунков ракообразных.

Последний выпуск «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», как уже упоминалось выше, увидел свет только в 1902 году, и на этом работа, занявшая три десятилетия, была завершена, завершена настолько полно, насколько только это было возможно в отсутствие Алексея Павловича Федченко.

4.2. Участие женщин в деятельности российских естественнонаучных обществ в 70-е – 90-е годы XIX века

Туркестанская экспедиция стала событием в естественнонаучном и географическом мире. В отсутствие А.П. Федченко О.А. Федченко осталась ее единственной полномочной представительницей. Она стала своей в тесном круге московской научной элиты, подружившись не только с учеными, но и с их супругами, и часто проводила вечера дома у кого-либо из них за обсуждением издания «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко», текущих проблем, новых книг.

¹⁰²⁷ Ульянин В.Н. Ракообразные (Crustacea) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1875. Вып. 6. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. III.

Например, А.П. Богданов на протяжении 1874 – 1875 гг. не раз скрупулезно отмечал в своем дневнике: «В 10 ч. 1/2 поехал в Зоологический музей и разбирал микроскопические препараты, но явилась Ольга Александровна Ф[едченко] и просидела до часу, потом поехал к А. Армфельд и оттуда домой. Федченко обедала у нас», – 29 августа 1874 г.¹⁰²⁸; «В 12 ч. поехал к Шумейко и просидел до 2. Вернулся домой, нашел О.А. Федченко и Елиз[авету] Осиповну и Борю, маленького Федченко. Они обедали», – 11 сентября 1874 г.,¹⁰²⁹ «В час поехал в зоолог[ический] музей. Встретился с Керделли и говорил с ним о помещении его племянника; с О.А. Федченко об издании альбома» – 9 (21) сентября 1874 г.,¹⁰³⁰ «Пришла О.А. Федченко и просидела до 10. Разговаривали об изданиях и об ученых женщинах», – 12 сентября 1874 г.;¹⁰³¹ «Поехал в Зоолог[ический] музей на минутку (видел Федченко и Фреймут), – 22 декабря 1874 (3 января 1875 г.);¹⁰³² «В 5 1/2 приехала О.А. Федченко с Борей, потом Тихомиров, Березницкий и Елизавета Осиповна. Ужинали и сидели до 12 ч.», – 24 декабря 1874 (5 января 1875 г.);¹⁰³³ и т. д. и т. п. Из этого дневника можно заключить, что в 70-годы XIX века О.А. Федченко, Е.К. Фреймут стали не только формальными членами ОЛЕАЭ, но и полноценными членами научного сообщества.

Уважение и репутация, заслуженные О.А. Федченко во время Трукестанской экспедиции, получили новое подтверждение, когда 17 октября 1874 года Императорское Московское общество испытателей природы – одно из старейших естественнонаучных обществ не только Москвы, но и всей России, и, надо добавить,

¹⁰²⁸ Богданов А.П. Дневник. 13 августа 1874 г. – 25 августа 1877 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

¹⁰²⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁰³⁰ Там же. Л. 6.

¹⁰³¹ Там же. Л. 6 об.

¹⁰³² Там же. Л. 13 об.

¹⁰³³ Там же. Л. 14.

одно из наиболее консервативных, то самое общество в противовес которому создавалось десятью годами ранее ОЛЕАЭ, – по рекомендации господ Л.П. Сабанеева и К.И. Ренара избрало Ольгу Александровну Федченко в свои члены-корреспонденты. Без каких-либо торжественных речей, консультаций с правительственными чиновниками и затяжных дебатов, пунктом 22 повестки дня, касающегося избрания нескольких новых членов избраны «...и в члены-корреспонденты, по предложению Л.П. Сабанеева и К.И. Ренара, Ольга Александровна Федченко в Москве».¹⁰³⁴ Насколько нам известно, О.А. Федченко стала первой женщиной – членом МОИП.

Для любого молодого исследователя подобное избрание являлось огромной честью. Стать членом МОИП было очень нелегко и несомненно очень почетно. Для этого было необходимо: «1) Представить труд, достойный напечатания в изданиях общества или напечатанное ученое сочинение. 2) Быть предложенным в обыкновенном заседании двумя членами общества. 3) В следующем заседании подвергнуться избранию шарами и получить в свою пользу большинство». И только «лица, известные уже учеными своими сочинениями, освобождаются от выполнения этого условия по определению Общества».¹⁰³⁵ Членство в МОИП, помимо признания старших коллег (желательного для любого начинающего ученого), давало возможность публиковаться в его всемирно известных и распространявшихся по всему миру научных периодических изданиях. Для 29-летней О.А. Федченко подобное избрание означало признание ее наиболее авторитетной в Москве и известной в мире научной средой, редко выпадавшее на долю женщин в XIX веке. Для ОЛЕАЭ это было признанием (хоть и косвенным) его принципов.

Хотя сама О.А. Федченко, кажется, и не придавала этому событию особенного значения. Она не присутствовала на историческом заседании общества. 19 октября

¹⁰³⁴ Протокол заседания Императорского Московского общества испытателей природы. 17 октября 1874 г. // Архив МОИП. Протоколы заседаний 1874 г. Д. 482. Л. 25 об.

¹⁰³⁵ Устав Московского общества испытателей природы. М., 1837. С. 5.

1874 года она писала в МОИП (в письме отсутствует обращение, но по-видимому письмо предназначалось К.И. Ренару), выбрав для этого обращения французский язык: «Уважаемые господа, получив вчера ваше письмо, прошу вас поблагодарить от моего имени Императорское Московское общество испытателей природы за ту честь, которую это общество мне оказало, избрав меня своим членом. Я была бы счастлива, если бы мне представилась возможность быть полезной обществу. В ожидании вашего обращения соблаговолите принять мои наилучшие пожелания. Ольга Федченко»¹⁰³⁶.

Впоследствии О.А. Федченко поддерживала дружеские отношения с МОИП. До сегодняшнего дня в библиотеке МОИП можно найти полное собрание «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». Когда из печати вышел альбом рисунков О.А. Федченко, посвященный Туркестану, она писала К.И. Ренару (23 апреля 1881 года): «Я надеялась лично принести в дар сегодня Императорскому обществу испытателей природы свой альбом, поступивший на днях в продажу, но лишена этого удовольствия, не имея возможности, по семейным обстоятельствам, быть сегодня в заседании. Поэтому я решила послать свой альбом на ваше имя, с покорнейшей просьбой передать его обществу».¹⁰³⁷ Сохранилось ее письмо от 28 октября того же 1881 года, в котором О.А. Федченко ходатайствовала о принятии в общество доктора медицины В.Х. Кандинского, одного из наиболее известных в мире (на сегодняшний день) отечественных психиатров: «Доктор Виктор Хрисанфович Кандинский весьма желает вступить в число членов Общества испытателей природы, – писала О.А. Федченко. – Не имея устава общества, решаюсь

¹⁰³⁶ Федченко О.А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы [К.И. Ренару]. 19 октября 1874 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1874. Д. 484. Л. 60.

¹⁰³⁷ Федченко О.А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К.И. Ренару. 23 апреля 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 50.

обеспокоить вас покорнейшей просьбой уведомить меня, что он должен для этого сделать: обратиться ли в общество официальным письмом, или представить свои труды (например переводы Вундта “Основания физиологической психологии” и др.), или непременно сделать сообщение в заседании общества. Позволяю себе надеяться, что вы не откажете сообщить мне эти сведения и предложите доктора Кандинского к избранию в члены общества в ближайшем его заседании».¹⁰³⁸

Еще через 10 лет, в пункте 24 повестки дня «Журнала заседаний Императорского московского общества испытателей природы 17 января 1891 года» можно было прочитать, среди кандидатов, избранных в этот день действительными членами МОИП: «24. В действительные члены общества избран [...] и Ольга Александровна Федченко (по предложению М.А. Мензбира и Е.Д. Кислаковского».¹⁰³⁹ Через месяц, 18 февраля 1891 года О.А. Федченко написала секретарю МОИП В.Н. Львову: «Милостивый Государь Василий Николаевич, я имела удовольствие получить письмо ваше, извещающее об избрании меня, в последнем заседании Императорского общества испытателей природы, в число действительных членов общества. Позвольте просить вас принять на себя труд передать обществу искреннюю признательность за это избрание. С совершенным уважением остаюсь готовой к услугам О. Федченко».¹⁰⁴⁰

Таким образом, Московское общество испытателей природы сочло возможным пригласить в свои ряды женщину. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, сделавшее это на десять лет раньше, в 70-е годы

¹⁰³⁸ Федченко О.А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К.И. Ренару. 28 октября 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 43, 43 об.

¹⁰³⁹ Журнал заседания Императорского Московского общества испытателей природы. 17 января 1891 г. // Архив МОИП. Протоколы заседаний. 1891. Д. 647. Л. 3.

¹⁰⁴⁰ Федченко О.А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы В.Н. Львову. 17 февраля 1891 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1891. Д. 650. Л. 5.

относилось к О.А. Федченко как к равной в повседневных делах общества и чествовало ее как героя по торжественным случаям. Так, в первой половине 70-х годов О.А. Федченко посещала практически все заседания ОЛЕАЭ.¹⁰⁴¹ А 29 августа (9 сентября) 1875 года член-основатель ОЛЕАЭ А.П. Богданов записал в своем дневнике: «Заседание Общ[ества] любителей естествознания с 7–10 [часов]. С председательством. В закрытом заседании предложил О.А. Федченко в почетные члены и назначить ей редакторский гонорар».¹⁰⁴² В протоколе годового восьмидесятого заседания Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшегося 15 октября 1875 года, было опубликовано «Постановление общества об избрании в почетные члены О.А. Федченко».¹⁰⁴³ В нем сообщалось, что «Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Московском университете, в заседании своем 29-го августа постановило почтить заслуги члена-основательницы общества Ольги Александровны Федченко».¹⁰⁴⁴ Во-первых, «...как путешественницы по Средней Азии, всюду сопровождавшей покойного члена-основателя Алексея Павловича Федченко в Туркестанской экспедиции и посетившей вместе с ним, кроме областей Туркестанского края, верховья Зеравшана и Коканское

¹⁰⁴¹ См., например: Протокол соединенного годового заседания Общества любителей естествознания и высочайше учрежденного Комитета по устройству Музея прикладных знаний 30-го ноября 1873 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д.12. Л. 112–113 об.; Протокол семьдесят второго заседания Общества любителей естествознания 27 января 1874 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д.12. Л. 75–78 об.; Семьдесят третье заседание Общества любителей естествознания 23 марта 1874 г. // ЦГА Москвы. Ф. 455. ОЛЕАЭ. Оп. 1. Д.12. Л. 137–173 и др.

¹⁰⁴² Богданов А.П. Дневник. 29 августа / 9 сентября 1875 г., пятница. Москва // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 96. Л. 34 об.

¹⁰⁴³ Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 57–58.

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 57.

ханство»;¹⁰⁴⁵ во-вторых, «...как ботаника, основательно изучившей флору Туркестана и собравшей обширный гербарий во время путешествия по Средней Азии»;¹⁰⁴⁶ в третьих, «...как участницы составления антропологической коллекции общества, основание коей было положено во время подготовительных работ по устройству этнографической выставки 1867 года»;¹⁰⁴⁷ в четвертых, «...как участницы в устройстве и организации Туркестанского отдела на политехнической выставки 1872 года»;¹⁰⁴⁸ в пятых, «...как составительницы альбома Туркестанских видов, для издания коего из числа многих собственноручных рисунков путешественницы, исполненных на пути экспедиции, избраны 14 больших пейзажей»;¹⁰⁴⁹ в шестых, «...как заведующей редакцией обширного издания общества под заглавием “Путешествие в Туркестан А.П. Федченко”, осуществляемого на дарованные по ходатайству г[осподина] Туркестанского генерал-губернатора денежные средства, лично редактирующей как все до сих пор вышедшие из печати девять выпусков, так и вновь подготавливаемые к печати томы этого издания»;¹⁰⁵⁰ и, наконец, в седьмых, «...как лица, уполномоченного советом общества в качестве редактора названного издания вести всю переписку с авторами, обрабатывающими имеющийся материал, с типографиями, исполнителями рисунков и таблиц, производить разбор собранных экспедицией коллекций и вообще заведывать всеми делами издания».¹⁰⁵¹ Таким образом тщательно и скрупулезно были перечислены все научные задания уже исполненные О.А. Федченко или исполнявшиеся ею в момент избрания. Перечислив их все, протоколо заседания сообщал: «Во внимание к изложенным заслугам и к

¹⁰⁴⁵ Там же.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 58.

¹⁰⁴⁷ Там же.

¹⁰⁴⁸ Там же.

¹⁰⁴⁹ Там же.

¹⁰⁵⁰ Там же.

¹⁰⁵¹ Там же.

постоянному полезному участию в трудах общества со времени его основания, общество в заседании 29-го августа по состоявшейся закрытой баллотировке единогласно избрало на основании §§ 8 и 20 своего устава Ольгу Александровну Федченко своим почетным членом и постановило представить это избрание на утверждение годовичного собрания».¹⁰⁵² Что и было сделано: ОЛЕАЭ чествовало своего члена-основателя, человека, которому оно не побоялось доверить вопреки традициям и предрассудкам не только место в своих рядах, но и место в составе научной экспедиции, а затем один из самых масштабных научно-издательских проектов своего времени. ОЛЕАЭ отдавало должное женщине, которая оправдала его доверие, каждое достижение которой все четче и четче подтверждало основополагающую позицию основателей ОЛЕАЭ, утверждавших, что чем шире круг людей, допущенных к научным исследованиям в области естественных наук, тем больше выгоды получает Наука и тем значительнее ее успехи и приобретения. Руководители ОЛЕАЭ не стеснялись открыто демонстрировать наглядное подтверждение успеха своей теории.

Однако, оставляя в сторону научную политику, принесшую О.А. Федченко некоторые бенефисы, ее научные достижения были неоспоримы. Останься в живых А.П. Федченко и, без сомнения, большая часть как научной славы, так работ по «освоению» привезенных Туркестанской экспедицией материалов была бы признана его заслугой. И за экспертным мнением коллеги обращались бы именно к нему. Но А.П. Федченко погиб, и в его отсутствие О.А. Федченко стала признанным экспертом ОЛЕАЭ по Туркестану. Если проводилось какое-либо мероприятие, посвященное изучению Средней Азии, то Ольга Александровна участвовала в нем от имени Общества.

В 1875 году в Париже проводился второй Международный географический конгресс, на который О.А. Федченко с согласия ОЛЕАЭ отослала вышедшие к тому времени тома «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко». За этот труд Конгресс

¹⁰⁵² Там же.

удостоил ее бронзовой медали. Она не без гордости упоминает об этой награде в автобиографии, написанной для книги А.П. Богданова: «В 1875 г[оду] принимала участие в Географическом конгрессе в Париже высылкой издания “Путешествие в Туркестан [А.П. Федченко],” за что получила бронзовую медаль».¹⁰⁵³ По данным, известным на сегодняшний день, это была первая международная награда в области научных исследований, присужденная российской женщине. Парижская академия наук присудила премию С.В. Ковалевской в 1888 году; Шведская академия наук ей же – в 1889 году.

Сохранилось письмо секретаря Русского географического общества к О.А. Федченко, написанное 10 июня 1883 г.: «Милостивая государыня Ольга Александровна. При разборке старых бумаг канцелярии императорского Русского географического общества нашелся диплом на медаль, присужденную вам на Международной географической выставке, бывшей в Париже в 1875 году. Считаю приятным долгом препроводить вам при сем означенный диплом и медаль и прошу не оставить меня уведомлением о получении того и другого...».¹⁰⁵⁴ Письмо было написано через восемь лет после события, сведения же о присужденной награде были опубликованы сразу же по завершении конгресса. В «Списке наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г[ода] русским экспонентам», опубликованном в «Известиях РГО», значилось, что «медаль второго класса» была присуждена по VII отделу (путешествия) «19. Г[оспо]же Федченко, за путешествие в Туркестан».¹⁰⁵⁵ Из чего следует вывод о том, что

¹⁰⁵³ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетие (1850–1887 гг.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

¹⁰⁵⁴ Письмо секретаря Русского географического общества О.А. Федченко. 10 июня 1883 года // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁰⁵⁵ Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам // Известия РГО. 1876. Т. XI: 1875. Отд. 1. С. 239.

конгресс удостоил награды скорее саму О.А. Федченко и ее участие в экспедиции, чем издание «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко».

9 марта 1876 г[ода] ОЛЕАЭ единогласно избрало О.А. Федченко делегатом от общества для участия в третьем Международном конгрессе ориенталистов, проходившем в 1876 году в С.-Петербурге. В протоколе 82 заседания ОЛЕАЭ, пунктом 13 было доложено обществу «о приглашении, полученном от организационного комитета третьего конгресса ориенталистов в С.-Петербурге, касательно участия общества в этом съезде»¹⁰⁵⁶, а также доложено о письме К.П. фон Кауфмана Г.Е. Щуровскому «касательно участия коллекций Туркестанского отдела Политехнического музея в составе выставки, имеющей быть во время конгресса».¹⁰⁵⁷ Оказалось, что ко времени заседания Г.Е. Щуровский уже успел сообщить К.П. фон Кауфману «...о готовности передать коллекции организационному комитету съезда на время выставки...»¹⁰⁵⁸ и что на имя организационного комитета, в С.-Петербург уже высланы «все издания общества, содержащие труды по исследованию Средней Азии».¹⁰⁵⁹ Также было доложено, что «Обществу предстоит для участия в съезде избрать делегата».¹⁰⁶⁰ Учитывая, что для организовавшейся во время выставки ОЛЕАЭ отправляло коллекции и артефакты, собранные супругами А.П. и О.А. Федченко, а также книги, изданные преимущественно О.А. Федченко, неудивительно, что делегатом была избрана именно она. «По предложению А.П. Богданова, – засвидетельствовано в протоколе заседания ОЛЕАЭ, – делегатом избрана единогласно почетный член общества Ольга Александровна Федченко».¹⁰⁶¹

¹⁰⁵⁶ Восемьдесят второе заседание Общества 9 марта 1876 года // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 81.

¹⁰⁵⁷ Там же.

¹⁰⁵⁸ Там же.

¹⁰⁵⁹ Там же.

¹⁰⁶⁰ Там же.

¹⁰⁶¹ Там же.

1876 г. О.А. представляла ОЛЕАЭ на этом Конгрессе.

Если кто-то дарил обществу коллекцию Туркестанских растений, – ее передавали в ведение О.А. Федченко для дальнейшего распоряжения. Например, на восемьдесят четвертом заседании ОЛЕАЭ 11 апреля 1876 года было доложено обществу, «...что по просьбе почетного члена О.А. Федченко Э.Л. Регель принял на себя обработку гербария, собранного экспедицией капитана Ларионова в Кульджинском районе, и что вследствие этого как самый гербарий, так и список растений, составленный капитаном Ларионовым, препровождены г[осподину] Регелю в С.-Петербург».¹⁰⁶²

Если ОЛЕАЭ само организовывало какое-либо мероприятие, то во-первых, в нем обязательно был представлен Туркестан, а во-вторых, руководила организацией Туркестанской части мероприятия непременно О.А. Федченко. Так, 6 мая 1876 года комиссия ОЛЕАЭ по устройству антропологических и зоологических собраний при Московском университете приняла решение о проведении Антропологической выставки. В созданном по этому случаю «Комитете для устройства антропологической выставки» О.А. Федченко руководила Туркестанской комиссией. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что О.А. Федченко принимала активное участие в выработке программы выставки. Например, протокол заседания комиссии сообщает, что 4 ноября 1877 года, на тринадцатом заседании комитета «О.А. Федченко по поводу прочитанной программы заметила, что в отделе антропологической библиографии можно бы поместить и Туркестанский сборник, изданный по поводу Политехнической выставки 1872 г[оду]¹⁰⁶³ и так как возникло в

¹⁰⁶² Восемьдесят четвертое заседание Общества 11 апреля 1876 года // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV. С. 98.

¹⁰⁶³ Можно предположить, что имеется ввиду следующее издание: Межов В.И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г[осподина] Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана В.И. Межовым. Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на

комитете сомнение относительно права представления этого сборника в числе изданий комитета, то О.А. Федченко изъявила согласие войти в предварительную переписку с издателем его в Ташкенте и узнать его мнение по этому предмету».¹⁰⁶⁴

О.А. Федченко настолько плотно была вовлечена во все наиболее серьезные и масштабные проекты ОЛЕАЭ, что ее избрание в совет общества выглядело естественно. В протоколе заседания ОЛЕАЭ от 21 ноября 1877 года, (девяносто пятое заседание ОЛЕАЭ, пункт 6 повестки дня) отмечено, что в заседании были прочитаны параграфы устава общества, «...касающиеся избрания должностных лиц, и затем приступлено к баллотировке».¹⁰⁶⁵ После чего «В члены совета, по состоявшейся баллотировке (записками), оказались избранными: А.П. Богданов (25 голосов), О.А. Федченко (24 голоса), Д.А. Наумов и И.П. Архипов (22 голоса), А.С. Владимирский (21 голос) и А.М. Анастасьев (16 голосов)».¹⁰⁶⁶ Набравшие меньше баллов: «...кн[язь] В.А. Черкасский (получивший 9 голосов) и В.К. Попандопуло (5 голосов) признаны кандидатами в члены Совета».¹⁰⁶⁷

Таким образом, О.А. Федченко не просто стала первой женщиной, избранной членом совета ОЛЕАЭ: по результатам голосования ее популярность среди голосовавших членов ОЛЕАЭ уступала только популярности А.П. Богданова, признанного лидера.

На этом же заседании, 21 ноября 1877 года, общество выбирало нового

рус[ском] и иностр[анных] яз[ыках]. Т. 1–3. СПб, 1878–1888. Очевидно, что к моменту разговора третий том еще не был издан.

¹⁰⁶⁴ Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания Комитета по устройству выставки // Известия ОЛЕАЭ. 1878. Т. XXVII. Вып. 5. С. 347.

¹⁰⁶⁵ Девяносто пятое заседание Общества, 21 ноября 1877 г. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ (с 19 декабря 1876 по 15 октября 1880 г.). С приложением устава и списка членов // Известия ОЛЕАЭ. 1881. Т. XXXVII. Вып. 1. С. 72.

¹⁰⁶⁶ Там же.

¹⁰⁶⁷ Там же.

секретаря, поскольку 31 октября 1877 года умер Николай Карлович Зенгер, занимавший эту должность со дня основания ОЛЕАЭ (за вычетом 1868 года, проведенного им за границей). А.П. Богданов предложил избрать на этот пост А.А. Тихомирова, попросив членов общества «...принять в соображение значительное количество зоологических работ, которые должны были выпасть на долю секретаря».¹⁰⁶⁸ После внесенного предложения А.П. Богданова «...кандидатами на должность секретаря предложены были записками: А.А. Тихомиров (22 голоса), В.Д. Левинский и О.А. Федченко (по 1 голосу). При баллотировке шарами А.А. Тихомиров оказался избранным большинством 23 голосов. О.А. Федченко и В.Д. Левинский от баллотировки отказались».¹⁰⁶⁹ Несмотря на отказ О.А. Федченко баллотироваться на должность секретаря ОЛЕАЭ, уже сам факт, что ее имя было предложено, являлся беспрецедентным. Но в данном случае, вероятно, оказалось что был предел, даже у молодых реформаторов из ОЛЕАЭ, а, возможно, дело было в обаятельном влиянии А.П. Богданова. Тем не менее и вопреки официальным результатам голосования, сохранились многочисленные свидетельства того, что после смерти Н.К. Зенгера в течение некоторого времени именно О.А. Федченко исполняла обязанности секретаря общества. Прежде всего сама О.А. Федченко писала, в уже упоминавшейся нами автобиографии: «С конца 1877 года состояла несколько лет секретарем совета Общества любителей естествознания...»¹⁰⁷⁰. Однако Д.Н. Анучин, современник и участник событий, хорошо знавший и близко сотрудничавший с О.А. Федченко, в статье, посвященной ее памяти, отмечал: «В 1874 г[оду] О.А. [Федченко] была избрана почетным членом Общества любителей естествознания, а с 1877 г[ода] в течение нескольких лет состояла его

¹⁰⁶⁸ Там же.

¹⁰⁶⁹ Там же.

¹⁰⁷⁰ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания... Л. 26.

секретарем».¹⁰⁷¹ Помимо этого, в личном фонде О.А. Федченко обнаружено несколько писем, адресованных секретарю ОЛЕАЭ. Например, Э. Ивансон, владелец литографии и металлографии в С.-Петербурге, писал 22 февраля 1878 г[ода]: «Его высокоородию господину секретарю Императ[орского] общ[ества] люб[ителей] естествознания в Москве. Честь имею посылать при сем оригинал и пробные оттиски от двух табл[иц] рисунков к статьям г[осподина] Кроненберга, и прошу вас возвратить корректуры вместе с оригиналами, которые мне во время печати нужны. Пробный оттиск от 3 Табл[ицы] буду посылать в понедельник 26 февр[аля]».¹⁰⁷² В верхнем правом углу листа рукой О.А. Федченко написано: «Получено 24 февр[аля] 1878 г[ода] № 55».¹⁰⁷³ Следующее письмо от Э. Ивансона, датированное 21-м апреля 1879 года по поводу корректуры одной из работ Н.Ю. Зографа, озаглавлено уже: «Милостивая государыня Ольга Александровна!».¹⁰⁷⁴ Также, например, цитировавшееся нами выше письмо О.А. Федченко секретарю МОИП К.И. Ренару от 23 апреля 1881 года, было отправлено на официальном бланке ОЛЕАЭ,¹⁰⁷⁵ к которому не мог иметь доступ никто, кроме секретаря и, возможно, других должностных лиц общества. Таким образом можно почти с полной уверенностью говорить о том, что если не формально, то фактически, начиная с 1877 года О.А. Федченко выполняла работу секретаря ОЛЕАЭ.

В том же 1877 году (20 мая) еще одно из наиболее уважаемых российских

¹⁰⁷¹ Анучин Д.Н. Памяти О.А. Федченко // Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., 1950. С. 158.

¹⁰⁷² Ивансон Э. Письмо О.А. Федченко. 22 февраля 1878 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁰⁷³ Федченко О.А. Помета на письме Э. Ивансона. [26 февраля 1877 г.] // Там же. Л. 1.

¹⁰⁷⁴ Ивансон Э. Письмо О.А. Федченко. 21 апреля 1879 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

¹⁰⁷⁵ Федченко О.А. Письмо секретарю Императорского Московского общества испытателей природы К.И. Ренару. 23 апреля 1881 г. // Архив МОИП. Письма членов общества и других лиц. 1881. Д. 543. Л. 50.

научных обществ – Русское географическое общество – приняло О.А. Федченко в число своих членов.¹⁰⁷⁶

Таким образом, в 70-е годы XIX века, по возвращении из Туркестанской экспедиции, и по принятии на себя обязанностей «выпускающего» редактора «Путешествия в Туркестан А.П. Федченко» О.А. Федченко стала первой в Российской империи женщиной, не являвшейся членом императорской семьи (список женщин-членов Дома Романовых, избранных почетными членами российских естественнонаучных обществ, см. в Приложении 1), избранной почетным членом общества; первой женщиной, избранной в МОИП, первой (вместе с А.Я. Ефиминко) избранной в Русское географическое общество. Она также была единственной в XIX – начале XX века (на основании информации, доступной в настоящее время) женщиной – членом совета естественнонаучного общества и фактическим (если не юридическим) секретарем общества. Изучение доступных списков естественнонаучных обществ вплоть до 1914 года не выявило больше ни одной женщины, занимавшей административные посты в каком-либо из обществ, хотя, конечно, эти данные могут оказаться неполными (полный список обществ, членом которых состояла О.А. Федченко, см. в Приложении 2; для сравнения в Приложении 3 см. список научных обществ и организаций, членом которых состояла графиня П.С. Уварова).

Одновременно другие женщины, избранные в члены ОЛЕАЭ, постепенно стали отходить от участия в работе общества. В 1876 году умерла Аполинария Христофоровна Басина (29 лет). Е.В. Богданова постепенно потеряла интерес к занятиям мужа и, видимо, все больше времени уделяла семье. Во всяком случае, упоминания о ее участии в деятельности общества пропадают из протоколов заседаний ОЛЕАЭ примерно около 1875 года. Е.К. Фреймут к середине 70-х годов все больше времени отдавала организации работы Лубяньских высших женских

¹⁰⁷⁶ Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. С. 24.

курсов.¹⁰⁷⁷ С середины же 1870-х годов в наших данных о судьбе Е.К. Фреймут существует пробел. По некоторым сведениям она переехала из Москвы в Петербург, поступив в Медико-хирургическую академию, а затем вместе с группой других девушек покинула ее так и не окончив курс обучения, чтобы работать сестрой милосердия во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Точно неизвестно при каких обстоятельствах она познакомилась со своим будущим мужем, Виктором Хрисановичем Кандинским, где она вышла за него замуж. Известный книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников (1871–1943) писал в своих воспоминаниях: «В минувшую войну 1878 года Виктор Хрисанович был в качестве врача мобилизован во флот и под началом Дубасова участвовал в атаке на Дунае турецкого монитора. [...] Психически неустойчивый Виктор Хрисанович во время взрыва в припадке меланхолии бросился в воду, чтобы покончить с собой. Его, однако, спасли, и сестра милосердия, на попечение которой он попал, выходила его. По выздоровлении он на ней женился. Он называл ее мамой и окружал величайшим вниманием».¹⁰⁷⁸ Как справедливо замечал биограф В.Х. Кандинского Л.Л. Рохлин, автор мемуаров перепутал две русско-турецких войны: 1829 и 1877–78 годов. Но В.Х. Кандинский действительно служил младшим судовым врачом на судне «Великий князь Константин», вступавшим в бой с турецким пароходом на Батумском рейде. Встретила ли его Е.К. Фреймут в Севастополе, после списания на берег или в Петербургском госпитале, куда он поступил на лечение, или она уже была знакома с семьей Кандинских, как предполагает Л.Л. Рохлин – точно неизвестно. Они поженились 1 сентября 1878 года и почти сразу отправились за границу для лечения В.Х. Кандинского. В.Х. Кандинский принадлежал к семье известных сибирских купцов Кандинских, правда, к разорившейся их ветви. Одним из представителей

¹⁰⁷⁷ Об этом см.: Валькова О.А. Лубянские женские курсы в Москве // История техники и музейное дело: материалы VII науч.-практ. конф., 8–9 декабря 2010 г. / Мин-во культуры Рос. Федерации, Политехн. музей [и др.]. Вып. 6. М.; СПб.: Нестор История, 2013. С. 45–52.

¹⁰⁷⁸ Сабашников М.В. Записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 75.

следующего поколения этой семьи был культовый художник XX века Василий Васильевич Кандинский (1866–1944). К сожалению, душевная болезнь, которой страдал В.Х. Кандинский, по-видимому была наследственной и передавалась из поколения в поколение, но ему удалось даже тяжелую болезнь поставить на службу науки.

После свадьбы и заграничной поездки супруги поселились в Петербурге. В.Х. Кандинский работал врачом-психиатром в Психиатрической больнице Св. Николая Чудотворца и занимался научными исследованиями в области психиатрии. Страдая тяжелым психическим заболеванием, он изучал течение собственной болезни (помимо прочего) и сделал целый ряд крупных открытий. В XX веке В.Х. Кандинский был признан одним из наиболее известных в мире из числа отечественных психиатров. Можно предположить, что Е.К. Фреймут была помощницей, сиделкой, медсестрой своего мужа. В 1889 году во время одного из приступов болезни В.Х. Кандинский покончил с собой. Л.Л. Рохлин, пишет о дальнейших событиях: «О жене Кандинского мы знаем, что она обращалась в Общество психиатров с просьбой посмертно издать его труды. Еще при жизни ученого Петербургское общество неоднократно выносило решение опубликовать за счет общества монографию Кандинского “О псевдогаллюцинациях,” но не имело возможности выполнить свое решение из-за отсутствия средств. Не смогло оно удовлетворить просьбу вдовы Кандинского и после его кончины. Несомненной заслугой Е.К. Кандинской было то, что она сама издала две его монографии: одну, уже упомянутую “О псевдогаллюцинациях,” другую – “К вопросу о невменяемости”».¹⁰⁷⁹

Несмотря на то, что архива этой ветви семьи Кандинских не сохранилось, можно предположить, что Е.К. Фреймут сделала гораздо больше, чем просто отнесла рукопись в редакцию и заплатила деньги. В предисловии к изданию она писала: «В

¹⁰⁷⁹ Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского (1849–1889 гг.). М.: Медицина, 1975. С. 137.

течение двух лет В.Х. Кандинский готовился к большой работе о свободе воли. В бумагах его сохранилось много отрывков и заметок, но только он сам мог бы их обработать и привести в стройное целое. Остался и общий план работы. “Мой труд, – говорит В.Х. Кандинский в своем введении, – имея заглавием: О свободе воли (медико-философское исследование) распадается на три части...”». «Так как всей работе не суждено быть dokonченной, – пишет далее Елизавета Карловна, – то я сочла своим долгом напечатать, по крайней мере, ту часть материалов, которая сама по себе имеет известный интерес и представляет нечто вполне законченное, при чем от себя я вставила только некоторые необходимые объяснения и примечания».¹⁰⁸⁰

Е.К. Фреймут, точнее, уже Е.К. Кандинская снабдила издание не только подробным введением, но тщательными примечаниями, которые никак не подпадают под определение «только некоторые». Эти примечания включали в себя пояснения по истории написания или опубликования отдельных частей работы; объяснения научных терминов и понятий, употреблявшихся В.Х. Кандинским; библиографические сноски, а также разъяснения чисто научных моментов, например о необходимости изменения существующей официальной классификации (и номенклатуры) душевных болезней и др. Не приходится сомневаться в том, что она проделала огромную, тщательную и кропотливую работу, потребовавшую от нее специальных знаний в области психиатрии и детального знания «психиатрической» жизни современной ей России, работу, сохранившую для науки труды одного из самых ярких представителей отечественной психиатрии.

Предисловие Елизаветы Карловны к монографии ее супруга подписано 23 марта 1890 года. Завершив эту работу, Е.К. Фреймут совершила самоубийство. К сожалению, наши сведения о ней слишком отрывочны и фрагментарны, чтобы судить о том, что привело ее к подобному решению. Нет никаких сведений о том, что она участвовала в работе ОЛЕАЭ или хотя бы поддерживала связь с обществом

¹⁰⁸⁰ Кандинская Е.К. От издательницы // Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости / Издание Е.К. Кандинской. М., 1890. С. I–II.

начиная с середины 70-х годов XIX века. Тем не менее несмотря на это, а также на трагическую судьбу ее друзья и коллеги по ОЛЕАЭ, не забыли о ней. В начале XX века ОЛЕАЭ учредило премию ее памяти. В 1902 году эта премия была присуждена Софье Михайловне Переяславцевой за исследование материала о развитии кавказского скорпиона (*Androctonus ornatus*).

Об участии в деятельности общества А.М. Раевской ничего неизвестно. Она умерла в 1883 году, передав часть своих обширных коллекций в дар ОЛЕАЭ. По сведениям Д.Е. Анучина: «Переданное после ее смерти, согласно ее воле, в Общество люб[ителей] естествознания, собрание включает в себе хорошую коллекцию Галльштадтских древностей, большое собрание каменных орудий из Олонецкого края, вещи из греческих могил в Керчи, из курганов Киевской губ[ернии] и т[ак] д[алее]».¹⁰⁸¹

После 1874 года Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии не публиковало списков своих членов. Сведений об этом среди сохранившихся архивных документов ОЛЕАЭ также не обнаружено. Но просмотр протоколов заседаний общества не выявляет активного участия женщин в его работе в 80-е – 90-е годы XIX века за исключением деятельности О.А. Федченко.

Изучение списка членов российских естественнонаучных обществ показывает, что в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века примеру Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в отношении принятия женщин в свои ряды последовал еще ряд обществ. Здесь следует отметить, что, к сожалению, далеко не все российские естественнонаучные общества публиковали списки своих членов. Многие делали это нерегулярно; некоторые приурочивали их издание исключительно к юбилейным датам; другие – только в определенные периоды своей истории. Помимо этого, если списки членов публиковались не в составе «Известий» или «Трудов» того или иного общества, а отдельным изданием, то часто их тираж

¹⁰⁸¹ [Анучин Д.Н.] Анна Михайловна Раевская // Известия ОЛЕАЭ. Т. ХС. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896. С. 513.

был крайне небольшим и, в результате, их сегодня они очень малодоступны. Тем не менее несмотря на то, что имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день списки членов нескольких российских естественнонаучных обществ, составляют меньшинство по сравнению с количеством существовавших на протяжении XIX – начала XX века обществ естественнонаучного направления, они могут служить источником статистической информации. Как правило, стандартный список членов общества содержит в себе определенный набор данных: фамилию, имя, отчество члена общества; его (ее) статус в обществе; дату вступления в общество; место жительства (присутствует не всегда); занятие (или социальный статус), также присутствует выборочно. Выявленные, обработанные и проанализированные эти данные могут служить достоверным источником статистической информации, с помощью которой можно проследить динамику принятия женщин в научные общества в период начиная с конца 60-х годов XIX века и вплоть до 1900-х годов XX века, изменение соотношения в составе научных обществ мужчин и женщин, их положения в структуре научных обществ, изменение в образовательном и профессиональном составе женщин – членов обществ на протяжении изучаемого периода и другое.

В январе 1868 года студентка Медико-хирургической академии, впоследствии первая в Российской империи женщина, защитившая докторскую диссертацию на родине, В.А. Кашеварова¹⁰⁸² (1844 ? – 1892) выступила с докладом на заседании Общества русских врачей в С.-Петербурге (16 января 1868 года) по теме «О хроническом воспалении отпадающей оболочки матки». Доклад был опубликован в «Медицинском вестнике» (1868. № 6. 10 февраля. С. 45; № 7. 17 февраля С. 53). Как пишет биограф В.А. Кашеваровой-Рудневой С.М. Дионесов: «Выступление Кашеваровой в этом обществе было беспрецедентным: ни одна женщина до того

¹⁰⁸² После второго замужества в 1870 г. – В.А. Кашеварова-Руднева. – О.В.

времени не выступала еще в нем».¹⁰⁸³ На заседании общества 2 октября 1868 года профессор Я.А. Чистович сообщил о том, что два члена общества М.М. Руднев и С.Ф. Соколов предложили избрать В.А. Кашеварову в члены общества. По словам С.М. Дионесова, Я.А. Чистович рассказал собравшимся членам общества, что «ввиду отсутствия в уставе указания на возможность приема в общество женщин, был сделан специальный запрос министру внутренних дел и что [...] получено сообщение от директора медицинского департамента о согласии министра на прием Кашеваровой в члены или корреспонденты общества».¹⁰⁸⁴ Далее С.М. Дионесов сообщил, что в тот же день, 2 октября 1868 года В.А. Кашеварова тайной баллотировкой была избрана членом Общества русских врачей в С.-Петербурге.¹⁰⁸⁵

Сообщение С.М. Дионесова свидетельствует о том, что избрание или не избрание женщины в состав того или иного научного общества могло зависеть не только от желания членов общества, но и от решения бюрократических структур. Тем не менее других свидетельств того, что руководители обществ обращались за разрешением предложить к избранию в члены общества женщину в министерства в данное время не обнаружено.

В 70-е годы (в период с 1870 по 1873 гг.) Общество естествоиспытателей при Казанском университете приняло в свои ряды троих женщин (Таблица 5):¹⁰⁸⁶

¹⁰⁸³ Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 38.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 39.

¹⁰⁸⁵ Там же.

¹⁰⁸⁶ Таблица составлена на основании: Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. С. 63–71; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к концу первого (1869/70) года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый

Таблица 5. Женщины-члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (1870–1873)

№	Ф. и. о.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления в общество
1.	Бекман Юлия Федоровна	Тагил	член-сотрудник	18 мая 1870 г.
2.	Хомякова Анна Александровна	–	действительный член	1871 г.
3.	Красовская Екатерина Николаевна	Пенза	действительный член	16 марта 1873 г.

Русское химическое (в последствии, Русское физико-химическое) общество за 70-е гг. приняло в свои члены пятерых женщин (Таблица 6):¹⁰⁸⁷

Таблица 6. Женщины-члены Русского химического (Русского физико-химического) общества в 70-е гг. XIX в.

№	Ф. и. о.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления	Отделение / занятие / научная специальность
1.	Лермонтова Юлия Всеволодовна	Москва		1876	доктор философии
2.	Рукавишниковна Ольга	С.-Петербург		1876	

1869/1870 год. Казань, 1870. С. 165–167; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1875 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875. С. 1–7.

¹⁰⁸⁷ Таблица составлена на основании: Список членов Русского химического общества // Журнал Русского химического общества. 1869. Т. I. Вып. 1. С. 4-5; Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IX. Отдел первый. СПб., 1877. С. 5–8; Личный состав Р[усского] Физико-химического общества за 1878 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. XI. Вып. 3. С. VI–XII; Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып. 1. С. VIII–XVIII.

	Николаевна				
3.	Гросман Мальвина Львовна	С.- Петербург		1878	отделение химии; С.-Петербургская университетская химическая лаборатория
4.	Базилевская Софья Ивановна	С.- Петербург	постоянный член	1878	отделение физики
5.	Стамо Марья Николаевна	С.- Петербург	действительн ый член городской	1880	отделение физики

В просмотренных нами списках членов Русского химического общества нам не удалось обнаружить имени А.Ф. Волковой. Ю.С. Мусабеков пишет о ее вступлении в общество в 1870 году, отмечая, что «...это был первый случай принятия женщины в эту организацию».¹⁰⁸⁸ Однако в монографии, посвященной биографии Ю.В. Лермонтовой, опубликованной годом раньше, он же замечает: «С 1875 года¹⁰⁸⁹ имя Лермонтовой – имя единственной женщины-ученого, официально занесенной в список членов Русского химического общества».¹⁰⁹⁰ В более позднем по времени исследовании кандидата химических наук С.И. Рогожников о факте избрания в состав Русского химического общества А.Ф. Волковой также не упоминается, хотя отмечено, что «Н.А. Меншуткин привлекал Волкову к редактированию “Журнала Русского химического общества” и составлению рефератов для этого журнала».¹⁰⁹¹ Источник сведений Ю.С. Мусабекова в настоящее время не известен. А.Ф. Волкова

¹⁰⁸⁸ Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики // Химия и жизнь. 1968. № С. 12.

¹⁰⁸⁹ В данном случае Ю.С. Мусабеков ошибается: имя Ю.В. Лермонтовой впервые появляется в списке членов Русского химического и физического общества, действительного на 5 декабря 1876 г. В предыдущем списке 1875 г. его нет (Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Т. IX. Отдел первый. СПб., 1877. С. 6).

¹⁰⁹⁰ Мусабеков С.Ю. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 47.

¹⁰⁹¹ Рогожников С.И. Женщины в химии // Химия и жизнь. 1998. № 8. С. 74.

безусловно сотрудничала с «Журналом Русского химического общества» в первой половине 70-х гг. XIX века, опубликовала в нем целый ряд статей (как мы это видели из Таблицы 3), тем не менее сотрудничество с научным обществом, даже тесное и многолетнее не всегда означало членства в нем (как это видно на примере Л.И. Мечниковой, чья работа была опубликована в «Известиях ОЛЕАЭ», хотя она не являлась членом общества; или Е.В. Богдановой, фактически в течение 10 лет принимавшей активное участие в деятельности ОЛЕАЭ, прежде чем она была избрана в члены общества. Известно также о докладе С.М. Переяславцевой, сделанном на заседании зоологического отделения Общества естествоиспытателей в С.-Петербурге в феврале 1878 г. на тему «О строении и форме органа обоняния у рыб», членом которого она не состояла. Сообщение об этом выступлении попало на страницы газеты «Голос» (1878. № 45. 14/26 февраля. С. 3) и было представлено вполне доброжелательно.¹⁰⁹² Таким образом, мы будем исходить из сведений, содержащихся в «Списках членов Русского химического общества», публиковавшихся более или менее регулярно в «Журнале Русского химического общества», а они свидетельствуют о том, что первой женщиной-членом РХО была Ю.В. Лермонтова.

В монографии, посвященной биографии Ю.В. Лермонтовой Ю.С. Мусабеков опубликовал письмо Ю.В. Лермонтовой Д.И. Менделееву от 7 февраля 1875 года, посвященное вопросу ее избрания в члены общества. Помимо прочего Ю.В. Лермонтова писала: «Позвольте напомнить вам ваше любезное предложение, сделанное мне несколько месяцев тому назад, в мою бытность в Петербурге, предложить меня в члены Русского химического общества. Я давно собираюсь обратиться к вам с этой просьбой».¹⁰⁹³ И продолжала: «Мне бы очень хотелось с

¹⁰⁹² См.: Бляхер Л.Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 178–180.

¹⁰⁹³ Цит. по: Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 46.

нынешнего года получать журнал, издаваемый обществом и потому, если избрание мое состоится, то вы будете может быть так добры и уведомите меня несколькими строками о том, какой именно денежный взнос членов и куда это взнос должен посылаться».¹⁰⁹⁴

В отличие от первых женщин – членов ОЛЕАЭ, избранных в состав общества также в 70-е годы XIX века: О.А. Федченко, Е.К. Фреймут, А.М. Раевской, А.Х. Басниной, никто из которых не имел даже формального высшего образования (единственная из них, посещавшая занятия на Лубяньских высших женских курсах в Москве, была Е.К. Фреймут, являясь фактически одной из их организаторов, хотя никаких дипломов курсы не выдавали) Ю.В. Лермонтова не только училась в Гейдельбергском университете (1869–1871), затем занималась в лаборатории и слушала лекции профессора Гофмана (Берлинский университет), но и защитила диссертацию, сдав все необходимые экзамены, в Геттингенском университете в 1874 году и получив степень доктора философии. Как пишет Ю.С. Мусабеков: «Русские химики столицы приняли Лермонтову с большим радушием и почетом. Глава “химической дружины” Менделеев устроил у себя дома торжественный ужин в ее честь. [...] Здесь она познакомилась с Бутлеровым, Густавсоном и Львовым»¹⁰⁹⁵. Ю.С. Мусабеков также утверждает, что Ю.В. Лермонтова была активным членом общества и выполняла многие его поручения. «Она участвовала в издании второго (реферативного) отдела ЖРФХО (что отмечалось на титульном листе журнала), составляла корреспонденцию о деятельности РХО для изданий Парижского химического общества...»¹⁰⁹⁶

О научной деятельности остальных женщин – первых членов Русского физико-химического общества не известно практически ничего. Современный историк химии, кандидат химических наук Е.А. Зайцева (Баум) в своей статье

¹⁰⁹⁴ Там же.

¹⁰⁹⁵ Там же. С. 39.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 47.

«Историко-научные исследования и гендерный подход. Женщины в русской науке (на примере деятельности женщин-химиков из Московского университета)» привела таблицу «Первые русские женщины-химики (до 1905 года)», в которой указано наличие или отсутствие каких-либо историко-научных публикаций, посвященных вкладу в развитие химических наук той или иной женщины-химика. Всего таблица содержит 30 имен. Среди них только три имени (А.Ф. Волкова, Ю.В. Лермонтова и В.Е. Богдановская) отмечены как персонажи, о которых имеются отдельные публикации. В списке же тех (27 человек), о которых в настоящее время не существует публикаций, находятся и первые женщины – члены Русского физико-химического общества Ольга Николаевна Рукавишникова и Мальвина Львовна Гросман.¹⁰⁹⁷ Об О.Н. Рукавишниковой упоминает Ю.С. Мусабеков в цитировавшейся нами монографии о Ю.В. Лермонтовой. Рассказывая о пожертвованиях химиков в пользу С.-Петербургских Высших женских курсов, он пишет: «Особенно крупные суммы в пользу курсов в первые годы их существования пожертвовали химики О.Н. Рукавишникова, В.Ф. Лугинин, Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров».¹⁰⁹⁸ И добавляет, говоря о пожертвованиях книг: «Начало химическому отделу библиотеки Высших женских курсов положила жена великого русского химика Бутлерова Надежда Михайловна, которая вскоре после кончины мужа, в 1886 году пожертвовала курсам 624 тома ценных русских и иностранных книг и годовых комплектов химических журналов. Два года спустя к этому прибавилась химическая библиотека О.Н. Рукавишниковой, тоже пожертвованная курсам»,¹⁰⁹⁹ – однако никаких подробностей не приводит. Однако никаких иных подробностей Ю.С. Мусабеков не сообщает. Две

¹⁰⁹⁷ Zaitseva Elena. Historico-scientific investigations and gender approach. Women in Russian science (be the example of activities of women chemists from the Moscow university) // Women scholars and institutions. Proceedings of the International conference (Prague, June 8–11, 2003). Studies in the history of sciences and humanities. Prague, 2004. Vol. 13. P. 351.

¹⁰⁹⁸ Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 10.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 13–14.

других женщины были избраны в члены физического отделения общества и, соответственно, должны были специализироваться по физике. Об их научной деятельности в настоящее время также ничего не известно.

Императорское Русское географическое общество в 70-е годы избрало в число своих членов всего двух женщин (Таблица 7):¹¹⁰⁰

Таблица 7. Женщины-члены Императорского Русского географического общества (70-е гг. XIX в.)

№	Ф. и. о.	Статус в обществе	Дата вступления в общество	Отделение / занятие / научная специальность
1.	Ефименко Александра Яковлевна	член-сотрудник	20 мая 1877 г.	этнограф
2.	Федченко Ольга Александровна	член-сотрудник	20 мая 1877 г.	ботаник

Московское общество испытателей природы ограничилось одной О.А. Федченко (1874 год).¹¹⁰¹

Таким образом, начиная с конца 60-х годов XIX века, и на протяжении 70-х годов отечественные естественнонаучные общества постепенно начали включать в число своих членов женщин. Однако с началом 80-х годов (и даже ранее) этот процесс отчасти замедлился, отчасти сошел на нет. Из последующей таблицы (Таблица 8) хорошо видно, как снижалось количество женщин – членов ОЛЕАЭ относительно общего количества членов общества уже в первой половине 70-х годов.¹¹⁰²

¹¹⁰⁰ Таблица составлена на основании: Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883.

¹¹⁰¹ Последний по времени опубликованный список членов Московского общества испытателей природы относится в 1855 году: Алфавитный список членов императорского Московского общества испытателей природы. М., 1855. 61 с. Женских имен в нем нет.

¹¹⁰² Таблица составлена на основании: Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете. М., 1868. С. 13–20; Устав и список членов Императорского Общества

Таблица 8. Динамика изменения численности женщин-членов ОЛЕАЭ по сравнению с динамикой изменения численности мужчин-членов ОЛЕАЭ (60-е – 70-е гг. XIX в.)

ОЛЕАЭ	1868 г.	1874 г. ¹¹⁰³
всего членов общества	190	422
женщин	3	5

Все три женщины, избранные в состав Общества естествоиспытателей при Императорской Казанском университете в первой половине 70-х годов, уже к началу 80-х годов вышли из общества: Анна Александровна Хомякова – в 1875 году; Екатерина Николаевна Красовская – в 1876 году; Юлия Федоровна Бекман – в 1879 году.¹¹⁰⁴ На протяжении 80-х годов в число членов этого общества не было избрано ни одной женщины. В период 90-х годов, единственной избранной, и избранной почетным членом, стала графиня П.С. Уварова.¹¹⁰⁵

Характерно, что даже в середине 70-х годов число жительниц Казани, интересовавшихся естественными науками, было значительно больше, числа

любителей естествознания и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М., 1874. С. 11–32.

¹¹⁰³ Списков членов ОЛЕАЭ за более поздний период не обнаружено.

¹¹⁰⁴ Список членов Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к концу первого (1869/70) года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый 1869/1870 год. Казань, 1870. С. 165–167; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1875 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875. С. 1–7; Список членов Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете к 12 мая 1882 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Тринадцатый год 1881–1882. Казань, 1882. С. 44–46.

¹¹⁰⁵ Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. С. 63–71.

женщин, избранных в члены общества. Как видно из Таблицы... с 1870 по 1873 год в число членов Общества естествоиспытателей при Казанском университете было избрано три женщины. Среди зарегистрированных участников IV съезда русских естествоиспытателей и врачей, проводившегося в Казани с 20 по 30 августа 1873 года было 14 женщин, из которых 12 человек – жительницы Казани.¹¹⁰⁶ Между тем, отчет о деятельности общества за 1871 год, зафиксировал, что публичные общеобразовательные курсы, организованные обществом при Казанском университете, пользовались большим успехом и что значительной частью их посетителей являлись женщины. Подписка на посещение курсов была открыта 24 декабря 1870 года, а 8 января началось чтение лекций. Работа курсов была открыта чтением лекций по геометрии.¹¹⁰⁷ В отчете подчеркивается, что «Несмотря на краткий срок, протекший между открытием подписки и началом чтений, число подписавшихся было так велико, что уже на первых лекциях самая обширная из аудиторий университета, – аудитория при химической лаборатории, оказалась тесна. Вследствие этого Лекционным комитетом, с разрешения г[осподина] ректора университета, чтение всех лекций перенесено в актовЫй зал университета».¹¹⁰⁸ И отмечается далее: «Число же всех посетителей на лекциях бывает до 350 человек».¹¹⁰⁹ При этом: «Из общего числа посетителей около 1/3 части составляют женщины. [...] На основании этих цифр и того, что в течение почти месяца, который прошел со времени открытия курсов, все читающиеся лекции посещаются слушателями с замечательной аккуратностью...»¹¹¹⁰ 1/3 от 350 человек – это

¹¹⁰⁶ Список членов IV Съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873. С. 1–16.

¹¹⁰⁷ Протокол двадцатого заседания (Совета) Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 4 февраля 1871 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Б.д., Б.м.] С. 70.

¹¹⁰⁸ Там же.

¹¹⁰⁹ Там же.

¹¹¹⁰ Там же. С. 70–71.

примерно 116 человек. Для лучшей наглядности можно представить эти цифры, то есть количество женщин – жительниц Казани, участвовавших в работе различных научных учреждений и организаций в первой половине 70-х годов XIX века, в виде таблицы (Таблица 9):

Таблица 9. Жительницы Казани, участвовавшие в работе различных научных учреждений (70-е гг. XIX в.)

Название организации/мероприятия	Количество женщин-участниц
Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете	3
VI Съезд русских естествоиспытателей и врачей	12
Публичные курсы при Императорском Казанском университете	116

Общество гордилось своими курсами. Учитывая большое количество женщин-посетительниц, в 1874 году общество предложило для «большого же успеха этого дела [...] открыть постоянные женские курсы».¹¹¹¹ Объяснялось это следующим образом: «...усматривая из практики прежних лет, что публичные курсы общества преимущественно посещаются женщинами, и стараясь приспособить дальнейшие курсы требованиям этого большинства...»¹¹¹² Был разработан подробный проект курсов, предполагавших преподавание математики, физики, космографии, химии, минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии, физики земного шара с геологией и учением о распределении организмов, гигиены, не считая гуманитарных дисциплин. Предполагался трехлетний курс преподавания, а также дополнительные полгода для «специальных занятий под руководством преподавателя» для тех

¹¹¹¹ Протокол пятого годовичного заседания Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 12 мая 1874 года // Протоколы Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, с приложениями. Пятый 1873/1874 год. Казань, 1875. С. 2.

¹¹¹² Там же. С. 16.

студенток, которые сами захотели бы стать преподавательницами.¹¹¹³ Проект был заслушан советом Казанского университета и направлен на рассмотрение попечителя учебного округа.¹¹¹⁴ Однако дело затянулось. Для нас однако важно, что разница между числом жительниц Казани, интересовавшимися естественными науками, и числом принятых в Общество естествоиспытателей при Казанском университете была очень значительной и что общество, даже потерпев поражение с проектом женских курсов, не спешило выразить женщинам свою поддержку, пригласив хотя бы наиболее заинтересованных из них вступить в свои ряды.

Количество женщин, избранных в члены Русского физико-химического общества в 80-е годы XIX века, также невелико, как видно из приведенной ниже таблицы (Таблица 10):¹¹¹⁵

Таблица 10. Женщины, избранные в члены Русского физико-химического общества в 80-е гг. XIX в.

Р.Ф-Х.О	1880 г.	1891 г.
всего членов общества	248	367
женщин	5	9

Таким образом, с 1776 по 1880 годы в число членов Русского физико-химического общества было избрано 5 женщин. За последующие 10 лет, с 1881 по 1891 год – 6 женщин. Из избранных ранее продолжали оставаться в составе

¹¹¹³ Там же.

¹¹¹⁴ Там же. С. 15.

¹¹¹⁵ Таблица составлена на основании: Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып. 1. С. VIII–XVIII; Личный состав Русского физико-химического общества к 15-му января 1891 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1891. Т. XXIII. Вып. 1. С. XIV–XXXII; Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1908 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1908. Т. XL. Физический отдел. Вып. 1. С. XV–XXVI.

общества всего двое: Ю.В. Лермонтова и О.Н. Рукавишникова, в то время как трое: М.Л. Гросман, С.И. Базилевская и М.Н. Стамо – выбыли. Таким образом мы видим, что несмотря на значительно увеличение числа членов общества (на 119 человек) количество женщин в его рядах осталось на уровне 70-х годов. Из числа вновь избранных двое окончили Высшие женские курсы; двое имели степень доктора медицины; одна женщина указала в качестве места работы химическую лабораторию Московского университета, другая отметила, что является преподавателем Высших женских курсов.¹¹¹⁶

«Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг.» содержит сведения о некоторых из этих женщин, дополняющие данные, полученные нами из «Списка членов Русского физико-химического общества». Большинство из них – 8 человек – были химиками.

Ольга Александровна Давыдова (1859–после 1928) принадлежала к числу первых выпускниц С.-Петербургских Бестужевских высших женских курсов. В 1882 году она окончила специальное математическое отделение курсов. С 1883 по 1886 год руководила практическими занятиями слушательниц курсов по химии, являясь ассистенткой А.М. Бутлерова; была членом бюро Общества для доставления средств окончившим ВЖК.¹¹¹⁷ Ю.С. Мусабеков писал о ней: «Широкому распространению химических знаний среди женщин, а также популяризации работ русских химиков в Западной Европе посвятила свою научную деятельность Ольга Александровна Давыдова [...]. Будучи ассистентом Бутлерова, она руководила на курсах лабораторными и практическими занятиями. Превосходно владея несколькими иностранными языками в том числе итальянским, Давыдова реферировала труды русских химиков для журнала «Gazetta chimica italiana», издаваемого в Риме с 1871

¹¹¹⁶ Личный состав Русского физико-химического общества к 15-му января 1891 года... С. XIV–XXXII.

¹¹¹⁷ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882-1889 гг. 1893-1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 68.

года».¹¹¹⁸ В краткой биографии О.А. Давыдовой, представленной на сайте Российской национальной библиотеки, сотрудницей которой она была в более поздний период своей жизни отмечено, что после 80-х годов О.А. Давыдова не работала в области химии, занимаясь литературной, и переводческой деятельностью.¹¹¹⁹

Вера Евстафьевна Богдановская-Попова (1867–1896). Училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в С.-Петербурге с 1883 по 1887 годы. В 1887 году окончила физико-математическое отделение курсов (VI выпуск). С 1889 года В.Е. Богдановская посещала занятия в Женевском университете, где в 1892 году защитила докторскую диссертацию. С 1892 по 1895 годы была ассистентом и преподавателем Высших женских курсов.¹¹²⁰ Как писал после смерти В.Е. Богдановской Гаврил Гаврилович Густавсон: «Вера Евстафьевна появилась на курсах после пребывания за границей, в 1892 году, заняв скромное место ассистента по неорганической химии у проф[ессора] Львова. Но ее познания, дар слова, желание быть полезной тотчас же расширили ее деятельность. Возникли неофициальные репетиции, или вернее сказать беседы, по неорганической химии, на которых Вера Евстафьевна, без всякого вознаграждения, разъясняла и помогала усвоению начал химии».¹¹²¹ Г.Г. Густавсон также рассказывает, что вскоре В.Е. Богдановскую попросили прочесть ряд лекций по органической химии, поскольку в

¹¹¹⁸ Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 14.

¹¹¹⁹ Давыдова Ольга Александровна (1859, Астрахань – после 1928), химик, переводчица, в П[убличной] Б[иблиотеке] 1918–24 // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь, т. 1–4. URL:

http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=537

¹¹²⁰ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 68.

¹¹²¹ Густавсон Г.Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой (написано тотчас после ее кончины) // Журнал Русского физико-химического общества. 1897. Т. XXIX. Отд. 1. С. 148–149.

Женеве она была «...ближайшей ученицей Ги, одного из блестящих представителей новых воззрений о расположении атомов в пространстве...».¹¹²² Судя по эмоциональному описанию первой лекции В.Е. Богдановской, Г.Г. Густавсон на ней присутствовал. Он писал: «Я думаю, все те, которые были на ее первой лекции по этому предмету – никогда этой лекции не забудут. Я вовсе этим не хочу сказать, что никто не забудет фактического содержания лекции – этого нельзя и требовать – потому что аудитория была полна и большинство присутствующих были чужды химии – нет, не то. Никто не забудет, как блистательно Вера Евстафьевна справилась с лекцией».¹¹²³ И продолжал далее: «Она видимо волновалась, у всех было за нее беспокойство, но это беспокойство мало-помалу рассеивалось и уступало место удовольствию видеть, что она владеет собою и лекция выходит ясною и изящною, без фраз, без всякого желания произвести эффект. Вера Евстафьевна сразу, что называется, овладела аудиториею, заставила всех, на это время жить ее собственной жизнью и вот этого то прекрасного чувства, которое она заставила испытать, никто не забудет из бывших на лекции».¹¹²⁴ И, можно сказать, восклицает: «Да, тогда на этой лекции почувствовалось *всеми*¹¹²⁵, что перед нами даровитая и прекрасная личность, способная возбудить глубокие симпатии».¹¹²⁶

Сестры Шумова-Симановская Екатерина Олимпиевна (1852–1905) и Зибер-Шумова Надежда Олимпиевна (1856–1914). Старшая училась в Цюрихе, Париже, Берне. Доктор медицины Бернского университета 1877 года. В России сдала экзамен на право медицинской практики, получив звание «женщина-врач» (1879 год).

¹¹²² Там же. С. 149.

¹¹²³ Там же. С. 150.

¹¹²⁴ Там же. С. 150.

¹¹²⁵ Курсив автора. – О.В.

¹¹²⁶ Там же.

Опубликовала ряд статей, в том числе совместно с И.П. Павловым¹¹²⁷ и, позднее, с сестрой. Младшая – посещала Владимирские курсы в С.-Петербурге, затем окончила Бернский университет и к 1877 году присоединилась к исследовательской группе, департамента биохимии в Берне, возглавлявшейся Marceli Nenchi (1847–1901), в качестве ассистентки последнего. В 1891 году Nencki получил приглашение на работу в создававшемся Институте экспериментальной медицины в С.-Петербурге, и Н.О. Зибер-Шумова приехала в Россию вместе с ним, в качестве его сотрудницы.¹¹²⁸

Евдокия Александровна Фомина (известная также как Фомина-Жуковская) (1860–1894). Училась в Женевском университете. В 1889 году сдала экзамены, представила диссертацию и была удостоена степени доктора химии Женевского университета. Работала в лаборатории Московского университета у В.В. Марковникова, в том числе в роли его личного ассистента.¹¹²⁹

Наконец, Александра Николаевна Родзянко (1860–1898) училась на естественноисторическом отделении Киевских высших женских курсов, занимала в лаборатории Военно-медицинской академии.¹¹³⁰

Единственной женщиной, избранной в этот период в члены общества по отделению физики была Анна Елисеевна Сердобинская.¹¹³¹ Она также как и О.А. Давыдова принадлежала к первому выпуску Бестужевских высших женских курсов (1882 года), так же окончила специально-математическое отделение курсов. С 1883

¹¹²⁷ См. например: Павлов И.П., Шумова-Симановская Е.О. Отделительный нерв желудочных желез собаки. (Предварительное сообщение). СПб., 1889; Они же. Иннервация желудочных желез у собаки. СПб., 1890.

¹¹²⁸ Подробнее о Н.О. Зибер-Шумовой см.: Creese Mary R.S. Early women chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the history of chemistry. 1998. № 21. P.21–22.

¹¹²⁹ Меншуткин Н.А. [Е.А. Фомина-Жуковская. Некролог] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

¹¹³⁰ Родзянко Александра Николаевна. Некролог // Женское дело. 1900. № 1. С. 123–124.

¹¹³¹ Даты жизни не известны. – О.В.

по 1916 год преподавала физику на ВЖК и руководила практическими занятиями по физике.¹¹³² В 1900-е годы опубликовала несколько работ.¹¹³³ Несмотря на 33-х летнее преподавание, в статье Е.П. Барановой, посвященной истории кафедры физики Высших женских курсов, имя А.Е. Сердобинской названо всего дважды мельком. Один раз при упоминании, что «Заведывание физическим кабинетом в 1910 году было поручено Ф.Я. Капустину, а заведование хозяйством кабинета – А.Е. Сердобинской».¹¹³⁴ И второй раз при описании дополнительных занятий для старшекурсниц о постановке физических опытов в программе средних школ: «Эти занятия проводились сначала под руководством профессора С.Я. Терешина, которому помогали А.Е. Сердобинская и А.Г. Емельянова, затем Б.П. Вейнберга, который также читал лекции по методике физики».¹¹³⁵

Таким образом, самая старшая из женщин, избранных в члены Русского физико-химического общества с 1880 по 1891 год, родилась в 1852 году, самая младшая – в 1867. Все они получили высшее специальное образование, либо в России, на Высших женских курсах (О.А. Давыдова, В.Е. Богдановская, А.Н. Родзянко, А.Е. Сердобинская), либо в европейских университетах (сестры Шумовы, Е.А. Фомина), либо начав свое образование в России, молодые женщины завершили его в Европе (В.Е. Богдановская). Все они искали не только возможности заниматься научными исследованиями, но зарабатывать таким образом на жизнь, то есть все они стремились к профессиональной научной карьере. Почти все они (даже добившиеся

¹¹³² Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. С. 18.

¹¹³³ Сердобинская А.Е. Измерительные приборы: Конспект лекции, прочитанной в 1914–1915 уч[ебном] году. Пг., 1914; Сердобинская А.Е., Емельянова А.Г. Определение удельной теплоты металла по скорости охлаждения. СПб., 1901; Они же. Опыты с водой: Коллекция простых приборов для ознакомления с главнейшими свойствами воды» СПб., 1907.

¹¹³⁴ Баранова Е.П. Кафедра физики // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1965. С. 125.

¹¹³⁵ Там же. С. 125.

докторских степеней) начали свои карьеры, после получения образования и степени, в роли ассистенток и лаборанток, обладая всеми задатками блестящих ученых. Именно этим желанием стать неотъемлемой частью профессионального научного сообщества, быть увиденными не только в роли технических помощниц, можно объяснить их стремление стать членом научного общества. Однако несмотря на наличие научных публикаций, поддержку авторитетных ученых своего времени и в целом благоприятное отношение научного сообщества из всех из них только одна женщина смогла подняться по карьерной лестнице выше чисто технической должности – Н.О. Зибер-Шумова.

Первой из них, уже в 1894 году, после продолжительной болезни умерла Е.А. Фомина-Жуковская (34 года). Результаты ее последней научной работы были опубликованы посмертно, в 1895 году, в «Журнале Русского физико-химического общества», а также отдельным оттиском.¹¹³⁶ Ее докторская диссертация «Recherches sur quelques combinaisons du groupe del'Euxanthone» (1882)¹¹³⁷ никогда не переводилась на русский язык. Ее участие в работах В.В. Марковникова не отразилось в публикациях. Единственное свидетельство ее участия в них – краткое упоминание об этом самого В.В. Марковникова, найденное современными биографами Е.А. Фоминой-Жуковской Н.И. Кокуриным и Г.Л. Кокуриной. Описывая свою работу по изучению циклогептанона (суберона), В.В. Марковников писал: «При окончании этого исследования и проверке прежних наблюдений я пользовался содействием Е.А. Фоминой-Жуковской, которой я приятным долгом считаю выразить мою благодарность. Со свойственным ей интересом и искусством

¹¹³⁶ Фомина-Жуковская Е.А., Яковкин А.А. Результаты очистки фабричных сточных вод по способу Мазера и Плата. Из лаборатории Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. СПб., [1895]; Журнал Русского физико-химического общества. 1895. Т. 27. Вып. 5. С. 309–313.

¹¹³⁷ Fomina-Zhukovskaia, Evdokiia. Recherches sur quelques combinaisons du groupe del'Euxanthone. Doctoral diss. University of Geneva, 1882.

она принимала участие в моих работах».¹¹³⁸

В 1896 году, поранившись во время взрыва в лаборатории пробирки с синильной кислотой, умерла В.Е. Богдановская (29 лет), незадолго до этого вышедшая замуж и оставившая официальную службу. Начиная с 1891 года ею было опубликовано 5 статей в «Журнале Русского физико-химического общества», по крайней мере две зарубежных публикации.¹¹³⁹ Посмертно был опубликован «Начальный учебник химии» (1897; 1901)¹¹⁴⁰ и двухтомное собрание статей (1898).¹¹⁴¹

В 1898 году умерла А.Н. Родзянко (38 лет), ко времени смерти нигде не служившая и занимавшаяся химией в собственной частной лаборатории.

В 1905 году умерла Е.О. Шумова-Симановская (47 лет), в 1900-е годы работавшая вольнопрактикующим врачом. Ее публикации в этот период были сделаны вместе с сестрой и на базе Института экспериментальной медицины, в котором работала Н.О. Зибер-Шумова.¹¹⁴²

¹¹³⁸ Цит. по.: Кокурин Н.И., Кокурина Г.Л. Участие В.В. Марковникова и Н.Д. Зелинского в научной судьбе Е.А. Фоминой-Жуковской // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции. Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет МГУ, 2011. С. 54.

¹¹³⁹ Список публикаций В.Е. Богдановской см.: Библиографический указатель // Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889 гг.; 1893–1903 г. СПб, 1903. С. 219.

¹¹⁴⁰ Богдановская В.Е. Начальный учебник химии. СПб., 1897; 1901.

¹¹⁴¹ Богдановская В.Е. Очерки, статьи и отрывки. Т. 1–2. СПб, 1898.

¹¹⁴² Шумова-Симановская Е.Н., Зибер-Шумова Н.О. Действие эрепсина и кишечного сока на токсины и абрин. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903. (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук» Т. 10. Вып. 1); Они же. Влияние бактериальных токсинов и *virus fixe* бешенства на окислительную функцию животного организма. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903. (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук». 1904. № 11. С. 68–78.

О.А. Давыдова с начала 90-х годов XIX века отошла от занятий химией и больше никогда к ним не возвращалась.

Таким образом, единственными женщинами из числа избранных в члены Р.Ф.-Х.О. в 80-е годы (вплоть до 1891 года включительно), сделавшими продолжительную профессиональную карьеру стали А.Е. Сердобинская и Н.О. Зибер-Шумова. Даты жизни А.Е. Сердобинской в настоящее время неизвестны. Можно предположить, что она умерла около 1916 года, прослужив, как уже упоминалось выше, в должности лаборантки ВЖК 33 года. Н.О. Зибер-Шумова после смерти своего руководителя *Marceli Nenchi* в 1901 году, фактически заняла его позицию и возглавила отдел, юридически продолжая оставаться ассистенткой, и только в 1912 году была назначена на эту должность официально, став, таким образом, третьей в XIX веке российской женщиной – руководителем научной организации и (или) научного подразделения в организации (после С.М. Переяславцевой, возглавлявшей фактически с 1878 года и юридически с 1880 года Севастопольскую биологическую станцию и А.П. Преображенской, с 1891 года заведовавшей Центральной метеорологической станцией Новороссийска).

Подводя краткий итог, можно сказать, что участие в работе Русского физико-химического общества способствовало научному общению женщин, давало им доступ к публикации в профессиональном научном издании, помогая, таким образом, распространению их научной известности. Однако общество не имело возможности способствовать профессиональной карьере женщин, помимо, возможно, помощи в получении мест ассистенток и лаборанток, которую имели возможность оказывать отдельные члены общества, – помощи весьма существенной, когда речь шла о голодной смерти, но не очень ободряющей для молодых амбициозных людей, желавших добиться видимого успеха в избранном ими виде деятельности.

Таким образом, несмотря на полученное формальное научное образование и научный статус, а также содействие членов научного сообщества, женщины-химики,

активно работавшие в 80-е – начале 90-х годов XIX века, либо вынуждены были вести свои исследования частным образом, либо бросали профессию, либо оставались в роли ассистенток, то есть технических помощниц, в течение многих лет, чья помощь безусловно ценилась, но даже далеко не всегда находила отражение в совместном авторстве научных публикаций.

Например, результаты работ, проводившихся в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов в период с 1884 по 1903 годы, нашли отражение в 17 публикациях. Из них только 7 – подписаны женщинами и 2 – совместных. По годам это распределяется следующим образом (Таблица 11):¹¹⁴³

Таблица 11. Публикации результатов научных исследований, проведенных в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов (1884–1903 гг.)

80-е гг. XIX в.		90-е гг. XIX в.		1900-е гг. XX в. (до 1903 г.)	
всего публикаций	женских публикаций	всего публикаций	женских публикаций	всего публикаций	женских публикаций
2	1	9	1 2 (совместных)	6	4

Американская исследовательница Mary R.S. Cress в статье, посвященной «Ранним женщинам химикам в России», на основании анализа «Каталога научных статей» («Catalogue of Scientific Papers») за 1800–1900 годы, отмечала, что если в 70-е – 80-е годы XIX века количество публикаций российских женщин химиков было значительным и превышало число публикаций американских женщин-химиков (в 70-е годы) (при полном отсутствии публикаций англичанок), в 80-е годы и американских, и английских, то в 1890-е годы количество статей, опубликованных российскими женщинами-химиками, больше чем в два раза меньше чем у англичанок и в два раза меньше, чем у американок. И тоже самое действительно для

¹¹⁴³ Таблица составлена на основании: Богомолец И.В. Список работ, сделанных в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов // Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг... С. 118–119.

количества женщин-авторов.¹¹⁴⁴ Она пишет: «В период с 1870 (год, когда появились наиболее ранние статьи по химии, написанные женщинами) и вплоть до конца столетия американский вклад стабильно увеличивался, в то время как британские женщины, начавшие только в 1880-х, были наиболее продуктивны в последнее десятилетие века. Русские, группа, состоявшая примерно из двадцати человек, особенно заметны, поскольку они были наиболее продуктивными из числа ранних работниц, произведших мощный старт в 1870-е и 1880-е, хотя их вклад уменьшился в последующее десятилетие».¹¹⁴⁵ Эта информация о спаде количества «женских» публикаций по химии российского происхождения в 90-е годы XIX века (по сравнению предыдущим двадцатилетием) коррелируется с уменьшением количества женщин, принятых в число Русского физико-химического общества в этот период времени.

Надо отметить, однако, что работа «вечных» ассистенток, чья квалификация часто значительно превышала их служебный статус, расценивалась в конце XIX – начале XX века несколько иначе, чем это сделали бы мы сегодня. Так, профессор И.В. Богомолец, в том или ином качестве преподававший на Высших женских курсах с 1879 года, в очерке, посвященном истории преподавания химии на С.-Петербургских (Бестужевских) Высших женских курсах, писал в 1903 году: «Ближайшим и наиболее естественным применением знаний химии является учебная деятельность по химии на курсах же, и мы имеем целый ряд бывших слушательниц, выбравших своею специальностью химию, которые служили и служат на курсах».¹¹⁴⁶ Упомянув далее о работе О.А. Давыдовой и В.Е. Богдановской, он продолжал: «В промежуток времени с 1895 по 1902 год

¹¹⁴⁴ См. таблиц на стр. 19 и 20 в: Creese Mary R.S. Early women chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova... P. 19, 20.

¹¹⁴⁵ Там же. С. 19.

¹¹⁴⁶ Богомолец И.В. Химия // С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 120.

последовательно Н.В. Богословская, В.А. Будатова и А.Д. Львова состояли ассистентами по неорганической и органической химии, и А.А. Якубова, О.М. Поппер и А.Ф. Цейдлер вместе с Г.Г. Густавсоном руководили практическими занятиями слушательниц по сельскохозяйственному анализу и по органической химии. Практическими занятиями по аналитической химии (количественным анализом) руководит в настоящее время А.Ф. Васильева...».¹¹⁴⁷ В этих высказываниях чувствуется гордость человека, хорошо справившегося со своей работой.

Принятие женщин в члены Русского географического общества в 80-е – 90-е годы XIX века так же не было массовым (Таблица 12):¹¹⁴⁸

Таблица 12. Женщины, принятые в состав Императорского Русского географического общества в 80-е – 90-е гг. XIX в.

80-е гг.			90-е гг.		
всего членов	женщин		всего членов	женщин	
	всего	принятых в 80-е гг.		всего	принятых в 90-е гг.
904	6	4	1227	9	4

Из принятых в 80-е годы, две женщины являлись действительными членами, внесшими единовременно по 100 рублей на нужды общества: Зинаида Федоровна Радченко (1839–1916), избранная по отделению этнографии 8 апреля 1887 года,¹¹⁴⁹ и Ольга Христофоровна Агренева-Славянская (1847–1920), избранная также по

¹¹⁴⁷ Там же.

¹¹⁴⁸ Таблица составлена на основании: Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. 25 с.; Состав Императорского Русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891. 30 с.; Состав Императорского Русского географического общества на 1 февраля 1900 г. СПб., 1900. 80 с.; Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. СПб., 1913. 118 с.

¹¹⁴⁹ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. ... С. 76.

отделению этнографии 20 января 1888 года.¹¹⁵⁰ Обе к моменту избрания известные собирательницы фольклора.¹¹⁵¹ Из женщин, избранных в 90-е годы 2 являлись членами-соревнователями. В соответствии с уставом общества звание члена-соревнователя получало «Лицо, которое принесет в дар обществу единовременно не менее трех сот рублей серебром, получает звание члена-соревнователя с выдачею ему на сие звание диплома за подписью председателя общества».¹¹⁵² Таким образом, без существенных денежных вкладов в состав Русского географического общества в 80-е годы было принято 2 женщины: 3 ноября 1882 года Анна Михайловна Раевская (1820–1883)¹¹⁵³ и 1 мая 1887 года Александра Викторовна Потанина (1843–1893).¹¹⁵⁴ И точно также в 90-е годы без существенных денежных вкладов было избрано всего две женщины. Одна из них – президент Русского археологического общества графиня Прасковья Сергеевна Уварова (избрана 30 ноября 1898 года)¹¹⁵⁵ и другая – известная оперная певица и собирательница фольклора Евгения Эдуардовна Линева

¹¹⁵⁰ Там же. С. 16.

¹¹⁵¹ См. например: Радченко З.Ф. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). Записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии. СПб.: Тип. Безобразова, 1888. 321 с.; Она же. Сборник малорусских и белорусских песен Могилевской губернии. [СПб.], 1911; Агренева-Славянская О.Х. О народной поэзии и песни. СПб., 1881; Она же. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М., 1887. Ч. 1–3 и др.

¹¹⁵² Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г... С. 15.

¹¹⁵³ Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. С. 6.

¹¹⁵⁴ Состав Императорского Русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891. С. 28.

¹¹⁵⁵ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г... С. 112.

(1853–1919)¹¹⁵⁶ была избрана 1 декабря 1899 года.¹¹⁵⁷

Правда, также как и другие общества, Русское географическое общество приглашало участвовать в своей работе женщин, не являвшихся его членами, в том числе разрешало использовать им свои архивы для научных исследований. А.И. Фаресов, биограф писательницы Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой (1838–1900/1906), собиравшей материалы о сибирских народностях,¹¹⁵⁸ в своем биографическом очерке о ней опубликовал несколько писем к ней Михаила Викторовича Малахова (1856–1885), археолога, члена РГО, в которых помимо прочего обсуждается намерение Л.Х. Симоновой-Хохряковой поближе познакомиться с деятельностью РГО. Например, М.В. Малахов писал ей 14 февраля 1883 года: «Ваше прекрасное намерение к осени заниматься в геогр[афическом] общ[естве] непременно должно осуществится; кроме того, что вы там будете иметь возможность следить за текущей литературой по интересующим вас вопросам, и будете пользоваться материалами, которые там специально собраны, – вы скорее всего в той среде встретите лиц, которые серьезно отнесутся к вашим работам; общение же великое дело и в этом отношении, – и продолжал. – [...] я надеюсь что к осени ваше имя будет в списке членов общества».¹¹⁵⁹ Этого последнего, правда не случилось (судя по имеющимся в нашем распоряжении спискам членов РГО), но какое-то сотрудничество несомненно имело место, поскольку уже 2 августа 1883 года М.В. Малахов писал ей: «Душевно приветствую ваше близкое вступление в

¹¹⁵⁶ О ней см.: Канн-Новикова Е. Собираательница русских народных песен Евгения Линёва / Ред. и предисл. Е.В. Гиппиуса. М., 1952.

¹¹⁵⁷ Состав Императорского Русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г... С. 109.

¹¹⁵⁸ К 80-м годам XIX века относится, например, ее очерк: Симонова Л.Х. Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб., 1883 (всего 7 изданий, последнее – в 1911 г.); Она же. Ильдна. Очерки из жизни остяков. СПб., 1886 (всего 4 издания, последнее в 1909 г.) и др.

¹¹⁵⁹ Цит. по: Фаресов А.И. Забытая писательница и ее заслуги. (С портретом). СПб.: Тип. «Надежда», 1909. С. 19.

круг деятелей географ[ического] общества, видеть вас тут, как вы знаете, мое давнишнее желание. [...] Кроме несомненной пользы, каковую географ[ическое] общество от вас имеет все шансы ожидать, мне кажется, что эта деятельность будет иметь значение и лично для вас, при чем я не говорю уже о известном нравственном удовлетворении. Архив геогр[афического] общ[ества], насколько я мог с ним ознакомиться, велик и обилен, но также как и во всем на Руси “порядка в нем нет”. Это для многих служит препоною к его пользованию. Вам, на первых же порах придется погрузиться в пыль и грязь, но зато и жатва будет хорошая».¹¹⁶⁰

Тем не менее, как уже упоминалось выше, число женщин – официальных членов РГО в 80-е – 90-е годы XIX века было очень невелико и продолжало оставаться таковым. Надо отметить также, что в отличие от женщин, принятых в этот же период в члены Русского физико-химического общества, никто из избранных в РГО не обладал не только докторской степенью, но и не имел свидетельств о высшем образовании. Никто из них также не претендовал на профессиональную научную карьеру и не занимал официальных должностей, кроме избранной одновременно с О.А. Федченко в 1877 году Александрой Яковлевной Ефименко (1848–1918), приглашенной уже в 1900-е годы, в 1907 году, советом историко-филологического факультета курсов преподавать историю на С.-Петербургских высших женских курсах.¹¹⁶¹ Историк и этнограф, она стала первой женщиной – почетным доктором русской истории (1910), профессором ВЖК. Ее блестящая карьера неоднократно привлекала внимание прессы.¹¹⁶² Характерно, что

¹¹⁶⁰ Там же. С. 19.

¹¹⁶¹ Быкова Т.А. Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские курсы)... С. 85.

¹¹⁶² См., например: Ефименко А.Я. // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 11. С. 111; Без. загл. // Женское дело. 1899. № 5. С. 114; Лекции А.Я. Ефименко // Женское дело. 1900. № 3. С. 120–121; А.Я. Ефименко // Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1908 г. СПб., 1908. С. 18–25; Без. загл. // Женский вестник. 1910. № 7–8. С. 157; № 12. С. 251–252; Без. загл. // Нива. 1910.

впоследствии одна из ее студенток, Е.Е. Чехова, писала в воспоминаниях: «Мы много внимания и забот видели и от других наших учителей. И все же большинство были “профессора”, между нами была какая-то грань. А с Александрой Яковлевной всегда было хорошо».¹¹⁶³

Скорее наоборот: многие из упомянутых нами женщин, членов РГО, рассматривали свою работу как техническую помощь мужу в его деятельности. Как писали биографы А.В. Потаниной В.М. Зарин и Е.А. Зарина «Свою научную работу Потанина расценивала как черновую техническую помощь своему мужу».¹¹⁶⁴ И это несмотря на то, что «Кроме выполнения взятых на себя обязанностей ботаника и художника, А.В. Потанина приносила большую пользу экспедициям уже одним своим присутствием»,¹¹⁶⁵ и что эта польза была замечена и оценена по достоинству современниками: «Современники Александры Викторовны не раз отмечали, что ее участие в экспедициях содействовало большему разнообразию собранных Г.Н. Потаниным коллекций и преобладанию в его трудах этнографических материалов».¹¹⁶⁶ Конечно, такая низкая самооценка подкреплялась тем, что как писали Зарины: «Проводя большую работу, Александра Викторовна не получала никакой платы за свой труд и не числилась в списках участников экспедиции ни под какой ученой рубрикой».¹¹⁶⁷ Тем не менее все эти обстоятельства не мешали вполне

№ 29. С. 522; Без. загл. // Речь. 1910. 16 окт. С. 6 (о присуждении докторской степени); 29 окт. С. 4; Покровская М.И. А.Я. Ефименко // Женский вестник. 1910. № 12. С. 251–252. Первая женщина – доктор русской истории // Ежемесячник. Известия по высшим, средним и низшим учебным заведениям Министерства народного просвещения. 1910. № 10. С. 307; А.Я. Ефименко // Ариан П.Н. Первый женский календарь на 1911 г. СПб., С. 191.

¹¹⁶³ Чехова Е.Н. Александра Яковлевна Ефименко // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей... С. 187.

¹¹⁶⁴ Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной. М.: Географгиз, 1950. С. С. 47.

¹¹⁶⁵ Там же.

¹¹⁶⁶ Там же.

¹¹⁶⁷ Там же.

самостоятельной научной работе, преимущественно в области этнографии. Список публикаций А.В. Потаниной содержит более 17 статей, опубликованных в том числе в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», журналах «Русское богатство», «Восточное обозрение» и других.¹¹⁶⁸

Также нельзя не отметить, что почти все женщины, избранные в члены РГО в 80-е – 90-е годы XIX века, были этнографами, а не географами. Из них только двое участвовали в продолжительных географических экспедициях, сопряженных с открытием и описанием новых земель, описанием топографии неизвестных горных массивов, созданием карт незнакомых территорий, описанием новых зоологических и ботанических видов, также как и обычаев народов, населявших эти территории – О.А. Федченко и А.В. Потанина.

Ниже мы приводим список наиболее масштабных экспедиций второй половины XIX – начала XX в., в научные результаты которых женщины внесли существенный вклад (Таблица 13):

Таблица 13. Российские географические экспедиции, значительный научный вклад в достижение результатов которых внесли женщины (вторая половина XIX – начало XX века)

Годы экспедиции	Организатор	Ф. и. о. женщины-участницы	Место назначения экспедиции
1868–1871	ОЛЕАЭ	О.А. Федченко (А.П. Федченко)	Туркестанская экспедиция: окрестности Ташкента, Самарканда, Зеравшанская долина, Искандеркуль, Кызылкумы, Коканское ханство вплоть до Заалайского хребта
1876–1877	РГО	А.В. Потанина (Г.Н. Потанин)	Северо-западная Монголия
1879–1880	РГО	А.В. Потанина (Г.Н. Потанин)	Северо-западная Монголия
1884–1886	РГО	А.В. Потанина (Г.Н. Потанин)	Северный Китай, Восточный Тибет
1891–1892	Императорская Академия наук	М.П. Черская (И.Д. Черский)	Колымский край, устье реки Колымы
1892–1893	РГО	А.В. Потанина (Г.Н. Потанин)	Центральная Монголия

¹¹⁶⁸ Список публикаций А.В. Потаниной см.: Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной... С. 99.

Таким образом, единственной женщиной, участвовавшей в масштабной научной экспедиции, внесший значительный вклад в ее успешное окончание в XIX веке и не избранной членом РГО, была Мавра Павловна Черская (1857–1940). В 1891 году она сопровождала своего мужа Ивана Дементьевича Черского (1845–1982), выдающегося геолога и географа, исследователя Сибири в экспедиции, организованной Императорской академией наук. Экспедиция состояла из супругов Черских и их несовершеннолетнего сына. Их караван вышел из Якутска 14 июля 1891 года по направлению к устью реки Амги. Биографы М.П. Черской В.М. Зарин и Е.А. Зарина отмечали, что на протяжении всего двух тысячекилометрового пути по горной территории, на которую не ступала нога геолога, были собраны ценнейшие естественнонаучные коллекции: «Даже самый сухой перечень собранных Черскими коллекций и работ, проведенных от реки Алдан до Верхне-Колымска, показывает, какие большие, разносторонние исследования выполнялись малочисленной экспедицией».¹¹⁶⁹ Они также писали, что «Основной задачей Черского было изучение геологического строения огромной страны, лежащей к востоку от Лены».¹¹⁷⁰

Вклад М.П. Черской в экспедицию был вкладом технической помощницы в научных исследованиях, хозяйственного организатора и просто спутницы в чрезвычайно тяжелом (физически) путешествии. Экспедиция перезимовала в Верхне-Колымске и 31 мая 1892 года отправилась по реке в сторону Нижне-Колымска. И.Д. Черский был уже тяжело болен. В.М. Зарин и Е.А. Зарина приводят отрывок из письма, написанного со слов И.Д. Черского местным священником В. Сучковским в Академию наук, перед отправлением экспедиции: «Я сделал распоряжение [...] чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска [...]. Я радуюсь тому, что успел познакомить жену с целью моих исследований и

¹¹⁶⁹ Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествие М.П. Черской. М.: Географгиз, 1952. С. 25.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 27.

подготовить ее настолько, чтобы она сама могла после моей смерти закончить экспедицию до Нижне-Колымска».¹¹⁷¹ На этом последнем отрезке их совместного путешествия именно М.П. Черская выполняла все необходимые научные наблюдения: азимут (направление течения реки) на каждом конкретном участке, показания барометра и термометра, собирала образцы почв, найденные окаменелости и прочее. После 20 июня она же стала вести записи в дневнике.¹¹⁷² 25 июня 1892 года И.Д. Черский умер. В кратких воспоминаниях, написанных по просьбе Якутской комиссии АН СССР, она рассказала: «24 июня муж мой слег и на утро его не стало. Ясно было, что продолжать экспедицию при создавшихся условиях не было возможности, и первой моей мыслью было – сдать отчетность и денежные суммы экспедиции», – что и было ею исполнено.¹¹⁷³ Тем не менее, похоронив мужа, М.П. Черская вместо того чтобы повернуть назад и надеяться добраться до людей живой, продолжила экспедицию. В своих воспоминаниях она ничего не написала о том, что заставило ее изменить первоначальное решение и продолжать путь: «После похорон экспедиция двинулась по направлению к Нижне-Колымску вниз по течению реки Колымы, плывя на лодке среди однообразной дикой местности, низменной, безлесной, с жалкой тощей травой и кое-где низкорослыми, ползучими березами», – очень безлично писала М.П. Черская, как будто это и не она принимала потенциально смертельно опасное для ее жизни и жизни ее сына решение.¹¹⁷⁴ Она скрупулезно выполняла всю программу исследований, намеченную И.Д. Черским. 5 июля экспедиция пришла в Нижне-Калымск и вскоре повернула назад. Хотя экспедиция считалась законченной, –

¹¹⁷¹ Цит. по: Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествие М.П. Черской... С. 41.

¹¹⁷² Там же. С. 42–43.

¹¹⁷³ Черская М.П. Воспоминания о Колымской экспедиции 1892 г. / Публикация и введение С.В. Обручева // И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск: Иркутское книжн. изд., 1956. С. 303.

¹¹⁷⁴ Там же. С. 304.

писали Зарины, – Мавра Павловна, несмотря на самую неблагоприятную погоду, продолжала сбор коллекций. Она не могла забыть постоянного стремления Черского оправдать доверие Академии наук, оправдать надежды ученых, с нетерпением ожидавших результатов этого путешествия по неизведанным горам и рекам северо-востока Азии».¹¹⁷⁵ Несмотря на то, что последняя экспедиция супругов Черских была организована Императорской академией наук, И.Д. Черского связывали с Русским географическим обществом давние и прочные связи в том числе предыдущие экспедиции, совместные издательские проекты и прочее. Поэтому М.П. Черская также некоторым образом была одной из женщин, собиравшихся «около» РГО, хоть и не являвшихся его членами.

М.П. Черская, в отличие от многих своих современниц, занимавшихся научными исследованиями, не получила никакого образования, в том числе среднего из-за своего гораздо более низкого социального происхождения. У нее не было самостоятельных научных публикаций. Она не могла сама заниматься научными исследованиями. Но ее вклад в географическое и геологическое изучение северо-востока Азии и, особенно, реки Колымы более чем значителен и, по нашему мнению, заслуживает наименования научного подвига.

Следует также отметить, что далеко не все общества начали принимать женщин в состав своих членов в 70-е годы XIX века. Например, основанное в 1817 году Императорское С.-Петербургское минералогическое общество приняло первых женщин в число своих членов только в середине 80-х годов XIX века. Несмотря на то, что ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская являлась почетным членом и покровительницей общества с 30 января 1868 года.

В нижеследующей таблице приведены имена женщин – членов

¹¹⁷⁵ Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествие М.П. Черской... С. 54.

Императорского С.-Петербургского минералогического общества (Таблица 1114):¹¹⁷⁶

Таблица 14. Женщины-члены Императорского С.-Петербургского минералогического общества (80-е гг. XIX века)

№	Ф. и. о.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления в общество	Отделение/занятие/ научная специальность
1.	Сотириадис (урожденная Соломко) Евгения Викторовна		действительный член	11 декабря 1884 г.	дворянка Полтавской губернии, дочь действительного статского советника, инженера путей сообщения
2.	Цветаева Мария Кузьминична	Москва	действительный член	11 февраля 1886 г.	преподавательница естествоведения в женских гимназиях

Всего по списку 1890 года в составе Минералогического общества было 338 членов.¹¹⁷⁷ Из них – две женщины.

Евгения Викторовна Соломко (Сотириадис) (1862–1898), первая в России женщина – доктор философии и геологии. Она окончила физико-математическое отделение С.-Петербургских высших женских курсов (1883 год, II выпуск). В 1885–1886 годах руководила занятиями слушательниц курсов по минералогии.¹¹⁷⁸ В ее

¹¹⁷⁶ Таблица составлена на основании: Пузыревский П. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества со времени его основания, 7 января 1817 года, по день его 50-ти летнего юбилея, 7 января 1867 года. СПб., 1867; Перозио П.Н. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества по день двадцатипятилетнего юбилея президентства его императорского высочества князя Николая Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского, 7-го мая 1890 года. СПб., 1890.

¹¹⁷⁷ Подсчеты сделаны по: Перозио П.Н. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества по день двадцатипятилетнего юбилея президентства его императорского высочества князя Николая Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского, 7-го мая 1890 года. СПб., 1890.

¹¹⁷⁸ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг... С. 29.

краткой биографии Ф.Ю. Левинсон-Лессинг писал, что окончив курсы Е.В. Соломко «...продолжала заниматься геологией и палеонтологией под руководством проф[ессора] Иностранцева и прив[ат]-доц[ента] П.Н. Венюкова».¹¹⁷⁹ Что «...благодаря участию и помощи проф[ессора] Иностранцева, Е. В. Соломко получила свободный доступ в С.-Петербургский университет и занималась в геологическом кабинете».¹¹⁸⁰ Далее Е.В. Соломко училась в ряде европейских университетов. В 1887 году она получила степень доктора в Цюрихском университете. Опубликовала четыре научных работы: исследования по петрографии и палеонтологии.¹¹⁸¹ Об одной из них Ф.Ю. Левинсон-Лессинг писал следующим образом: «Большая работа о юрских и меловых кораллах Крыма была ею сделана у проф. Циттеля. Это обстоятельная монографическая обработка кораллов, заключающая в себе интересные данные...».¹¹⁸² По сведениям Ф.Ю. Левинсон-Лессинга Е.В. Соломко (в замужестве Соломко-Сотириадис; 1887) состояла также членом С.-Петербургского общества естествоиспытателей.¹¹⁸³ Официально никогда нигде не служила и после замужества постепенно отошла от научной работы. Умерла в 1898 году в возрасте 36 лет.

Мария Кузьминична Цветаева (1852–?)¹¹⁸⁴ получила образование на Лубяньских

¹¹⁷⁹ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранный труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 401.

¹¹⁸⁰ Там же. С. 401.

¹¹⁸¹ См. например: Solomko-Sotiriadis E. Stromatopora des devonischen System Russlands // Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. 1887. Bd. 23. P. 1–48; Она же. Die Jura-und Kreidekorallen def Krim // Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. 1888. Bd. 24. P. 67–231.

¹¹⁸² Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранный труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 402.

¹¹⁸³ Там же.

¹¹⁸⁴ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг в цитируемой выше работе о женщинах-геологах указывает дату рождения М.К. Цветаевой «1854 год» (Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-

высших женских курсах в Москве. Находясь в стесненных материальных обстоятельствах преподавала в сначала в Четвертой, а затем в Первой московских женских гимназиях,¹¹⁸⁵ в свободное время занималась геологией и палеонтологией под руководством своего преподавателя Сергея Николаевича Никитина (1851–1909), служившего старшим геологом в Геологическом комитете. Как она писала в автобиографии: «Совершила ряд поездок с геологической целью по губ[ерниям] Московской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Симбирской, Самарской и Саратовской. Собранный и частью обработанный материал с этих поездок находится в собрании Геологического Комитета».¹¹⁸⁶ С 1885 года она принимала участие в составлении рефератов для издававшейся под редакцией С.Н. Никитина «Русской геологической библиотеке».¹¹⁸⁷ Комментируя недавно вышедшую монографию В.А. Варсанюфьевой об А.П. Павлове,¹¹⁸⁸ В.И. Вернадский сделал подробную запись в своем дневнике, прокомментировав книгу В.А. Варсанюфьевой постранично. О М.К. Цветаевой, о которой В.А. Варсанюфьева отзывалась с большим уважением,¹¹⁸⁹ он писал, что она принимала участие в

Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 404); ту же дату указывает в биографическом очерке Д.В. Наливкин (Наливкин Д.В. Мария Кузьминична Цветаева // Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979 С. 40). Однако в автобиографической анкете, заполненной М.К. Цветаевой для включения в книгу П.А. Богданова «Материалы для истории зоологической деятельности в России с 1850 г...», она указала датой своего рождения 1852 год (Цветаева М.К. Автобиография // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25).

¹¹⁸⁵ Цветаева М.К. Автобиография // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

¹¹⁸⁶ Там же.

¹¹⁸⁷ Русская геологическая библиотека, издаваемая Геологическим комитетом. Вып. 1–[17]. СПб., 1886–1930.

¹¹⁸⁸ Варсанюфьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: МОИП, 1941. 346 с.

¹¹⁸⁹ Например, она пишет: «М.К. Цветаева была ученицей и сотрудницей С.Н. Никитина. [...] сделавшись сама учительницей, стала отдавать все свои досуги геологии. Летом М.К.

составлении геологической карты Поволжья: «На лето 1885 А.П. [Павлов] получил приглашение взять на себя листы [геологической карты] Поволжья № 91 и 110. Туда отправились С.Н. Никитин, Цветаева и А.П. [Павлов]. Когда я был молодым, в 1889 и 1890 [гг.] – я застал, что эта работа разрослась и в конце концов А.П. [Павлов] с ней не справился и ее не кончил. Это очень его волновало. Так она и не была закончена, думаю».¹¹⁹⁰ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, скорее всего знавший М.К. Цветаеву лично, писал о ее работе: «...у нее остается очень мало времени для научных занятий; по ее собственному признанию, она занимается палеонтологией только на святках. Зато каждое лето за последние 10–15 лет М.К. Цветаева посвящает отдыху от педагогики, а именно геологическим экскурсиям». И продолжал: «С целью изучения геологического строения центральной России она исходила пешком почти весь бассейн Волги. Результатом этих экскурсий явились наблюдения, часть которых поступила в качестве сырого материала в распоряжение геолога С.Н. Никитина, отмечавшего это в надлежащих местах своих работ; большая же часть этих наблюдений еще не опубликована вследствие недостатка свободного времени для окончательной их обработки».¹¹⁹¹ Д.В. Наливкин, представитель более молодого поколения российских геологов, однако помнивший с детства некоторые споры отца и его коллег-геологов писал об этом несколько иначе: «Работала она с ним [С.Н. Никитиным. – О.В.] долго, около 20 лет. Все эти годы собранные ею геологические материалы С.Н. Никитин включал в собственные труды. Поэтому геологические печатные работы у нее

экскурсовала, то вместе с С.Н. Никитиным, то одна по его поручению, деятельно помогая ему в сборе палеонтологического материала. [...] М.К. была человеком скромным, искренним, бескорыстно преданным своим друзьям и своей педагогической и научной работе». (Варсановьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии / 2-е изд. испр. и доп. М.: МОИП, 1947. С. 74–75).

¹¹⁹⁰ Вернадский В.И. Дневниковая запись от 24 октября 1942 года // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. С. 146.

¹¹⁹¹ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Указ. соч. С. 404.

отсутствуют, а есть только палеонтологические».¹¹⁹² В.И. Вернадский не был бы согласен с этим высказыванием, если бы мог прочитать работу Д.В. Наливкина. В цитируемой выше дневниковой записи, посвященной М.К. Цветаевой он отмечал: «О Марии Кузьминичне Цветаевой очень трогательны выдержки из письма С.Н. Никитина к А.П. [Павлову] – рисует ее как очень хорошего человека. Я помню ее среди ближайших друзей А.П. [Павлова]».¹¹⁹³ И добавлял со свойственной ему бесцеремонностью: «Говорили о ней как конкурентке М.В. [Павловой] Мне кажется, она была очень некрасивой».¹¹⁹⁴ М.К. Цветаева собрала, обработала и изучила значительную с научной точки зрения коллекцию каменноугольных наутилоидей. Результаты этой работы были опубликованы.¹¹⁹⁵ Ф.Ю. Левинсон-Лессинг писал о них как о «самостоятельных», «обстоятельных и очень интересных»;¹¹⁹⁶ Д.В. Наливкин отмечал, что они «...содержат обширный новый материал, ранее никем не описанный, и представляют существенный вклад в русскую палеонтологию».¹¹⁹⁷ И добавлял, что «Пользуются ими и в настоящее время»,¹¹⁹⁸ то есть в 1979 году. В 1897 году М.К. Цветаева участвовала в работе VII Международного геологического конгресса в С.-Петербурге и была избрана в состав его Организационного комитета.¹¹⁹⁹ В 1900 г. она присутствовала на заседаниях VIII Международного геологического конгресса в Париже. В.А. Варсанюфьева писала об этом: «На восьмом конгрессе числилось 62

¹¹⁹² Наливкин Д.В. Указ. соч. С. 40.

¹¹⁹³ Вернадский В.И. Дневниковая запись от 24 октября 1942 года... С. 146.

¹¹⁹⁴ Там же. С. 146.

¹¹⁹⁵ Цветаева М.К. Головоногие верхнего яруса среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1888. Т. 5. №. 3. 70 с.; Она же. Наутилиды и аммоны нижнего отдела среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1898. Т. 8. № 4. 70 с.

¹¹⁹⁶ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Указ. соч. С. 404.

¹¹⁹⁷ Наливкин Д.В. Указ. соч. С. 40.

¹¹⁹⁸ Там же. С. 40.

¹¹⁹⁹ Там же. С. 40–41.

русских члена и присутствовало 36. Среди них надо отметить А.П. Карписнского, А.П. [Павлова] и М.В. [Павлову], Ф.Н. Чернышева, И.В. Мушкетова, Ю.М. Шокальского, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, В.И. Вернадского, В.А. Обручева, Н.Н. Яковлева, П.П. Пятницкого, М.К. Цветаеву и многих других».¹²⁰⁰ Помимо Императорского Минералогического общества М.К. Цветаева была состояла членом Общества испытателей природы и С.-Петербургского общества любителей естествознания. Дата ее смерти в настоящее время остается неизвестной.

Таким образом, Минералогическое общество не спешило приглашать женщин в число своих членов. Приглашенные же в середине 80-х годов, зарекомендовали себя состоятельными исследователями, либо получив официальное научное образование и ученую степень, либо занимаясь много лет полевыми исследованиями, либо публикуя научные труды. Однако из двух женщин, состоявших членами общества с середины 80-х годов XIX века, ни одна не состояла на официальной службе, имевшей отношение к их научным исследованиям. Е.В. Соломко занималась научными исследованиями до замужества; М.К. Цветаева – в свободное от преподавания в средней школе время.

Русское энтомологическое общество, принадлежащее к поколению научных обществ, возникавших в России на волне интереса к естественным наукам конца 50-х – 60-х годов XIX века, гораздо более молодое, чем Минералогическое общество, но старше Русского химического общества, было основано в 1859 году. Первых в своей истории женщин оно также приняло только в самом конце 80-х – начале 90-х годов (Таблица 15):¹²⁰¹

Таблица 15. Женщины-члены Русского энтомологического общества (80-е – 90-е гг. XIX

¹²⁰⁰ Варсанюфьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии / 2-е изд. испр. и доп. М.: МОИП, 1947. С. 145.

¹²⁰¹ Таблица составлена на основании: Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1890 года // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1892. Т. XXVI. С. XXIII–XXVIII; Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1892 года // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1893. Т. XXVII. С. XXXIV–XXXIX.

века)

№	Ф. и. о.	Место жительства	Статус в обществе	Дата вступления
1.	Дохтурова Анастасия Александровна	С.-Петербург	действительный член	1887
2.	Вагнер Екатерина Николаевна	С.-Петербург	действительный член	1892

Всего к 1 декабря 1891 года в обществе состояло 196 человек, из них одна женщина. В течение 1892 года в состав общества было принято 15 человек, из которых одна снова была женщиной. Таким образом, к 1 декабря 1892 года в составе Энтомологического общества было 211 человек, из них – 2 женщины.¹²⁰² Об А.А. Дохтуровой и ее научной деятельности в настоящее время не удалось обнаружить никаких сведений. Екатерина Николаевна Дзвонкевич была дочерью известного революционера-народника, осужденного на «вечную каторгу», Н.Н. Дзвонкевича. В 1889 году она окончила физико-математическое отделение С.-Петербургских Высших женских курсов (VIII выпуск).¹²⁰³ После окончания курсов некоторое время занималась на Севастопольской биологической станции под руководством С.М. Переяславцевой, и по результатам этих занятий «опубликовала [...] работу по эмбриологии ракообразных».¹²⁰⁴ М.А. Кожевникова коротко рассказала об этой работе в своих воспоминаниях о С.М. Переяславцевой. Она писала, что во время заведывания Севастопольской биологической станцией С.М. Переяславцева помимо других исследований выполнила и опубликовала две работы по истории развития Amphipoda. «Последние две работы, – писала М.А. Кожевникова, – составляли только часть обширного задуманного ею исследования по истории развития

¹²⁰² Подсчеты сделаны по: см. предыдущую сноску.

¹²⁰³ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг... С. 84.

¹²⁰⁴ Фаусек В. Зоология // С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 128.

Amphipoda, которое она предполагала осуществить при содействии молодых женских сил; как части этого труда были напечатаны еще три статьи – 2 мои и 3-я г[оспо]жи Вагнер. На этом все и кончилось, по независящим от Софьи Михайловны обстоятельствам».¹²⁰⁵ Наверно во время обучения на курсах у профессора Н.П. Вагнера, преподававшего зоологию, Е.Н. Дзвонкевич познакомилась с его сыном Юлием Николаевичем Вагнером, также зоологом и вышла за него замуж. Сохранилась информация о том, что она сопровождала мужа на съездах русских естествоиспытателей и врачей, однако информации о ее собственной научной деятельности в настоящее время нет. Составители «Памятной книжки» ВЖК отметили в 1903 году, что она «Занимается научно-литературной работой».¹²⁰⁶ Однако списка своих публикаций для этого издания Е.Н. Вагнер не прислала.¹²⁰⁷

Среди женщин, выступавших с сообщениями на заседаниях Русского энтомологического общества в указанный период и публиковавших свои работы в его изданиях, была еще одна, чье имя, однако, не вошло в состав списка членов общества – О.Г. Полетаева. Обнаружить какие-либо биографические сведения о ней пока не удалось за исключением того, что она принимала участие (в роли зарегистрированного члена) в работе VI и VIII Съездов русских естествоиспытателей и врачей в 1879 г. и 1889/1890 гг. в С.-Петербурге, посетив заседания секций энтомологии и физиологии.¹²⁰⁸ Тем не менее «Указатель

¹²⁰⁵ Кожевникова М.А. Софья Михайловна Переяславцева // Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905. С. 385.

¹²⁰⁶ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг... С. 84.

¹²⁰⁷ Там же. С. 235.

¹²⁰⁸ Список членов VI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 22; Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге 28 декабря – 7 января 1890 г. СПб., 1889. С. 117.

сообщений, сделанных на общих собраниях Русского энтомологического общества за 35 лет его существования (1859–1894)» содержит информацию, о том что О.Г. Полетаева была единственной женщиной, выступавшей на заседаниях Русского энтомологического общества в указанный период времени. Она выступила с четырьмя докладами, содержание трех из которых было изложено в протоколах общества (Таблица 16):¹²⁰⁹

Таблица 16. Список докладов, сделанных О.Г. Полетаевой на заседаниях Русского энтомологического общества

Название доклада О.Г. Полетаевой на заседании Р.Э.О.	Год выступления (публикации)	Том «Трудов Р.Э.О.»	№ страницы
«О дыхательных органах личинок различных стрекоз. Neuroptera»	1879	–	–
«О сердце насекомых»	1879	XII	64
«О причинах распрямления крыльев у насекомых при переходе их в совершенное состояние»	1881	XIII	44
«Дополнение к списку <i>Odonata</i> С.-Петербургской губ[ернии] Neuroptera»	1884	XIX	5

Указатель статей, опубликованных в двух изданиях Русского энтомологического общества с 1850 по 1886 год, содержит информацию о четырех статьях О.Г. Полетаевой (Таблица 17):¹²¹⁰

Таблица 17. Список публикаций О.Г. Полетаевой в периодических научных изданиях Русского энтомологического общества

Название публикации О.Г. Полетаевой (Polétajeff, Olga)	«Horae S.E.R.» ¹²¹¹	«Труды Р.Э.О.» ¹²¹²
---	-----------------------------------	-----------------------------------

¹²⁰⁹ Таблица составлена на основании данных, представленных в: Указатель сообщений, сделанных на общих собраниях Русского энтомологического общества за 35 лет его существования (1859–1894) / Сост. В.В. Мазаракый. СПб., 1899. 58 с.

¹²¹⁰ Таблица составлена на основании: Список статей, помещенных в изданиях Русского энтомологического общества за 25 лет его существования. 1859–1884. СПб., 1886. 16 с.

¹²¹¹ «Horae S.E.R.» – «Horae societatis entomologicae rossicae».

¹²¹² «Труды Р.Э.О.» – «Труды Русского энтомологического общества».

«Quelques mots sur les organes r�spiratoires des larves des Odonates»	XV	
«Заметка о причинах расправки крыльев насекомого при переходе его в совершенное состояние. (Notice sur le d�veloppement des ailes chez les insectes)»		XIII
«Петербургские Одонаты (Les Odonates de St. P�tersbourg)»		XI
«Несколько слов об органах дыхания личинок стрекоз (Quelques mots sur les organes r�spiratoires chez les nymphes des Libellules)»		XI

Таким образом, О.Г. Полетаева, не являясь официальным членом общества, тем не менее, в период с конца 70-х годов и до середины 80-х годов XIX века она регулярно выступала на заседаниях общества и также регулярно публиковала свои работы в его периодических изданиях.

Несколько другой была политика в отношении принятия в члены общества женщин молодого (по сравнению со всеми исследованными нами ранее) Русского астрономического общества, основанного в 1891 году. В первый год существования РАО в его составе насчитывалось 132 члена, из них 4 – женщины (3% от общего количества членов общества), в том числе (Таблица 18):¹²¹³

Таблица 18. Женщины-члены Русского астрономического общества в год его основания (1891 г.)

№	Ф. и. о.	Место жительства	Дата вступления в общество	Статус в обществе
1.	Фон-Глазенап Татьяна Захаровна	С.-Петербург	–	действительный член
2.	Фон-Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	–	действительный член
3.	Исакова Елисавета Эммануиловна	С.-Петербург	–	действительный член
4.	Корвин-Петровская	–	–	действительный член

Через десять лет, к 1901 году Русское астрономическое общество насчитывало 297 человек, из них – 21 женщину, что составляло 7% от общего количества членов

¹²¹³ Таблица составлена на основании: Состав Русского астрономического общества // Известия Русского астрономического общества. 1892. Вып. 1. С. 181–188.

общества.¹²¹⁴ Фактически новая женщина избиралась в состав РАО каждые год в течение 90-х годов XIX века (кроме 1892 и 1895 годов), в большинство лет – две-три женщины в год, как это видно из нижеследующей таблицы (Таблица 19):¹²¹⁵

Таблица 19. Избрание женщин в члены Русского астрономического общества в 90-е гг. XIX века

№	Ф. и. о.	Место жительства	Дата вступления в общество	Статус в обществе
1.	Фон-Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	13 февраля 1891 г.	действительный член
2.	Фон-Глазенап Татьяна Захарьевна	С.-Петербург	13 февраля 1891 г.	действительный член
3.	Оболенская Мария Николаевна, княгиня	С.-Петербург	13 марта 1891 г.	действительный член
4.	Бобринская Надежда Александровна, графиня	С.-Петербург	18 марта 1893	действительный член
5.	Горбунова Александра Евстафьевна	С.-Петербург	13 января 1894 г.	действительный член
6.	Максимова Евгения Александровна	Пулково	17 марта 1894 г.	действительный член
7.	Фрейберг Алина Ивановна	село Александровское	17 ноября 1894 г.	действительный член
8.	Маиевская Елена Андреевна	С.-Петербург	7 апреля 1894 г.	член-соревнователь
9.	Жилова Мария Васильевна	Пулково	14 декабря 1895 г.	действительный член
10.	Теплякова Валентина Петровна	С.-Петербург	18 января 1896 г.	действительный член
11.	Глазенап Александра Александровна	С.-Петербург	18 апреля 1896 г.	член-соревнователь
12.	Масловская Анна Николаевна	С.-Петербург	7 мая 1896 г.	действительный член
13.	Стахевич Вера Степановна	С.-Петербург	13 марта 1897 г.	действительный член
14.	Брауншвейг Софья	С.-Петербург	24 апреля 1897 г.	действительный

¹²¹⁴ Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1–3. СПб., 1901. С. 105–128.

¹²¹⁵ Таблица составлена на основании: Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. ... С. 105–128.

	Родионовна			член
15.	Ламанская Александра Карловна	С.-Петербург	18 декабря 1897 г.	действительный член
16.	Домбровская София Михайловна	С.-Петербург	24 сентября 1898 г.	действительный член
17.	Полумордвинова Ольга Васильевна	С.-Петербург	18 марта 1899 г.	действительный член
18.	Субботина Нина Михайловна	С.-Петербург	13 мая 1899 г.	действительный член
19.	Барклай-де Толли-Веймарн Екатерина Федоровна, княгиня	Рим	25 ноября 1899 г.	действительный член
20.	Тихомирова Варвара Николаевна	С.-Петербург	30 марта 1900 г.	действительный член
21.	Лоран Евфросиния Калинишна	С.-Петербург	22 марта 1901 г.	действительный член

Социальный состав этих женщин был очень разным. От титулованных дам (княгини М.Н. Оболенская и Е.Ф. Барклай-де Толли-Веймарн, графиня Н.А. Бобринская), до потомственной дворянки Н.М. Субботиной (дочери инженера М.Г. Субботина, возглавлявшего дирекцию правления Сормовских заводов), до родившейся в порте Аяне (фактории русско-американской торговой компании) А.И. Фрейберг, прослужившей 29 лет в правлении Невской пригородной конно-железной дороги за грошовую плату. Среди них также две первых женщины – сотрудницы Пулково: Е.А. Максимова и М.В. Жилова. Все они, за одним исключением, жительницы С.-Петербурга или его окрестностей. Эта разница в социальном происхождении, уровне материального благосостояния, а также в уровне образования – очень любопытный факт: в одном времени и в одном месте встретились и смешались представительницы различных социальных слоев, выходцы из которых преобладали среди российских женщин-исследовательниц в разные периоды XIX века: от представительниц аристократических семей, занимавшихся науками в начале – первой половине XIX века, дочерей генералитета, университетских профессоров, академиков – в 60-е – 70-е, даже 80-е годы XIX века и до появления в 90-е годы (ближе к их второй половине) выходцев из семей

преподавателей средних учебных заведений, иногда купеческих семей, семей мелких служащих, священников. Наглядная демонстрация расширения круга женщин, получавших образование достаточное для того, чтобы заинтересоваться научной деятельностью.

В последующие годы однако женский состав Русского астрономического общества значительно пополнился за счет выпускниц С.-Петербургских высших женских курсов. Из их числа в общество были приняты И.Н. Леман (1903 г.), Л.И. Терентьева (1905 г.), Е.С. Мартьянова (1906 г.), Н.В. Войткевич (1913 г.), В.А. Россовская (1913 г.), Е.С. Рубинштейн (1913 г.), М.Н. Абрамова (1914 г.), Н.М. Штауде (1914 г.), Л.С. Ангелицкая (1915 г.), О.А. Иванова (1915 г.), А.Н. Струйская (1915 г.) и это неполный список.¹²¹⁶

На примере Русского астрономического общества мы видим начало преодоления стагнации, характерной для сотрудничества женщин-ученых с российскими научными обществами в 90-е годы XIX века. Однако в 900-годы ситуация с вовлечением женщин в профессиональную интеллектуальную деятельность в целом и в научные исследования в частности начинает меняться и ее следует рассматривать отдельно. Подводя же итог изучению сотрудничества российских женщин с национальными научно-исследовательскими обществами в 60-е–90-е годы XIX века, следует отметить, что общества сыграли большую, возможно, решающую роль в признании женщин-исследовательниц равными и полноправными членами научного сообщества. Несмотря на то, что сотрудничество это было различным для различных областей знания и различных регионов страны, несмотря на то, что оно имело более интенсивные периоды и менее интенсивные, а также на то, что ни общества, ни их члены по отдельности не имели возможности изменить юридическое положение женщин и, следовательно, предоставить им возможности

¹²¹⁶ Данная информация взята из: Костина Л.Д. Женщины-астрономы Русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общество при АН СССР, 1987. С. 77.

равной профессиональной карьеры в России, именно научные общества предоставляли женщинам равные возможности для полноценной «научной» жизни в указанный период времени. Это были возможности участвовать в научных мероприятиях, получать доступ к информации о новейших научных достижениях, участвовать в коллективных научно-исследовательских, научно-организационных, научно-издательских проектах, в географических экспедициях. А также возможность представлять результаты своих исследований на рассмотрение коллег, публиковать результаты своих научных работ в профессиональных научных изданиях.